

Виктор СУВОРОВ

Марк СОЛОНИН и другие

СТАЛИН, БЕЙ ПЕРВЫМ!

**УПРЕДИТЬ
ГИТЛЕРА!**

**САМЫЕ
ЗАПРЕТНЫЕ
КНИГИ
О ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

Виктор СУВОРОВ
Марк СОЛОНИН
и другие

УПРЕДИТЬ ГИТЛЕРА!

*Сталин
Бей первым!*

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2012

Оформление серии *П. Волкова*

Суворов В.

С89 Упредить Гитлера! Сталин, бей первым! / Виктор Суворов, Марк Солонин, Владимир Бешанов и др. — М. : Яуза-пресс, 2012. — 480 с. — (Самые запретные книги о Второй Мировой).

ISBN 978-5-9955-0384-2

Как сторонники, так и враги всегда считали Виктора Суворова «знаменем» антисталинизма, а его сенсационное открытие, что летом 1941 года Сталин готовился первым нанести удар по Германии, - главным обвинением против кремлевского диктатора и его агрессивной политики. Однако сам Суворов никогда не утверждал, что намерение напасть на Гитлера как-то компрометирует СССР и что этого следует стыдиться. Вот заключить союз с нацистами и вместе с ними делить Европу - да, постыдно. А открыто выступить против них - что в этом плохого? *«Точка зрения моих так называемых «оппонентов» оскорбительна и для всего нашего народа, и для нашей истории, - говорит Виктор Суворов в этой книге. - Их точка зрения аморальна. Получается, что Советский Союз вел войну с фашизмом вынужденно, что мы освободители Европы поневоле, антифашисты поневоле. Если бы Гитлер не напал, то мы бы так и оставались друзьями Гитлера, так бы и тили шампанское с ним, так бы и крушили вместе Европу... Моя концепция даже формально гораздо патристичнее. Ведь очевидно благороднее намереваться порвать с Гитлером, чем в союзе с ним завоевывать остальной мир. Последний вариант гораздо более компрометирующий...»*

Подтверждая правоту Виктора Суворова, эта книга предоставляет неопровержимые доказательства подготовки Сталина к нападению на Германию, которые уже невозможно ни подвергнуть сомнению, ни опровергнуть, ни замолчать!

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-9955-0384-2

©Хмельницкий Д.С., авт.-сост., 2012

© ООО «Яуза-пресс», 2012

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

*С Виктором Суворовым
беседует Д. Хмельницкий*

— «Ледокол» — самая известная книга Виктора Суворова. Она обеспечила ему всемирную славу, но и вызвала больше всего протестов. «Ледокол» расколол на два лагеря не только российскую, но и мировую историческую науку, полностью перевернул привычные представления миллионов людей о советской истории и о предыстории Второй мировой войны. Когда у вас возникли первые замыслы книги «Ледокол»?

— Я думаю, каждому автору трудно определить первый момент, когда возникла та или иная идея. Сначала возникло понимание. А потом уже желание изложить все это где-то и как-то. У меня было несколько таких как бы озарений.

Идет лекция в Киевском училище им. Фрунзе. И в процессе изложения лектором исторического материала выясняется, что при изучении разгрома Красной Армии 22 июня 1941 года нам следует сосредоточить свое внимание на том, какая у нас на начальном этапе войны была отсталая техника, как мы были глупы, какой был глупый Сталин и так далее.

А вот о том, что в сентябре 1941 года был жуткий разгром Красной Армии под Киевом — вот об этом говорить уже нельзя, это уже антисоветчина. Окружение под Харьковом в мае 1942 года — об этом ни в каких наших учебниках не рассказывалось, нигде не отражалось, это было закрыто, а любые упоминания об этом — антисоветчина, и если что — разбиралось в КГБ. Вот тут у меня было одно из первых озарений, хотя, может быть, и не первое.

Вот что удивительно и странно — почему есть только одна такая дата, одно такое событие, единственное в нашей истории, при изучении которого мы сосредотачиваемся на нехорошем. Ведь все у нас лучшее: и урожай, и спортсмены, и наука, и образование, преступность неукоснительно сокращается, идет к нулю.

Вот уже потом был Чернобыль. Первая реакция на него — ничего не случилось, что-то было, но немного. В конце апреля грянуло, а в Киеве — первомайская демонстрация. Специально следовало показать всему миру, что ничто нам не страшно, ничего тут не случилось. Статистика самоубийств была засекречена. Все негативное — под ковер!

Но есть одна только дата — 22 июня 1941 года, — когда весь негатив вдруг выставляется на обозрение всего мира! Мы, мол, должны на этом заострить наше внимание, изучить подробнее, какие мы были глупые, и все такое.

Например: 73% наших танков требовали ремонта на 22 июня. Это же скандал на весь мир! Сколько танков вообще — никогда и нигде не говорилось, только проценты. От неизвестного числа. Если бы мы об этом не сказали, никто бы и не знал о неремонтированных танках. Но мы почему-то сказали.

Или другие наши «истории» — шеститомник или двенадцатитомник истории Великой Отечественной войны. Раздел о начале Второй мировой войны — какой был Гитлер нехороший, что и где он захватил... И тут же следующий раздел — мирный труд советских людей, в который вписаны наши «освободительные походы». Последние же никак не связывались со Второй мировой войной!

И вот я готовлюсь к семинарам и изучаю даты. Все даты из разных разделов, казалось бы, никак между собой не связанные, выписываю на один листок для облегчения запоминания. И получается: 1 сентября Гитлер напал на Польшу. А у нас 17 сентября начался «освободительный поход» в ту же Польшу. Выписываю, легко запомнить...

Или — наш «освободительный поход» в Финляндию. Завершился в марте 1940 года, а в апреле Гитлер вошел в Данию, Норвегию. В мае—июне 1940 года Гитлер напада-

ет на Францию, Бельгию, Голландию и прочее. А у нас в июне — «освободительный поход» в Румынию. А в июле «добровольно» вступают в Советский Союз Литва, Латвия, Эстония.

Когда вместе это соберешь, становится как-то не по себе. «Освободительный поход» — это ведь то же самое, только просто другое название. А делали мы в то же время то же самое!

— Материалы о подготовке нападения вы уже тогда, в курсантские времена, коллекционировали?

— Да, но как коллекцию нашей глупости. Вот создаем мы воздушно-десантные войска, никогда в войне не использованные. Вернее, использовали пару раз и всегда неудачно. Под Москвой зимой 1941/42 года высадили воздушный десант. Куда к чертям десант — в снег, в мороз... Днепровский десант 1943 года — неудачен. Десант действует только тогда, когда у нас господство в воздухе. Надо десант довести до места, посадить, обеспечить ему воздушную поддержку, а потом сбрасывать им все — и картошку, и пельмени, и боеприпасы, и кровь, и медикаменты. А для этого необходимо наше абсолютное господство в воздухе. Так вот, какие мы глупые, готовили воздушно-десантные войска, которые никогда не применялись.

Читаю мемуары маршала Баграмяна. В 1940 году мы вдруг начали перестраивать в Карпатах наши стрелковые дивизии на горнострелковые. Тогда это было в Киевском военном округе. И маршал пишет, мол, что «я ловлю себя на мысли, зачем же мы формировали эти горнострелковые дивизии, нам же на равнинах воевать». А горнострелковые дивизии мы облегчали, то есть убирали у них все тяжелое вооружение. Давали им веревки, ботинки с шипами и т.д. И дивизии оказались не способными к начавшейся потом войне. Еще одна, казалось бы, глупость.

А потом идет лекция вот такая. Когда мы готовимся к наступлению, мы аэродромы подтягиваем к границе. Вот пример: Жуков в 1939 году готовился к удару по 6-й японской армии и подтягивал как можно ближе к восточной

государственной границе Монголии аэродромы, чтобы самолеты, как только мы будем наступать, летали на полный радиус, склады боеприпасов, снабжение, госпитальную базу и прочее — все как можно ближе. Мы же должны уходить вперед. Значит, все это следует подтягивать к переднему краю.

Далее, в следующей лекции (через некоторое время) говорится, что Гитлер перед нападением на нас подтягивал к границе аэродромы, склады, штабы, узлы связи и прочее.

Далее. Советский Союз, дескать, не готовился к войне. А аэродромы вынес к самой границе, и склады, и прочее. Все это немцы разбомбили. Ужасно мы глупые...

Те же самые примеры... Проходит определенное время, и мне рассказывают о самой блистательной операции Красной Армии. Август 1945 года, Маньчжурская наступательная операция. И все ошибки 1941 года для данного случая мне описывают как образец правильного действия: нужно вынести аэродромы к самой границе, командные пункты, штабы, склады и прочее. Что офицеров отправляли в отпуск, чтобы противник ни о чем не догадывался, пограничники сено косили у самой границы, песни звучали, кино крутили. А потом — р-р-раз, и ударили по врагу. Вот так нужно действовать!

Получается, что те же «ошибки» 1941 года здесь накладываются на блистательную операцию 1945 года! И все те же ошибки буквально повторены!

В 1941 году на многих наших аэродромах был двойной комплект самолетов. Летчиков, допустим, 60, а самолетов — 120. Мол, если враг нападет, 60 летчиков на 60 самолетах улетят, а с остальными что делать? Ну, глупость же полнейшая! Вот такое мне говорят, а проходит полгода, и мне же рассказывают о том, что в 1945 году у нас было сделано очень хитро. Чтобы противник не догадался о том, что мы готовим по нему удар, мы не проводим перебазирование авиационной техники, а постепенно заменяем старые самолеты в уже сосредоточенных частях на новые, перевооружение — и все. А старые самолеты тут

же и остаются. Противник получает от своей разведки успокаивающие сведения: как был истребительный полк, так он там и стоит, как был бомбардировочный полк, так он и стоит, и командир полка тот же...

Как только мы нанесли удар, полк поднялся и пошел вперед и перебазировался на новые аэродромы впереди, в это время из глубины страны перебазировался новый полк, где одни офицеры-летчики и технари. Как только приземлились, так сразу получился новый полк на оставленной заранее технике. Его не надо формировать, он давно был сформирован, но находился в пяти тысячах километров от места событий, теперь личный состав посадили в несколько транспортных самолетов и перебросили на все готовенькое.

Точно такая ситуация возникла, когда я служил в Прикарпатском военном округе и получил в свое время взводик свой. В каждом полку нашей 66-й гвардейской дивизии был второй комплект вооружения. Я — командир первого взвода. Офицеров не хватало, и вторыми-третьими взводами командовали сержанты.

— Срочники?..

— Да, да, срочники. Это был период советско-китайского конфликта, война за остров Даманский и пр. В ротах часто из офицеров были командир и командир первого взвода. И все.

Я должен был замещать командира роты во всех случаях: отпуск, вызов в штаб, пьянка или иные какие-то важные отлучки.

А по развертыванию я — командир роты в дивизии второго формирования.

Объясняю.

Вот объявляют тревогу, дивизия поднимается и куда-то уходит. А в дивизии, как я уже сказал, два комплекта оружия. Танки — у нас Т-55 и Т-54 были, а хранился старый комплект — Т-34. Самоходки у нас были Су-122-54. Это было мощное оружие, никогда я их нигде не встречал, ни на каких картинках. А старый комплект — Су-100.

Старые стояли, а новые использовались. Кстати, фильм «На войне как на войне» снимался в нашей дивизии, военными консультантами были командир и начальник штаба дивизии. Новые автоматы получаем, АКМ, — старые автоматы, АК, сдаем на склад. Получила дивизия новые противотанковые пушки — «Рапиры», старые пушки сдаем на склад, в хранилище. Их потом либо продают нашим «братьям по классу» — вьетнамцам, например, либо куда-нибудь еще, сдают в какие-то государственные арсеналы. Но всегда второй, предыдущий, бывший до замены на новый, боекомплект в дивизии был.

Итак, дивизия ушла по боевой тревоге. Остаются в городке наш 145-й гвардейский полк — заместитель командира полка, заместитель начальника штаба, заместители командиров батальонов, офицеры, замещающие командиров, и от каждой роты и батареи — командир первого взвода. То же самое и в другом полку, и в дивизии в целом. И остался полный комплект вооружения.

Что же это такое? Это — скелет полка второго формирования.

Чем это хорошо? Не надо формировать новую дивизию. Все командиры есть, все мы — не резервисты, мы все друг друга знаем. Мы получаем солдат — толстых резервистов, они садятся на то старое оружие, которое у нас имеется, — и вторая дивизия готова.

Все это — хорошая система. Но вот в чем недостаток. Мы были у самой границы, в Черновцах. Если дивизия ушла, а в военных городках остались одни замы без личного состава (пока!) и на нас нападут, то это второе формирование сразу же погибает. Пока толстых резервистов наберем (день-два на это же потребуется!), нас всех и застукают. Когда в 1968 году я посмотрел на эту систему, я вдруг вспомнил вот эту нашу так называемую «глупость» о том, что на каждом нашем аэродроме в 1941 году было два комплекта самолетов. Эта система работала только в наступательной войне, когда первый состав уходил вперед, а на пустом аэродроме оставался комплект старых самолетов. Получаем летчиков и имеем второй полк.

— Эта система была раскручена в 1941-м?

— Та же система, какой я ее видел в 1968 году. И тогда я вспомнил то, о чем говорил выше. Все это нужно только на случай подготовки к нападению! Эта система работает только в наступательной войне. Так что не глупостью было все то, о чем говорили про 1941 год, а подготовкой к нападению! Если развернуть все сразу и полностью, то можно напугать противника.

В книге «День М» описана мной такая ситуация. В 1968 году, перед тем как войти в Чехословакию (день «М»), вдруг всех солдат, с которыми я служил в Закарпатье, переобули в кожаные сапоги. Сразу — всех! Обычно же они ходили в кирзовых! Это был сигнал. Все стало ясно: подготовка к нападению.

Солдаты на территории ГДР, в Польше ходили в яловых сапогах, в столичных гарнизонах — в Москве, Киеве — тоже ходили в яловых сапогах, а остальная солдатская масса — в кирзовых. Стоим мы у границы, завшивели, хочется в баньку, все гадают: пойдем — не пойдем... И вдруг — всех переобувают в яловые сапоги! Все ясно, мы пойдем.

Мы не знали, что случилось, мировая ли война или еще что-то такое, но ясно: пойдем.

И один старикашка, с которым мы как-то выпивали, сказал: все точно так, как в 1941 году. И тогда солдат тоже передевали в яловые сапоги. Ни черта себе! Это был сигнал!

И про эти сапоги у меня накоплено много материала. Просто так новую обувь солдату не дают.

Читал нам лекции в академии — это уже позже — генерал-лейтенант Моше Мильштейн, старый разведчик, волк, был нелегалом, работал в Главном управлении стратегической маскировки.

Кстати, когда я уже убежал, приезжал этот генерал на Запад. Как раз тогда разворачивались крылатые ракеты, в том числе и в Англии, были протесты и все такое. Мощная была тогда кампания борьбы за мир. И вот он на американском наречии, очень чистом, выступал за мир, против

крылатых ракет. Представьте, приезжает советский генерал и говорит, что это просто с этической точки зрения нехорошо! Вы подставляете Британию под ядерные удары и все такое... И вся пресса здесь восхищалась: какие же в Советском Союзе бывают генералы, какие они культурные, какие они образованные, как свободно они владеют английским языком и не просто так, а с американским акцентом...

Как-то я выступал, и мне задали вопрос про этого генерала. Я спросил, найдут ли они у себя генерал-лейтенанта, свободно говорящего на русском языке, готового поехать в Советский Союз и в Москве агитировать там за разоружение. С каких это пор генералы стали выступать за разоружение? Пусть он в своей стране агитирует, зачем он к врагам приехал с агитацией? Кстати, Мильштейн — автор книги «Почетная служба» с грифом «Сов. секретно». Мы ее в академии изучали.

— Он не из ребят Судоплатова?

— Нет, нет, Мильштейн был из ГРУ. Так вот, читает он нам лекцию и говорит о глупости Сталина после Второй мировой войны. Как раз это было в период ухудшения отношений с Китаем. У Китая прорезались зубки, и он нас начал потихонечку-полегонечку кусать. И Мильштейн говорит: «Какая глупость была допущена! Маньчжурия была независимым государством, Тибет был независимым государством, Внутреннюю Монголию можно было бы сделать независимым государством. Когда в 1945 году Сталин вышиб японцев из Китая, надо было сохранять независимую Маньчжурию, независимый Тибет, настроить еще каких-то буферных государств, мы бы сейчас жили припеваючи, не имея общей границы с Китаем». И все говорят: ой, мол, правда какая!

А меня черти за язык дернули, я тут и говорю: «Товарищ генерал, это все здорово, а вот в 1939 году мы не имели общей границы с Германией, а взяли и установили ее». То есть напомнил ситуацию, когда мы преднамеренно установили общую границу с Гитлером. Он похлопал

челюстью и ничего не нашел для ответа. Я его в тупик поставил. Тут и звонок. Вторую лекцию он читал, не вспоминая о моем вопросе. И я сам язык прикусил. Последствий, правда, никаких не было.

Я потом думал, что и вправду, если бы так поступили с Китаем, было бы хорошо. Но мы поступили иначе, думали, что Китай у нас в кармане... А в 1939 году, не сделай мы общую границу с Германией, сохранили бы мы Польшу, ну, хоть урезанную, не было бы общей границы с Гитлером, не было бы и внезапного нападения.

Вот и было несколько таких озарений, пока не пришло понимание.

— Я много раз слышал упрек в адрес Суворова, что, мол, он не пользуется архивами. На каком материале писался «Ледокол»?

— Преднамеренно не пользовался архивами, совершенно преднамеренно. «Ледокол» написан на открытых источниках, на материале, опубликованном в общедоступной печати.

Я хотел сказать: леди и джентльмены, вот оно все лежит на поверхности! И зачем вам архивы — все, повторяю, и так открыто! Вот Маркс сказал, вот Ленин сказал, вот Троцкий сказал. Вот Сталин сказал, а вот его действия. А вот действия Красной Армии.

Давайте допустим, что все мемуары, написанные с 1945 года, которыми нас пичкали все время, что все это — вранье! Но тогда я снова победитель! Давайте признаем, что Жуков врал. Я же кого цитирую: Жукова, Василевского, в принципе всех маршалов, которые были у нас, в СССР, и оставили любые письменные материалы... Маршал Тимошенко не оставил мемуаров, но есть его речи, есть стенограммы его выступлений, которые я тоже цитирую. И даже маршала Советского Союза Брежнева Леонида Ильича, уж на что полководец... — тоже. Если они врут, приходится тогда открыто признать, что все это вранье, что всю эту макулатуру надо сжечь!

Тогда я рассуждал: если все это вранье, тогда расскажите мне, что же было на самом деле. Так вот, ценность моих источников в том и заключается, что преступники сами говорят о своих преступлениях. Это их слова. Это не я выдумал.

А когда мы говорим об архивах, то я той же дубиной бью по их научным головам. Хорошо, говорю, ребята, тогда представьте мне план обороны Советского Союза. У вас доступ ко всем архивам. Показывайте мне, где его можно увидеть. Выступил генерал-полковник Горьков с серией разгромных статей «Конец глобальной лжи» и привел текст плана прикрытия государственной границы на время развертывания. То есть пока идет развертывание Красной Армии, она постепенно приходит на поддержку пограничникам в пограничной полосе. «Товарищ генерал, — говорю я, — это все, чем исчерпывались наши стратегические замыслы — все стратегические планы государства, — выслать батальоны и удерживать границы вместе с пограничниками, пока развернется Красная Армия? А когда она развернется, что будет?»

Они молчат. Так вот, когда меня упрекают, что я не пользуюсь архивами, я отвечаю им тем же. Сейчас я пишу новую книгу «Последняя республика, часть вторая» и показываю, что ни Жуков, ни другие наши выдающиеся полководцы знаниями о Красной Армии не отличались. Они допущены ко всем архивам, но их знания, мягко говоря, ничтожны.

— Доступ-то к архивам у казенных военных историков был, и я думаю, что и сейчас есть. Но ведь практически ничто из архивов не используется. То есть их документальная база абсолютно не отличается от вашей!

— Да. Это во-первых. И, во-вторых, в свое время я вычислил документ от 11 марта 1941 года. Генерал армии Гарева, бывший зам. начальника Генштаба по научной работе, а ныне президент Академии военных наук, говорит, что к определенной части архива доступ будет открыт еще не скоро. Это через 60 лет после войны! После этого тот же

самый генерал меня упрекает, почему же я не пользуюсь архивами. С одной стороны — закрыто, с другой стороны — почему не ссылаешься. Я говорю ему, что этот документ я вычислил и могу его показать.

Я обращался к журналистам российским, давал им фонд, опись дела и листы — перечень документов. Просил найти конкретные документы в архивах. Они приходили в архивы и просили показать им эти документы. Нет, отвечают, такой документ мы выдать не можем. Ибо все документы о Второй мировой войне рассекречены, но есть гриф «Особая папка», документов с таким грифом секретности более 200 тысяч единиц хранения. К ним никого не пускают. А рассекреченные документы имеют иной, ранее не известный гриф: «выдаче не подлежит». Оно рассекречено, но не выдается. Архив Генштаба закрыт полностью. Архив ГРУ закрыт. Открылся только для израильского исследователя Городецкого, который, кстати, по-русски по слогам читает, а российских туда не пускают. Кстати, от того, что у него такие хорошие отношения с нашим высшим военным и политическим руководством, правительство Израиля в свое время решило назначить его послом в Россию.

— Как — послом?

— Ну да. Но выступил израильский исследователь Зе-ев Бар-Селла и так разгромил этого Городецкого в израильских газетах, что того послом так и не назначили.

— Кстати, об архивах. В очень серьезной книге Михаила Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» эта ситуация реально подтверждается. Там есть глава о советском предвоенном планировании. В ней из 75 ссылок только 7 на архивы, причем не на архив Генштаба. А это самое капитальное исследование предвоенной советской истории.

— У Жукова находим количество самолетов в Красной Армии на 21 июня 1941 года, и там он ссылается на 12-томник истории Второй мировой войны, том 4. А там

отсылают в Институт военной истории. Посылаю туда гонца, отвечают, что 13 апреля 1990 года по распоряжению начальника Института военной истории генерал-полковника Волкогонова все эти документы уничтожены. Семь тонн! После этого Волкогонова назначили советником Президента Российской Федерации по военным делам. Иначе говоря, чуя, как в песне поется, смертный час, они уничтожали документы. И вот за это геростратское дело доктор исторических и военных и еще иных наук был назначен советником президента!

— Вы упоминали, что использовали около 400 мемуарных книжек.

— Наверное, больше. Мой отец был великим любителем этой мемуарной литературы. И очень интересовался, что же произошло 22 июня 1941 года.

— Ему самому удалось это выяснить?

— Нет. Он собирал эти книги и удивлялся нашей глупости. Но знал он очень много. Когда я приезжал на каникулы домой из суворовского училища, где мы каждый год сдавали экзамены, в отличие от обычных школ, для меня начинался настоящий экзамен.

Начиналось подчас даже со случайных чисел. Например, цифра 5. Пятый мехкорпус. Кто им командовал? Алексеенко. Он у Жукова командовал правым флангом на Халхин-Голе. Ага, понятно. А где этот корпус был? В Забайкалье. А в составе какой армии? Шестнадцатой. Словом, я это все должен был знать! А кто командующий армией? Лукин Михаил Федорович. А что с ним стало? Он попал в плен, отрезали ногу. Где это его угораздило? На Соловьевской переправе, на Днепре. Так, задав один вопрос, он меня, не задавая других вопросов, мог экзаменовывать с пяти вечера и до пяти утра. Развивая один и тот же вопрос. А мне было 13—14 лет. И все эти армии, дивизии я должен был знать.

Допустим, начинаем: Конев Иван Степанович. Ага. Командовал Северо-Кавказским военным округом. Вступил

в войну в какой должности — командующий 19-й армией. Где базировалась 19-я армия? В Черкассах, второй стратегический эшелон.

По всем мемуарам я мог пройти. В Москве у меня была большая военная библиотека. Уже после того, как я убежал, после «Ледокола», начальник ГРУ, выступая в «Комсомольской правде», писал, что у меня большая военная библиотека. Через много лет об этом вспомнил начальник ГРУ! Это ли не похвала?

Когда я убежал, мне пришлось собирать эти книги заново. Но где их в то время в Великобритании взять, книги военные? В Англии достать эти книги почти невозможно. Поэтому я делал очень много фотокопий. На микропленках имею копии газет «Красная звезда» и «Правда» за 1939—1941 годы. Компьютеров тогда не было, а были микропленки. Прочитал я все эти газеты и после этого хожу в очках, зрение сорвал. В целом книга была готова в 1981 году, но работа над «Ледоколом» продолжалась. Все время его совершенствовал. В 1985 году я решил поставить точку.

В 1985 году было 40-летие Победы. И я решил «Ледокол» опубликовать как придется, хоть кусками. Первая публикация (главами) была в «Русской мысли» в мае 1985 года. Но никто не реагировал. Было множество антисоветских издательств, но никто эту книгу у меня не взял. На русском языке за границей эта книга никогда не была опубликована. В 1989 году она вышла в Германии по-немецки. А в то же время я очень хотел выпустить ее на русском языке.

На Брайтоне, в Нью-Йорке, книгу собрались издавать, но вмешались какие-то темные силы. Это было издательство «Либерти», Левков. Что-то затягивается, затягивается. Они перерабатывали текст, решали что-то между собой. Мне ничего не говорили. Я звоню туда. Говорят, что, мол, все нормально, работаем. Осталось немного, через три дня завершим работу над текстом. Я спрашиваю: «Чего?» Они говорят, что уже почти все сделано. Я говорю: «Эй, пришлите-ка текст мне обратно!» Присылают они

мне текст — это было что-то запредельное... Если бы это вышло на русском языке, это был бы конец... У меня, видите ли, стиль не такой. Они решили переписать книгу, чтобы стиль был хороший. Всю мою терминологию переделали. Я пишу «генеральское звание» — они пишут «генеральский чин». А «чины» у нас отменены в 1917 году. Чепуха какая-то.

— **Что это, глупость просто?**

— Я до сих пор не понимаю, что это такое. Вместо моих слов «Верховный главнокомандующий» они написали «главнокомандующий». Главнокомандующих у нас было хоть пруд пруди, а Верховный был один. Я пишу: 123-й истребительный авиационный полк. Но им-то лучше знать. Они считали, что в авиации полков не бывает. И без моего разрешения правила: 123-я эскадрилья. И не считали нужным меня ставить в известность о проделанной работе. В школе бывает 10-й «А» класс, 10-й «Б», но если сказать, что был еще и 123-й «Щ», то народ этому не поверит. В полку может быть три эскадрильи, иногда четыре, пять. Бывают большие номера для эскадрилий, но тогда в названии присутствует очень важное слово — «отдельная». Это был сплошной анекдот. Я потребовал опубликовать мой текст. Они ответили: если с чем не согласен — исправляй. Но если я все исправлю, то получится мой первоначальный текст. Зачем мне переписывать мою книгу, если у вас есть чистая копия моей рукописи. Ее надо опубликовать. Если редактор с чем-то не согласен, если в чем-то сомневается, пусть спросит, вместе согласуем. Но так они работать были не согласны.

— **Кто этим занимался?**

— Какая-то тетя, звали ее Ася, добросовестно за два месяца переписала всю книгу, уверяя, что мой стиль никуда не годится. Она своими словами все изложила. Пишу «генерал-майор» или «генерал-полковник», а они все это сократили до «генерала». У меня пишется, что «был генерал-майором, стал генерал-полковником», а у них

получается «был генералом — стал генералом». Пишу: «На Курской дуге в 1943 году создали такую оборону, что плотность минирования достигала 17 тысяч мин на километр. Имеются в виду погонные километры. Она переправила это на «квадратные километры». И прочее. Далее, я писал, что Сталин почистил армию, но в критический момент никто ему бомбу под стол не сунул, как сунули Гитлеру. В тексте на полях ими написано: «Ха-ха, что это такое? Это — фашистская пропаганда! Что, сами гитлеровцы могли подбросить Гитлеру под стол бомбу?» Они не могли себе представить, что бомбу Гитлеру могли подсунуть гитлеровцы же!

Я-то думал, что придет туда книга, им нужно запятые проверить и прочее. Если «корова» через «е» написано, то исправить. Опечатки же есть, тогда все на машинках печаталось! А они переписали книгу! Тогда я и говорю: «Стоп, ребята, давайте текст обратно!» Слава богу, не вышло тогда. По-английски «Ледокол» вышел в 1990 году в Великобритании. Но кто-то скупил тираж, а книгу истребили. Сейчас продают экземпляры книги по цене 999,99 доллара. Спрашиваю, почему такая странная цена. Отвечают: единственный экземпляр, сильно потрепанный.

— А кто скупил тираж? Кто истребил книгу?

— Я не знаю. Кто-то, кому понадобилось, чтобы книги не было. Возможно, КГБ. Кто скупил, тот и истребил.

— И дальше? По-русски книга уже вышла в 1992 году?

— Да, в 1992-м. История была вот такая. Перестройка в разгаре, все пошло вразнос. И журнал «Нева» обратился ко мне с просьбой дать что-нибудь для публикации. Я дал им «Аквариум». Напечатали. «Аквариум» идет на ура... Пошли письма от читателей. Давай, мол, давай! Студенты из МГУ писали, что они на следующий год все подписались на «Неву» в ожидании новых публикаций. «Нева» снова обращается ко мне: «Есть ли у тебя что-то еще?» Говорю: есть. И посылаю «Ледокол». Говорю: «Вы его, конечно, не опубликуете». — «Давай!» — говорят.

Посылаю. Наступает пауза. Звоню, чтобы узнать, в каком номере и так далее все это будет. Отвечают: понимаешь, нужна же какая-нибудь дата, чтобы к ней приурочить публикацию. Я говорю, что все понимаю: вот даты у них нету! Наступает дата. Звоню: ну как? Говорят: понимаешь, мужик, в чем дело, ведь не можем же мы обидеть наших ветеранов в такую дату!

И тянется это снова. Тянется до тех пор, пока не появляется на горизонте Сергей Леонидович Дубов. Один из первых российских магнатов, олигархов. Он купил издательство «Новое время» и журнал, на Пушкинской площади громадное здание купил, приехал ко мне и говорит: «Давай». Первый пробный тираж — 320 тысяч. Странная цифра: не 300, не 350... Объяснение тут вот какое. Он решил публиковать на оберточной бумаге без картинок, без карт. Я говорю: давай по-человечески. Что это за книга военная — без карт? Нельзя, понимаешь? Думал он, думал и решил: 300 тысяч он даст на оберточной бумаге и в мягкой обложке.

— Она у меня есть. Вот лежит.

— Какой тираж?

— 320 тысяч.

— Вот-вот. Он хотел таких 300 тысяч, а 20 тысяч — в твердой обложке, с картинками, картами и так далее. Был он тогда в Лондоне. Уехал он к себе и выпустил все 320 тысяч на оберточной бумаге. Вот какое объяснение тиража 320 тысяч. Второе издание он шарахнул на миллионный тираж. Сказал: тебе слава, а мне деньги. А 1 февраля 1994 года его убили. Перед его домом.

— А какова была реакция на «Ледокол»?

— Самая интересная реакция была в «Огоньке», в рубрике «Книга недели». Вот, дескать, появилась книга такая-то, «Ледокол». Но она опоздала. Кто же не знает, что СССР собирался напасть на Германию! Мы это все знали и так. Опоздал ты, Суворов! Так что вопрос закрыт. Нам и так все ясно.

Когда меня фашистом или кем угодно еще обзывают, это я понимаю. Но то, что книга опоздала, — это меня развеселило.

— А как реагировали историки?

— Они сразу принялись за меня: «Где архивы?» И тогда я обратился к маршалу Куликову Виктору Георгиевичу с таким примерно предложением. Я считаю, что вы, товарищ маршал Советского Союза, довели мою страну до полного разорения и распада под лозунгом: «Лишь бы не было войны». Так вот, вы зря это делали, потому что война была развязана Советским Союзом, не такие мы невинные. Поэтому ваш аргумент, что мы должны вооружаться, как бы на нас еще кто-нибудь не напал, — этот аргумент — фальшивый. Так что, конным или пешим, выходите грудь на грудь к ракитовому кусту. Выходите на открытый разговор, будем биться под телекамерами. Маршал увернулся.

Были попытки с Волкогоновым и прочими. Со всем высшим командным составом персонально. Персонально посылались им письма, и получал персональные «ответы» — молчание! Выступая по телевидению, по радио — на Би-би-си, на «Немецкой волне», я постоянно повторял, что я готов к открытой дискуссии. Пожалуйста, разоблачите меня. У меня нет архивов, у вас есть. Встретимся перед телекамерой, пусть народ скажет, кто из нас дурак. Но по сию пору никого под телекамеры мне вытащить не удалось.

— Книжек и статей против Суворова выходило и выходит множество. Как можно суммировать главные претензии? То, что Суворов — фальсификатор и все врёт, — это понятно. А еще?

— Главная претензия: «нехороший человек». И расписывается, какой я плохой, жена у меня плохая, и дочь плохая, и сын у меня плохой.

Недавно один дядя, полковник ГБ, объявил, что, когда я убежал, мой дед от позора повесился. А мой дед Василий Андреевич был махновцем, всю жизнь скрывал это,

советскую власть ненавидел очень и очень люто. Если бы он дожид до того момента, когда я убежал, он от радости напился бы... Он все время упрекал меня за то, что не той власти я служу.

Так вот, самое главное — это не разоблачение моих книг, а разоблачение меня. Но еще древние римляне знали, что как только в споре в сенате кто-то переходит на личности и утверждает, что оппонент дурак, то ему сразу засчитывают поражение. И считается, что все его аргументы исчерпаны. И вот, когда там пишут всякие гадости про меня, какой я нехороший, что я соврашаю детей и животных и чего еще там делаю, — я прихожу домой и говорю: «Татьяночка, открывай шампанское!» Это всегда свидетельство моей победы, свидетельство того, что крыть им нечем.

— Основная масса критики была именно такая?

— Да. А потом пришли придирки совершенно не по существу, но иногда удивительные.

Например, я пишу, что Жуков в своих мемуарах пишет, что вот на Халхин-Голе наши танки горели, как свечи, потому что у нас не дизельные двигатели, а карбюраторные. Ага! И весь мир повторяет: вот, мол, какие русские дураки: у них были карбюраторные двигатели. Я пишу в своей книге «Последняя республика», что Советский Союз был единственной страной, которая создала быстроходный танковый дизель мощностью 500 л. Он стоял на Т-34 и самоходках СУ-85, СУ-100 и СУ-122. Тот же двигатель в форсированном варианте использовался и на тяжелых танках и самоходках КВ-1, КВ-2, ИС-1, ИС-2, ИСУ-122 и пр. Кроме того, тот же самый дизель использовался на нашем тяжелом артиллерийском тягаче. Ни у кого в мире ничего подобного не было. Как тут на меня бросились! А вот в Японии у них был танк с дизельным двигателем. Прежде всего, сколько было танков в японской армии? Их было за всю войну произведено меньше, чем во время войны произведено в Советском Союзе танков за один месяц! Второе. В каких сражениях японские танки отличились? Где? Было ли что-то подобное на Кур-

ской дуге или чему такому? Никто таких сражений никогда не видел. Третье. Был у них танк с дизельным двигателем — автомобильный, не быстроходный, не танковый, мощностью 90 л.с. — а у нас 500! Быстроходный, V-образный, а у японцев — однорядный. Маломощный. А танки у них — клепаные уроды! А вооружение — пушка 37 мм, а на наших самых «устаревших» танках уже давно стояли пушки 45 мм! А потом и 76, далее 122, а на самоходках — даже 152 мм! Все японские танки можно просто вообще не учитывать, потому что они нигде не отличились.

Это такая мелочь, о которой я знаю и преднамеренно ею пренебрегаю. Она вообще никакого отношения к моим доказательствам не имеет.

Я говорю: возьмите ведро дизельного топлива и ведро с бензином, поднесите факел к бензину. Может полыхнуть. Вы еще не коснетесь факелом этого ведра, если жаркий день и бензин испаряется, он полыхнет. А теперь возьмите факел и суньте в ведро с дизельным топливом. Факел гаснет. Вот что такое дизель! Выступает один дядя, некий Грызун, зубоскалит: гы-гы-гы, так ведь не факелами же немцы воевали. А бронебойному снаряду один черт — что карбюраторный, что дизельный двигатель. Вот я сейчас пишу ему ответ: мил-человек, отчего же ты раньше молчал, когда Жуков на весь мир оплевывал наши танки, что они пожароопасные, что у них карбюраторные двигатели, а нужны дизельные. Почему же тогда молчал? Надо было объяснить товарищу Жукову, что снаряду один черт, какой танк бить. Чего же ты молчал? А дело не в снаряде. Дело в том, что если двигатель бензиновый, то любая искра, вышибленная бронебойным снарядом, может вызвать пожар. Тем более если используется высокооктановый (авиационный) бензин. А в дизельном этого не будет!

— Ну, это всякие шутники. А как у людей, выглядевших серьезнее — Гареев, Горьков, — какие у них основные претензии?

— Серьезных просто не было. Я с ними просто не берусь спорить. Несерьезно все это.

— Например?

— Ну, например. Тот же Гареев рассказывает, зачем мы захватили Северную Буковину. Оттого, что там проходила стратегическая дорога с юга на север, европейская дорога, суженная по сравнению с нашей, и там было много подвижного состава — паровозов, вагонов. И нам для наступательной войны это было очень важно. Я его процитировал, и он от своих слов отказался. Вот такие примерно у нас с ним отношения.

Горьков же выставляет документы, показывающие, что у нас был план прикрытия границы. Не обороны, а прикрытия! И сразу говорит: «Конец глобальной лжи». То есть — моей. И приводит планы прикрытия! Я тогда говорю: если у нас был план оборонительной войны, тогда объясните, почему этот план не сработал? Потому что не было плана? И если так, то объясните, пожалуйста, чем полгода занимались Жуков и прочие в Генеральном штабе? Нет, мне даже не хочется спорить с ними, потому что ни разу, никогда они ничего умного не сказали.

— Я взял журнал «Посетители кабинета Сталина» и просто подсчитал, что с начала января 1941 года, когда Жуков стал начальником Генерального штаба, до 22 июня Жуков был в кабинете Сталина 33 раза. Ни малейшего намека на то, чем они там занимались, у Жукова в мемуарах нет.

— Жуков пишет, что Сталин изредка выслушивал начальника Генерального штаба и что у него «не было возможности поговорить со Сталиным». В то время как встречи его со Сталиным в сталинском кабинете продолжались и по полтора часа, и по шесть... «День М».

— Если в «Ледоколе» собраны материалы, доказывающие, что Советский Союз готовил Вторую мировую войну, то в «Дне М» собрана аргументация в пользу того, что нападение на Европу вообще и на Германию в частности должно было состояться именно в июле. Как можно сформулировать основную идею книги? Обычно в бес-

конечных дискуссиях ее содержание обсуждается отрывочно, по мелочам и кусочкам. И никогда в комплексе.

— Основная идея книги заключается в том, что решение начинать Вторую мировую войну было принято в Кремле 19 августа 1939 года. Это было не спонтанное, а обдуманное решение. То, что делало тогда кремлевское руководство, имело необратимый характер. Все решения, которые они приняли в августе 1939 года, автоматически ввели страну в войну, и сойти с этих рельсов было невозможно. Страна катилась к войне. Как нельзя сказать, что женщина немножко беременная, так нельзя и преуменьшать такое событие, как мобилизация. Мобилизация — это процесс, который рождает войну.

— Почему именно 19 августа? Насколько я помню, когда писался «День М», никто еще ничего не знал о речи 19 августа, текст был найден позднее.

— Это число было мной вычислено. Причем это вычисление особого труда не составляло. Нужно было просто сесть и подумать. Головой. Подумать вот о чем. До самого вечера 18 августа Гитлер считался врагом прогрессивного человечества, людоедом и злодеем. А с утра 19 августа Гитлер считался нормальным политическим деятелем, с которым можно подписать какие-то документы, с представителем которого можно выпить бокал шампанского. С ним можно было вести переговоры о чем-то.

— Почему именно с утра 19 августа? Откуда это известно?

— Известно это из того, что 19 августа Советский Союз отправил Гитлеру как бы приглашение к переговорам. В принципе все было организовано так, что якобы инициатива исходила от германской стороны. До этого рубежа вся наша пресса, радио, политические деятели — все дружно говорили о том, что Гитлер — нехороший человек. И вдруг все изменилось. Идет шифровка в Германию — присылайте Риббентропа. Риббентроп прилетает, они быстренько делят Европу пополам, и начинается через

неделю Вторая мировая война. Приглашение послано 19 августа, Риббентроп прилетает 21-го, пакт подписывается 23-го...

— Видимо, в этот день, 19 августа, произошло много, скажем так, мелких событий.

— Ну, не только мелких, но и крупных. До 19 августа Гитлеру никаких приглашений не посылали. Ну, были там какие-то контакты, был в Берлине наш представитель Астахов и другие, потом Шкварцев, который поехал в Берлин. Что-то там такое происходило, что-то тлело, но это был подспудный огонь. И вдруг приглашение Гитлеру — давай, присылай Риббентропа, будем делить Польшу, подпишем договор о дружбе и так далее.

Так вот, по моим расчетам выходило, что если до этого дня Гитлер — враг, а после этого дня Гитлер — свой человек, так, значит, именно в этот день Сталин должен был сменить свое ближайшее окружение и дать новую установку.

Как командир полка, который собирает командиров батальонов, рот, быть может, и взводных и говорит: «Братцы, мы вот вчера на картошке работали, а сегодня нас отправляют лес валить» или «отправляемся в лагерь». Что-то новое происходит. Раньше было так, а теперь будем делать иначе. Сталин должен был в этот день объяснить ситуацию.

Я должен признаться, что предположение о том, что в этот день было заседание Политбюро и Сталин произносил речь, содержание которой я примерно вычислил, было с моей стороны проявлением нахальства. Потому никаких документов у меня не было. Но был расчет, была простая логика, рассуждение, которое потом полностью подтвердилось. Да, было такое совещание Политбюро, держал речь Сталин, и Сталин разъяснил своему ближайшему окружению, что мы сейчас будем делать.

— Имеется в виду запись речи Сталина, распространенная агентством ГАВАС?

— Да. Это номер один. А потом Татьяна Семеновна Бушуева нашла эту речь в изложении. Сейчас люди, которые

серьезно этим занимаются, собрали доказательства того, что речь настоящая. Но самое главное — если все, что написано в этой речи, агентством ГАВАС придумано, то надо снять шляпу перед ним и поклониться. Ибо они все, что потом случилось, предсказали. Можно до бесконечности спорить о том, была ли эта речь или не была. Но мы видим дела Сталина. А совпадения простые и удивительные.

Дело было вот в чем. Любые знания превращаются в науку только в том случае, если эти знания систематизированы. К примеру, сведены географические координаты в сетку на земном шаре — после этого они превратились в науку, географию. До этого мореплаватели плавали «на глазок».

И меня всегда удивляло отсутствие системы в изложении нашей истории. Сам я постоянно старался известные мне данные по мере сил своих и возможностей систематизировать. И когда эта систематизация удавалась, то она сопровождалась совсем небольшими открытиями.

Вот несколько примеров.

Сколько у нас было полевых армий? Никто этого никогда не говорил. Я завел карточки и стал туда записывать сведения, которые удавалось найти. Вот первая Краснознаменная армия на Дальнем Востоке, вот вторая, вот третья. Известно, когда они были созданы и кто ими командовал...

Далее, сколько у нас было военных округов? Начинаешь читать: вот Московский округ, вот Забайкальский округ... А сколько их? В то время нигде таких данных найти было невозможно. Но я собрал их: 16 военных округов и один фронт — Дальневосточный. Кто ими командовал? Написал. И тут вдруг выявляется — я делаю для себя небольшое открытие.

— Прошу прощения, один технический вопрос. Фронт — это понятие, связанное только с военными действиями? Когда организуются фронты?

— Фронт — это понятие, имеющее несколько значений. Первое — общее, например советско-германский фронт.

Второе: организационная единица — фронт во главе с командующим. Фронт — это группа армий. Она создается для войны. Так вот, с 1939 года существовал фронт на востоке — Дальневосточный фронт. А на всей остальной территории существовали военные округа. Иногда у нас все происходит наоборот. Самые мощные военные округа на западе имели гораздо больше сил, чем Дальневосточный фронт. Например, Западный особый военный округ имел раза в 3—4 больше танков, чем на Дальнем Востоке. Зачем это делалось? Чтобы показать всему миру, что, мол, у нас фронт только один — на Дальнем Востоке, командовал им генерал армии Апанасенко Иосиф Родионович. А на западе у нас все мирно. Хотя западные округа уже были превращены во фронты решением Политбюро от 21 июня 1941 года.

— До нападения немцев? Это очень сильный момент. А по правилам, военным нормам, в какой момент округ превращается во фронт? За сколько времени до начала боевых действий?

— Дело в том, что между военным округом и фронтом в принципе различие только в названиях. Ничего более там не меняется, отличий нет. Вот, к примеру, есть генерал армии Павлов, командующий Западным особым военным округом. Он же в какой-то момент превращается в командующего фронтом. И его штаб, начальник оперативного отдела, начальник разведки полковник Блохин — все там и остаются. У него по-прежнему в подчинении четыре армии: 10-я по центру, правее — 4-я, левее — 3-я и позади — 13-я. А название меняется в самый последний момент.

— По вашим расчетам, за две недели?

— Да, по моим расчетам — за две недели. Дело-то в том, что для окружающих эта смена названий совершенно не видна никак, даже для военнослужащих... Дивизия живет, идут учения, сверху спускаются приказы... От командира корпуса, от командующего армией... А там уже развернут фронт. Командные пункты фронтов были вынесены

вперед ранней весной 1941 года. Мы знаем, что во время войны округ будет превращен во фронт, и заранее для фронта строим командный пункт, строим подземный узел связи и так далее. А название сменить — это раз — и все.

Вернемся к систематизации. Я расписал, сколько у нас армий, выписал фамилии командующих... Стоп! Сразу — открытие! Вы можете это назвать как угодно, для меня это — открытие. Северо-Кавказский военный округ. Командующий генерал-лейтенант Конев Иван Степанович. 19-я армия. Командующий — генерал-лейтенант Конев Иван Степанович. Как, он и округом, и армией командует? Что-то тут не так. Смотрю далее. 20-я армия, Орловский военный округ, берем командующего армией и командующего округом. Тот же человек — генерал-лейтенант Ремезов Федор Никитич. 21-я армия — генерал-лейтенант Герасименко, и Приволжский военный округ — тоже генерал-лейтенант Герасименко. Однофамилец? Нет. Все тот же Василий Филиппович. Непонятно!

18, 19, 20, 21, 22, 24, 28-я армии — они все имеют командующих, являющихся одновременно командующими округами! Те же лица!

Теперь берем сообщение ТАСС, допустим, от 13 июня 1941 года. И все, что относится к 13 июня, собираем в отдельную папку.

– *А каково содержание этого сообщения ТАСС?*

– Содержание таково. Ходят слухи, что Германия собирается на нас напасть. Но это — чепуха. Германия на нас нападать не собирается.

Итак, номер один. Эффект удара по голове! Почему всегда и везде мы говорили, что враг вокруг, что враг не дремлет, а тут один только раз в истории, 13 июня 1941 года, мы объявили, что враг на нас нападать не хочет! На это все обычно говорят: «Какой глупый Сталин!»

Сейчас это сообщение есть в любом справочнике. А в то время его ну нигде не было! Все его цитировали, но текста не было. Я нахожу это сообщение, читаю.

И там написано вот что: ходят слухи, что Германия собирается напасть на Советский Союз. Все это чепуха, Гер-

мания выполняет свои обязательства так же хорошо, как и Советский Союз. А еще ходят слухи, что Советский Союз хочет на Германию напасть. Ну что вы! Никогда! А что касается переброски войск, так это мы ради учений.

Интересно, думаю. В самый урожай. Как раз когда надо собирать урожай, осенью, организуют учения. Какая-то чепуха.

Все обычно обращают внимание на первую часть. Но первая часть — это преамбула. В нашей стране всегда так делалось. Допустим, в конце 1938 года выходит Постановление ЦК о работе НКВД. Начинается все с ритуальных похвал. Что вот НКВД добилось больших успехов в борьбе с врагами народа. И рассказывается о том, каких успехов они добились. Далее следует страшное слово «однако...». И — понеслось. В результате товарищ Ежов слетел со своего поста, потом он был расстрелян, и вся ежовская братия была перестреляна. То есть преамбула о больших успехах — это просто вводная часть, которая никакого отношения к содержанию не имела.

То же самое и это сообщение ТАСС: «Ходят слухи, что Германия желает на нас напасть». Ага. А дальше что написано?

Эта вводная часть была нужна, чтобы плавно перейти к главному. Что, мол, ходят слухи, что Советский Союз желает напасть. Так вот, нет, ни в коем случае! Просто идет переброска войск.

13 июня прозвучало это сообщение ТАСС, 14 июня оно было опубликовано в газетах. Так вот, 14 июня — это день скорби прибалтийских государств, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии. В этот день чекисты тысячами выталкивали жителей из их квартир, из их домов и отправляли их туда, откуда эти люди никогда не вернулись. Шло очищение прифронтовой полосы, высылались так называемый «нежелательный элемент». С одной стороны, ходят слухи, что мы, мол, не желаем нападать, с другой стороны, действуем иначе: в ночь с 13 на 14 июня тысячи людей в теплушках отправляются в Казахстан, на Дальний Восток и так далее. Говорим одно, а делаем другое.

Дальше. Смотрю и вижу: 16-я армия из Забайкалья выдвигается в западные районы Советского Союза, 19-я армия — из Северо-Кавказского военного округа, 20-я — из Орловского и так далее.

Это значит, что генерал-лейтенант И.С. Конев из войск Северо-Кавказского военного округа сформировал 19-ю армию и тайно выдвигает ее в западные районы Советского Союза. 21-я армия выдвигается из Приволжского округа, 22-я — из Уральского, 24-я — из Сибирского... Все командующие внутренними военными округами бросили свои округа, забрали все свои штабы, все свои войска и тайно движутся на запад.

Вот сообщение ТАСС... Мы не желаем нападать на Германию. А вот — действия Советского Союза.

Еще о систематизации. Возвращаемся в 1939 год. 19 августа отправляет Сталин Гитлеру послание с приглашением в Москву Риббентропа. Риббентроп едет. В тот же день, 19 августа, товарищ Сталин принимает решение установить с Гитлером общую границу. И в тот же день, 19 августа, начинается титаническое, небывалое развертывание Красной Армии. Читаешь историю дивизии: сформирована по приказу от 19 августа 1939 года. И таких — множество. До этого, на 18 августа 1939 года, у нас было 96 стрелковых дивизий, а на 21 июня 1941 года — 198! Вдвое увеличили количество стрелковых дивизий. А каждая дивизия — это 14 800 человек. Было на 19 августа 1939 года танковых дивизий — 0, а стало на 21 июня 1941 года — 61 дивизия. Моторизованных дивизий было 2, стало — 1.

Гитлер напал на Польшу, имея 6 танковых дивизий. А тут звучит над страной, что мы нападать не собираемся...

Повторяю еще раз — систематизация, и только!

— Кстати, «День М» — это было официальное выражение?

— Да, да. Оно очень часто встречается. Например, у маршала Советского Союза Рокоссовского: «Мы знали,

что нам предстоит делать в «день М». Но когда вскрыли пакеты, там было написано много чего, но за исключением того, что нам предстоит делать, если на нас нападет враг».

— Итак, о мобилизации, начавшейся 19 августа.

— Говоря о мобилизации, мы должны вспомнить о Борисе Михайловиче Шапошникове. В Советском Союзе был только один человек, которого Сталин называл по имени и отчеству: Борис Михайлович. Это — Шапошников. Маршал Советского Союза. Правда, в момент подписания договора с Риббентропом он был еще не маршалом, а только командармом первого ранга. Когда Молотов и Риббентроп подписывали документы, он стоял рядом со Сталиным. Они оба стояли сзади и потирали руки. Борис Михайлович Шапошников еще в конце 20-х годов выдал мощную книгу под названием «Мозг армии». В этой книге он объяснил, что такое мобилизация. Мобилизация — это ситуация, когда мы страну и армию переводим с мирного положения на военное. Шапошников приводит пример. Стоит часовой, и у него пистолет в кобуре. Это мирное время. Вот он вытягивает руку, выхватил этот свой револьвер и взвел курок. Вот это мобилизация. Дальше идет война. Шапошников предупреждает, что мобилизация не может быть частичной, мобилизация — это война. Если ковбой схватился за пистолет и взвел курок, то обратного хода уже нет. Если мы решились начинать мобилизацию, то мы идем до конца. Если мы начинаем мобилизацию, начинает мобилизацию и противник. Мы можем и хотели бы остановиться, но противник этого не знает... Если мы выхватили пистолеты и взвели курки, то противник стремится выстрелить раньше. Он же не знает, что мы будем делать дальше. Поэтому его интерес состоит, чтобы скорее выстрелить.

Шапошников разработал очень мощную и очень умную систему. Он разъяснил, что львица, которая охотится на зебру, не может догнать зебру, ибо не так она устроена. Поэтому ее нападение делится на две части. Сначала она

тайно подкрадывается, а потом следует рывок. Страшный, мощный рывок. И мобилизацию он рекомендует делать так же. Сначала мы подкрадываемся, подкрадываемся, а потом совершаем рывок. Этот рывок — начало открытой мобилизации — не должен проходить до начала военных действий.

Шапошников пишет о глупости всех стран в Первой мировой войне. Объявлена война, и все начинают мобилизацию своих армий: Австро-Венгрия, Германия, Россия, Франция. Граница противника открыта, пустая, иди вперед! Но мобилизация еще не закончена. Когда все отмобилизовались, вышли к границе — уже поздно. Все армии отмобилизовались, подошли друг к другу — позиционный тупик. Шапошников предлагает провести тайную мобилизацию, отмобилизовать ударные эшелоны вторжения, и в момент, когда мы начинаем войну, эти эшелоны вторжения немедленно входят на территорию противника. Немедленно, не давая ему отмобилизоваться, занимая его территорию. А вот под прикрытием этих войск мы отмобилизовываем второй эшелон, третий и так далее.

«День М» — это конец тайной мобилизации и удар по противнику, под прикрытием которого можно, никого не стесняясь, проводить открытую мобилизацию в стране.

— Эта концепция агрессора, которая ни в коем случае не годится для обороны?

— Ни в коем случае! Причем тот, кто принял решение о мобилизации (это слова Шапошникова), тот принял решение о войне. Он не разделяет эти понятия. Мобилизация не может быть частичной, она может быть только всеобщей. Так же, как и беременность не может быть частичной. Мы начали мобилизацию, значит, мы приняли решение о войне. Увернуться от этого невозможно!

Так вот, 19 августа 1939 года, когда Сталин дал зеленый свет Гитлеру, был приглашен Риббентроп для переговоров, одновременно в этот же самый день началась тайная мобилизация Красной Армии. А «день М» — такой день, когда эта тайная мобилизация должна была превратиться

в дело. Когда тайно отмобилизованные войска ворвутся на территорию противника и будет объявлен «день М», тогда мы открыто будем делать то, к чему стремимся.

— **Тайная мобилизация началась формированием новых армий?**

— Дивизий, бригад, корпусов, армий. Допустим, в августе 1939 года у нас было 4 танковых корпуса. Они назывались сначала механизированными, потом с 1938 года — танковыми, потом — снова механизированными. Когда Гитлер напал на нас через два года, их было уже 29. В августе 1939 года у нас не было воздушно-десантных корпусов. Когда Гитлер напал, их было уже пять и еще пять — в стадии подготовки. Когда готовилось предложение Гитлеру о разделе Польши, в европейской части Советского Союза армий не было. В округах были корпуса, но не армии. Армий было только две — Первая Краснознаменная и Вторая Краснознаменная — на Дальнем Востоке. Когда Гитлер напал, армий было уже 28. 23 — на западных границах Советского Союза или в пути на запад. А на Дальнем Востоке — пять армий. Причем очень слабых...

— **Всеобщая мобилизация касалась не только армии?**

— Да, конечно. Мобилизация касалась и экономики. Прежде всего были созданы наркоматы боеприпасов и пр. Вся промышленность была переведена на режим военного времени...

— **Что это означало?**

— Ресурсы были мобилизованы. Осенью 1940 года были созданы так называемые «Трудовые резервы». Миллионы подростков принудительно посадили на казарменное положение, прикрепили к военным заводам и заставили вкалывать. Механизм закабаления был простым. Было объявлено, что жизненный уровень советского народа поднялся так высоко, что за обучение в вузах и в старших классах школ следует платить. Мотивировка

совершенно удивительная: «в связи с возросшим уровнем жизни» — давайте, платите. Но гражданам платить было нечем, поэтому из старших классов и из высших учебных заведений валом повалил народ. Остались там только те, которым было чем платить. А обо всех остальных наша родная власть проявила заботу — в «Трудовые резервы». Ты туда попадаешь по мобилизации, а побег из «Трудовых резервов» (а попадали туда в 13—14 лет) был возведен в ранг уголовного преступления. За побег давали полновесный срок и сажали в ГУЛАГ. А оттуда убежать было совсем не просто. «Обучение» в «ТР» — 2 года с сочетанием выполнения производственных норм. Тебя будут учить, а потом за эту учебу нужно было 4 года отработать на том заводе, к которому тебя приписали, без права выбора места работы и условий труда.

— Так это — принудительный труд!

— Не только подростки, но и взрослые были закрепощены. Был издан указ, запрещающий переход с места работы без перевода. Так, в Куйбышеве построили гигантские авиационные заводы. К примеру, в Москве брали целый цех и переводили в Куйбышев. Или в Комсомольск-на-Амуре. Отказаться люди не имели права. Крестьянство было закрепощено в начале, а рабочие — в конце 30-х годов.

— Интересное сопоставление. В начале 30-х годов, когда была дикая нехватка инженеров, а промышленность нужно было строить, в высшие учебные заведения заманивали! Через рабфаки и прочее, всех, кто хотел, готовили к поступлению в вузы по сокращенным курсам и т.д. А в 1939 году ситуация была противоположной: нужны были работяги, инженеров уже хватало.

— Даже не так. Те, кто был соответствующего возраста, тех просто «загребали», школьников старших классов — в «Трудовые резервы». А студентов просто отправили в армию и сделали курсантами военных училищ. Вот и моего

отца, поступившего в индустриальный институт, призвали в армию.

— **Его призвали в училище?**

— Нет, сначала он отслужил год солдатом. Остался еще год, он надеялся продолжать учебу. Но после этого ему сказали: пойдешь дальше учиться в училище. И желания не спрашивали.

— **Мобилизационным образом?**

— Именно мобилизационным образом. В воспоминаниях маршала Советского Союза Виктора Георгиевича Куликова тоже описана такая ситуация. В 1939 году он попал в пехотное училище. А выпустили его 19 июня 1941 года. Он успел получить звание лейтенанта. Мой отец не успел.

— **Выходит, что механизм мобилизации в экономике получается такой: внезапный призыв в армию всех возрастов, а вакуум в промышленности заполняется школьниками и студентами.**

— Только школьниками. Студентов — в военные училища.

— **В этом и состоял основной процесс перевода экономики на военные рельсы?**

— Именно. Выступает вдруг некая Паша Ангелина и призывает сто тысяч подруг сесть на трактор. Сто тысяч подруг! Подготовлено было двести тысяч трактористок для сельского хозяйства. Звала она сто тысяч, а мобилизовали двести тысяч. О мужчинах Красная Армия позаботилась, забрали под теплое крыло. А женщины заменили всех на заводах — заводы комплектовались женщинами! Тракторные бригады — женщинами. В колхозах женщины одни остались.

— **То есть тайная мобилизация предполагала мгновенный, в течение года-двух взрывной рост армии и во-**

енной промышленности. Перевод всей страны окончательно на принудительный труд.

— Да. Из всех моих книг я больше всего люблю «День М» не оттого, что она такая хорошая, а за то, что это был материал, который можно доказывать, как теорему в геометрии.

Обычно в армию призывали одну треть призывного контингента, остальные в армии не служили. И вот 19 августа 1939 года товарищ Сталин принимает решение о созыве 4-й внеочередной сессии Верховного Совета. Зачем-то ему понадобилась внеочередная сессия. 31 августа товарищ Ворошилов делает доклад о необходимости введения всеобщей воинской обязанности, а утром 1 сентября 1939 года, одновременно с нападением немцев на Польшу, эта сессия принимает закон о всеобщей воинской обязанности. И нам объясняют, что это было правильное и вполне логичное решение, закон был принят в условиях уже начавшейся Второй мировой войны. Но тот, кто давал приказ делегатам собраться в Москве и принять такой закон, думал об этом 19 августа! Гитлер 1 сентября не знал, что он начал Вторую мировую войну, а Сталин 19 августа распорядился: ну-ка, ребятки, собирайтесь в Москве, нужен закон о всеобщей воинской обязанности в условиях начавшейся Второй мировой войны. Здорово? 3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии войну, и Гитлер был оглушен этой новостью. Он не рассчитывал на такой поворот. Он во Вторую мировую войну вляпался по глупости. А вот товарищ Ворошилов 31 августа 1939 года уже докладывал народным представителям, что без всеобщей воинской обязанности нам никак не прожить. Пока Гитлер был врагом и людоедом, кое-как без всеобщей перебивались, а тут подписали с ним мир, а сами топоры точим.

Кстати, в тот же день, 1 сентября, вводится звание подполковника. У нас до этого был младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант. Это — «кубари». А далее были старшие офицеры: капитан, майор, полковник. Соответственно — одна, две и три «шпалы». Когда же 1 сен-

тября 1939 года ввели звание подполковника, то он стал носить три шпалы, а полковник уже с того времени стал носить четыре шпалы.

— Когда был принят армейский устав? В соответствии с какими уставами планировались боевые действия?

— Армия имеет много уставов: строевой, дисциплинарный, внутренней службы, караульный. На тактическом уровне подразделения и части ведут боевые действия, руководствуясь боевыми уставами: БУП — боевой устав пехоты, БУБА — боевой устав бомбардировочной авиации и т.д. А на оперативном и стратегическом уровне, то есть от дивизии и выше, действует единый для всех полевой устав. Уставы постоянно обновляются и совершенствуются. В 1939 году был введен в действие ПУ-39. Вот только одна фраза из него: «Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий». И далее все в том же духе. А мне говорят: «Так он же не подписан». То есть он не был утвержден. Правильно: на титульной странице значилось: «проект». Однако предыдущий ПУ-36 был отменен, а ПУ-39 был отпечатан и разослан в войска. По нему учили в военных академиях, проводили учения и маневры, планировали войну, по нему действовали войска. И никакого другого устава не было. Кстати, и предыдущий ПУ-36 был ничем не лучше. Просто не такой откровенный: а предписывал он все те же действия. Отсутствие утверждающей подписи объясняется просто. Шла совершенно жуткая грызня в наших верхах. Что-то принимается, но и оставляется лазейка для отхода. Допустим, была «Временная инструкция по ведению глубокого боя». «Временная» инструкция! То есть если тебя начнут обвинять из-за нее, что ты враг народа, то ты говоришь, что это не постоянная, а временная инструкция!

Но никакой другой нет, только временная. Или: «История ВКП(б). Краткий курс». Никакого другого курса нет и не предвиделось! Только краткий курс! Если даже какого-нибудь товарища, даже и товарища Сталина, нач-

нут упрекать, что вот ты то не отразил или это, есть отговорка — это же краткий курс!

Так что у нас был проект полевого устава. Других документов никаких нет и не будет. Есть проект, по которому действовала вся Красная Армия. Действующий проект — вот в чем дело. Все годы я пытаюсь достать это, но нигде, абсолютно нигде его нет! Уничтожен, замели следы...

Сталин уже 19 августа 1939 года знал, что он введет в стране всеобщую воинскую обязанность. Это позволило мгновенно увеличить армию до пяти с половиной миллионов человек (а сейчас говорят, что еще больше!). Срок службы все же был установлен 2 года. Чтобы людей не пугать.

Итак, Сталин требует созвать внеочередную сессию ВС и 1 сентября 1939 года принимает новый закон. Но не мог он не понимать, что через два года, 1 сентября 1941 года, всю эту массу людей предстоит отпустить по домам. Или... До 1 сентября 1941 года он должен вступить в войну.

— Но экономическая нагрузка на государство при такой армии настолько немыслима, что все теряет смысл, если войну не начинать.

— Это было полное разорение всего государства. Кормить армию было нечем, потому что поголовье скота было ниже, чем в 1916 году. А 1916 год — это уже зверский год, когда все мужики на фронте, бабы в хозяйстве в России. Это кризисный год Первой мировой войны. У нас в мирное время поголовье скота было ниже, чем в 1916 году. И прокормить себя страна не могла. То есть эта мобилизация означала или войну, или экономический коллапс государства. Одна только ситуация с транспортом чего стоила!

— Какие еще моменты указывают именно на начало июля как на предполагаемый срок нападения на Германию? Другие историки, которые вольно или невольно вас поддерживают, все более-менее согласны, что июль.

Споры о том, идет ли речь о 6 июля, как это предполагается в «Дне М», или о десятом, или о пятнадцатом...

— Вот какие. Сообщение ТАСС прозвучало, армии второго стратегического эшелона двинулись вперед. Вот передо мной цифры. Допустим, 19-я армия Ивана Степановича Конева, про которого мы только что говорили, имела 110 339 человек, 20-я армия — 113 093 человека, 21-я армия — 106 112 человек, 22-я — 83 162 человека, 24-я — 88 029 человек, 16-я армия имела 1443 танка. Вы только представьте себе — 1443 танка. Когда Гитлер напал на Польшу, у него было меньше 4000 танков. А тут только одна армия из Забайкалья, второй стратегический эшелон — 1443!

Они все движутся. И дата полного сосредоточения четко определена — 10 июля 1941 года. И мне говорят, вот же она, дата — 10 июля. Дата — когда должен был сосредоточиться второй эшелон! Следовательно, Красная Армия должна была вступить в войну после 10 июля. Казалось бы, так? Не так.

Потому как все наши учебники довоенные говорят о том, что ждать сосредоточения второго стратегического эшелона просто незачем. И это было подтверждено многократно. Допустим, начинает Советский Союз войну против Японии. Это такая же образцовая война, как и против Германии, только против Японии все удалось, а против Германии не удалось. Война с Японией для нас является тем образцом, по которому мы проверяем 1941 год!

Все «ошибки» 1941 года в 1945 году были повторены. Мы вынесли аэродромы к границе, командные пункты и прочее. И шло гигантское перемещение войск с запада на восток. 5-й армии, 53-й армии, 39-й армии... Так вот, считалось, что зачем же нам сосредотачивать весь второй эшелон, когда ему негде там сосредоточиться! А вот когда первый эшелон пойдет вперед, тогда на его места — в брошенные казармы, лагеря, какие-то места разгрузки, — вот туда приходит и разгружается второй эшелон. Не надо дожидаться его прихода. Поэтому мой вывод — не после 10 июля, а до 10 июля!

Про 6-е мы можем спорить... Кроме того, это воскресенье. Сталин любил в воскресенье нападать.

— В статье Михаила Мельтюхова сказано, что единственный аргумент Суворова, почему он считал 6 июля днем «М», была любовь Сталина к воскресным нападениям.

— Нет, это не так. Хотя правда, Сталин любил нападать в воскресенье, как и Гитлер, между прочим! Это номер один. Номер два, и что очень важно, — это было последнее воскресенье перед полным сосредоточением второго стратегического эшелона.

И многочисленные проговорки. Как то: генерал армии Иванов, заместитель начальника Генерального штаба, писал, что Гитлеру удалось нас упредить на две недели. Как это «упредить»? Уже одним этим он утверждает, что война была упредительная. Это говорит генерал армии, советский, официально!

Что значит — упредить? Если я готовлю оборону, как ты можешь меня упредить? Вот на Дальнем Востоке сидят в окопах, блиндажах. И вдруг японцы напали. Ну, как они нас могут упредить? Что это значит — «упредили на две недели»?

— В «Дне М» упоминаются допросы Власова, во время которых он подтвердил наступательные намерения Красной Армии. Где они цитировались?

— Протокол допроса Власова от 8 августа 1942 года хранится в городе Фрайбурге в центральном военном архиве ФРГ. Протоколы неоднократно публиковались, в частности, отрывки из него печатала «Красная звезда» 27 октября 1992 года. Там же, во Фрайбурге, хранятся и другие протоколы допросов советских генералов: Лукина, Понеделина, Трухина...

Когда речь идет об опоре на источники, тут нужно вот еще что заметить. Официальная военная история очень редко опирается на документы. Например, наша официальная наука говорит о том, что Сталин истребил сорок

тысяч полководцев, военачальников. Я спрашиваю: а откуда это взято? Товарищи дорогие, а есть ли у вас документы, подтверждающие эту цифру? Кто первым это сказал? Сам нашел документ, ткнул их носом в документ, а в документе написано, что было сорок тысяч уволенных. Из которых огромное количество было возвращено назад. Я гораздо чаще опираюсь на документы, чем мои противники.

Что касается критики в мой адрес... Ну, вот один образец критики. Я написал, что немцам перед нападением на СССР следовало бы заготовить шесть миллионов тулупов. Волкогонов по этому поводу дико смеялся: «Так ведь они же планировали захватить Советский Союз за три месяца!» Я говорю: «За три месяца захватить, так потом все равно зима будет! С партизанами воевать, оккупационную службу нести и так далее». То есть глупейшее замечание было совершенно.

Дело в том, что ни Гареев, ни Волкогонов, ни кто-либо другой из военачальников, из тех, кто носит большие звезды на погонах, никто никогда конкретно меня не критиковал. Когда Гареев пишет что-то про меня, он пишет мимо меня. Он никогда меня не уличает в чем-то, в каких-то неправильных вещах. Он разглагольствует, и все остальные тоже. Самый блестящий образец — Городецкий, «Миф «Ледокола». Наши сочинения лежат в разных плоскостях, они не пересекаются никак.

— Но в чем-то же Городецкий с «Ледоколом» не согласен?!

— Ни в чем! Заявка там такая: «Не буду же я спорить с Суворовым!» И рассказывает он, что вот прилетел Гесс в Британию, описал, чем его кормили, какой-то дипломат кому-то что-то сказал... Ко мне это вообще никакого отношения не имеет. Ни за, ни против... Это не пересекается со мной никак.

— А попыток каких-то серьезных возражений не было?

— Нет. Есть придирки по мелочам. Вот, например, очень «мощная придирка»: я говорю, что если двигатель танка находится в корме, а силовая передача впереди, то нужно от двигателя к силовой передаче перебросить карданный вал. А раз карданный вал у тебя через весь танк идет, то пол башни (ее вращающуюся часть) нужно поднимать над карданным валом. Все это ведет к увеличению высоты танка, а за каждый сантиметр высоты ты расплачиваешься броней. А броня — это вес, а лишний вес — это как для человека с мешком картошки на шестой этаж бегать. Выступает один дядя, страшно-страшно смеется и говорит: присутствие карданного вала не влияет на высоту танка, а влияет на высоту корпуса танка. Вот корпус танка становится выше. Ну, говорю, что в лоб, что по лбу! Ведь если корпус танка стал выше, а у тебя та же самая башня и та же самая подвеска, то и танк стал выше! Вот как меня уловили!

— Есть в Интернете один очень активный персонаж, к тому же коммунист, я с ним сталкивался. Написал пару статей, которые, по его заявлению, «опровергли Суворова». Основной его тезис был тот, что, не помню в какой книге, при подведении статистических данных о голосовании в пользу нацистов в 1932 году вроде бы цифры, приведенные вами, были не верны. Мне даже не хотелось вникать, верны ли они или нет. Но вывод из этого был такой: раз на этом поймали, значит, и все вранье..

— Да, да. Я с этими цифрами разобрался. Дело в том, что там было множество голосований, они шли одно за другим, и когда я эти цифры приводил — я же их не сам придумал, тоже откуда-то списал, из какого-то источника, — какой-то советский источник дал такие цифры, я их повторил. Оказалось, что есть другие цифры. Ну и что? Возьмите одни цифры или другие, а общая картина никак не меняется: коммунисты своим поведением обеспечили Гитлеру победу.

— Дело совершенно не в цифрах, дело в логике: человек на основе такого нелепого материала публично заявляет, что он Суворова опроверг. Тогда наш спор, кстати, закончился совершенно забавно. Я сказал: «Отлично. Если вы его опровергли, тогда, пожалуйста, на полстранички — основные тезисы «Ледокола» и какие из них опровергнуть». И все. Замолк.

А еще смешнее было, когда недавно я говорил с одним очень симпатичным немцем, очень квалифицированным историком, и спросил его, кто бы из немцев мог выступить, поучаствовать в дискуссии на эту тему. Он ответил: «Из политкорректных соображений вы не найдете ни одного историка, который зависит от получения гранта для своих научных исследований и который бы осмелился выступить в поддержку Суворова. Не потому, что все не согласны, а потому, что они выпадут из системы».

— Недавно мне было предъявлено еще одно очень серьезное обвинение — я умолчал о еврейской проблеме. Статья так и называлась: «О главном Суворов умолчал».

— А зачем о ней было говорить?

— Не знаю. Ну, хрен его знает, как притянуть еще эту проблему к обсуждению планов нападения Сталина на Гитлера!

— Можно ли коротко изложить суть идеи «Ледокола» и «Дня М»? Для людей, которые этих книг не читали. Суть концепции и основные аргументы.

— Номер один. После Первой мировой войны в Европе никто Вторую мировую войну развязать практически не мог. Ибо: Великобритания была занята своими колониальными вопросами, армию имела небольшую, а флот громадный, чтобы защищать колонии и пути сообщения с колониями; Великобритании незачем было начинать войну, никаких у нее амбиций на европейском континенте не было.

У Франции не было никаких резонов начинать войну, ибо по Версальскому договору она получила все, что хотела, и сверх того строила на своих границах линию обороны наподобие Великой китайской стены — то есть у нее была чисто оборонительная стратегия.

Германия была полностью разоружена, не буду перечислять, что там и как, но Германия как военная и военно-техническая держава была полностью ликвидирована и тоже не могла начинать какую-либо войну.

В этой ситуации Советскому Союзу жить бы и радоваться. Однако Советский Союз сделал все для того, чтобы Германия снова встала на путь подготовки к войне. Готовили немецких танкистов, летчиков и прочее. Вопрос: против кого? Понятно, не против себя. Значит, против кого? Против остальной Европы.

— В одной брошюре начала тридцатых годов я встретил такой расчет. Красная Армия составляла на 1931 год столько-то человек. Суммарная армия всех соседей — Финляндии, Болгарии, Румынии, всех-всех — составляла столько-то тысяч человек. Для того чтобы Красная Армия могла их всех победить, ей нужно было бы иметь столько-то. Какая-то безумная, бредовая доктрина, которая предполагала, что все эти мелкие страны объединятся против Советского Союза и на него нападут.

— Да-да, бред, конечно, полный. Так вот. Никто, конечно, на Советский Союз напасть не мог, а Советский Союз готовил Германию к новой войне.

Номер два — Сталин помог Гитлеру прийти к власти.

Номер три. Вся внутренняя политика Советского Союза была подчинена агрессивной внешней политике, ибо Советский Союз не мог существовать рядом с другими государствами. Поэтому производство оружия в стране было совершенно чудовищным, но это оружие производилось не для того, чтобы защитить своих людей, ибо ради производства оружия Сталин и его подручные устроили голод с миллионными жертвами. Зачем нам

производить оружие, если люди гибнут оттого, что мы его производим?

Далее. Если бы Сталин не хотел воевать с Германией, то он должен был сохранять барьер нейтральных государств между Германией и Советским Союзом. Тогда нападения Германии не было бы! Но Сталин с Гитлером вместе разделили Польшу, установилась общая граница между СССР и Германией. Сталин придвинул свои границы к границам Германии везде, где только это было возможно, — от Финляндии до Румынии. То есть от Ледовитого океана до Черного моря. Все соседние страны стали жертвами Советского Союза. Включая Литву, которая даже границы не имела с Советским Союзом до 1939 года.

Следующий момент. Вторая мировая война была начата Советским Союзом преднамеренно в 1939 году, и с самого начала — с августа 1939 года — Советский Союз был участником Второй мировой войны. И был союзником Гитлера, вместе с Гитлером они крушили Европу. Замысел Сталина заключался в том, чтобы руками Гитлера сокрушить Европу, а потом удушить самого Гитлера. Так же, как руками Ежова Сталин уничтожил всех своих потенциальных врагов и даже тех, кто мог бы быть причислен к ним, а потом удавил и самого Ежова. И все это было названо «ежовщиной», хотя это была чистая «сталинщина».

Все, что делалось в Советском Союзе для обороны после того, как Сталин почувствовал, что он может нанести удар по Гитлеру, что Гитлер уже «вляпался» во Вторую мировую войну и напасть не может, все это начало уничтожаться, а подготовка Красной Армии была исключительно наступательной.

И последнее. Разгром Советского Союза в 1941 году объясняется тем, что все планы, все приготовления — все это шло именно на наступление, ничего не делалось для обороны.

— Большинство «оппонентов Суворова» раздражает, буквально приводит в бешенство сама идея, что Совет-

ский Союз мог в 1941 году на Германию напасть и что сама по себе такая подготовка велась. К науке эта позиция отношения не имеет. Она — порождение традиционных ложных пропагандистских советских стереотипов.

— Эта точка зрения моих так называемых оппонентов оскорбительна и для всего нашего народа, и для нашей истории. То есть даже если отвлечься от того, кто прав, а кто виноват, если абстрактно посмотреть на саму идею, то их точка зрения аморальна. Получается, что Советский Союз вел войну с фашизмом вынужденно, что мы освободители Европы поневоле, антифашисты поневоле. Если бы Гитлер не напал, то мы бы так и оставались друзьями Гитлера, так бы и пили шампанское с ним, так бы и крушили вместе Европу, проводили совместные карательные операции, например в Польше, так бы развевались красные флаги над гитлеровскими и над сталинскими концлагерями.

Вот именно так возражал против меня маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов. Воевал он с 22 июня 1941 года. Но ведь тогда получается, что вы, Виктор Георгиевич, антифашист поневоле. Если бы на вас не напали, вы бы остались верным гитлеровцем. Вот Власов, оказавшись в плену, начал сотрудничать с немцами, это нехорошо. А в чем же разница между ним и вами?

Ведь вы служили в той армии, что была союзницей Гитлера. И Власов служил в той же армии, что была союзницей Гитлера. В чем же разница между вами? Просто Власова Гитлер взял на службу, а с вами не хотел иметь дела. Вот и вся разница. А если бы захотел, то вы верой и правдой ему бы служили. Так же получается?

— Меня тоже всегда удивляло, почему считается, что предположение о том, что Советский Союз готовился напасть на Германию, каким-то образом компрометирует Советский Союз. Иначе он был бы хорошим, а так получается, что он плохой. После всего, что Гитлер уже успел совершить, казалось бы, стать его открытым врагом — только на пользу репутации страны.

— Вот союз с Гитлером — это компрометирует Советский Союз. Когда говорят, что мы в 1939 году подписали с Гитлером союз, ибо ничего иного нам не оставалось делать, и пошли крушить соседей, чтобы самим живым остаться, — это уж, извините, чисто уголовное, уркаганское отношение к жизни: умри ты сегодня, а я умру завтра. Давай убивать кого угодно, лишь бы самому живым остаться.

Моя концепция даже формально гораздо патристичнее. Ведь очевидно благороднее намереваться порвать с Гитлером, чем в союзе с ним завоевывать остальной мир. Последний вариант гораздо более компрометирующий.

— В этих рассуждениях есть один момент, который работает против Суворова. Они ведь основаны на парадоксе, который многие могут принять за чистую монету. Получается, что союз с Гитлером аморален, а нападение на Гитлера как бы моральнее. Оппонентов такой поворот темы, конечно, обескураживает, но при этом напрашивается совершенно ложный тезис, что Сталин «хорошим» нападением на Гитлера компенсировал «плохой» союз с ним. Есть историки, которые поддерживают «концепцию Суворова» о подготовке нападения на Германию и Европу, но считают при этом сталинскую политику совершенно правильной и оправданной. Ну и хорошо сделал бы, если бы напал. Перед СССР открылись бы ослепительные внешнеполитические перспективы.

Хотя, конечно, в реальности о благородстве помыслов Сталина говорить не приходится ни при каких обстоятельствах. Сталин ведь не собирался ни бороться с фашизмом, ни наказывать нацистов за какие-то там грехи. Ему было все равно, на кого нападать первым, на нацистскую Германию или на западные демократии. Он в любом случае собирался сокрушить их все.

Вообще-то можно понять, почему массу людей раздражает сама идея, что Сталин мог хотеть напасть на Германию. Скорее всего, потому, что она тянет за собой

еще одну очень опасную мысль. Если согласиться с тем, что Сталин нападение готовил, то возникает следующий вопрос: а дальше на кого? И еще один вопрос — о том, какой в целом была внешняя политика Сталина, чего он хотел достигнуть. А ответ напрашивается крайне неприятный: никаких иных целей, кроме достижения мирового господства, у Сталина, а следовательно — у СССР, не было. Немедленно рушится привычный миф о советском антифашизме, об освободительной миссии советского народа и т.д.

— Да-да, именно это всех и раздражает! Про Европу никто не вспоминает.

— Еще один интересный психологический момент о чисто советском восприятии истории. Вы рассказывали раньше о полковнике, который вам читал историю войны. О том, что про разгром 22 июня можно было говорить, а о разгроме под Киевом — нет. Ведь, в общем-то, это был сознательный обман. Люди, которые читали эту историю, они-то понимали, что это ложь?

— Нет.

— Кто-то же это вранье конструировал?

— Дело в том, что все это вранье конструировалось с самого начала. Уже 22 июня сразу же было заявлено, что вот на нас напали и забудьте все, что было до этого. И всем сразу хотелось забыть, и все всё сразу забыли! Мы же жертвы, на нас напали...

— Включая генералов, которые все это разрабатывали?

— Ну... Дело в том, что у многих вышибло это из памяти. В Советском Союзе вообще было принято помнить только то, что безопасно. Для здоровья было лучше. Ведь настоящими воспоминаниями ни с кем нельзя было поделиться. Когда я опубликовал свои книги, в которых на пальцах объяснил, как было дело, то начал получать множество писем от фронтовиков, где говорилось: «Да, прав-

да!» А вот до этого они как-то и не думали об этом и не помнили.

Но если заходит речь о разработчиках этих планов, то номер один — нарком обороны, маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко. Он никогда никаких воспоминаний о войне не писал. На него давили, требовали, но он не поддался. Это был честный человек. Он понимал, что правду сказать не позволят, а врать не хотел. Номер два — это Георгий Константинович Жуков. Начальник Генерального штаба. Все планы были в его руках. Вот он мемуары писал. В своих книгах я показываю, что практически все, что он писал, было враньем. Жуков все понимал, он знал, что врет, вранье у него отовсюду лезет.

Я его постоянно ловлю на слове. Вот он пишет, что раньше они сомневались, но когда вечером 21 июня пошли перебежчики, «мы поняли — это война». А потом, через несколько страниц, он сообщает, что вот 22 июня где-то там в три часа утра он начинает звонить Сталину, тот не просыпается, вот такой глупый Сталин!

Я говорю: стойте, подождите, если тебе, товарищ Жуков, вечером 21 июня было ясно, что нападут, и ты сидел в сталинском кабинете, и Сталин пошел спать, как же ты его отпустил, а?

Чепуха же получается, чего же ты его начал в 3 часа будить, если тебе накануне все было ясно... В мемуарах твоих эта сцена должна быть ключевой, основополагающей! «21 июня мне было все ясно, мы сидели в кабинете Сталина, мы ругались, он мне не верил...» Вот ему все ясно было, но он сидел, молчал, а потом в три часа ночи начал названивать Сталину, его будить. Жуковское вранье у меня разоблачено в двух специальных книгах, посвященных Жукову, и в остальных книгах тоже, от случая к случаю...

Еще один человек, который разрабатывал такие планы, — маршал Советского Союза Василевский. Он был генерал-майором в Главном оперативном управлении. Этот тоже врал.

— Но были ведь военные верхнего эшелона, которые все понимали, командующие округами...

— Да, конечно. Но среди них очень мало кто остался в живых. Мало осталось тех, кто мог бы писать мемуары. Вот, допустим, Западным фронтом командовал генерал армии Павлов. На него свалили всю вину за первые поражения, навешали на шею всех собак и расстреляли. Генерал-полковник Кирпонос — командующий Юго-Западным фронтом — погиб в бою при выходе из окружения. Это была наша самая мощная группировка. Киевский военный округ в начале войны превратился в Юго-Западный фронт. Федор Исидорович Кузнецов — это был кретин, начал войну командующим фронтом, потом спустился на командующего армией, потом закончил войну командиром корпуса. Так вот потихонечку. Мягко говоря, не очень умный человек. Он мемуаров не оставил. Кто еще? Генерал-полковник Черевиченко, Яков Трофимович. У Сталина на 22 июня 28 полностью развернутых армий. Восемь командармов — генерал-майоры, девятнадцать — генерал-лейтенанты и только один командарм — генерал-полковник Черевиченко. Он командовал самой мощной из всех советских армий — 9-й. Которая почему-то была развернута на границе с Румынией. Так вот, Черевиченко Гражданскую войну описал, а о Второй мировой войне промолчал. А ведь интересно было бы знать, почему самую мощную из всех своих армий Сталин поставил на румынскую границу.

Северо-Кавказским военным округом командовал генерал-лейтенант Иван Степанович Конев. Он перед войной превратил все боевые части своего округа в 19-ю армию, с которой и двинулся в район Черкасс. Это был второй стратегический эшелон. Туда выдвигалось семь армий, включая 19-ю. Он о начале войны не пишет ничего. Он начал свои мемуары с 1945 года. Первая книга посвящена концу войны. А вторая книга — о 1943—1944 годах. Войну Конев описывает не с той стороны. До 1941 года он так и не дошел.

Михаил Федорович Лукин. Командовал 16-й армией, которая выдвигалась на запад из Забайкалья. Он тоже молчал. Он тоже мемуаров писать не стал. Люди такого плана все понимали. В Советском Союзе была цензура и была самоцензура. Не говори лишнего. Ляпнешь лишнего — будет нехорошо. И все предшествующие события память перерабатывала самым решительным образом. Последующие события накладывали неизгладимый отпечаток на все предыдущие воспоминания, искажали их и преломляли.

«Гитлер напал!» Это было настолько шокирующе, что все по простоте душевной забыли про все, что было до этого. А тот, кто помнил, тот помалкивал.

Вот генерал армии Батов Павел Иванович. Был заместителем командующего Закавказским военным округом. Перед войной его перевели в Крым, там он готовился к проведению десантной операции. Но куда можно высаживать наши войска, если их погрузили на корабли в Крыму, а противника на нашей земле нет? В мемуарах об этом он ничего не пишет. Ни слова о том, как и почему он там оказался, чем занимался...

— Книги Суворова набиты аргументами о том, что Советский Союз собирался напасть на Германию. Давайте попробуем собрать в кучку основные аргументы. То, что абсолютно неопровержимо доказывает, что подготовка к нападению действительно велась.

Номер один. Была линия укрепленных районов на старой границе, которую мы разоружили и бросили.

Номер два. Стали строить новую линию укрепленных районов вдоль новой границы. Могут сказать, что, мол, вот оно, оборона... Нет! Это чисто наступательная линия. Почему? Перед ней не создается никаких препятствий, огневые оборонительные сооружения выдвигались прямо к границе. И строилось это все на второстепенных направлениях, для того чтобы получить возможность оголить второстепенные участки и собрать все ударные силы

в кулак на главных направлениях. Строительство новой линии укреплений не было предназначено для обороны.

До войны существовали заранее подготовленные партизанские отряды, секретные партизанские базы в лесах с запасом оружия, боеприпасов, средств связи, медикаментов и пр. Отряды разогнали к чертям, а базы ликвидировали.

Были заминированы все мосты, железнодорожные станции, водокачки. Это очень важно, потому что снабжение войск агрессора в стратегическом масштабе может осуществляться только по железным дорогам. А железные дороги были на паровозной тяге, а паровоз не может ходить без воды, ему нужна уйма воды. Если бы взорвали наши при отходе все водонапорные башни, то весь блицкриг к чертям бы захлебнулся. Но наши все это дело разминировали.

Пограничники резали колючую проволоку на своих участках.

— Делали проходы?

— Да. Для кого? Для агрессора? Разминировали пограничные мосты. Для чего? Для агрессора?

Было брошено на границе четыре миллиона комплектов карт. Все — карты Европы. Карт для своей территории не было. Страна полностью готовилась воевать только на чужой территории.

— Эти карты есть в немецких архивах?

— У меня есть, прямо дома. Есть карта марта 1941 года. Восточная Пруссия. Сверху надписано «Генеральный штаб» и так далее...

Следующий момент. В конце мая — начале июня 1941 года были в огромных количествах выпущены русско-немецкие разговорники для бойцов и младших командиров. Они печатались в Москве, Киеве, Минске, Ленинграде... Русско-немецкие разговорники, которые можно использовать только на германской территории.

Следующее. Писались песни, такие, как «Великий день настал», вышли миллионами записей.

Или вот: «По-над Збручем, по-над Збручем войско красное идет. Мы любить страну научим, Тимошенко нас ведет. Вспомнил маршал путь героический, вспомнил он двадцатый год, как орел, взглянул на войско и скомандовал: «Вперед!» И пошли мы грозной тучей, как умеем мы ходить, чтобы новой и могучей мразь фашистскую разбить. Мы идем вперед с боями, и, куда ни погляди, Тимошенко вместе с нами, Тимошенко впереди!»

Я говорю: «Братцы, никогда ничего такого не было. Не смотрел он, как орел, на войско. И не командовал «вперед».

Песня эта написана после 7 мая 1940 года. Ибо до того Тимошенко не был маршалом! Никто не посмел бы писать стихи и называть Тимошенко маршалом до того, как товарищ Сталин ему такое звание присвоил! Песня написана после 7 мая 1940 года и до июня 1941 года. А когда война началась, о песне все забыли. Иначе не получается — «По-над Збручем... Тимошенко впереди»... Бежали ведь до самой Москвы, а Тимошенко впереди или как понимать?

А «Великий день настал» — это не что-нибудь, это Шостакович!

— Где эти песни существуют?

— Они у меня существуют. Я их нашел. Сейчас диктую «Ледокол» на СД, хотел эти песни вставить и там, но материала так много, что песни пришлось вырезать. Но в моих будущих работах они обязательно зазвучат.

Итак, были у нас укрепленные районы — их уничтожили. Были партизанские отряды, созданные в мирное время. То есть враг приходит — они уже действуют. Их разогнали.

Следующее. Была полоса обеспечения. Враг вступает на нашу территорию, а у нас взрываются все мосты к чертям. Попробуй построить мосты через 41 тысячу рек в Европейской части СССР! Должны были быть взорваны все станции, все водонапорные башни... Все это прекратили

и начали строить железные дороги к границе, расширять дороги и так далее. Было создано 10 железнодорожных бригад, а железнодорожные бригады — это 3—4 тысячи человек каждая. Эти бригады должны были перешивать узкую европейскую колею на широкий советский стандарт. У них и соответствующее оборудование все было подготовлено.

Следующий момент. Днепровская флотилия. Днепровские мосты по пальцам можно пересчитать. Они все были подготовлены к взрыву. А чтобы противник не навел переправы, существовала Днепровская флотилия. Так ее разогнали в 1940 году.

Если бы Гитлер подошел к Днепру, мы мосты уничтожили бы, а по Днепру ходили бы тяжелые мониторы... Тогда не было этих чертовых водохранилищ, а Днепр был широкий. Левый берег — низменный, весь в протоках, болотах, там прятаться можно было катерам... Как только узнали, что мост немцы где-то наводят, выскочили, разбомбили и снова спрятались в кусты. Там все лозой заросло, болота, птицы...

Итак, ликвидировали эту флотилию и сделали из одной Днепровской флотилии две. Одна — Пинская флотилия, вывели ее вверх по течению Днепра в приток. Там построили зимой через болота Днепровско-Бугский канал, чтобы соединить бассейн Днепра с Бугом. Через Буг можно выйти в Вислу, а дальше — реки Германии. Вот это все и было в 1940 году подготовлено.

А вторая часть Днепровской флотилии была опущена вниз до устья Днепра, прошла и вышла в устье Дуная. У нас совсем маленький кусочек советской территории получился у устья Дуная. Никто через дельту Дуная нападать на Советский Союз не мог. Там топи, болота, камыши. Но туда вывели мощные речные корабли. Зачем? Затем, чтобы подняться вверх по течению Дуная.

Самая мощная из всех советских армий была развернута не против Германии, а против Румынии. Вдоль границы были развернуты две горные армии. На нашей

границе нет гор, на их территории есть. Цель — отрезать румынскую нефть.

Далее. Воздушно-десантные войска. В оборонительной войне они не нужны. Наша проблема в оборонительной войне заключается в том, чтобы выводить свои войска из окружения, а не бросать туда новые. Но у нас вместо партизанских отрядов, которые были разогнаны, начали формировать воздушно-десантные корпуса. Пять воздушно-десантных корпусов к июню 1941 года уже были готовы, а пять находились в стадии развертывания.

Следующее. Советский Союз провел тайную мобилизацию. И по этой мобилизации было призвано столько людей в армию, что экономика страны находилась на грани развала. Мы уже говорили о том, что 1 сентября 1939 года ввели всеобщую воинскую обязанность. Почему? Потому что в этот день началась Вторая мировая война. Однако Гитлер 1 сентября 1939 года еще не знал, что началась Вторая мировая война. Почему он этого не знал? Когда 3 сентября Великобритания, а потом Франция объявили Гитлеру войну, для него это было шоком. Он думал, что с Польшей все пройдет, как с аншлюсом Австрии или как с Чехословакией...

Но оказывается, что Польши ему прощать не собирались. Так вот, Гитлер не знал, что 1 сентября началась Вторая мировая война...

Введя всеобщую воинскую обязанность, Сталин одним махом увеличил армию с полутора миллионов до пяти с половиной миллионов да еще резервистов заготовил. И эти пять с половиной миллионов надо было отпустить домой 1 сентября 1941 года! То есть до 1 сентября 1941 года Сталин должен был вступить в войну! Либо все эти миллионы отпустить по домам.

— Либо нужно было сразу объявить о трехлетней службе.

— Ну, они на это не пошли. Ведь если солдат отслужил два года, а ему говорят, что вот тебе еще третий год, то это будет развал армии. На каких-то из первых Олимпийских

игр — не на тех, древнегреческих, а на общеевропейских Олимпийских играх — бегун на дальние дистанции должен был добежать до финиша, а его попросили еще 50 метров добежать до того места, где сидела королевская семья. Кажется, это было в Великобритании. А он туда добежать уже не смог, сил не осталось. Так вот, если солдату, который отслужил два года, отсчитал часы, минуты и секунды, вдруг говорят, что ему нужно отслужить еще и третий, то армия рассыпается. Таковую армию никакими силами не удержишь. В мирное время такое не проходит.

—Получается, что пик подготовки Красной Армии приходился на лето сорок первого?

—Да.

— И затягивать это было нельзя?

— Ни в коем случае. Нужно было либо начинать войну, либо распускать всех по домам. Но тогда непонятно, зачем были нужны невероятные расходы на обучение и содержание этой гигантской армии.

— В 1939 году призвали сразу несколько возрастов?

— Дело в том, что раньше призывали в армию с 21 года и только одну треть призывного контингента. А тут вдруг ввели призыв с 19 лет! Раньше никто не знал, призовут его или нет. А тут вдруг Сталин решил, что это глупо — призывать с 21 года. Почему? Я над этим задумался. Почему же раньше призывали с 21 года? Я служил в учебной дивизии. Мы получали пацанов с 18 лет, из него лепи, как из пластилина. А если человек имел отсрочки и попадал в армию в 20, 21 и 22 года, это уже был мужик. Он уже кое-что понимал в жизни, с ним очень тяжело работать. Это не пацан со школьной скамьи.

Получается непонятно. Человек работает, и вдруг в 21 год его призывают на службу. А у него, может быть, семья уже есть. Почему бы его в 18—19 лет не призывать? Это — головотяпство. Государству невыгодно! То, что человеку простому это не выгодно, — это ясно. А почему

государство на это пошло? Так вот эту систему можно понять только в момент, когда она кончилась. Окончилась она 1 сентября 1939 года. Объявили всеобщую воинскую обязанность, и мы призываем сразу весь контингент, тех, кому 21 год, и всех, кому 20 и кому 19 лет. Правда, здорово?! А тех, кому 18 и у кого среднее образование, тех тоже забрабастали и отправили в военные училища. Вот и мой отец среди них был.

А кроме всего говорят: «Ваня, тебе уже 25, но ведь раньше ты не служил?» Не служил. А вот иди-ка ты сюда! И армия, ее мощь возросла невероятно. Ну, представьте себе, что тебе нужно разместить сейчас на территории Германии хотя бы один миллион солдат. В чистом поле. Представляете, какая это нагрузка на государство?! А там был не миллион. Там был рост с полутора сразу до пяти с половиной миллионов. Не говоря о флоте и частях НКВД. Тех тоже следует учесть.

А с другой стороны, ведь это же работники, их нужно одеть и обуть, а сами они ни черта не производят. Это какая нагрузка на экономику государства! Кроме того, в феврале 1941 года началась переброска войск. На запад, на запад... Стали перебрасывать все больше и больше, в мае это достигло каких-то чудовищных размеров, а 13 июня это было полное передвижение Красной Армии со всех дальневосточных, забайкальских гарнизонов на Запад. Всех — на одну границу. Вперед!

И вот я в книге своей задал вопрос, написал его большими буквами, но ни один критик на него не ответил. Я сказал: Красная Армия (это главное доказательство!) не могла вернуться назад. Передвижение началось в феврале. В марте усилилось, далее усиливалось, усиливалось, пока не превратилось во всеобщее. Вернуться назад нельзя. Оставить в приграничных лесах все это воинство нельзя, потому что к весне оно разложится. Зимовать-то можно где угодно, но в пограничных районах нет условий для боевой подготовки. А армия не может жить в землянках и ничего не делать.

Эту массу нельзя было держать на своей территории в пограничных районах и нельзя было вернуть назад! По транспортным причинам... И вообще, какая глупость: с февраля начиная двигать всю армию к границе, а потом, с июля, обратно ее развозить по своим дальневосточным закоулкам!

Повторяю вопрос: «Красная Армия не могла вернуться назад и не могла оставаться в приграничных лесах на зиму. Вопрос: что ей оставалось делать?»

Ни один из моих критиков никогда не упомянул этот вопрос даже косвенно, даже отдаленно. Никто, никогда!

Сама армия, плюс штабы, плюс командные пункты, плюс запасы, госпитали, госпитальная база, карты, запасы крови, мяса, портянок, жидкого топлива — все это на земле. Все это выкладывалось на землю и не могло существовать больше нескольких недель.

Еще один момент. Был у нас в 1940-м или 1941-м организован наркомат боеприпасов. Уже между подписанием пакта с Гитлером и гитлеровским нападением. Наркомат боеприпасов выдавал такое количество боеприпасов, которое негде было хранить. А производство нарастало. Промышленность с февраля 1941-го перешла на режим военного времени. Авиационная промышленность, например, точно перешла.

— Что это означает — «режим военного времени»?

— Режим военного времени реально означает, что смена — 10 часов, а смены две! Гитлер стал переводить свою военную промышленность на режим военного времени после Сталинградского разгрома. До того у него работали в одну смену. Восьмичасовой рабочий день у него соблюдался.

— Тут еще можно вспомнить, кстати, закон 1940 года о запрете менять место работы.

— Да. Все вместе это и означало полную мобилизацию промышленности. Рабочие были прикреплены к заводам. Крестьяне были прикреплены к земле еще раньше.

— В «Ледоколе» есть чрезвычайно убедительный эпизод с планерами.

— Да. Два слова об этом. Самые мощные и самые большие самолеты в мире строил наш конструктор Олег Антонов. Но Антонов перед войной строил не только транспортные самолеты, но и планеры. Что интересно — эти планеры имели говорящие названия. Один — КТ-40, это — «Крылья танка». К легкому танку цепляли крылья, вытягивали его вверх буксировщиком, бомбардировщиком ДБ-3, затем планер отцеплялся и планировал. Садиться он мог только на автостраду. В полете он включал двигатель, разгонял гусеницы на максимум и садился где-нибудь.

Но никаких автострад внутри наших границ нет. Зато есть вблизи наших границ — где-нибудь в районе Кенигсберга. Вот это как раз подходит!

Кроме того, еще один планер Антонова назывался «Массовый». Извините, зачем нам «массовый»? Так вот, весной 1941 года Жуков отдал приказ о массовом производстве планеров. Потому что воздушно-десантные войска — это парашютисты и планеристы. Их высаживают на парашютах или приземляют на планерах. Но хранить планеры трудно. Это очень хлипкая конструкция. Хранить планер нужно в ангаре. Если их в массовом порядке производили весной 1941 года, то сохранить их под снегом и дождем до 1942 года было невозможно: планеры строили, но ангары для них не строили.

— Они, в общем, одноразовые?

— Ну, в принципе, да. Если у тебя есть тот, который садится на территорию противника, тот одноразовый. Однако Антонов пошел и дальше. Он создал надувной планер, который можно было сбросить туда, потом выпустить воздух, собрать в комок, погрузить на транспортный самолет, привезти и снова надуть. Так вот планеров, которые нигде было хранить и которые не могли под открытым небом пережить зиму, наготовили бешеное количество как раз к весне 1941 года.

Советская промышленность и до мобилизации была рассчитана на выпуск в первую очередь военной продукции. У меня уже лет двадцать лежит незаконченная глава, которая называется «Необратимое чудо».

Глава вот о чем. Вот какой-то вязально-штопальный цех в Белоруссии на второй день войны вдруг начал производство плащ-палаток для армии. Немцы напали, и они сразу же начали производить плащ-палатки. Но ведь, чтобы начать производство, нужно иметь запасы для этих плащ-палаток. Нитки зеленые, образцы, оборудование. Говорят, произошло чудо: началась война, и мы сразу же, мгновенно начали выпуск военной продукции. А с другой стороны — обратно это чудо у нас никак не получается. Стоит этот ВПК — и ни хрена, сколько ты ни бейся, конверторы там, государственная программа... Не получается взять и сделать так, чтобы военный завод выпустил что-нибудь для народа... Никак не получается. Война кончилась 60 лет назад, а военная промышленность мирную продукцию производить не может. Вот танки выпускать — пожалуйста. Самый большой самолет в мире — пожалуйста. В космос ракеты запускать — пожалуйста. А автомобиль построить — так это нужно спецзавод купить в Италии с образцами и оборудованием. А сами выпускать не можем. Тем более — перевести какой-нибудь военный завод на производство мирной продукции. Не получается...

В начале тридцатых годов американцы спроектировали и оснастили оборудованием все советские тракторные заводы — Сталинградский, Челябинский, Харьковский... Реконструировали Кировский в Ленинграде. До этого Советский Союз не был в состоянии выпустить хотя бы один собственный трактор. Пытались производить цельнотянутые «Фордзоны» в Ленинграде, но неудачно.

Казалось бы, благородное дело — обеспечение сельского хозяйства механизмами. Странно только, почему для того, чтобы помочь деревне тракторами, понадобилось сначала эту деревню разрушать, а людей гробить миллионами. Изначально сомнительно, чтобы Сталин для деревни старался.

— То, что тракторные заводы строились изначально как военные, — тут никаких сомнений. Да и почти 600 тысяч автомобилей для армии должны были выпустить (и выпускали) заводы, тоже построенные американцами.

— Никогда не встречал цифр тракторов, поставленных в сельское хозяйство в тридцатые годы. Но вот в статье Михаила Мельтюхова «Преддверие Великой Отечественной войны» обнаружил такие данные: по плану мобилизации 1941 года «после мобилизации численность Вооруженных Сил СССР должна была составить 8,9 млн человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. — орудий и минометов, до 37 тыс. — танков, 22,2 тыс. — боевых самолетов, 10,7 тыс. — бронев автомобилей, около 91 тыс. — тракторов и 595 тыс. — автомашин». То есть тракторов в войсках предполагалось иметь в 2,5 раза больше, чем танков. Какова роль тракторов в армии?

Ответ тут очень простой. Опубликован дневник Гальдера, начальника штаба сухопутных войск Германии. Он там пишет: «Хорошо русским. Их артиллерия имеет тракторную тягу, а мы на конях». Есть фотографии, где наши тракторы вытягивают застрявшие в грязи немецкие автомобили. Те тракторы, которые были нами брошены, немцам оченьгодились. Трактор очень широко использовался в качестве артиллерийского тягача.

— Тухачевский в одном из писем Сталину предлагал десятки тысяч тракторов второго эшелона одеть в броню и пустить вперед в качестве тихоходных танков...

— Да, я как раз об этом сейчас пишу. Ну это технологическое варварство.

— Читая «Последнюю республику», обратил внимание на такую вещь. Там говорится о количественном и качественном соотношении немецких и советских танков. Приводятся доказательства того, что советские

танковые войска были намного сильнее немецких — и количественно, и качественно. И возникла такая мысль — трудно допустить, что немецкие конструкторы были просто глупее и слабее советских...

— Конечно. Военные конструкторы решают задачи, которые перед ними ставит военное руководство.

— Получается, что перед немецкими конструкторами до 1942 года просто не ставилась задача создать танки, способные захватить Советский Союз и противостоять советским танковым войскам. Притом эти самые немецкие танки — в малом числе, легкие, с противопульным бронированием, вооруженные пулеметами или пушками небольшого калибра — блестяще выполнили те задачи, которые перед ними были поставлены до 1941 года. Захватили Францию, захватили другие европейские страны. Роммель с ними в Северной Африке довольно успешно воевал. И при этом не было жалоб на техническое несовершенство танков. Проблемы выявились только в 1941 году, после нападения на СССР.

— Да, конечно.

— Вот. Получается, что не собирался Гитлер заранее ни под каким видом воевать с Советским Союзом. Не планировал, в отличие от Сталина, нарушать пакт Молотова — Риббентрона. А если бы планировал, то и начал бы с подготовки войны против СССР, причем еще до заключения пакта, а не годом позже. Не пытался бы всеми силами захватить островную Англию, от которой пользы — в смысле завоевания жизненного пространства — как от козла молока. Тем паче когда с СССР — общая граница. Еще один аргумент в пользу спонтанности, превентивности нападения Гитлера на СССР.

— Получается, что не собирался. Если бы изначально существовали планы завоевать СССР, хотя бы европейскую часть, то и танки следовало бы разрабатывать соот-

ветствующие. По мощности, морозостойкости... Просто чтобы суметь дойти до Урала в один прием.

— Интересна реакция людей на ваши выступления. Кто как в разных странах реагирует? Как дискуссии проходят? Один раз, кажется, чуть-чуть не побили.

— Да, мне тогда очень сильно повезло. Дело было в Австрии, я там выступал перед офицерами. Мне повезло в том, что я не похож на профессора. Так же, как — написано в «Аквариуме»! — главное для шпиона — быть не похожим на шпиона. И на профессора я тоже не похож. А со мной в президиуме сидел дядя, очень похожий на профессора. Так все табуретки летели в него.

Свою задачу как историка-просветителя я вижу в том, чтобы довести своих читателей, слушателей, зрителей до мордобоя. Фигурально выражаясь! Большей я себе задачи не ставлю. Что это значит? Я должен пробудить интерес! Человек должен сам искать. Довел я до мордобоя, ну, скажем, определенные слои читателей в России? Я считаю, что довел!

— Не то слово! Еще бы.

— По крайней мере, идет битва, и уже не кончится.

Первые публикации были четверть века назад. А битва не стихает!...

— Когда «Ледокол» был впервые опубликован?

— Первая публикация отдельных глав — в мае 1985 года в газете «Русская мысль». До того не брали, но вот подходит сорокалетие Победы! Мне сказали, что к 9 Мая мы такую хрень, такую чепуху публиковать не будем, тут будут публиковаться люди серьезные, такие, как Александр Моисеевич Некрич. Они тогда с его помощью объясняли, какой Сталин был глупый. А вот, говорят, когда мы закончим эти публикации, то, чтобы повеселить публику, указать на разные точки зрения, мы напечатаем главы из «Ледокола».

Где-то конец мая был мой. Пошла первая глава, которая начиналась с «Сообщения ТАСС». И — понеслось! После того битва не стихает! Вот сейчас мне прислали наводку на книгу «Что произошло 22 июня 1941 года» А. Усова, 2006 год. «Она, — как написано в предисловии, — разбивает Резуна и резунистов». Наконец-то со мной будет покончено!

Так вот, я считаю, что пока ты человеку внушаешь что-то, это неэффективно. А вот когда начались споры, люди ищут сами доказательства своей точки зрения, правильной или ложной, ругаются, ищут сами, как мы искали, расставаясь, говорят «дурак» — «сам дурак», но после всего этого приходят к тому, что не могут спать, копаются в библиотеке, чтобы показать, что другой — дурак, ищут доказательства своей правоты в каких-то учебниках, в каких-то мемуарах... Вот это — моя скромная задача. Я не желаю никого убедить. А только распахнуть внимание.

— Как вас встречают в разных странах?

— Как правило, очень хорошо. Вот, например, однажды — в Таллине. Провели там долгую программу. Ко мне очень по-доброму отнеслись. Выпили, закусили, а с утра мы уезжаем. И вот в последний момент до кого-то дошло, что Суворов уезжает, а Центральное телевидение не показало это в новостях. Мне нужно проходить контроль, а тут телекамера, тут народ стоит. С одной стороны, я человек стеснительный, а с другой стороны, приятно. Телекамера меня снимает, начинают задавать вопросы. Голос у меня громкий, я захожусь, начинаю кричать в телекамеру. Про президента Путина меня спрашивают, про то, что я делал в Таллине. Тут народ начинает отталкивать телекамеру, суют мне билеты, на которых я должен расписываться, тут же читатели задают мне вопросы. Я говорю: «Братцы, у меня самолет сейчас улетит!»

Меня просто в самолет запихнули, и мы с Татьяной полетели.

По большому счету самый мой большой триумф был в мае 1992 года в Польше. Это было первое публичное выступление, меня там чуть не раздавили. Но в Польше вообще не было негативных моментов. Было так. Я выхожу в аэропорту, мне сразу репортеры задают вопрос, не является ли это провокацией: наш Лех Валенса полетел в Москву рассказывать, как мы тут сидим без топлива, а тут Суворов в Варшаве...

Я об этом ничего не знал. Контракт с издателем был подписан раньше, за семь месяцев до выхода книги, а в нем стояло, что в тот день, когда «Ледокол» выйдет, я должен находиться в Варшаве. Для рекламы. Издатель не знал, пойдет книга или не пойдет, хотел подстраховаться. Вот я и приехал.

Тут еще была целая предварительная история — как я попал в Варшаву. Правительство мне отказало в приеме. Кто-то откуда-то проговорился, что я появлюсь. А я же не знал за семь-то месяцев, что именно в этот день Лех Валенса полетит в Москву рассказывать Борису Ельцину, как поляки любят русских и что цены на нефть нужно было бы и скинуть. Так вот, он только улетел, а я — прилетаю.

Правительство Польши обратилось к правительству Великобритании, с тем чтобы меня задержали, не выпускали, ибо получается дипломатический скандал.

— Подождите, а виза польская у вас была?

— В конечном счете да. Я обратился за польской визой и ее получил. Вдруг в последний момент польский МИД сообразил, что получается накладка, и обращается в британский МИД: слезно просим, задержите его. Британский МИД относится с пониманием и настоятельно рекомендует мне не ехать...

Я поехал в кассу и билет сдал. Приехал обратно и звоню Буковскому. Говорю: «Володя, у меня контракт. Мне хрен с ним, со всем этим, но у меня контракт. Издатель по-своему прав, он сделал книгу, по контракту я должен быть в Польше. Но меня туда не пускают. А издатель вправе содрать с меня за невыполнение условий контра-

та. И сейчас он обдерет меня полностью... А у меня денег нет, откуда у меня деньги? Книжки мои никто не публикует». И те не пускают, и эти не рекомендуют ехать. Да и зачем Великобритании эти скандалы... А Буковский говорит: никаких проблем, сейчас поедешь. Я говорю: а как? Он отвечает: положишься на меня, все будет.

Он звонит в Польшу. А «Солидарность» еще жива, еще дышит. Он допускает «утечку информации». Вы, мол, поляки, за что боролись? Что терпите? Они, конечно, «как это?!» Польский гонор, вы ж понимаете.. Он и отвечает, что вот автор написал книгу, немножечко против Советского Союза, против коммунизма, а его Польша не принимает...

— А с кем он говорил?

— У него там свои контакты — в прессе, в «Солидарности»... И пресса взорвалась. За что боролись?! Человека в Польшу не пускают! Чтобы понравиться Москве! Польский МИД тон сменил. Звонят в британский МИД: мы его приглашаем! От имени правительства! Ну, мне звонят из Министерства иностранных дел и говорят: собирай чемодан и езжай. А я говорю, что у меня билета нет. И самолета в Варшаву нет. Тогда они не каждый день ходили. Поезжай, отвечают, тебя правительство Польши просит. Есть самолет из Хитроу в Вену, а из Вены в Варшаву. А тогда в Варшаве не было цивилизованного аэропорта. Я говорю: хорошо. Только самолет улетает в Вену в 4 часа утра. Я говорю: а что я там буду делать? Все тебе оплачено, люкс в аэропорту, переспишь, тебя снимут и посадят в Вене.

Хорошо. Прилетаю я. Если в четыре самолет вылетал, то, значит, ни черта не спал. Выхожу в аэропорту — моего чемодана нет. Жара в Польше — жуткая. Май месяц, кажется 21-е, жара — за 33 градуса. Оттого, что я такой важный, VIP, в Вене мой чемодан оставили. Меня так охраняли.

Не успел выйти — вопросы ко мне. Потом смотрел новости: «Вот он летит! Вот он приземляется! Вот он!..» А я грязный, ночь не спал. Чемодана нет.

Выхожу, телекамеры, куча журналистов. Мне первый вопрос: Лех Валенса улетел в Москву, а ты вот прилетел!

Я говорю — ну и что? А они свое: Лех Валенса в Москву полетел, а ты сюда! Я говорю: так в чем вопрос? Вы что, хотите, чтобы я сказал, что в Москве об этом подумают? Там был какой-то коммуняка, он меня подталкивал на то, чтобы я высказался... Вот что, мол, там подумают? Я говорю, что подумают, что Польша — свободная демократическая страна, приглашает того, кого желает, больше уважать будут! В тот день в Варшаве было продано 28 тысяч экземпляров «Ледокола». В один день. Продали бы больше, но не было.

Получилось так, что трое суток я там не спал. Очень сильное нервное напряжение. С утра встаем, меня куда-то везут. Телекамеры. Пресс-конференции. «Давай водки выпьем!» Какие-то еще вопросы. Потом иду спать, захожу в отель, а спать не могу. Открыл окошко, смотрю на звезды, хожу, хожу. А в пять часов нам надо ехать в Краков. Я спускаюсь вниз, а у меня ни рубашки чистой, ничего — все осталось в том, потерянном чемодане. Мне переодеться не во что. Не горюй, говорят, поехали, там найдем, во что тебе переодеться.

Ехали, не помню сколько времени, от Варшавы до Кракова. Жара жуткая. Приехали туда. Мне бы в душ залезть. Не надо, говорят. Вот тебе водки — и выступай. Выступал целый день без остановки. Потом в Краковском замке мне какую-то комнату королевскую дали. А я выхожу на балкон и — спать не могу, так взвинтился. На третий день повезли меня в Быдгощ... Потом приезжаем в Варшаву, а там сенсация. Чемодан Суворова украден! КГБ увез его в Москву! Желтая пресса, коричневая и прочая...

Вот это был мой триумф.

— **В Болгарии вас тоже любят?**

— В Болгарии любят. Там даже есть «Клуб любителей Суворова». Ездили мы по Болгарии с охранником с пис-

толетом. Цветан Цветанов его звали. Всю Болгарию мы с ним объездили. А там ночью на автострадах (было это в октябре 1996 года) — дороги пустые. Никого нет. Потому что бензина нет, машины стоят, люди нищенствуют. Жуткий ужас. Едем по дороге, а по ним ездят только турецкие автобусы, турецкие рефрижераторы, гонят турецкий чай, табак или еще что-то в Европу через Болгарию. Цветан ведет машину только ночью. Из Варны мы ехали в горы Пирин, там санаторий Центрального Комитета, в котором мы должны были два дня отдыхать. И вот мы едем через горы ночью. А ночью в горах уже морозит, и дорога идет по серпантину. Он гонит, Татьяна в меня вцепилась, я в нее. Люди-то южные, а на дороге столбиков нету... Пропасть, и он над пропастью так лихо... А сзади пристроился турецкий автобус. Прямо в задницу упирается, светит фарами. И уступить ему нельзя, узко. А автобус жмет и жмет. Турок на болгарина нарвался!

И вот так едем мы пять, десять минут. Цветан опускает окно. Мы на заднем сиденье, и на нас холодный ветер. С открытым стеклом он едет минуту-две. У нас уже зубы стучат. Вдруг он левой рукой достает громадный пистолет и выставляет его в окошко. Машину ведет правой. Оказалось, это он выбирал такой поворот, чтобы водитель автобуса сразу увидел, что у него в руке. Тот сразу же отстал.

— Это правительство дало охрану?

— Да, правительство. Мы приехали в Болгарию по приглашению генерального прокурора Ивана Татарчева. Мне он написал в письме: «Я вас приглашаю от имени правительства и от своего имени. То, что там думает о вас Россия, я не знаю, но Болгарии вы ничего плохого не сделали, я буду вас охранять, как своих личных гостей, поэтому приезжайте». Мы приехали утром, нас встретил генеральный прокурор, потом он поручил нас своим ребятам. Не знаю, гласная или негласная это была охрана. В конце он приехал к нам, привез нас в аэропорт, к трапу, и сказал: «Вот тут моя миссия кончается, это граница

Болгарии, болгарская противовоздушная оборона предупреждена». Не знаю, насколько он шутил, но то, что нас встретил и проводил генеральный прокурор от трапа и до трапа, — это было.

— После побега вы, естественно, получили британские документы с новым именем. Под какими именами вы ездите?

— Ну, паспортов у меня много. В Таллин, например, ездил с документами Виктора Суворова.

ТРИ ПЛАНА ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападение Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталина страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира, — даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять наконец реальность к сведению.

Советское радио передавало бодрую воскресную музыку и зачитывало сводки с полей в то время, когда радиостанции всего мира транслировали заявления Гитлера и Риббентропа. Министр иностранных дел фашистской Италии до полудня безуспешно пытался найти советского посла, чтобы вручить ему официальную ноту с объявлением войны, — в воскресенье 22 июня советский дипломат изволили отдыхать на пляже. Поверенный в делах Соединенного Королевства (английского посла С. Криппса к тому времени уже де-факто выпроводили из Москвы) Баггaley до 12 часов дня 22 июня не мог добиться встречи с Молотовым, а заместитель наркома иностранных дел Вышинский высокомерно отказался от какого-либо обсуждения вопросов оказания помощи Советскому Союзу со

стороны Великобритании, ссылаясь на отсутствие руководящих указаний.

Нападение Германии изумило обитателей кремлевских кабинетов, ошеломило их и повергло в состояние шока. Это есть факт.

Есть еще один факт, точнее говоря — большая группа фактов. В мае—июне 1941 г. Вооруженные Силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развертывания. Причем все составляющие стратегического развертывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и сосредоточение войск, оперативное развертывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжестким сталинским меркам, секретности.

Войска западных округов выдвигались к границе ночными переходами, а днем прятались в лесах; соединения внутренних округов перебрасывались на Запад в заколоченных фанерными щитами вагонах, причем место выгрузки (и уж тем более — цель перегруппировки и боевую задачу) не знали даже командиры соединений. Призыв резервистов производился персональными повестками под видом «учебных сборов». Правительство СССР до самого последнего часа не предъявляло Германии никаких претензий, связанных с концентрацией немецких войск у границы. Более того, официальный рупор советского руководства — агентство ТАСС — 14 июня распространило умиротворяющее заявление: никакой войны между СССР и Германией не предвидится, стороны строго соблюдают условия Пакта о ненападении: слухи о близящейся войне *«являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил»*.

В июне 41-го г. Советский Союз готовился к широкомасштабным военным действиям, но при этом всеми возможными способами старался скрыть ведущуюся подготовку. Это есть факт.

Перед историками возникла задача: соединить эти два факта в одну картину, дать им внутренне непротиворечивую интерпретацию. Проще говоря, предстояло разъяс-

нить один-единственный вопрос: если Сталин не ожидал немецкого вторжения, то для какой надобности тысячи воинских эшелонов шли к границе, а на базе приграничных округов были развернуты управления ФРОНТОВ, и уже 19 июня — за два дня до нападения, которого Сталин не ждал, — фронтовые управления по приказу из Москвы начали выдвижение на полевые командные пункты?

Двадцать лет назад развернутый ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов. Он предположил — и обосновал имевшимися в его распоряжении открытыми советскими публикациями, — что Сталин готовился к войне. Готовился всегда, с самого первого дня своей власти. Коллективизация, индустриализация, Большой террор — все это лишь разные грани многогранной работы товарища Сталина по превращению Страны Советов в огромный военный лагерь и разделению строителей коммунизма на две категории: «рабсила» и «пушечное мясо». В августе 1939 г. Сталин принял окончательное решение — поддерживать Гитлера. Поддержать его так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники) для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка к этому маршу была прервана неожиданным для ослепленного манией величия Сталина вторжением вермахта.

В дальнейшем гипотеза В. Суворова продемонстрировала главный признак истинной научной теории, а именно: все новые факты и документы укладывались в рамки концепции Суворова, как патроны в обойму. Точно и четко, не разрушая конструкцию, но лишь повышая ее «убойную мощь». П. Бобылев, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Киселев, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский — вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В. Суворова и фактически переводящих ее из разряда «гипоте-

зы» в ранг научно установленной истины (вопреки модной ныне политкорректности я считаю, что истина таки существует, и задача исторической науки заключается именно в поиске истины, а не в одном лишь «написании текстов»).

С другой стороны, за истекшие после выхода в свет «Ледокола» двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было. Нет ни одной книги, нет ни одной статьи. Никто и ни разу не пытался дать другое объяснение, другую интерпретацию двум названным мною выше фундаментальным фактам. Зато есть огромный, возрастающий с каждым днем поток **критики Суворова**.

Информационное поле заполнено и переполнено диким шумом, гамом, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание пасквильных книжонок, в которых с ритуальными выкриками повторяется ставший уже стандартным набор «предъяв». По косточкам разобрана личность Суворова, и «как дважды два доказано», что он очень, очень плохой человек. Не наш он человек. Редиска. До бесконечности повторяются претензии по поводу ошибок в производственных индексах продукции Харьковского паровозостроительного (то бишь танкового) завода или неверно указанного диаметра левого заднего поддерживающего катка.

По глубоко верному замечанию Д. Хмельницкого, производителей «антисуворовской» макулатуры *«даже бессмысленно упрекать в недобросовестности — авторы исключительно добросовестно выполняют задачу, исключаящую добросовестный научный подход. Ни по форме, ни по сути она не может числиться по разряду научно-исторической литературы. Это сочинения, консолидирующие идеологическое сообщество»*. (Подчеркнуто мной. — М.С.) От полной безнадеги иные критики ограничиваются лишь бесконечным повторением мантры: «Суворов врет в каждом слове». На «посвященных», т.е. на членов секты «воинствующих антирезунистов», эти

выкрики производят магическое действие, аналогичное камланию шамана.

«Мне не нужна критика, мне нужна версия». Эта фраза, которую записал на одном из бесчисленных интернет-форумов анонимный посетитель, предельно четко описывает сложившуюся к 2008 году историографическую ситуацию. Версии, альтернативной гипотезе/теории В. Суворова, как не было, так и нет. Особенно примечательно гробовое молчание мэтров отечественной «исторической науки». Сразу же спешу уточнить — под «молчанием» я понимаю отсутствие ВЕРСИИ, отсутствие логичной, связной, опирающейся на факты интерпретации действий Сталина в 1939—1941 гг. Шума, крика и призывов «прекратить переписывать историю» полным-полно. Иные выступления российских академиков заставляют лучших отечественных юмористов сгорать от зависти.

Вот, например, выступает на страницах газеты «Красная звезда» (а это, если кто забыл, — официальный печатный орган Министерства обороны РФ) товарищ О. Ржешевский и говорит такие слова:

«Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия (версия В. Суворова. — М.С.) тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты»¹.

Вот оно что — не допускают заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, президента ассоциации историков Второй мировой войны, доктора исторических наук, профессора Ржешевского к редакциям и издательствам. Не может маститый ученый предъявить публике «имеющиеся у него достоверные документы и факты». Я, «историк-любитель из Самары», могу предъявить, а пре-

¹ Красная звезда. 10 апреля 2001 г.

зиденту и профессору рот затыкают. Страшное дело. Не иначе, как и здесь «англичанка гадит»...

И не только товарищ Ржешевский связан по рукам и ногам. В одной лишь Москве златоглавой в столичном отделении Академии военных наук числится 257 докторов и 436 кандидатов наук. И это только в Москве. По статуту докторская диссертация должна представлять собой «фундаментальное исследование, формирующее новое направление в науке». 257 научных открытий в области военной истории! Выдающиеся ученые движутся к познанию истины тучными стадами. А ведь кроме докторов военных наук на российских нивах, обильно орошенных нефтедолларами, пасутся несравненно более многочисленные отары докторов исторических наук. А нынче завелись еще и социологические, и политологические доктора...

Оглушительное молчание официальной военно-исторической науки — это не просто «знак согласия» с гипотезой Суворова. Это белая простыня капитуляции, свисающая с подоконников генеральских дач. Имея в своем распоряжении все архивы России, имея толпу штатных, оплаченных за счет налогоплательщика подчиненных, они так и не смогли за 20 лет предъявить «городу и миру» ни одного документа, подтверждающего миролюбивые устремления Сталина.

* * *

Если научная дискуссия об общей направленности военно-политических планов Сталина к настоящему времени может считаться завершенной, то **вопрос о запланированных сроках начала вторжения в Европу по-прежнему остается открытым.** И это неудивительно — для сокрытия и извращения информации по этой проблеме официальная советская/российская «историческая нау-

ка» приложила максимум усилий. Не будем забывать и о том, что выявление конкретных планов и сроков в принципе невозможно без доступа к тому массиву документов высшего военно-политического руководства СССР, какие и по сей день наглухо закрыты для любого независимого исследователя.

Как будет показано ниже, планы эти ТРИЖДЫ менялись, и причудливое переплетение обрывков информации о трех, весьма различных по замыслу, планах Сталина ставит перед историками чрезвычайно сложную задачу Единственное, что можно сказать сегодня со всей определенностью, — это то, что в рамках имеющейся источниковой базы РЕШИТЬ эту задачу не удастся. Если что и возможно, так это лишь сформулировать ряд ГИПОТЕЗ, которые будут подтверждены либо опровергнуты следующим поколением историков. Тем, кто считает обсуждение недоказуемых гипотез бесполезной тратой времени, нет смысла продолжать чтение данной статьи. Всех остальных я прошу смириться с присутствием в этом тексте огорчающих и меня самого слов-паразитов: «возможно», «скорее всего», «вероятно», «не исключено», «можно предположить»...

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности, опубликованный французским агентством «Гавас» 28 ноября 1939 г. так называемый «доклад Сталина от 19 августа 1939 г.»; опубликованная Т. Бушуевой запись этого «доклада», обнаруженная ею в Особом архиве (хранилище трофейных документов)¹; опубликованный М. Шаули отчет группы чехословацких коммунистов об инструкциях, полученных ими в октябре 1939 г. в Москве от руководства НКВД СССР², скорее всего, вполне адекватно передают намерения Сталина образца осени 1939 г. — хотя проблема аутентичности самих текстов еще требует своего разрешения.

¹ Новый мир. 1994, № 12.

² Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М.: Яуза-ПРЕСС, 2008.

План № 1 — это попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. *«В результате своего скудоумия Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя... С точки зрения экономики, Гитлер зависит только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции... Война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны...»* Если заменить ритуальное в разговоре между «товарищами коммунистами» слово «революция» на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха, хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе.

Осенью 39-го об установлении конкретных сроков вторжения в Европу не могло быть и речи: война еще только-только разгоралась, до полного разорения и истощения противоборствующих сторон было еще очень далеко. На этом этапе именно Германия представлялась Сталину слабой стороной конфликта, которой он оказывал разнобразную политическую, психологическую, экономическую помощь с тем, чтобы война не прекратилась в самом своем начале по причине разгрома Германии. В этой связи стоит отметить один примечательный момент. В упомянутом выше отчете чехословацких коммунистов приводится фраза А.М. Александрова (заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД) о том, что *«мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла»*. Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю.

Произнес ее сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 г. в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 г. Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина,

заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: *«Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию»*¹. Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию Риббентропа публично припугнуть ненавистных англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: *«Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз поэтому не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение»*². Эта переписка была опубликована 60 лет назад Госдепом США в знаменитом сборнике трофейных документов германского МИДа «Nazi — Soviet Relations», и никаких сомнений в ее подлинности у историков нет.

Дело (т.е. антизападная направленность политики Сталина) не ограничилось одними только словами. Красная Армия вторглась в Польшу и оккупировала чуть более половины ее территории — действие, которое формально ставило СССР на грань войны с Великобританией, давшей Польше пресловутые «гарантии» неприкосновенности ее территории. Затем было нападение на Финляндию — традиционного союзника западных демократий, исключение Советского Союза из Лиги Наций и уже не формально-юридическая, а вполне реальная перспектива вступления Советского Союза в европейскую войну в качестве противника англо-французского блока.

Удивительный документ (удивительный не своим содержанием, а тем, что его вовремя не уничтожили) сохра-

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс, «Мокслас», 1989, т. 2. С. 18.

² Там же. С. 20.

нился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока... Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер...»¹

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странные выводы: *«Многие командиры считают выступление тов. Калинина путаным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным»*. Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров»? И это после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной Армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать Ворошилова с тем, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям — 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом, — доклад с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией,

¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 70, л. 18—19.

вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

О войне против Англии и ее союзников не просто говорили в «окружном доме Красной Армии». К ней настойчиво готовились. Ряд историков авиации (В. Белоконь, А. Степанов) обратили внимание на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30—40-х гг. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в 1 тонну пролететь 3300 км (самый дальний на тот момент немецкий He-111 имел боевую дальность не более 2700 км), Сталин в январе 1939 г. ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика с дальностью 5000 км. В соответствии с этими требованиями был разработан и запущен в серийное производство на крупнейшем воронежском авиазаводе № 18 двухмоторный бомбардировщик ДБ-240 (Ер-2). Куда, в какую даль предстояло лететь «сталинским соколам» на бомбардировщиках с огромным радиусом действия? От Минска до Берлина — 1000 км, от Минска до Гамбурга — 1200 км, от Киева до Мюнхена — 1400 км, от Владивостока до Токио — 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки указанных целей. А вот для удара по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона 1900 км, до Манчестера — 2000 км).

Самым фантастическим проектом было «изделие ПБ-4»: дальний, тяжелый, 4-моторный и при всем при этом — пикирующий (!!!) бомбардировщик. Столь невероятное (никогда и никем не реализованное в металле) сочетание параметров обуславливалось задачей: самолет предназначался для борьбы с крупными надводными кораблями, которые он должен был поражать сверхтяжелой бомбой, разогнанной в пикировании до скорости, позволяющей пробить броневую палубу линкора. ПБ-4 разра-

батывался в «шарашке» — тюремном КБ НКВД, в котором Берия заботливо собрал весь цвет советской инженерной мысли: Бартини, Глушко, Егер, Королев, Мясищев, Петляков, Стечкин, Туполев, Чаромский... По воспоминаниям Егера, при разработке ПБ-4 в качестве типового объекта для бомбометания рассматривался английский линкор «Нельсон» и база Королевского ВМФ в Скапа-Флоу. И хотя создание самолета с такими параметрами превосходило возможности авиационной техники той эпохи, работы по проекту ПБ-4 продолжались до конца 1939 г.

В разговоре о том, как «под руководством Коммунистической партии накануне войны создавалась мощная оборонная промышленность», обязательно вспомнят и назовут танки Т-34 и КВ, реактивные минометы («катюша»), штурмовик Ил-2. При этом принято забывать о грандиозной программе строительства военно-морского флота. В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939—1940 гг. в Германии (в обмен на кормовое зерно, жмых и очесы льна), едва ли не половину составляют многочисленные образцы корабельной (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок) и береговой артиллерии, минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 миллиардов рублей, ассигнованных в 1940 г. по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 млрд) выделялась наркомату ВМФ¹. К началу мировой войны на вооружении ВМФ великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, Германии — 57, Италии — 68, Японии — 63. Огромная континентальная страна СССР имела на вооружении (правда, не к сентябрю 39-го г., а к июню 41-го г.) 267 подводных лодок. Двести шестьдесят семь. Вопрос — мор-

¹ ГАРФ, ф. Р—8418, оп. 24, д. 2, л. 41.

скую блокаду какой страны должен был осуществлять этот огромный подводный флот?

В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

«Вероятный противник: Англия, Франция, Румыния, Турция.

Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...»¹

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940—1941 гг. предполагал следующее развитие событий:

«...Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...

2. Эгейское море: Салоники, Смирна...

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи... Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникаций...»²

В эти же месяцы весны 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: *«Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор)*. На 34 страницах был составлен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии³. Все перечисленные страны — колонии или союзники Великобритании.

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного политуправления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тре-

¹ РГА ВМФ, ф. Р—1877, оп. 1, д. 195, л. 1.

² РГА ВМФ, ф. Р—1877, оп. 1, д. 150, л. 2.

³ РГВА, ф. 29, оп. 56, д. 92, л. 1-34.

вогой пишет о *«необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре»*.

Вся эта «маниловщина», сладкие сны про «перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор» на пути к Индийскому океану и освободительный поход на Иерусалим, рассыпалась в пух и прах в мае 1940 г. Франция и ее союзники были разгромлены в течение одного месяца. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина срочно менять стратегический план войны.

Еще совсем недавно (17 апреля 1940 г.), менее чем за месяц до начала немецкого наступления на западе, выступая на совещании высшего комсостава Красной Армии, Сталин выразил свою обеспокоенность пассивностью вяло дерущихся империалистов: *«Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено»*. Два месяца спустя немецкие войска прошли парадным маршем под Триумфальной аркой Парижа, и перед шибко мудрой обезьяной замаячила перспектива оказаться один на один с разъяренным, попробовавшим вкус крови тигром. Но пронесло. Летом 40-го года Гитлер в первый (но еще не в последний) раз помог Сталину выкарабкаться из крайне тяжелой ситуации.

Вместо того чтобы вовремя остановиться и, выражаясь циничным языком биржевых спекулянтов, «зафиксировать прибыль», Гитлер решил добить непокорную Англию. И вот тут-то коса нашла на камень. 22 июня (да, странные шутки отпускает порой История...) 1940 года советский посол И. Майский докладывал из Лондона в Москву:

«Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства, несмотря на

капитуляцию Франции, продолжать войну находит всеобщую поддержку населения... Большую роль в этом сыграли выступления Черчилля. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца...»

В августе 1940 г. началось крупномасштабное воздушное наступление на Британские острова. Однако, несмотря на значительное численное превосходство люфтваффе, блицкриг в небе над Лондоном не состоялся. Не удалось задуть Англию и удавкой морской блокады, хотя немецкие подводники и добились огромных успехов, отправляя на дно морское ежемесячно по 300 000 тонн тоннажа уничтоженных судов. Война, которая в июне 40-го казалась уже завершенной, разгоралась с новой силой, распространяясь на огромной территории от побережья северной Норвегии до пустынь Северной Африки. Товарищ Сталин смог облегченно вздохнуть и приступить к разработке «плана № 2».

План № 2 — это план войны с Германией. Не вместе с Германией, а против Германии.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, «план № 2» известен сегодня достаточно подробно. В первой половине 90-х гг. были рассекречены и опубликованы в ряде сборников следующие документы:

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 16 августа 1940 г.¹

— Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№ 103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.)².

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б)

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 1—37.

² ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 197-244.

И.В. Сталину и В.М. Молотову № 103313 (документ начинается словами *«докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год»*, в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания»)¹.

— Докладная записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г., б/н, не позднее декабря 1940 г.².

— Выдержки из доклада Генштаба Красной Армии «О стратегическом развертывании Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, от 11 марта 1940 г.³.

— Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа, б/н, апрель 1941 г.⁴.

— Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н, не ранее 15 мая 1941 г.⁵

К документам, описывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М. Василевского (в качестве заместителя начальника Оперативного управления Генштаба он участвовал в разработке всех вышеуказанных оперативных планов), который прямо указывает на то, что *«в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, ос-*

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 84 - 90.

² ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 245-277.

³ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 1-16.

⁴ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 48-64.

⁵ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1-15.

новые моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил»¹.

Строго говоря, информации для размышления предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного. В рамках данной статьи следует отметить лишь несколько ключевых моментов.

Во-первых, оперативный план Большой Войны существовал (*«оперативный план войны против Германии существовал, и он был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войсками и штабами западных приграничных военных округов Советского Союза»* — А.М. Василевский). Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что «наивный и доверчивый» Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом «Пакте о ненападении». Разумеется, план войны с Германией существовал, и многомесячная работа над ним шла безо всяких оглядок на Пакт. В упомянутых выше планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР (т.е. начиная с августа 1940 г.) Англия в качестве возможного противника СССР уже не упоминается (!!!); главным противником неизменно считается Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Внимательное сопоставление документов позволяет высказать предположение о преднамеренной (с целью скрыть истинные планы высшего военно-политического руководства страны) дезинформации собственных войск, которая поднималась вплоть до уровня командующих военными округами. Документы, адресованные командова-

¹ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 5—8.

нию округов (или составленные в округах в соответствии с директивными указаниями Генштаба), и содержательно и текстуально совпадают с общим планом стратегического развертывания Красной Армии и общим планом первых наступательных операций. Но есть одно **важное отличие**.

В первых строках «окружных документов» (записка начальника штаба Киевского О ВО от декабря 1940 г. и Директива на разработку плана оперативного развертывания Западного ОВО от апреля 1941 г.) содержится такая фраза: *«Пакты о ненападении между СССР и Германией, между СССР и Италией в настоящее время, можно полагать, обеспечивают мирное положение на наших западных границах»*. В документах же высшего руководства (докладных записках наркома обороны на имя Сталина и Молотова) пресловутый «Пакт» не упоминается ни разу! Далее, в апреле 1941 г. Директива наркома обороны СССР так ориентирует командующего войсками Западного особого военного округа:

«СССР не думает нападать на Германию и Италию. Эти государства, видимо, тоже не думают напасть на СССР в ближайшее время. Однако, учитывая... (далее идет перечень различных внешнеполитических событий. — М.С.), необходимо при выработке плана обороны СССР иметь в виду не только таких противников, как Финляндия, Румыния, Англия, но и таких возможных противников, как Германия, Италия и Япония».

И это при том, что в «кремлевских документах» главным противником однозначно называется именно и только Германия, а про возможную войну с Англией нет ни слова!

Во-вторых, все опубликованные на сей момент планы стратегического развертывания представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех планов. Все без исключения планы представляют собой план наступательной операции, проводимой за пре-

делами государственных границ СССР. Стратегическая оборонительная операция на собственной территории не рассматривалась даже как один из возможных вариантов развития событий будущей войны! Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских и прусских городов и рек. Глубина наступления в рамках решения «первой стратегической задачи» составляет 250—300 км, продолжительность операции — 20—30 дней.

В-третьих, только августовский (1940 г.) вариант плана ставит выбор направления развертывания главных сил Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника (*«считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья»*). С большой натяжкой эту логику еще можно назвать «планированием ответного контрудара». Все же последующие варианты устанавливают направление главного удара исключительно из соображений военно-оперативных и политических «удобств» для наступающей Красной Армии. Оценка вероятных планов германского командования (нанесение немцами главного удара к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара Красной Армии. Конкретнее: начиная с сентября 1940 г. все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной Армии в районе так называемого Львовского выступа для нанесения удара в общем направлении на Краков — Катовице. Выбор именно такой схемы развертывания составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями: отсутствием у противника на данном направлении долговременных оборонительных укреплений; характером местности, позволяющей в большей степени реализовать ударную мощь танковых соединений; возможностью уже на первом этапе войны отрезать Германию от сырьевых (нефть) и продовольственных ресурсов Юго-Восточной Европы.

Если сам замысел операции понятен и дискуссия возможна лишь в плане уточнения отдельных деталей, то даже ориентировочную дату начала «освободительного похода» установить на основании рассекреченных документов невозможно.

Высказанная В. Суворовым и И. Буничем гипотеза о том, что вторжение в Европу Сталин намеревался начать в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не находит подтверждения в известных документах. Нет слов, гипотеза красивая и логичная, но для историка одной только «красоты замысла» мало. Не может считаться подтверждением этой гипотезы и имеющаяся в Докладной записке начальника штаба Киевского ОВО (декабрь 1940 г.) фраза: *«вооруженное нападение Германии на СССР наиболее вероятно при ситуации, когда Германия в борьбе с Англией будет победительницей и сохранит свое экономическое и военное господствующее влияние на Балканах»*. Ни в Москве, ни в Киеве пассивно ждать «вооруженного нападения Германии на СССР» не собирались; план наступления должен был быть реализован еще до того, как *«Германия в борьбе с Англией будет победительницей»*, но когда именно — об этом в Докладной записке нет ни слова.

Большие вопросы вызывает Доклад Генштаба Красной Армии от 11 марта 1941 г., который — вопреки всем писаным и неписаным правилам научной публикации исторических документов — был опубликован в крайне усеченном виде. Фактически рассекречен лишь подробный обзор предполагаемых планов и группировки противника. Собственные планы советского командования преднамеренно оставлены «за кадром».

Интерес к этому документу подогрел не кто иной, как сам М.А. Гареев, имевший неосторожность заявить, что в Докладе от 11 марта 1941 г. (в той его части, которая не была опубликована) рукой Ватутина была вписана фраза: *«Наступление начать 12.6»*. На интернет-форуме сайта «Военная литература» некий товарищ утверждал, что держал этот документ в руках, что в архивном формуля-

ре уже имеется 12 фамилий людей, работавших с документом, и что указанная рукописная надпись на обороте одного из листов действительно имеется. Однако никто из этих загадочных «двенадцати посвященных» полный текст Доклада от 11 марта 1941 г. так и не опубликовал.

Разумеется, ничего, кроме горького смеха сквозь слезы, такая «историографическая ситуация» вызвать не может. Государство российское продолжает успешно играть с независимыми историками в прятки. Помнится, в годы моего детства была такая радиопередача: «Угадайка, угадайка — интересная игра...»

Вернемся, однако, к опубликованным документам. Они дают некоторое основание предположить, что загадочная надпись *«наступление начать 12 июня»* (если только она существует в действительности!) никак не могла быть связана с 12 июня 1941 года. Скорее всего, речь шла о лете 1942 года. И вот почему.

Апрель 41-го наступил после 11 марта 1941 г. Соответственно, апрельская (1941 г.) Директива наркома обороны на разработку плана оперативного развертывания войск Западного ОБО должна была учитывать решения, принятые Сталиным по Докладу военного руководства от 11 марта. В соответствии с этой Директивой войска Западного О ВО должны были нанести сокрушительные удары *«в общем направлении на Седлец, Радом с целью полного окружения, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом, Люблинской группировки противника... Овладеть на третий день операции Седлец и на 5 день — переправами на р. Висла»*. Главной ударной силой округа (фронта) должны были стать пять мехкорпусов: 6-й МК, 11-й МК, 13-й МК, 14-й МК и 17-й МК. Из них к июню 1941 г. почти полностью укомплектован боевой техникой и автотранспортом был один только 6-й МК; два других мехкорпуса (11-й и 14-й) по планам Генерального штаба заканчивали формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13-го МК и 17-го МК, то они находились на ранней стадии формирования, и даже к концу 1941 г. их плановая укомплектованность танками не превышала 25—30%. На-

чать намеченное Директивой наступление 12 июня 1941 г. такая танковая группировка никак не могла.

В целом вся развернутая в феврале 1941 г. программа формирования гигантских бронетанковых сил в составе тридцати мехкорпусов по тысяче танков в каждом, перевооружение этой чудовищной бронированной орды на «танки новых типов», т.е. КВ и Т-34, не могла быть завершена до конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек — а Сталин, без сомнения, был человеком трезвомыслящим и чрезвычайно осторожным — не стал бы затевать такой грандиозный «капитальный ремонт» за несколько месяцев до Большой Войны. Очень может быть, что в бесконечных заклинаниях советской исторической пропаганды («Сталин надеялся оттянуть нападение Германии до лета 1942 года») есть изрядная доля истины. Правда, истины, причудливо искаженной. Сталин не для того создавал крупнейшую армию мира, чтобы с замиранием сердца гадать: «нападет — не нападет...». Сталин вел свою собственную, активную и наступательную политику; он вовсе не ждал нападения Гитлера, а выбирал оптимальный момент для нанесения сокрушительного первого удара. В марте 1941 г. этот момент, скорее всего, был отнесен не к лету 41-го, а к началу лета («12 июня») 1942-го или даже 1943 г.

«В поле две воли», — говорит старинная русская поговорка. Драматичное развитие событий мировой войны не позволило Сталину подготовиться к вторжению в Европу основательно, «с чувством, с толком, с расстановкой».

В какой-то момент весны 1941 г. Сталин понял, что «оттянуть» до лета следующего года не удастся, и нанести удар первым возможно лишь в том случае, если Красная Армия начнет наступление не позднее сентября 1941 года. Так умер, не успев реализоваться, «план № 2», и высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось разрабатывать «план № 3».

Когда произошел этот резкий поворот в планах Сталина? Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев (что в

отсутствие прямых документальных свидетельств может считаться высокой точностью). **Не раньше 6 апреля — и не позже 24 мая 1941 г.**

6 апреля 1941 г. — один из наиболее загадочных дней в истории Второй мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу.

3 апреля (т.е. всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным. Несмотря на то, что Германия через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что *«момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление»*, в 2.30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Через несколько часов после его подписания самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, и немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог своему новому другу. 6 апреля, примерно в 16 часов по московскому времени Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, ограничился лишь меланхолическим замечанием: *«Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным...»*¹

Что это было? Для какой надобности Сталин демонстративно «дразнил» Гитлера, не имея желания (да и практической возможности) оказать Югославии действенную военную помощь? Доподлинно известно, что в Берлине

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс, «Мокслас», 1989. Т.2. С. 156.

этот странный дипломатический демарш восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.) именно события 5—6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии (*«с заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившем тыл белградских заговорщиков, СССР присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии»*).

6 апреля — это последний день, про который можно с уверенностью сказать, что в этот день советско-германские отношения были весьма напряженными и недружественными. Далее **внешняя** (подчеркнем и это слово тремя жирными чертами) канва событий резко меняется. Причем меняется в сугубо одностороннем порядке — Москва начинает демонстративно и навязчиво дружить с Берлином.

13 апреля 1941 г. произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией — соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлекий, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов всего мира. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

«...Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь все для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему:

«Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там».

Жаркие объятия у дверей вагона были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не просохли чернила».

С другой стороны, взаимоотношения с Великобританией дошли до такой точки замерзания, что английский посол С. Криппс 6 июня 1941 г. был отозван из Москвы в Лондон «для консультаций». В мае 1941 г. Советский Союз с молниеносной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались все вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИД Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось:

«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе... У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...»¹

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован объятиями гостеприимных московских хозяев (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс, «Мокслас», 1989. Т.2. С. 164.

его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет:

«... То, что эта внешняя политика прежде всего направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели (подчеркнуто мной. — М.С.), тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений...»¹

5 мая 1941 г. Сталин назначил себя Председателем СНК, т.е. главой правительства СССР. Это событие удивило тогда всех — кроме, разумеется, граждан Страны Советов, которые горячо и единодушно одобрили очередное мудрое решение. Все остальные терялись в догадках. Позднее, осенью 1941 г., С. Криппс писал в своем докладе на имя министра иностранных дел Э. Идена:

«... в СССР начали происходить вещи, имевшие, очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после Первомайского парада был опубликован Указ о назначении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило...»

Тайна сия велика есть. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 г. товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным Председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. Что же изменилось в начале мая 41-го года?

¹ СССР — Германия, 1939—1941 гг. Сборник документов. Вильнюс, «Мокслас», 1989. Т.2. С. 165.

10 мая 1941 г. в Комитете Оборона при СНК СССР был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем — не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: *«О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны»*. 12 мая 1941 г. подготовлен «Перечень вопросов в ЦК ВКП(б)». Пункт 7: *«О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) в военное время»*.

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н. Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т.е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка — в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты: *«Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50% от общей потребности на период до 1.01.43 г.»*¹.

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать уже в следующем месяце. Оперативный план этой большой морской войны уже составлен — в противном случае Н.Г. Кузнецов не мог бы прогнозировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию.

В мае (не ранее 15 мая, точная дата не известна) был составлен очередной вариант «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». Майские «Соображения» — полностью повторяющие все предыдущие варианты по целям, задачам, направлениям главных ударов, срокам и рубежам — содержат некоторый новый момент. А именно: *«Германия*

¹ ГАРФ ф. Р—8418, оп. 25, д. 481, л. 32-33.

имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Во всех других известных вариантах плана стратегического развертывания подобной по содержанию фразы нет. Далее разработчики плана настойчиво предлагают «ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Исключительно важно подчеркнуть, что речь идет во все не о «большей агрессивности» майских «Соображений» — все предыдущие варианты также не предлагали ничего иного, кроме проведения крупномасштабной наступательной операции за пределами государственных границ СССР. Что же до намерения опередить противника и «ни в коем случае не давать ему инициативы действий», то оно является всего лишь элементарным требованием здравого смысла. Существенная новизна заключается в том, что в мае 41-го советское командование уже не столь уверено в том, что ему удастся это сделать, и поэтому просит Сталина незамедлительно провести все необходимые мероприятия, *«без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле».*

24 мая 1941 г. в кабинете Сталина состоялось много-часовое совещание, участниками которого кроме самого Сталина были:

- заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов;
- нарком обороны Тимошенко;
- начальник Генерального штаба Жуков;
- начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин;
- начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев;

— командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС этих округов.

Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не было ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Не менее примечательным является и перечень тех лиц, которых на Совещании 24 мая 1941 г. не было. Не были приглашены:

— председатель Комитета Обороны при СНК СССР маршал Ворошилов;

— заместители наркома обороны: маршалы Буденный, Кулик, Шапошников, генерал армии Мерецков;

— начальник Главного управления политической пропаганды РККА Запорожец;

— нарком ВМФ Н. Кузнецов;

— нарком внутренних дел Л. Берия;

— секретари ЦК ВКП(б) Жданов и Маленков, курировавшие по партийной линии военные вопросы и входившие в состав Главного Военного Совета.

Вот, собственно, и весь «массив информации». Ничего большего не известно и по сей день. Ни советская, ни российская официальная историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина участники Совещания. Рассекреченные уже в начале XXI века Особые папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 34—35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. И лишь маршал Василевский в своей статье, пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет, вспоминает: *«За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов».*

Какие выводы можем мы сделать на основании имеющихся обрывков информации? 24 мая 1941 г. состоялось Совещание высшего военно-политического руководства страны. Состав участников Совещания достаточно странный: отсутствуют маршалы, занимающие высокие и громкие по названию должности, зато присутствуют генерал-лейтенанты из округов. Если бы в кабинете у Сталина происходило обычное «дежурное мероприятие», что-нибудь вроде обсуждения итогов боевой подготовки войск и планов учений на летний период, то состав участников, скорее всего, был бы иным. Остается предположить, что память не подвела Василевского, и именно в ходе Совещания 24 мая 1941 г. содержание сверхсекретных оперативных планов было доведено до сведения исполнителей, т.е. командования приграничных военных округов (будущих фронтов).

Если это так, то тогда становится совершенно понятным и подбор участников Совещания (только те, кто разрабатывал последний вариант оперативного плана войны и кому этот план предстояло выполнять) и строжайшая, непроницаемая завеса секретности, которая окружала (и окружает по сей день) все, что связано с тайной Совещания 24 мая.

Если наше предположение верно и на Совещании 24 мая 1941 г. утвержденный Сталиным план войны против Германии был доведен до сведения будущих командующих фронтами, то «диапазон возможных дат» начала операции сужается практически до двух месяцев: **от середины июля до конца августа 1941 г.**

Кратко поясним этот, достаточно очевидный, вывод. Если бы в мае 41-го вторжение в Европу планировали начать в 1942 (и уж тем более — в 1943-м) году, то 24 мая 1941 г. сверхсекретные оперативные планы не стали бы передавать командованию военных округов. Слишком рано. Опасно — резко увеличивается возможность утечки информации. Да и бессмысленно — до лета 1942 г. военно-политическая ситуация могла многократно измениться. И сам факт проведения Совещания 24 мая, и явно

обозначившаяся с середины апреля политика показного «миролюбия» в отношениях с Германией, и официальное принятие Сталиным должности главы правительства СССР, и — самое главное — начавшаяся с конца мая скрытая мобилизация и крупномасштабная передислокация войск позволяют предположить, что план Сталина № 3 предполагал начать вторжение в Европу уже летом 1941 года.

Указать точную конкретную дату начала стратегического сосредоточения войск Красной Армии не представляется возможным. Красивая метафора, предложенная В. Суворовым («лев в саванне сначала долго и бесшумно подползает к своей жертве и только в последний момент, с оглушительным рычанием, бросается на нее в открытом прыжке»), как нельзя лучше описывает ситуацию мая—июня 1941 г. Стратегическое развертывание Красной Армии происходило в обстановке небывалой секретности, с нарушением многих «общепринятых» правил. *«Общий объем перевозок войсковых соединений составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянута выдвигания войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранением режима работы железных дорог по мирному времени»*, — пишут авторы коллективного труда «1941 год — уроки и выводы» (составлен большой группой военных историков СССР в 1992 г.).

Фраза о «растянутости выдвигания войск», да еще и с «сохранением режима работы железных дорог по мирному времени», заслуживает особого внимания. Для многомиллионных армий первой половины XX века железные дороги, поезда, и паровозы стали важнейшим «родом войск», во многом предопределявшим исход главных сражений двух мировых войн. Соответственно, все страны имели разработанные еще в мирное время планы перевода железнодорожного движения на режим «максимальных военных перевозок». Так, на этапе стратегического развертывания вермахта для вторжения в СССР железные дороги перешли на график максимальных военных перевозок с 23 мая. Режим военных перевозок в евро-

пейской части СССР вводился (12 сентября 1939 г.) даже на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной вторжением вермахта Польшей¹. Однако в июне 1941 г. ничего подобного сделано не было!

По расчетам, содержавшимся в предвоенных планах советского командования, для осуществления перевозок по планам стратегического развертывания войск Красной Армии требовалось от 8 дней (для Северного фронта, т.е. Ленинградского ВО) до 30 дней (для Юго-Западного фронта, т.е. Киевского ОВО). Фактически же, в условиях сохранения режима работы железных дорог мирного времени, перегруппировка войск не форсировалась, а фактически затягивалась. Затягивалась со вполне понятной, откровенно названной в 1992 г. группой советских историков целью — обеспечить максимально возможные «меры маскировки». Говоря еще проще — не вспугнуть «дичь» раньше времени.

Первыми начали выдвижение находящиеся в Забайкалье и в Монголии соединения 16-й армии и 5-го мехкорпуса. 22 мая 1941 г. началась погрузка первых частей в эшелоны, которые с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени должны были прибыть на Украину, в район Бердичев — Проскуров — Шепетовка в период с 17 июня по 10 июля. С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва Главного командования. 22-я армия выдвигалась в район Великие Луки — Витебск со сроком окончания сосредоточения 1—3 июля, 21-я армия сосредоточивалась в район Чернигов — Гомель — Конотоп ко 2 июля. 29 мая принято решение о формировании 19-й армии и развертывании ее в районе Черкассы — Белая Церковь к 7 июля. Не ранее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Мос-

¹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. С. 110.

ковского ВО еще одной, 20-й армии, которая должна была сосредоточиться у Смоленска к 3—5 июля.

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах намечаемых оперативными планами с 1 июня по 10 июля 1941 г.». Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год — уроки и выводы» следовало бы наградить медалью «За отвагу». Фактически эта фраза означает, что при разработке «оперативных планов», в частности — при составлении графика развертывания, немецкое вторжение не предполагалось. Хронология тут очень простая. Войска, завершившие сосредоточение к 10 июля, закончат оперативное развертывание и изготовятся к бою не раньше 15—20 июля. В целях проведения стратегической **ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ** операции это уже **безнадежно поздно** (что и было беспощадно подтверждено на полях сражений лета 1941 г.).

Наивно было бы ожидать, что Гитлер — если он решится напасть на СССР в 1941 г. — станет тянуть с началом вторжения до второй половины июля. Как известно ныне, по первоначальному плану германского командования вторжение должно было начаться 15 мая, после окончательного просыхания грунтовых дорог европейской части СССР от весенней распутицы. Балканская кампания «смешала карты» Гитлера и привела к отсрочке нападения на СССР на целых пять недель (не секрет, что, по мнению многих военных специалистов — и не только из числа «битых гитлеровских генералов», — эта задержка фатальным образом отразилась на итогах кампании). Начать же наступление во второй половине июля было бы полным безумием — даже при отсутствии всякого сопротивления со стороны Красной Армии немецкой пехоте (а это четыре пятых армии вторжения) предстояло брести к установленной в плане «Барбаросса» линии Архангельск — Астрахань по пояс в снегу...

«Завершение сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами», в первой декаде июля означает готовность к началу стратегической **НАСТУПАТЕЛЬ-**

НОЙ операции с 15—20 июля. Это «нижняя граница» даты начала вторжения в Европу по сталинскому «плану № 3». Верхнюю границу также не сложно определить, исходя из оценки природно-климатических условий восточноевропейского ТВД.

Главный удар, как было уже отмечено выше, предстояло нанести в направлении Львов — Краков, с дальнейшим развитием наступления на Катовице. Плановая продолжительность решения «первой стратегической задачи» составляла 25—30 дней. Но не все на войне идет по плану, к тому же за успешным решением «первой задачи» должна была последовать очередная. С другой стороны, в южной Польше, в Румынии, Словакии и Венгрии тоже бывает осень и даже зима — сырая, слякотная, с дождями, туманами и мокрым снегом. Для действий авиации и моторизованных войск это значительно хуже «нормальной» русской зимы с крепкими морозами, которые превращают все дорожные направления в «дорогу с твердым покрытием» и сковывают озера и реки ледяным «мостом». Таким образом, **конец августа — начало сентября может считаться предельным сроком**, после которого начинать крупномасштабное наступление в южной Польше и на Балканах было бы слишком рискованно.

Стоит сравнить хронологию стратегического развертывания Красной Армии с тем, как шла подготовка к вторжению по другую сторону будущего фронта. В декабре 1940 г. Гитлер сообщил своим генералам: *«Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции»*. Это обещание («восемь недель») Гитлер выполнил — день начала операции (22 июня 1941 г.) был окончательно установлен и доведен до сведения верховного командования вермахта 30 апреля, т.е. за 52 дня до начала операции. Отсчитав те же восемь недель от даты Совещания 24 мая, мы попадаем в 19 июля — вполне реалистичный срок завершения всех мероприятий по стратегическому развертыванию Красной Армии.

В качестве предполагаемого срока начала войны называли июль — август 1941 г. и многие из захваченных в плен командиров Красной Армии. Разумеется, круг лиц, допущенных к военной тайне такой важности, как точная дата внезапного нападения, был крайне ограничен, поэтому приведенные ниже показания могут служить лишь отражением общих настроений, «общего духа», который витал в Красной Армии летом 41-го года.

Так, военврач Котляревский, призванный 30 мая 1941 г. на 45-дневные «учебные сборы» в медсанбат 147-й стрелковой дивизии, сообщил, что *«7 июня медицинскому персоналу доверительно сообщили, что по истечении 45 дней увольнения не последует, так как в ближайшее время будет война с Германией»*.

Капитан Краско, адъютант командира 661-го полка 200-й стрелковой дивизии, показал: *«Еще в мае 1941 г. среди офицеров высказывалось мнение о том, что война начнется после 1 июля»*.

По словам майора Коскова, командира 25-го полка 44-й стрелковой дивизии, *«судя по масштабу и интенсивности подготовки к войне, русские напали бы на Германию максимум через 2—3 недели»* (после 22 июня. — М.С.).

Полковник Гаевский, командир полка 29-й танковой дивизии (в документах 29-й тд нет упоминаний о полковнике с такой фамилией. — М.С.), показал: *«Среди командиров много говорили о войне между Германией и Россией. Существовало мнение, что война начнется примерно 15 июля»*.

Майор Соловьев, начштаба 445-го полка 140-й стрелковой дивизии: *«В принципе конфликта с Германией ожидали после уборки урожая, примерно в конце августа — начале сентября. Поспешную передислокацию войск к западной границе можно объяснить тем, что срок нападения перенесли назад»*.

Подполковник Ляпин, начальник оперативного отделения штаба 1-й мотострелковой дивизии, показал, что *«советское нападение ожидалось осенью 1941 г.»*.

Генерал-майор Малышкин (перед войной — старший преподаватель, затем начальник курса в Академии Генерального штаба; начальник штаба 19-й армии Западного фронта, пленен 11 октября в вяземском «котле»; один из главных сподвижников Власова, повешен 1 августа 1946 г.) заявил, что *«Россия напала бы в середине августа, используя около 350—360 дивизий»*¹.

Показания, данные во вражеском плену, да еще и лицами, активно сотрудничавшими с оккупантами, вызывают понятные сомнения. Однако злополучный месяц август, как вероятный срок начала войны, всплывает в самых неожиданных документах.

В январе 1941 г. Генеральный штаб провел с высшим командным составом Красной Армии две стратегические военные игры. Руководил подготовкой и проведением игр лично нарком обороны маршал Тимошенко, об их результатах было доложено Сталину. Странно, но ход игр был привязан не к абстрактным числам («первый день операции», «пятый день операции»...), а к неким августовским (!!!) датам.

В начале июня 1941 г. советскую военную базу на «арендованном» финляндском полуострове Ханко посетил с инспекцией командующий Ленинградским ВО генерал-лейтенант М.М. Попов. 15 июня М.М. Попов подписал доклад, направленный в наркомат обороны СССР, в котором выразил обеспокоенность недостаточной, по его мнению, обороноспособностью базы в Ханко и высказал целый ряд конкретных предложений по ее укреплению. Заканчивался же доклад следующей фразой: *«Все эти мероприятия необходимо провести не позднее 1 августа 1941 г.* (подчеркнуто мной. — М.С.)»².

17 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение *«призвать в армию 3700 политработников запаса*

¹ Гофман И. Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М.: АСТ-Астрель, 2006. С. 84—85.

² РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 59.

для укомплектования среднего политсостава. Призыв произвести с 1 июля по 1 августа 1941 г.»¹.

18 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает следующее решение: *«выдать наркомату обороны в июне из госрезервов 750 тыс. штук автомобильных шин с возвратом в УГМР [Управление государственных мобилизационных резервов] в сентябре. Разрешить Наркомрезинпрому прекратить с 18 июня отгрузку а/м шин всем потребителям, за исключением наркоматов и ведомств, указанных в Приложении 1, с переносом недогрузов на 4-й квартал»².*

В этом документе нет слова «август» — но есть четкое понимание того, что в июне — июле у наркомата обороны возникнет экстренная, «пиковая» потребность в авторезине. Эту потребность решено покрыть с использованием чрезвычайных мер, а образовавшуюся в запасах и снабжении гражданских ведомств «брешь» постепенно восполнить начиная с сентября — октября. Можно с большой долей уверенности предположить, что экстренная потребность в авторезине была связана с запланированной на июль — август открытой мобилизацией, в рамках которой из народного хозяйства в Красную Армию предстояло передать порядка 240 тыс. автомобилей.

В архиве Коминтерна хранится интереснейшая коллекция документов — отчеты о проделанной работе (в большинстве случаев — подрывной) финских коммунистов, перешедших в сентябре 1941 г. линию фронта. Среди прочих лежит и доклад товарища Рейно В. Косунена «О работе парторганизаций в Хельсинки и Куопио». Заканчивается отчет следующим самокритичным замечанием:

«Мы, члены партии, не были на уровне международных событий в то время, когда началась новая война. За две недели до начала войны между Германией — Советским Союзом и Финляндией (так в тексте. — М. С) я получил от руко -

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 10.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 11.

водства партии доклад об оценке положения, т.к. я должен был выехать в партийную командировку в Коркила.

Доклад содержал следующее:

1. Война продолжается и распространяется. Это не молниеносная война.

2. В положении Финляндии не ожидается изменений до осени (подчеркнуто мной. — М.С), таким образом война пока не ожидается.

Мы, значит, не готовились к войне раньше, чем осенью».

Способность к самокритике украшает человека — но в данном случае товарищ Косунен несправедлив к себе и неназванным «членам партии». Партия эта управлялась не из Хельсинки, а из Москвы. Никаких других «оценок положения», кроме тех, что поступали от московского руководства, финские товарищи выработать не могли (да и не имели права). И если финские коммунисты готовились к войне, которая начнется «не раньше осени», то эту мысль им подсказали не случайно. Не случайно и то, что дата предполагаемого начала войны названа с некоторым запаздыванием — продуманная дезинформация рядовых исполнителей является важным и общепринятым приемом сокрытия подлинной информации...

* * *

Строго говоря, на этом краткий обзор трех планов Сталина можно считать завершенным. Подробная детализация и уточнение важных деталей станут возможными лишь с расширением источниковой базы. С другой стороны, самое важное доподлинно известно уже сейчас — ни один из этих планов так и не был реализован.

В июне 1941 г. фактически еще только-только начинавшееся стратегическое развертывание Вооруженных Сил СССР было прервано гитлеровским вторжением. Не завершившие от мобилизацию войска, разбросанные на огромных пространствах, не успевшие построить ни за-

планированные наступательные, ни импровизированные оборонительные группировки, подверглись сокрушительному удару вермахта и фактически были разгромлены по частям. И лишь огромные размеры этих «частей», колоссальные людские ресурсы (во втором полугодии 1941 г. в Красную Армию было призвано 11 790 тыс. человек), циклопические горы оружия, накопленного в предвоенные годы, мощная, географически не доступная для немецкой авиации оборонная промышленность позволили избежать полного поражения.

Есть, однако, еще один вопрос, еще одна историческая проблема, безо всякого преувеличения заслуживающая названия «тайна июня 41-го». Проблема заключается в том, что в последние мирные дни (ориентировочно с 13 по 22 июня 1941 г.) высшее военно-политическое руководство СССР совершало действия (или не менее удивительные бездействия), абсолютно неадекватные сложившейся обстановке. Или мы имеем дело с проявлением безумия, приступом временной невменяемости товарища Сталина (что, к слову говоря, вполне допустимо — история переполнена примерами безумных поступков сильных мира сего), или в те дни вступил в действие некий пока еще никем толком не дешифрованный «план Сталина № 4».

В чем конкретно состояли эти «неадекватные действия и бездействия»?

Для Гитлера момент перехода от стадии скрытного «подкрадывания» к последнему решительному рывку наступил 6—10 июня 1941 г.. В эти дни началась погрузка в идущие на восток железнодорожные эшелоны танковых и моторизованных дивизий вермахта (до этого момента у западных границ СССР накапливалась пехота, постепенно нарастающая концентрация которой не давала еще оснований для однозначных выводов о целях немецкого командования). 14—20 июня механизированные соединения прибывали на станции выгрузки в 100—150 км от границы и походными колоннами двигались в исходные для наступления районы.

Танковая дивизия вермахта — это в среднем 200 танков и более 2,5 тыс. колесных и гусеничных машин, транспортеров, тягачей и броневигов. Походная колонна танковой дивизии — это грохочущая, поднимающая пыль до неба «стальная лента» протяженностью в несколько десятков километров. Да и не одна дивизия шла к советским границам. Так, на узкой (примерно 35х35 км) полосе «Сувалкского выступа» (на стыке границ Восточной Пруссии, Литвы и Белоруссии) во второй декаде июня сгрудились четыре танковые (20, 7, 12, 19-я) и три моторизованные (14, 20, 18-я) дивизии вермахта. И это в дополнение к девяти пехотным (26, 6, 35, 5, 161, 28, 8, 256, 162-я).

В те же самые дни происходило широкомасштабное перебазирование авиагрупп люфтваффе на приграничные аэродромы. Так, две самые крупные истребительные эскадры (авиадивизии) 2-го Воздушного флота (JG 53 и JG 51) перелетели на аэродромы оккупированной Польши соответственно 12—14 и 13—15 июня 1941 г. На аэродромном узле Сувалки (и близлежащих полевых аэродромах) базировались четыре группы (полка) пикирующих «Юнкерсов», пять истребительных авиагрупп и две штурмовые (ZG) группы, оснащенные двухмоторными Me-110. Не заметить такую концентрацию сил противника в полосе 30—50 км от границы советская разведка не могла. Еще труднее было ошибиться в оценке задачи, которую поставило немецкое командование перед войсками, сосредотачиваемыми на узких пятачках, вдающихся в советскую территорию на стыке военных округов/фронтов.

По здравой логике, по основополагающим азам военной науки и в соответствии с многолетним практическим опытом в подобной ситуации военно-политическое руководство СССР должно было незамедлительно принять два взаимосвязанных решения: 1) начать полномасштабную мобилизацию (т.е. призвать плановое количество резервистов, изъять из народного хозяйства и передать в распоряжение армии сотни тысяч автомашин и десятки тысяч тракторов, разбронировать мобилизационные запа-

сы военного имущества) и 2) начать операцию прикрытия мобилизации сосредоточения и развертывания.

Именно эти два решения и представляют собой конкретное практическое содержание того, что на обыденном языке называется «привести войска в состояние полной боевой готовности».

Однако ни того ни другого сделано не было.

Советский Союз, эта предельно милитаризированная тоталитарная империя, которая на протяжении многих лет готовилась к Большой Войне с немыслимым для ее соседей размахом, оказалась **единственным** из числа участников Второй мировой войны (имея в виду крупные европейские государства, а не латиноамериканские банановые республики), который не провел полномасштабную мобилизацию вооруженных сил до начала боевых действий. Более того — открытая мобилизация в СССР была начата даже не в день начала войны, а на второй день — 23 июня 1941 г. Это абсолютно невозможная, невероятная ситуация. Такого не было нигде: Германия и Польша, Франция и Финляндия, Румыния, Италия и Бельгия — все эти страны начали мобилизацию за несколько дней или даже за несколько недель до начала войны. Единственным исключением из правил оказался Советский Союз.

Мобилизационные мероприятия первого дня мобилизации были расписаны по часам. Каждый час задержки дарил противнику дополнительные преимущества. И тем не менее Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил:

«На основании статьи 49 пункта «Л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета объявляет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского,, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года».

Это — полный текст Указа. От начала и до конца. Объявление мобилизации с 23 июня есть действие настолько невероятное, что авторы многих исторических книг, без долгих рассуждений, датой начала мобилизации называют «естественное и понятное всем» 22 июня...

Примечательная деталь — маршал Жуков, отчетливо понимающий всю абсурдность ситуации НЕобъявления мобилизации в день начала войны, начинает выдумывать (и это выражаясь предельно вежливо) в своих мемуарах такую историю:

«...С.К. Тимошенко позвонил И.В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И.В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов (странно, что ранним утром 22 июня могло быть более важным для пресловутого «Политбюро», нежели доклад руководства вооруженных сил? — М.С.)... Короткий путь от наркомата до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Нас встретил А.Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет И.В. Сталина...»

Сколько времени могла занять эта поездка «на предельно большой скорости» от одного здания в центре Москвы до другого? Если бы свидетельство Жукова было правдой, то Поскребышев открыл бы перед Тимошенко и Жуковым дверь в кабинет Хозяина примерно в 9 часов 20 минут. Больше 20 минут и не надо для того, чтобы доехать от дома к дому, предъявить документы охранникам и подняться бегом по лестнице. Увы, «Журнал посещений» молча, но твердо уличает Жукова во лжи: в кабинет Сталина и он, и маршал Тимошенко вошли в 14.00. В два часа пополудни. Машины «мчались» пять часов... Фактически совещание военных в кабинете Сталина началось в 14.00, и в 16.00 Тимошенко, Жуков, Кулик, Ватутин и Шапош-

ников вышли из кабинета Сталина. Телеграмма об объявлении мобилизации была подписана наркомом обороны и сдана на Центральный телеграф Министерства связи в 16 ч. 40 мин. 22 июня 1941 г.

«Мобилизация — это война». Комплекс мобилизационных мероприятий настолько велик, что скрыть от противника начавшуюся мобилизацию не удастся (в случае же объявления Указа Президиума ВС о «скрытности» мобилизации и говорить-то не приходится). Объявление (или фактическое начало) мобилизации может подтолкнуть противника к началу военных действий. Такая угроза вполне реальна. Именно по этой причине во всех без исключения планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, равно как и в планах оперативного развертывания войск военных округов, было предусмотрено проведение на начальном этапе операции по прикрытию мобилизации и сосредоточения.

В период с 5 по 14 мая 1941 г. в округа была направлена Директива наркома обороны на разработку полноценных планов прикрытия, и эта работа была завершена в конце мая — начале июня 1941 г. Планы прикрытия существовали, они были детализированы до уровня армий, корпусов и дивизий и хранились в штабах в знаменитых «красных пакетах». Дело оставалось за малым — планы прикрытия надо было достать из сейфа и ввести в действие.

И вот тут-то возникает большая проблема. В отличие от часового на посту (который не только имеет право, но и обязан принять решение на применение оружия самостоятельно, не дожидаясь никаких руководящих указаний сверху) ни один командир не имел права начать проведение операции прикрытия без прямого приказа вышестоящего начальника. На «вершине пирамиды», на уровне командования военных округов/фронтов планы прикрытия заканчивались следующей фразой: *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписью наркома обороны СССР, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба сле-*

дующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года».

Но эти четыре слова так и не были произнесены. Вместо короткой, заранее оговоренной фразы («ввести в действие план прикрытия») поздним вечером 21 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков (а по сути дела — Сталин) отправили в округа целое сочинение, вошедшее в историю под названием «Директива № 1». Вот ее полный текст:

«1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Обсуждение и анализ смысла этого текста продолжается уже более полувека. Одни утверждают, что главное в Директиве — требование «не поддаваться на провокации». Другие резонно возражают, указывая на фразу «встретить возможный удар немцев». Третьи справед-

ливо указывают на явную двусмысленность Директивы: как можно «встретить удар немцев», не проводя при этом «никаких других мероприятий», кроме рассредоточения и маскировки? Как можно привести в «полную боевую готовность» неотмобилизованные, не укомплектованные по штатам военного времени войска? Как в условиях жесточайшего дефицита времени командующие округами должны различить «провокационные действия» от «внезапного удара немцев»?

Вплоть до самых последних минут мирного времени Москва так и не отдала прямой и ясный приказ о введении в действие плана прикрытия.

В показаниях командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова (протокол первого допроса от 7 июля 1941 г.) события ночи 22 июня описаны следующим образом:

«...В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге: по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувалкский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения.

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». На этом разговор закончился...»

Итак, в дополнение к сотням других донесений, которые поступали в Генеральный штаб Красной Армии, командующий войсками приграничного округа сообщает, что противник снял проволоку заграждений и к границе непрерывно идут колонны танков и мотопехоты. Связь

между Минском и Москвой есть, и она устойчиво работает. Приказ наркома — не паниковать. При этом Тимошенко высказывает предположение о том, что утром 22 июня «может случиться что-то неприятное». Неужели такими словами маршал и нарком обороны обозначил возможное нападение 3-миллионной немецкой армии?

«...В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны...»

Еще раз отметим, что связь устойчиво работает, командующие в Москве, Минске, Гродно, Белостоке и Кобрине не спят, по другую сторону границы приказ о наступлении уже более 12 часов назад доведен до сведения трех миллионов солдат и офицеров вермахта (что должна была бы зафиксировать и советская военная разведка). Но нарком обороны упорно не желает произнести четыре заветные слова: «Ввести в действие план прикрытия». Впрочем, в 3 часа утра 22 июня такой приказ уже мало что мог бы изменить...

Существуют два описания реакции товарища Сталина на сообщение о немецком вторжении. Оба они принадлежат одному человеку — маршалу Жукову. На протяжении многих лет хрестоматийно-известным был следующий текст:

«...Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия.

И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите По-скребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. И.В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С.К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И.В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

— Надо срочно позвонить в германское посольство, — обратился он к В.М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В.М. Молотову...

Как только в начале 90-х годов приоткрыли свои тайны некоторые архивные фонды, стали очевидны многочисленные «ошибки» в этом отрывке из «Воспоминаний и размышлений» Жукова. Совещание в кабинете Сталина началось не в 4.30, а в 5.45. К этому моменту посол Шуленбург уже передал Молотову официальное заявление германского правительства с объявлением войны, соответственно, «срочно звонить в германское посольство» было уже незачем. В кабинете Сталина (не считая военных) собралось не все Политбюро, а ровно два его члена: Молотов и Берия. Был там, правда, еще один человек, которого Жуков не упомянул и которому, судя по его формальному статусу, на совещании такого уровня и с такой повесткой присутствовать не полагалось: нарком Госконтроля товарищ Мехлис. Причем — что еще более удивительно — за последние 12 часов Мехлис оказался в кабинете Сталина

дважды — вечером 21 июня он присутствовал (участвовал?) в обсуждении «Директивы № 1» и вышел из кабинета вместе со всеми военными (Тимошенко, Жуковым, Буденным) в 22.20.

Есть и вторая версия. За много лет до написания мемуаров, 19 мая 1956 г., Г.К. Жуков составил и передал для утверждения Н.С. Хрущеву проект своего доклада на Пленуме ЦК КПСС. Пленум, на котором предполагалось дать жесткую оценку «культу личности», так и не состоялся, и текст непроизнесенной речи Жукова пролежал в архивном заточении без малого полвека. Описание событий утра 22 июня 1941 г. во многом совпадает с мемуарным, но есть там и несколько важных отличий:

«...Мы с тов. С.К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий» (подчеркнуто мной. — М.С). Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть Вам и Тимошенко». Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня...»

Эта версия значительно точнее — и по хронологии, и по названным участникам совещания (член Главного Военного совета Г. Маленков был утром 22 июня в кабинете Сталина, правда, появился он там лишь в 7.30). Следует отметить и то важное обстоятельство, что свой доклад на Пленуме товарищу Жукову предстояло произнести в присутствии живого свидетеля событий — весной 1956 г. Молотов был еще членом ЦК. Это дополнительная при-

чина поверить в большее правдоподобие данной версии, в соответствии с которой Сталин не просто расценил произошедшее как *«провокацию немецких военных»*, но и прямо запретил ответные действия!

Почти точно указан и момент времени, в который войскам разрешили отвечать огнем на огонь. Директива № 2 была отправлена в западные округа в 7.15. Составлена она была в следующих выражениях:

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Ни по форме, ни по содержанию Директива № 2 абсолютно не соответствует уставным нормам составления боевых приказов. Есть стандарт, и он должен выполняться. Этот стандарт был установлен не чьими-то литературными вкусами, а ст. 90 Полевого Устава ПУ-39 (*«Первым пунктом приказа дается сжатая характеристика действий и общей группировки противника.... Вторым пунктом указываются задачи соседей и границы с ними. Третьим пунктом дается формулировка задачи соединения и реше-*

ние командира, отдающего приказ... В последующих пунктах ставятся частные задачи (ближайшие и последующие) подчиненным соединениям...»).

С позиции этих уставных требований Директива № 2 есть не более чем эмоциональный (если не сказать — истерический) выкрик. Обрушиться и уничтожить — это не боевой приказ. Где противник? Каковы его силы? Какими силами, в какой группировке надо «обрушиться»? На каких направлениях?

На каких рубежах? С какой стати главной задачей ВВС стало «разбомбить Кенигсберг и Мемель» (Клайпеду)? И с каких это пор в боевом приказе обсуждается «неслыханная наглость противника»?

Совершенно неуместная в секретном боевом приказе эмоциональная взвинченность Директивы № 2 выглядит особенно странно на фоне отстраненно-холодного стиля и слога Указа Президиума ВС с объявлением мобилизации.

В тексте судьбоносного Указа (а он и на самом деле определил судьбы миллионов людей) нет даже малейших упоминаний об уже состоявшемся вторжении немецких войск, о вероломном нападении врага, о священном долге защитников Родины...

Странные и загадочные события последних предвоенных дней не могли не привлечь к себе внимание историков и журналистов. На эту тему написаны уже сотни статей и книг. Первой по хронологическому порядку была выдвинута потрясающая по своей абсурдности версия о том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супердоверчивый. Наивный и глупый. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, могла бы считаться «гением злодейства» по сравнению с этим простодушным дурачком. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении, вместо того чтобы привести войска в «состояние полной готовности»...

Затем эту версию несколько видоизменили и «усовершенствовали». Нет, Риббентропу наш тиран не поверил,

он просто растерялся и впал в прострацию. Для пущей важности был вызван израильский профессор Г. Городецкий (он, к слову говоря, не репатриант из бывшего СССР, а урожденный израильтянин), который в книге с восхитительным названием: «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии» без тени иронии написал такое:

«Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован...»

Немногим уступали «иностранному консультанту» и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее: *«Ожидая в случае войны скорого поражения, а для себя лично — гибели, Сталин, вероятно, счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготавиться к бою вовремя... В первые дни войны он выпустил из рук руководство, совершенно не принимая участия ни в каких делах...»*

Эта потрясающая по силе «рокового самообмана» (хотя в данном случае, скорее всего, надо говорить не о самообмане авторов, а о целенаправленном обмане окружающих) версия не смогла пережить первой же встречи с тем массивом документов и фактов, который открылся в первой половине 90-х годов. Сегодня уже не вызывает ни малейших сомнений то обстоятельство, что весной 41-го Сталин вовсе не был парализован, растерян и испуган до умопомрачения. Он не только не «гнал прочь любую мысль о войне», а готовился к ней с предельным напряжением сил. Начиная со второй декады июня в обстановке глубочайшей секретности начали осуществляться мероприятия, которые невозможно интерпретировать иначе, как подготовку к войне. К войне, которая должна начаться не в каком-то «обозримом будущем», а в самые ближайшие дни и часы.

Наиболее значимым фактом является создание фронтовых управлений и вывод их на полевые командные пункты. В мирное время фронты в составе Красной Армии никогда не создавались (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить как раз примером «исключения, подтверждающего правило» — граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). И, напротив, фронтовые управления создавались перед каждым «освободительным походом» (11 сентября 1939 г. — за шесть дней до вторжения в Польшу, 7 января 1940 г. — после того, как «триумфальный марш на Хельсинки» превратился в настоящую войну, 9 июня 1940 г. — за девятнадцать дней до оккупации Бессарабии и Северной Буковины). Формирование на базе войск округов действующих фронтов, вывод штабов фронтов из окружных центров (Риги, Минска, Киева, Одессы) на полевые командные пункты, начавшийся 19 июня 1941 г., — это непосредственная подготовка к близкой и неизбежной войне.

Не менее показательны и другие решения и действия советского командования, однозначно свидетельствующие о напряженной подготовке к боевым действиям, которые должны начаться в самые ближайшие дни. Вот, например, какие приказы и распоряжения отдавались командованием Прибалтийского Особого военного округа:

Приказ № 0052 от 15 июня 1941 г.

«...Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно... С первого часа боевых действий (здесь и далее выделено мной. — М.С) организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках,

не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету. Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который полностью выполнить к 25 июня с. г.»¹.

Приказ № 00229 от 18 июня 1941 г.

«...Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... К 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района (ПВО)... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру 20.6.41 г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... Определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41 г.... Создать на тельшияском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Готовность отрядов 21.6.41 г. План разрушения мостов утвердить военным советам армий. Срок выполнения 21.6.41 г. Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцис-

¹«Сборник боевых документов Великой Отечественной войны»

№ 34. М.: Воениздат, 1953. С. 11-12.

терны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21.6.41 г.»¹

В тот же день, 18 июня, командир упомянутого выше 12-го мехкорпуса генерал-майор Шестопалов отдал приказ № 0033. Приказ увенчан наивысшим грифом секретности («особой важности, совершенно секретно»), что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Начинается приказ № 0033 такими словами: *«С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя»*. Далее идет указание начать в 23.00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах².

Строго говоря, ничего удивительного в этих и других, подобных им, документах нет. Разумеется, в последние мирные дни июня 41-го Сталин гнал не «мысли о войне», а в максимальном темпе завершал последние приготовления к началу войны. Удивительно лишь то, что это приходится доказывать как некое «сенсационное открытие». Невероятным и почти необъяснимым является другое: буквально за 1—2 дня до фактического начала войны в войсках западных приграничных округов начали происходить события, которые трудно охарактеризовать иначе, как **преднамеренное снижение боевой готовности!**

Факты подобного рода разбросаны главным образом по мемуарной литературе и поэтому могут вызвать определенное недоверие. И тем не менее нельзя более игнорировать многочисленные свидетельства участников событий. Есть многочисленные сообщения о случаях отмены ранее отданных приказов о повышении боевой готовности, о неожиданном объявлении выходных дней, об отзыве

¹ Там же.

² «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» № 33. М.: Воениздат, 1952. С. 23—24.

зенитной артиллерии приграничных частей на тыловые полигоны. Заслуживает внимания и «большой театральный вечер», состоявшийся 21 июня 1941 г. Известно, что командование Западного ОВО провело вечер 21 июня в минском Доме офицеров, на сцене которого шла комедия «Свадьба в Малиновке». Все, кто писал об этом, громко возмущались «близорукой беспечностью» командующего округом. Однако даже самый беглый просмотр мемуарной литературы позволяет убедиться в том, что вечером 21 июня в «культпоход» отправился не один только генерал армии Павлов.

«...В субботу, 21 июня 1941 года, к нам, в авиагарнизон, из Минска прибыла бригада артистов во главе с известным белорусским композитором Любаном. Не так часто нас баловали своим вниманием деятели театрального искусства, поэтому Дом Красной Армии был переполнен...»

«...В субботу 21 июня сорок первого года в гарнизонном Доме Красной Армии, как и обычно, состоялся вечер. Приехал из округа красноармейский ансамбль песни и пляски. После концерта, по хлебосольной армейской традиции, мы с командиром корпуса генерал-лейтенантом Дмитрием Ивановичем Рябышевым пригласили участников ансамбля на ужин. Домой я вернулся лишь в третьем часу ночи...»

«...21 июня заместитель командира 98-го дальнебомбардировочного авиаполка по политчасти батальонный комиссар Василий Егорович Молодцов пригласил меня на аэродром Шаталово, где в местном Доме Красной Армии должен был состояться вечер художественной самодеятельности...»

«...Вечером 21 июня мы всей семьей были в театре. Вместе с нами в ложе находился начальник политотдела армии, тоже с семьей...»

«...У меня есть одно приятное предложение: в восемь часов на открытой сцене Дома Красной Армии состоится

представление артистов Белорусского театра оперетты — давайте посмотрим...

— С удовольствием, — согласился я. — Надеюсь, спектакль минской оперетты будет не хуже, чем концерт артистов московской эстрады в Бресте, на который поехали Шлыков с Рожковым...»

Генерал армии С.П. Иванов (в первые дни войны — начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта) в своих мемуарах дает очень интересное объяснение таким действиям советского командования:

«...Сталин стремился самым состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность (странное, однако же, стремление для того, кто готовится к обороне. — М.С). Причем делалось это, что называется, в самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени...»

Загадочные события последних предвоенных дней можно, на мой взгляд, объяснить, связать в некую логическую цепочку в рамках следующей версии. Сразу же оговорюсь — прямых документальных подтверждений этой версии у меня нет (да и трудно поверить в то, что они когда-либо будут найдены). Тем не менее гипотеза эта заслуживает обсуждения хотя бы уже потому, что позволяет рационально объяснить многие из перечисленных выше, внешне противоречивых и невероятных, фактов.

Итак, предположим, что слово «провокация», которое на все лады повторяется и в мемуарах Жукова, и в приказах Сталина, появилось совсем не случайно. И нарком обороны Тимошенко совсем не случайно предупреждал командующего Западным фронтом Д. Павлова о том, что *«сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите»*. Сталин, Тимошенко, Жуков абсолютно точно знали, что в

воскресенье 22 июня 1941 г. *«нападение может начаться с провокационных действий»*. Знали потому, что они сами это нападение и эту провокацию подготовили.

Секретных планов Гитлера на столе у Сталина никогда не было, но фактическая передислокация немецких войск отслеживалась советской агентурой, авиационной и радиоразведкой достаточно подробно. На основе этой информации строились вполне реалистичные оценки вероятных планов противника. В июне 1941 г. советская разведка зафиксировала начавшееся оперативное развертывание ударных группировок вермахта у границ СССР. Из этого факта были сделаны правильные выводы — Гитлер готовит вторжение, которое произойдет летом 1941 года, в самые ближайшие недели или даже дни. Роковая ошибка была допущена лишь в **определении времени, которое потребуется немецкому командованию для завершения сосредоточения войск**, и, соответственно, в установлении даты возможного начала вторжения.

Менять общий стратегический замысел начальных операций войны Сталин не стал. Он так долго, так настойчиво, так тщательно готовил свой «блицкриг», что ему очень не хотелось ломать план войны, которая должна была начаться сокрушительным внезапным ударом по противнику. Сталин действительно «гнал от себя всякую мысль» — но не мысль о войне (ни о чем другом он уже и не думал), а о том, что Гитлер в самый последний момент сумеет опередить его. Поэтому после долгих и, можно предположить, мучительных раздумий, после многократных совещаний с военным руководством (в июне 41-го Жуков и Тимошенко были в кабинете Сталина семь раз:

3, 6, 7, 9, 11, 18, 21-го числа — причем в иные дни военные приходили к Сталину дважды и обсуждение затягивалось на четыре часа) решено было еще раз изменить срок начала операции в сторону приближения. Вероятно, предполагалось начать наступление Красной Армии в последних числах июня 1941 г. В рамках этого плана (условно назовем его «план № 4») днем начала открытой мобилизации был установлен понедельник, 23 июня 1941 г.

Решение о начале открытой всеобщей мобилизации в понедельник было вполне логичным. В Советском Союзе центром жизни было рабочее место. Завод. Именно там концентрировались «призывные контингенты», именно там утром 23 июня 1941 г. должны были состояться «стихийные митинги» трудящихся, на которых будет объявлен заранее подготовленный Указ Президиума ВС СССР об объявлении мобилизации. Именно потому, что текст Указа готовился заранее, в нем и не было ни малейших упоминаний о гитлеровском вторжении и фактически начавшейся войне.

Но товарищ Сталин был мудр, и он понимал, что одного только Указа Президиума будет мало. Особенно после того, как на протяжении двух лет сталинская пропаганда объясняла трудящимся, что призывать к *«войне за уничтожение гитлеризма, прикрываемой фальшивым флагом борьбы за демократию»* (речь В. Молотова на сессии Верховного Совета СССР от 31 октября 1939 г.) могут только враги народа, подлые наймиты англо-американских поджигателей войны. Разумеется, Сталин ни на секунду не усомнился в покорности воспитанного им народа, но одной покорности для такого дела, которое он замыслил, было недостаточно. Нужна была «ярость благородная», сжигающая сердца. Проще говоря, нужно было организовать и провести крупномасштабную кровавую провокацию.

В качестве конкретного содержания такой провокации была избрана инсценировка бомбового удара немецкой авиации по советскому городу (городам). Предшествующий дню начала мобилизации воскресный день 22 июня 1941 г. как нельзя лучше подходил для осуществления задуманного. Для получения максимально возможного числа жертв среди мирного населения бомбардировка днем в воскресенье была оптимальным вариантом: теплый солнечный выходной день, люди отоспались после тяжелой трудовой недели и вышли на улицы, в сады и скверы, погулять с детьми... Технические возможности для инсценировки были: еще в 40-м году в Германии были закуплены

два бомбардировщика «Дорнье-215», два «Юнкерса-88» и пять многоцелевых Ме-110, не говоря уже о том, что на высоте в 5—6 км никто, кроме специалистов высшей квалификации, и не распознал бы силуэты самолетов.

У товарища Сталина были твердые представления о том, в каких именно формах должна проявляться «неизменно миролюбивая внешняя политика» Советского Союза. Эти представления он с неумолимой настойчивостью Терминатора проводил в жизнь. Все должно было быть «правильно». Советский Союз не мог напасть на Финляндию. Красная Армия должна была пресечь провокации белофинской военщины, которая предательски обстреляла советскую территорию в районе поселка Майнила. В июне 41-го предстояло начать войну неизмеримо большего масштаба, соответственно, и очередная «предвоенная провокация» должна была быть гораздо более заметной и кровопролитной.

Чрезвычайно важно отметить, что первая часть, первый шаг Большой Инсценировки **состоялся в реальности. Это не гипотеза. Это факт.** 13 июня 1941 г. было составлено и 14 июня опубликовано знаменитое Сообщение ТАСС. Да-да, то самое:

«...ТАСС заявляет, что, по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...»

За этим, первым, этапом должен был неизбежно последовать второй: инсценировка бомбардировки немецкими самолетами советских городов. В ответ на миролюбивейшее заявление ТАСС — бомбы в солнечный воскресный день. Вероломное и подлое убийство мирных советских граждан. Трупы убитых женщин и детей на свежей зелени

парков и скверов. Белоснежный голубь мира — с одной стороны, черные вороны — с другой. И вот только после всего этого — всеобщая мобилизация. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Грубо? Излишне нарочито? Да, но именно такой «фасон и покрой» любил товарищ Сталин. Грубо, нелепо, не-ряшливо «сшитые» провокации. В ходе открытых «московских процессов» 36-го года обвиняемые признавались в тайных встречах с давно умершими людьми, каковые «встречи» якобы происходили в давно снесенных гостиницах. Главой «народного правительства демократической Финляндии» был объявлен секретарь Исполкома Коминтерна, член ЦК ВКП(б) «господин Куусинен», безвылазно живущий в Москве с 1918 года. *«Ювелирная точность бегемота»* (А.И. Солженицын). И ничего. Трудящиеся в ходе стихийных митингов горячо одобряли и всецело поддерживали...

Гипотеза о назначенной на 22 июня провокационной инсценировке не только соответствует общему стилю сталинских «освобождений», но и позволяет объяснить сразу несколько наиболее «необъяснимых» фактов кануна войны.

Прежде всего становятся понятными те действия по демонстрации благодушия и беспечности, которые происходили 20—21 июня. Для большего пропагандистского эффекта провокации бомбы должны были обрушиться на советский город в мирной, внешне совершенно спокойной обстановке. В боевых частях — выходной день. Командование наслаждается высоким театральным искусством, рядовые бегают комсомольские кроссы и соревнуются в волейбольном мастерстве. Мы мирные люди, а наш бронепоезд ржавеет на запасном пути... Кроме пропагандистского эффекта, понижение боеготовности и бесконечные заклинания «не поддаваться на провокации» имели и вполне практический смысл: провокационная бомбардировка должна была успешно состояться и ни одного ответного выстрела по сопредельной территории не должно было прозвучать.

Становится понятным и неожиданное появление Мехлиса в сталинском кабинете вечером 21-го и ранним утром 22 июня — начиная с 1924 г. этот человек был рядом со Сталиным, выполняя роль особо доверенного порученца по тайным и грязным делам.

Наконец, становится психологически понятной реакция Сталина на сообщение о начале войны (а если быть совсем точным — на сообщение о начавшихся на рассвете 22 июня бомбовых ударах немецкой авиации). Сталин был потрясен, ошеломлен и едва не лишился дара речи — а как могло быть иначе? Поверить в такое невероятное совпадение было невозможно. Это же все равно, что во время дуэли попасть пулей в пулю противника! Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда...

Марк Твен как-то сказал: *«Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел должен держаться в пределах вероятного, а правда — нет»*. Изложенная выше версия событий июня 41-го достаточно невероятна для того, чтобы в конечном итоге оказаться правдой.

СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: НАСТУПАТЕЛЬНАЯ, ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ, ПРЕВЕНТИВНАЯ?¹

...Советская сторона наблюдала за немецкими успехами в юго-восточной Европе с растущей озабоченностью. Для Сталина и руководства Красной Армии Германия была главным противником, доказавшим свою боевую силу во многих походах. С лета 1940 г., но особенно интенсивно с сентября 1940 г., советское руководство все более настраивалось на войну с Германией и ее союзниками. В соответствии с четырьмя военными планами², три последних из которых имели откровенно наступательный характер, на территориях непосредственно перед западной границей, захватывая район Москвы и вплоть до Ленинграда на севере, до полуострова Крым на юге и до Донца, разворачивались огромные военные силы. В последней фазе развертывания находились два стратегических эшелона и стратегические резервы, в общей сложности — 255 дивизий и две бригады; третий стратегический эшелон находился в стадии формирования³.

Всего Генеральный штаб с одобрения Сталина сосредоточил в западной России (включая резервы) 23 армии с 14 500 танками (из общего количества 24 500) и приблизительно 8500 самолетами (из имевшихся 15 800). В четырех западных военных округах на 22 июня находились все дальнебомбардировочные соединения — 8300—8500 самолетов. К общему числу в 15 300 самолетов следует при-

бавить еще 4000 машин, которые не входили в боевые соединения, но тоже учитывались⁴.

Как следует из соответствующих документов, планы развертывания не представляли собой, как можно было предположить, чисто кабинетные разработки. В них содержались предложения генеральному секретарю КПСС, то есть Сталину, утвердить соответствующий план. Кроме того, план развертывания от 18 сентября 1940 г. был доложен правительству и утвержден 14 октября⁵.

Одновременно с оперативным планированием началась реализация мобилизационного плана (МБ-41) от 12 февраля 1941 г., который был утвержден на самом высоком уровне и предполагал увеличение Красной Армии до 8,9 миллиона человек, 37 000 танков и 22 200 боевых самолетов. Согласно этому мобплану, в Красной Армии должно было быть восемь фронтов (групп армий) и 29 армий, что в общей сложности составляло 303 дивизии⁶. Форсированное после 15 мая 1941 г. развертывание проходило в соответствии с детальными указаниями начальника Генерального штаба Георгия Жукова, направленными командованию четырех западных военных округов⁷, с началом войны переименованных во фронты.

Отсюда следует, что генерал армии Жуков накануне должен был получить от Сталина разрешение действовать согласно плану развертывания, который он, Жуков, и нарком обороны Тимошенко предъявили высшему руководству⁸. Всякая самостоятельность армейской верхушки, таким образом, исключается. Этот план развертывания от 15 мая создавался на основе сведений о немецких приготовлениях к наступлению и выдает намерение предупредить немецкое нападение, то есть действовать *превентивно*.

Однако советская разведка существенно недооценила немецкий потенциал. Советская превентивная идея соответствовала военной доктрине, предписывавшей с самого начала брать инициативу на себя. 22 июня 1941 года друг против друга стояли следующие силы:

КРАСНАЯ АРМИЯ

Стратегический эшелон	Дивизии	Бригады	Мехкорпуса
Первый стратегический эшелон	170	12 возд.-дес. 2 стрелков.	20
Второй стратегический эшелон	73-74	3 возд.-дес.	5
Резерв главного командования	12		2
Всего	255-256	15 возд.-дес. 2 стрелковые	27
Артиллерия главного командования		74 тяж. полка, в каждом 24—48 орудий	
Воздушные силы в 4 зап. военных округах		144 полка	
Резерв главного командования		21 полк	
Боевые самолеты*		ок. 8500	
Всего развернуто		218 полков	
Всего самолетов на фронтах,		115 полков	
в резерве главного командования,		15 800, в боевой готовности	
воздушная оборона, морская авиация		13 300	
Численность армии		4,9 млн человек	

* Истребители, штурмовики, ближние бомбардировщики, тяжелые бомбардировщики и дальняя бомбардировочная авиация фронтов; в одном авиационном полку — 60—65 самолетов, составляющих четыре эскадрильи; в полках дальних и тяжелых бомбардировщиков — 40—45 самолетов.

ВЕРМАХТ

Все фронтовые части оперативн Reserven	Дивизии	Бригады/ Regimenter	Мотокорпуса
Группы армий* Север, Центр, Юг	120	2	11
Резервы ОКХ	28	1	
Всего	148	3	11
Численность	3,1 млн человек		

Все фронтовые части <i>operativen Reserven</i>	Дивизии	Бригады/ Regimenter	Мотокорпуса
Авиация	5 возд. корпусов	2 зен. корпуса	
Самолеты всего**, включая доп. группы без доп. групп	2713 2510	в боевой готовности 2082 в боевой готовности 1945	

*49 дивизий находились на других фронтах или выполняли функции оккуп. войск.

**Разведчики, истребители, штурмовики, бомбардировщики и пикирующие бомбардировщики, включая те части пятого воздушного флота, которые оперировали из Финляндии и северной Норвегии.

Реконструированные детали развертывания войск⁹, необыкновенно высокая концентрация танковых соединений в выступающих далеко на запад Белостокском и Львовском «балконах», а также вдоль румынской границы не оставляют сомнений в том, что советский Генеральный штаб и не думал о стратегической обороне. Уже в конце декабря 1940 г. генерал-лейтенант Кленов, позже начальник штаба Северо-Западного фронта, заявил на одной конференции, что цель будущих операций с самого начала — нападение, причем до того, как вражеские войска приступят к развертыванию, чтобы ошеломить и раздробить силы противника; об оборонительных операциях в начальной фазе и речи не было¹⁰.

В начале 1941 года в Москве состоялись две штабные игры на самом высоком уровне, в результате чего Генеральный штаб решил в соответствии с идеей Жукова сосредоточить гигантские силы южнее припятских болот в районе Карпатского бассейна и Румынии для нападения на южную Польшу. Тамошние нефтяные поля были первоочередной целью. Эти соображения были полностью одобрены Сталиным. В еще одной штабной игре в феврале 1941 г. уточнялись задачи тех армий, которые составляли второй стратегический эшелон¹¹.

Многие детали¹², в том числе отказ от оборонительных укреплений в непосредственной близости от границы,

свидетельствуют о предполагавшемся нападении. О том же говорит, например, изготовление военных карт, глубоко захватывающих занятые немцами территории, и издание русско-немецкого разговорника, годящегося только для использования на немецкой территории. Приказ на прикрытие находящихся вблизи границы войск действовал только до окончания разворачивания. Переход к нападению не зависел от положения на фронте, а должен был произойти через 25 дней после начала мобилизации¹³. Склады в западных военных округах были уже в мае 1941 г. переполнены оружием, боеприпасами, горючим и другими военными материалами. Поэтому груз 14 000 вагонов с боеприпасами в силу необходимости пришлось складировать на открытом воздухе, а в июне Генеральный штаб, не заботясь о возможностях хранения, сообщил о том, что в западные военные округа будут доставлены еще сотни тысяч тонн горючего¹⁴.

Эту дезорганизацию можно объяснить только предварительным расчетом на временные трудности. Не ожидалось, что военные грузы останутся тут надолго, так как готовилось нападение. Кроме того, поскольку многочисленные войска располагались на биваках или во временных укрытиях, а обеспечение на длительное время пяти-миллионной армии, находящейся в полевых условиях, было чрезвычайно тяжелым делом, такое положение дел не могло продолжаться слишком долго без серьезных экономических потерь. Немалую роль играл и психологический фактор, поскольку моральное состояние войск, длительное время находящихся без дела, катастрофически ухудшалось.

Генерал-майор Василевский, разработчик последней версии плана разворачивания (11.3.1941), особо подчеркнул, что *советское нападение должно начаться 12 июня 1941 г.*¹⁵ Кроме того, были разосланы указания Жукова во многие места о том, что войска после завершения разворачивания должны быть готовы «нанести стремительные удары для разгрома группировки противника,

перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹⁶.

В процессе развертывания возникали многочисленные проблемы и задержки, связанные с дальними транспортными перевозками, размещением больших масс войск в пограничных военных округах и принятием на вооружение новых образцов оружия; тем не менее большая часть войск первого стратегического эшелона — 16 армий — вышла на исходные позиции. Только 7 армий второго стратегического эшелона, сформированные 13 мая, к 22 июня еще оставались позади и, вероятно, только к 15 июля добрались бы до предназначенных для них планом развертывания позиций.

По подсчетам генерал-лейтенанта Ватутина, заместителя Жукова и начальника оперативного отдела Генерального штаба, которые он сделал за неделю до начала войны, два предназначенных для главного удара фронта на юге страны должны были располагать вместе с резервами 120 дивизиями¹⁷, собранными в 10 армий, включающих 12 механизированных корпусов. Один такой корпус должен был иметь, кроме пехоты, две танковые и одну моторизованную дивизию, располагающие в зависимости от характера вооружения более чем 1033 танками. В действительности один корпус имел не более 500—600 танков¹⁸. Таким образом было достигнуто почти тройное превосходство над группой армий «Юг». Советское преобладание в танковых войсках было во всех отношениях очевидным. Только 10 мехкорпусов Юго-Западного и Южного фронтов располагали 5600 танками, в то время как на Северном, Северо-Западном и Западном фронтах находилось в общей сложности 5400 танков¹⁹. И к тому же в составе большинства располагавшихся близко к границе мехкорпусов имелся лучший в то время в мире танк Т-34, который по многим параметрам превосходил самый мощный немецкий танк «Panzer-IV»²⁰.

В задачи исключительно мощного Юго-Западного фронта входило проникнуть глубоко в южную Польшу,

чтобы там вместе с частями Западного фронта окружить войска немецкой группы армий Север и уничтожить их в котле около Радома-Люблина; после этого, во второй фазе, предполагалось броском на север захватить бухту Данцига, ударить в спину находившимся восточнее частям групп армий Север и Центр и их уничтожить. Другой второстепенный удар должен был быть в зависимости от ситуации нанесен Румынии. По плану Жукова и Ватутина в дело должны были быть введены вместе с частями Западного фронта, усилившими основной удар, 152 дивизии²¹, которым вермахт мог на том же участке фронта противопоставить едва ли 60. Ориентация на наступление в юго-западном направлении подтверждается тем, что в начале июня командование 5-й армии разработало план политической поддержки будущих операций. При этом командование армии рассчитывало на боевые действия на вражеской территории, поддержанные местным населением и солдатами вермахта, которые якобы были готовы на сопротивление политике Гитлера²².

Расчеты генерала Ватутина давали 237 дивизий, которые могли быть выставлены против Германии и ее союзников, что было меньше первоначально исчисленных генералом армии Жуковым 258 дивизий. Эта разница объясняется трудностями процесса развертывания, который из-за задержек протекал не по плану, хотя, впрочем, Ватутин нехватку войск отнес за счет стратегических резервов, в частности третьего стратегического эшелона, который только что был сформирован²³.

Развертывание военно-воздушных частей тоже создавало подавляющее советское превосходство на Юго-Западном и Южном фронтах. Тринадцать воздушных дивизий с 58 полками боевых самолетов, то есть около 3500²⁴ машин, должны были поддержать наступление наземных войск, ударить по тылам противника и обеспечить свободное воздушное пространство.

Кроме того, верховное командование расположило между Ленинградом и Ростовом-на-Дону 4 воздушных кор-

пуса дальних и тяжелых бомбардировщиков; вдобавок 18-я дивизия дальних бомбардировщиков была выдвинута далеко на запад, в район Шепетовки. Эти воздушные корпуса должны были атаковать важные цели в тылах противника. В сильной спешке в западных военных округах были построены 63 больших аэродрома. Расположение вблизи границы большого числа авиаполков на Западной Украине и в районе Белостока — Бреста подчеркивает намерение с самого начала проникнуть как можно глубже на занятую немцами территорию, даже с учетом риска самим стать целью немецкого воздушного нападения. Но нужно признаться, что многие соединения находились в процессе перевооружения новыми типами самолетов. Тем более опасным выглядит перемещение множества полков истребителей к самой границе с целью защиты воздушного пространства при наступлении, так как свою силу они могли проявить только в условиях свободы собственной инициативы.

Советский военный флот не был серьезным фактором, так как, несмотря на гигантские сталинские планы вооружений 1936 г., он находился в фазе становления. Планировалось помимо прочего построить в течение двух пятилетних планов, начиная с 1937 г., 15 линкоров, 22 тяжелых крейсера, 32 легких крейсера, 162 эсминца и 412 подводных лодок, для чего было запланировано сооружение больших верфей. Для использования в Балтийском море было предусмотрено строительство большого числа линейных крейсеров типа «Шарнхорст». Поскольку эти планы оказались нереалистическими, они были урезаны 27 июля 1940 г., так что целью оставалось строительство 10 линкоров, 8 линейных крейсеров и 14 тяжелых крейсеров, причем для Тихоокеанского флота дополнительно предполагалось строительство двух авианосцев. Задача создать огромный океанский флот тем более удивительна, что в это время СССР готовился к конфронтации с Германией, и поэтому, казалось бы, вооружение наземных и воздушных войск должно было быть приоритетным²⁵.

Против Финляндии тоже был разработан детальный план нападения. Параллельно с разработкой плана нападения на Германию от 18.9.1940 г. было дано указание Ленинградскому военному округу подготовить развертывание шести армий и одного корпуса, которые должны были на семи участках перейти в наступление. Планирование предусматривало отдельную войну с Финляндией, хотя при этом и учитывалась немецкая военная помощь. На самом севере предполагался удар на порт Петсамо, в то время как намного южнее, из района Салла и Куусамо, должны были последовать два удара на Рованиemi-Кеми и Оули с целью проникнуть на побережье Ботнического залива и вбить таким образом широкий клин поперек Финляндии. На юге четыре армии должны были во взаимодействии с Балтийским флотом, поддержанные атакой из Ханко, ударить из районов Выборга, Сортавалы и Суойерви в направлении Тампере, Миккели и Хельсинки. Предназначенные для этого части были вдвое сильнее тех войск, которые напали на Финляндию в ноябре 1939 г. Согласно плану, в наступление должны были пойти 47 дивизий и 5 танковых бригад, поддержанные 78 авиаполками, в то время как 3 дивизии оставались в резерве. Конечной целью было полное сокрушение Финляндии²⁶.

Поскольку весной 1941 г. конфликт с Германией становился все более реальным, Генеральный штаб переориентировал будущий Северный фронт в основном на оборону, тем более что финская армия оценивалась как более сильная, чем раньше. Туда передислоцировали еще 21 полнокомплектную дивизию. В первой половине марта 1941 г. была совершена ознакомительная поездка Генерального штаба в Ленинградский военный округ, а кроме того, Архангельский военный округ получил указание создать фронтовой командный пункт для нападения на Финляндию. Сразу после 22 июня две танковые дивизии из резерва были передвинуты на границу под Выборгом²⁷. Кроме того, была создана мощная группировка фронтовой авиации в районе Ленинград — Псков — Старая Русса,

вторая по силе после украинской в рамках авиационного развертывания, что отчетливо указывает на наступательные намерения.

Советское руководство было осведомлено о плане «Барбаросса» уже в конце 1940 г. благодаря предательству с немецкой стороны. В последующее время оно получило 87 предупреждений собственных органов и официальных западных представителей о предстоящем нападении вермахта, при этом называлась и дата — 22 июня 1941 г.²⁸ Общее число предупреждений об угрозе было гораздо большим.

Со стороны американского правительства последовало как минимум два предупреждения Сталину. Сталин реагировал недоверчиво и сдержанно, поскольку хотел избежать любых действий, которые могли бы использовать немцы, и учитывал возможность дезинформации. Он рассчитывал на то, что Германия не сделает ту же ошибку, что и в Первой мировой войне, и не откроет второй фронт. Вероятно, Сталин с Молотовым ожидали, что немцы сначала предъявят ультиматум.

После известия о полете Гесса в Англию 10 мая 1941 г. Сталин начал воспринимать возможность нападения немцев очень серьезно. Он боялся тайного соглашения между немцами и английским правительством, которое он считал высокомерным и коварным²⁹. Даже если согласиться с тем, что английские секретные службы содействовали решению Гесса лететь в Англию, то все равно не требовалось никаких уловок, чтобы убедить Германию напасть на Советский Союз³⁰. Даже если Черчилль и мечтал о советско-германской войне, то это обстоятельство никак не влияло на позицию Гитлера, поскольку его решение уже давно было принято.

Более того, 5 мая 1941 г. в речи и тостах перед молодыми офицерами — выпускниками Военной академии имени Фрунзе Сталин дал понять о своем отношении к Германии. Следует сейчас, когда армия стала сильной и хорошо вооруженной, «переходить от защиты к напа-

дению», защиту нужно осуществлять «наступательным образом»³¹. Еще 30 января 1941 г. он говорил советской военной верхушке о наступательных операциях, которые могут начаться, если у Советского Союза будет вдвое больше сил, чем у его противника. Отсюда вытекала и советская стратегия — избегать провокаций, ускорить развертывание войск против Германии и выиграть время.

Через девять дней после речи 5 мая началась перестройка советской пропаганды на наступательную войну³² и переход на лозунг о том, что любая война, которую развернет Советский Союз, будет «справедливой войной»³³.

Главное управление политической пропаганды Красной Армии предложило известным писателям, в том числе Илье Эренбургу, журналистам и кинорежиссерам, например Сергею Эйзенштейну, морально подготовить Вооруженные Силы к предстоящей войне с Германией. ЦК КПСС издал основополагающий указ наполнить людей активным, боевым, наступательным духом. По согласованию с военным ведомством кинопромышленность начала снимать только такие ленты, где речь шла о «прорыве укрепленных зон на немецкой границе» или «переправе с боем через реки».

В конце мая Андрей Жданов, крупный функционер политической пропаганды, получил согласованный Высшим военным советом проект решения об идеологическом обучении офицерского корпуса Красной Армии. Главной целью было использование всех средств, чтобы подготовить солдат и командиров к «справедливой, наступательной, нацеленной на разгром противника войне»³⁴.

Намерения Сталина вести войну наступательным образом подчеркиваются решением Политбюро от 4 июня 1941 г. сформировать стрелковую дивизию из одних поляков; она должна была послужить ядром польской «освободительной армии» и быть готовой к введению в дело к 1 июля³⁵. Незадолго до этого началось формирование «финской» дивизии, которая должна была участвовать в «освобождении» Финляндии.

Тезис, согласно которому развертывание войск на оперативном уровне указывает на однозначно наступательную дислокацию, но войскам при этом ставились оборонительные задачи, и они не были готовы нападать³⁶, не выдерживает критики: наступательная дислокация, которая преследует оборонительные цели, противоречит военным принципам и означает как раз на рассмотренных участках серьезные проблемы для задействованных войск, так как она приглашает противника к нападению с последующим окружением. Кроме того, войска, стоявшие вблизи границы, были очень хорошо вооружены, особенно танковые соединения, и в случае нападения они были бы потеряны первыми³⁷.

Переход к контрнаступлению полностью зависит от ситуации после отражения вражеского нападения, только тогда могут приниматься конкретные решения. Даже если согласиться с тем, что стоявшие на границе войска должны были выдержать первый удар немцев и потом перейти в наступление, это не отменяет того факта, что для этого войска были неверно расположены³⁸. Нужно совершенно не понимать тактических возможностей войск, чтобы требовать от них быть *одновременно* готовыми и к наступлению, и к обороне. Армия, предназначенная для обороны на оперативном уровне, должна была бы быть по-другому развернута³⁹.

Не более осмысленно и дилетантское возражение против планирования большого наступления, согласно которому Генеральный штаб готовил наступление «только» на полосе 350—400 км и «только» на глубину до 300—350 км, и поэтому план не имел «агрессивного характера»⁴⁰.

Готовившееся частями Юго-Западного фронта вместе с частями Западного фронта между Саноком и Островом (северо-восточнее Варшавы) наступление с окружением захватывало больше половины полосы между Бескиденем на юге и Балтийским морем в районе Мемеля; на этой территории находились главные силы немецкой восточной армии. Нападение на таком широком фронте могло бы в

случае успеха, как это планировал Жуков, уничтожить группы армий Центр и Север. Может ли такой сценарий иметь отношение к военному плану без «агрессивного характера»?

Коротко выражаясь, оба диктатора исходили из *субъективной неизбежности* войны. Отсрочка войны представлялась практически невозможной⁴¹.

Однако вопрос о дате окончательного столкновения в том случае, если бы вермахт не напал на СССР 22 июня, остается открытым. Развертывание Красной Армии, включая и третий стратегический эшелон, закончилось бы между 15 и 20 июля. Неоднократно называвшуюся датой возможного советского нападения — 10 июля 1941 г. — нельзя считать доказанной⁴². В любом случае Сталин стремился устранить единственную силу, которая стояла на его пути к владычеству в Европе. Стратегически содействие западных стран могло бы быть ему полезным, но политически победа над Германией и ее союзниками весила бы гораздо больше, если бы досталась одной Красной Армии.

Гитлер же пошел на риск войны на два фронта, которая связывала много войск на разных фронтах и которую он начал с уступающими силами, меньшими резервами и более слабой военной промышленностью, чем у его противников. Да и расчет по времени был очень рискованным. Немецкая сторона имела достоверную картину развертывания Красной Армии на расстоянии приблизительно до 300 км вглубь за границей, но тем не менее не представляла себе реальный советский потенциал⁴³.

Начальник Генерального штаба Гальдер рассчитывал на наличие в европейской части СССР в начале июня 226 советских дивизий и бригад и полагал, что на той же территории находятся 7500 самолетов, что было грубой недооценкой советской авиации. Гитлер задним числом называл итальянскому министру иностранных дел Чиано цифру в 270 советских дивизий, развертывавшихся в июне 1941 г.⁴⁴.

В строгом смысле слова тут нельзя говорить ни о какой «превентивной войне», даже если задним числом и выяснилось, что немецкое нападение де-факто носило превентивный характер⁴⁵.

Можно, однако, доказать, что вермахт вонзился в превосходящий его масштабами процесс наступательного развертывания. Чем ближе подходило 22 июня, тем яснее видели Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Главное командование сухопутных войск (ОКХ) угрожающую концентрацию сил на советской западной границе. В этом смысле высказался вскоре после окончания войны генерал Йодль, впрочем, упростив ситуацию и оставив за скобками невоенные мотивы нападения: «...Мы не потому напали на Россию, что хотели получить пространство, а потому что развертывание русских нарастало день за днем и в конечном счете привело бы к ультимативным требованиям»⁴⁶.

Динамику военной конфронтации было невозможно не заметить. И Германия, и Советский Союз выставили друг против друга мощные силы, которые тем меньше могли укрыться от внимания разведывательных служб, чем дольше продолжались передвижения и чем дольше массы войск оставались на исходных позициях. Представляется абсолютно невозможным, чтобы такое угрожающее развертывание не подтолкнуло обе стороны к превентивному удару. Долгое пребывание настолько мощных войсковых масс в просматриваемом приграничном пространстве, как это происходило на советской стороне, в любом случае могло означать только открытую провокацию. Развитие конфронтации стало непреодолимым, поскольку ни одна сторона не хотела дать другой преимущество проявления инициативы и не существовало внешних останавливающих факторов⁴⁷.

С такой точки зрения германо-советская война лета 1941 г. была неизбежна. Это, правда, не значит, что возможный советский удар с ходу был бы успешным и привел бы к таким же победам, что и в 1945 г. Но даже с уче-

том недостатков командования и войск Красная Армия обладала бы всеми преимуществами проявления инициативы и существенно большими резервами.

Не в последнюю очередь следует заметить, что о «набеге» на «миролюбивый Советский Союз», как это иногда трактуется, не может быть и речи, потому что такое нападение всегда сопряжено с внезапным ударом, растерянностью и беззащитностью. Но советское политическое и военное руководство не было ни в коем случае ошеломлено нападением, так как уже давно считалось с его возможностью, оно не было растерянным и хорошо подготовилось к войне. Кто был ошеломлен, так это многие войсковые части на передних линиях, потому что приказ «боевая тревога» раннего утра 22 июня настиг расположенные на границе соединения не вовремя.

*Перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого.*

Примечания

¹ Отрывок из книги «Военные цели и стратегии великих держав в 1939—1945 годы» («Kriegsziele und Strategien der großen Mächte 1939-1945», Bonn - Bielefeld, 2006).

² Июль 1940, 18.9.1940, 11.3.1941, 15.5 1941; опубликовано в: Военно-исторический журнал 12/1991, 1/1992, 2/1992; см. также: UMZ 1/1993, S. 41 ff; Россия XX век. Документы: Год 1941, в двух книгах, под ред. Л.Е. Репин и др., Москва, 1998. — Этим планам предшествовала разработка от апреля 1940 г. (B. V. Sokolov, Did Stalin Intend to Attack Hitler?; in: The Journal of Slavic Military Studies, Juni 1998. S. 119).

³ Первый стратегический эшелон: 170 дивизий, 2 бригады; Второй стратегический эшелон: 73—74 дивизии; стратегические резервы: 12 дивизий; находившийся в состоянии формирования третий стратегический эшелон состоял из трех армий (прежние расчеты автора были незначительно изменены).

⁴ Jurij J. Kirsch, Die sowjetischen Streitkräfte am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges; in: Zwei Wege nach Moskau, S. 389—403; hier: S. 395; zusätzliche Berechnungen des Autors.

⁵ Кроме прочего, нужно иметь в виду практику советского государственного управления, которая не допускала, чтобы

некий офицер из высшего командования разрабатывал планы развертывания наступательного характера, не получив на это приказа; нарушение правил имело бы для виновника фатальные последствия.

⁶ *Earl F. Ziemke, The Red Army: From Vanguard of World Revolution to US Ally, London — New York, 2004, S. 266.* В мае 1941 года имелись 28 армий с 303 дивизиями.

⁷ Эти четыре указания командованию Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Одесского военных округов к развертыванию, начинавшемуся 20 мая 1941 г., носили характер приказов. См. Россия XX век. Документы: Год 1941, в двух книгах, ред. Л.Е. Решин и др., Москва, 1998. С. 227, 233, 239, 283.

⁸ К одобрению планов развертывания Сталиным: *P. N. Bobylev, For What Kind of War Was the Red Army General Staff Preparing in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 47—75, hier: S. 68.*

⁹ Реконструкцию развертывания в виде карт см: Михаил Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина, 2-е издание, Москва, 2002 (карты). Также см.: *Evan Mawdsley, Crossing the Rubicon: Soviet Plans for Offensive War in 1940—1941; in: The International History Review, Dezember 2003, S. 757—1008.*

¹⁰ Речь идет о конференции высшего военного командования в Москве (23.—31.12.1940); siehe: *P. N. Bobylev, For What Kind of War Was the Red Army General Staff Preparing in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 47—75, hier: S. 62; ebenfalls: Am Vorabend des Krieges (russisch), Verlag Terra, Moskau, 1983, S. 153ff.*

¹¹ См: *Brian Fugate / Lev Dvoretzky, Thunder on the Dnjepr. Zhukov — Stalin and the Defeat of Hitler's Blitzkrieg, Novato, CA. 1997, S. 49 ff.*

¹² Формирование пяти воздушно-десантных корпусов, выдвижение многочисленных штурмовых и истребительных авиасоединений на аэродромы в 10—15 км от границы; сооружение многочисленных складов боеприпасов и горючего вблизи границы; складирование артиллерийских снарядов под открытым небом.

¹³ Это следует из плана развертывания от 18.9.1940. См: *Michael Meltjuchov, Am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges, a.a.O., S. 54.*

¹⁴ *Michael Meltjuchov, Disputes over 1941; in: Russian Studies in History, 2/1997, S. 6-34, hier: S. 16.*

¹⁵ Ebenda, a.a.O., S. 60.

¹⁶ Das Jahr 1941 in zwei Büchern, a.a.O., 2. Buch, S. 236.

¹⁷ Согласно окончательному плану Ватутина, на южном крыле должны были разворачиваться 8 армий с 97 дивизиями (включая войска в Крыму), в то время как две другие армии (16я, 19я) с 23 дивизиями рассматривались как усиление. (Das Jahr 1941 in zwei Büchern, 2. Buch, a.a.O., S. 259—261.)

¹⁸ Даже использовавшийся на второстепенном участке 3-й механизированный корпус располагал 672 танками разных типов, в том числе 50 новейшими Т-34. См. М.В. Ежов «Танковый бой первого дня войны», С. 2; www.RKKA.ru, 29.12.2004.

¹⁹ Михаил Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина, 1-е изд., М., 2000, С. 603. — По другим данным, в западных военных округах находилось 12 782 танка всех типов. См: Charles C. Sharp, Soviet Order of Battle, World War II, Nafziger-Collection, 1995, S. 11.

²⁰ Deutsche Militärzeitschrift 1/2005, S. 8—13.

²¹ Valerij Danilov, Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet?; in: ЦМЗ 1/1993, S. 51; hier: S. 50. Линия нападения простиралась от Острова у Буга на юго-восток до Литовска, неподалеку от южного конца германо-советской границы. В противоположность двум первым планам развертывания от главного удара по Восточной Пруссии отказалась, хотя должны были быть нанесены удары по Инстербургу и Алленштайну.

²² V. A. Neveshin, Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War; in: Russian Studies in History 2/1997, S. 49-72, hier: S. 64.

²³ Всего Красная Армия располагала во всех военных округах 303 дивизиями. Ватутин учитывает, однако, в середине июня еще 17 дивизий, находившихся в стадии формирования.

²⁴ Данные включают находившиеся в стадии формирования полки. В то время как средняя мощность авиаполка составляла 60 машин, некоторые особо боееспособные полки располагали 70 машинами. См: www.rkka.ru/22/vvs. от 21.1.2005.

²⁵ Milan Haumer, Stalin's Big-Fleet Program; in: Naval War College Review, 2/2004, S. 88—120; ausführlich: Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov, Stalin's Oceangoing Fleet: Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935—1953, London, 2001. — Сталин пресек в 1940—1941 годы попытки командования флота увеличить производство легких надводных кораблей и подлодок за счет строительства линейных кораблей и тяжелых крейсеров.

²⁶ Otto Mammnen, The Soviet Plans for the Northwestern Theater of Operations in 1939—1944, Helsinki, 2004, S. 73.

²⁷ Ebenda, S. 81/82. — О дислокации советских войск на Северном фронте см.: *Kriegsgeschichtliche Zeitschrift* 2/1992 (russisch), S. 64/65. Ватутин исходит в своих расчетах от 13.6.1941 из 22 дивизий на Северном фронте.

²⁸ *Stefan T. Possony*, Hitlers Unternehmen «Barbarossa» und die Rolle des sowjetischen Geheimdienstchefs Berija; in: *Beiträge zur Konfliktforschung* 3/1975, S. 99—114, hier: S. 102. — Английская разведка благодаря расшифровке радиопереговоров знала о немецких намерениях как минимум за два месяца до нападения.

²⁹ К вопросу об ультиматуме: *Ernst Topitsch*, *Stalins Krieg*, 2. Auflage, München, 1986, S. 112ff. — О сталинской оценке германо-британского соглашения: *Gabriel Gorodetsky*, *Grand Illusion*, Yale University Press, 1999 (deutsch: *Die große Täuschung*, Berlin, 2001).

³⁰ Как сообщает Мартин Аллен («Churchills Friedensfalle», Inning 2003), британские секретные службы производили сознательную дезинформацию, чтобы создать у немецкого правительства иллюзию готовности Британии к переговорам о мире; целью акции было подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз, раз с запада опасность больше не угрожала.

³¹ *Valerij Danilov*, Juni 1941. Früchte einer falschen Konzeption (russ.); in: «Poisk» (Suche) 25/1996, S. 3; V. A. Nevezhin, Stalin's 5 May Addresses: The Experience of Interpretation; in: *The Journal of Slavic Military Review* 1/1998, S. 116—146, hierin zahlreiche russische Quellenangaben.

³² *Ziemke*, *The Red Army*, a.a.O., S. 268.

³³ *B. V. Sokolov*, Did Stalin Intend To Attack Hitler?; in: *The Journal of Slavic Military Studies*, Juni 1998, S. 113—141; hier: S. 132/32.

³⁴ *V. A. Nevezhin*, Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War; in: *Russian Studies in History* 2/1997, S. 48—73, hier: S. 38ff, S. 61. Кроме того, было предписано использовать для мобилизации населения в целом законодательные мероприятия, поскольку без такой мобилизации воспитание армии в наступательном духе остается пустой фразой.

³⁵ Речь шла о 238-й стрелковой дивизии с численностью в 10 300 человек. Подготовка к формированию большого соединения, состоявшего из поляков, началась уже осенью 1940 г., когда НКВД рекрутировал тех польских военнопленных, которые изъявили желание воевать против Германии. См: *B.V. Sokolov*, Did Stalin Intend To Attack Hitler?; a.a.O., S. 113—141; hier: S. 121, 131.

³⁶ *Harald Moldenhauer*, Die Reorganisation der Roten Armee von der «Großen Säuberung» bis zum deutschen Angriff auf die UdSSR (1938—1941); in: Militärgeschichtliche Mitteilungen 55 (1996), S. 176-164, hier: S. 163/64.

³⁷ Ошибочность развертывания была признана даже Габриэлем Городецким (Die Große Täuschung, S. 360); см: Cynthia A. Roberts, Planning for war: The Red Army and the catastrophe of 1941; in: Europe-Asia Studies, Dezember 1995, S. 1293—1326; hier: S. 1294.

³⁸ Подробнее см.: *Michael Meltjuchov*, Am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges, Moskau, 1999, S. 55.

³⁹ Это значит: расположение только небольших сил непосредственно у границы для задержания противника; концентрация основных соединений в глубине с опорой на естественные препятствия, для остановки наступления противника; развертывание сзади сильных механизированных резервов для контр-наступления.

⁴⁰ Это неудобопонимое высказывание принадлежит генерал-полковнику Юрию Горькову: Was Stalin Preparing a Preemptive Strike Against Hitler in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 22-46; hier: S. 32.

⁴¹ *V.N. Kiselev*, Stubborn Facts Associated with the Beginning of the War; in: Russian Studies in History, Winter 1997/87, S. 8—21, hier: S. 11.

⁴² Это, например, стремится доказать Игорь Бунич в книге «Операция «Гроза». Ошибки Сталина», Москва, 2004. Эрих Хелмдах (*Erich Helmdach: Täuschungen und Versäumnisse*, Berg am See 1979, S. 128) считает нападение в августе более вероятным.

⁴³ Советский Союз мог при тотальной мобилизации получить дополнительно 12 миллионов человек, если исходить из уровня мобилизации в 10—11% населения. См: *David M. Glantz*, Colossus Reborn, The Red Army at War 1941—1943, Kansas, 2005, S. 135.

⁴⁴ Hans-Adolf Jacobsen, Der Weg zur Teilung der Welt, Koblenz — Bonn, 1977, S. 219. — Es handelt sich um die Unterredung Hitlers mit Ciano am 18.12.1942.

⁴⁵ Ко времени принятия окончательного решения противодействие скорому нападению не было центральным мотивом, преобладающим было намерение противостоять среднесрочной советской угрозе. Из-за отсутствия такого дифференцирования возникла вводящая в заблуждение дискуссия, см. напр.:

B. Bianca Pietrov-Ennker (Hrsg.), *Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion*, Frankfurt/M., 2000.

⁴⁶ *Joachim Schultz-Naumann*, *Die letzten dreißig Tage. Das Kriegstagebuch des OKW April bis Mai 1945*, München, 1980, S. 130. Der Ausspruch stammt vom 12. Mai 1945.

⁴⁷ Сравнение этой ситуации с эпохой холодной войны, когда Советский Союз вместе с другими странами Варшавского договора создал преобладающий военный потенциал, что, однако, не привело к эскалации агрессии, хромает: потенциальное нападение Варшавского пакта было предотвращено не самоограничениями кремлевского руководства, а ядерным оружием Запада, которое делало нападение на него более чем рискованным.

«МЫ СХВАТИМ КАПИТАЛИЗМ ЗА ШИВОРОТ»

Советская подготовка к наступательной войне
в тридцатые — начале сороковых годов

Международные исследователи уже в течение нескольких десятилетий едины в том, что немецкое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. было идеологически обусловленной войной, спланированной и начатой как война на уничтожение за завоевание жизненного пространства. Существует много доказательств этому, в том числе и высказывания самого Гитлера. Несомненно, что летом 1941 г. Советский Союз пал жертвой давно подготавливавшейся агрессии. Советская военная и послевоенная пропаганда подавала нападение Германии соответствующим образом, одновременно оставляя в тени продолжавшийся почти два года германо-советский союз.

Новейшие исследования показали, однако, что Советский Союз самое позднее с начала тридцатых годов тоже готовился к идеологически обусловленной наступательной войне. Ее цель — расширить коммунистическое владычество в Европе и в мире силой оружия. Советский Союз начал реализацию этой программы на практике вторжением в Польшу в сентябре 1939 г. Помимо прочего, это подтверждается высказываниями ближайших доверенных лиц Сталина, что будет показано ниже.

* Богдан М у с и а л ь (Bogdan Musial) — Dr.-Hab., историк, область исследований: история XX века, история коммунизма и национал-социализма. Живет в Германии.

Подготовка к наступательной войне в тридцатые годы

Когда в начале тридцатых годов в Москве состоялось одно из обычных многочасовых заседаний правительства, на повестке дня стоял вопрос о подготовке Советских вооруженных сил к войне. На нем присутствовали народный комиссар по военным и морским делам Климент Ефремович Ворошилов и инспектор кавалерии Семен Буденный. Во время заседания Буденный передал своему другу Клименту записку с комментарием по поводу выполнения подготовки к войне: «К.Е. Что же делается на белом свете? Три года тому назад говорили, что нам нужно два-три года, тогда мы сами нападем, а теперь просим пять лет, но когда я вдумываюсь в нашу готовность по докладам, то получается, что с каждым годом мы становимся все менее и менее готовы. С.Б.»¹.

Буденный, совершенно очевидно, имеет в виду приготовления к войне с Польшей, тогдашним главным врагом Советского Союза. «Польская опасность» была для советских вождей в двадцатые и тридцатые годы чем-то очевидным. Они рассматривали Польшу как острую угрозу первому в мире коммунистическому государству, и в первую очередь как главное препятствие распространению коммунистической революции на Центральную и Западную Европу. Ведь были же части Красной Армии в августе 1920 г. остановлены под Варшавой и обращены в бегство как раз тогда, когда они находились на пути в Европу и одновременно надеялись на коммунистическую революцию в Германии². В марте 1923 г. Сталин писал в «Правде» по поводу польской войны: «Так обстояло дело в 1920 г. во время войны с поляками, когда мы, недооценив силу национального момента в Польше и увлекшись легким успехом эффектного продвижения вперед, взяли на себя непосильную задачу прорыва в Европу через Варшаву, сплотили против советских войск громадное большинство польского населения и создали, таким образом, обстановку, аннулирующую успехи советских войск под

Минском и Житомиром и подорвавшую престиж советской власти на Западе»³.

Это поражение все долгие двадцатые и тридцатые годы оставалось травмой для советских вождей. Польша запирала Советскому Союзу путь в центр Европы, в Германию. Но как раз Германии отводилась в большевистских планах мировой революции ключевая роль. В строго секретной, только членам Политбюро адресованной памятной записке о «будущей немецкой революции и задачах Российской коммунистической партии» говорилось: «Пролетарская революция в Германии с первых же ее шагов приобретает еще большее международное значение, нежели российская революция. Германия — более промышленная страна, чем Россия. Германия находится в самом центре Европы. <...> Главнейшим врагом германской революции окажется буржуазная Польша. Польская буржуазия окажется наиболее злым врагом не только потому, что именно ее французский империализм более всего склонен избрать орудием своих контрреволюционных целей, но и потому, что, предвидя трудность своего положения между советской Германией и советской Россией, польская буржуазия *будет драться с мужеством отчаяния*. <...> Советская Германия с первых же дней своего существования заключит теснейший союз с СССР. <...> Такой союз имел бы в своем распоряжении все хозяйственные ресурсы, какие только необходимы для процветания и советской Германии, и СССР. <...> Надвигающаяся вторая, действительно пролетарская революция в Германии поможет советской России окончательно победить на решающем фронте социалистического хозяйственного строительства, а тем самым создаст неизбежную базу для победы социалистических форм хозяйства во всей Европе»⁴.

Далее в записке говорилось: в случае пролетарской революции в Германии и возможной войны в Европе необходимо вовремя выдвинуть лозунг Соединенных Штатов рабоче-крестьянских республик Европы. «Лозунг «Соединенные Штаты» для коммунистов является не чем иным, как этапом к лозунгу «Союз советских республик

Европы. А поскольку к такому союзу, разумеется, будет принадлежать и СССР — к лозунгу «Союз советских республик Европы и Азии». <...> С революцией в Германии большими шагами приближается революция в Европе и во всем мире»⁵. И Сталин был того же мнения. В августе 1923 г. он писал Августу Тальхаймеру, редактору «Роте фане»: «Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад»⁶.

Такого рода взглядами обосновывалась и мечта о прямой границе с Германией или о «коридоре» к ней. Сергей Гусев, начальник политического управления Красной Армии, писал в 1923 г. Григорию Зиновьеву, одному из ближайших соратников Ленина и одновременно одному из влиятельнейших советских вождей в 20-е годы: «Тов. Зиновьев! Не приходило ли Вам в голову, что в случае германской революции и нашей войны с Польшей и Румынией решающее значение могли бы иметь наступление наше на Вост. Галицию (где поднять восстание не трудно) и «случайный» прорыв наш в Чехословакию, где при сильной КП вполне возможна революция (в «присутствии» наших двух-трех дивизий). Таким способом мы: 1) вышли бы в глубокий тыл Польше и ее участь была бы решена, 2) получили бы через Ч.-С. «коридор» в Советскую Германию; 3) имели бы Ч.-С. Красную Армию. Не следует ли уже теперь вести политическую подготовку Ч.-С. в этом направлении?»⁷

Феликс Дзержинский, основатель пресловутой ЧК, предшественницы ГПУ/НКВД/КГБ, и один из крупнейших советских функционеров, вплоть до своей смерти в 1926 г. занимался по поручению Политбюро «польским вопросом». В последние месяцы перед смертью он определил ближайшие и средней срочности цели советской польской политики исходя из того, что Польша нападет на Советский Союз самое позднее в 1927 г.: «...во всяком случае мы перенесем границу на Буг, присоединим Западную Украину к УССР, отдадим Вильно Литве, создадим непосредственное соединение с Германией»⁸.

После смерти Дзержинского в советской польской политике ничего не изменилось. Сталин писал 1 сентября 1930 г. Вячеславу Молотову: «1) Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР. Я думаю, что, пока они не создадут этот блок, они воевать с СССР не станут, — стало быть, как только обеспечат блок, начнут воевать (повод найдут). Чтобы обеспечить наш отпор и поляко-румынам, и балтийцам, надо создать себе условия, необходимые для развертывания (в случае войны) не менее 150—160 пехот[ных] дивизий, т. е. дивизий на 40—50 (по крайней мере) больше, чем при нынешней нашей установке. Это значит, что нынешний мирный состав нашей армии с 640 тысяч придется довести до 700 тысяч. Без этой «реформы» нет возможности гарантировать (в случае блока поляков с балтийцами) оборону Ленинграда и Правобережной Украины. Это не подлежит, по-моему, никакому сомнению. И наоборот, при этой «реформе» мы наверняка обеспечиваем победоносную оборону СССР. Но для «реформы» потребуются немаленькие суммы денег (большее количество «выстрелов», большее количество техники, дополнительное количество командного состава, дополнительные расходы на вещевое и продовольственное снабжение). Откуда взять деньги? Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны»⁹.

Далее Сталин пишет в том же письме, что задание по увеличению производства водки надо официально закрепить в госбюджете на 1930/31 г.¹⁰. Ничего удивительного, что 15 сентября 1930 г. Политбюро принимает решение: «Принять необходимые меры к скорейшему увеличению выпуска водки. <...> Принять программу выкурки спирта в 90 мил. ведер в 1930/31 году»¹¹.

Нет никакого сомнения, что в 1930 г. советское руководство действительно было озабочено масштабным воору-

жением Красной Армии. Об этом свидетельствуют также следующие цифры. Красная Армия выросла с 631 000 солдат в 1930 г. до 1 033 570 в 1934 г.¹²; число самолетов увеличилось с 1149 до 4354¹³, число танков — с 92 в 1928 г. до 7574 в 1934 г.¹⁴. После 1934 г. Советский Союз продолжал наращивать вооружение. В 1939 г. Красная Армия состояла из 1 931 962 солдат, она располагала 10 362 самолетами и 21 110 танками¹⁵.

В то же время большое число танков, самолетов и солдат создавало ложное представление о действительном состоянии боеготовности советских войск, на что и указывал Буденный в процитированной выше записке. В реальности стремительно растущая масса военных материалов и вооружений не соответствовала их качеству. Самолеты и танки были устаревшими и очень быстро ломались, солдаты плохо питались и были немотивированы¹⁶. Офицерский корпус тоже не соответствовал уровню других стран. Этому было много причин, одной из важнейших представляется сталинистский террор тридцатых годов, который зверствовал и в Красной Армии.

Первая большая волна чисток настигла Красную Армию уже в 1929—1930 гг. Более 10 000 офицеров были уволены из армии, более 2600 из них были арестованы. В 1930—1932 гг. в рамках операции «Весна» были арестованы 3000 офицеров, в большинстве случаев бывшие офицеры царской армии¹⁷. Вторая большая волна чисток началась в 1934 г. и длилась до 1936-го¹⁸. Ее сменила в 1937 г. третья волна, ставшая кульминацией террора в Красной Армии.

К 31 декабря 1936 г. корпус высших офицеров всех родов войск (начиная от генерал-майора) насчитывал 1651 человека. Согласно последним исследованиям Павла Вечкоркевича между 1936 и 1939 гг. 87% из них потеряли свои должности, девять покончили самоубийством и 1433 были уволены. Согласно доступным сегодня документам из 1433 уволенных 1179 были арестованы, 715 в конечном счете расстреляны, 71 умер в тюрьме или в ГУЛАГе. Получается, что почти половина (48%) из об-

щего числа высших офицеров погибла в 1936—1939 гг.; сотни попали в тюрьму и ГУЛАГ, многие были понижены по службе, другие «добровольно» ушли со службы, чтобы избежать преследований¹⁹.

На более низком уровне террор был относительно менее жестоким, хотя абсолютное число жертв оказалось гораздо выше. По последним оценкам, число всех офицеров советских вооруженных сил, которые пострадали от чисток в 1935—1939 гг., достигает 63 000. Из них 14 775 были либо до, либо после увольнения со службы арестованы. Часть была убита, остальные попали в тюрьму или в ГУЛАГ. По неполным данным, число офицеров, приговоренных к смерти советской военной юстицией, составляет 4467²⁰. В 1938 г. офицерский корпус Советских Вооруженных Сил насчитывал всего 179 000 человек²¹.

Эта волна террора имела для Советских Вооруженных Сил катастрофические последствия. Во время германо-советской войны 1941—1945 годов погибли 6,3% всех высших офицеров (генеральского уровня), во время чисток было убито почти 50%²².

Генерал Константин Рокоссовский, сам сидевший с 1938 по 1940 г., писал по этому поводу: «Это было хуже, чем артиллерийский огонь по собственным войскам»²³. На мораль и качество офицерского корпуса террор оказал самое разрушительное действие²⁴.

Но и с простыми солдатами обращались не лучше. Большинство из них пришли из деревни и испытали, точнее пережили, террор коллективизации тридцатых годов, жертвами которого стали миллионы людей. Но сталинский террор бушевал и в городах тоже, так что большая часть солдат прямо или косвенно была им затронута. В этих условиях воодушевление по поводу службы на Сталина и на советское государство было скорее ограниченным. Генерал Георгий Жуков, получивший в 1939 г. в командование Киевский военный округ, констатировал: «Распад дисциплины вплоть до самовольного оставления службы и дезертирства». Нужно было ввести новый ужесточенный порядок несения службы, который предусмат-

ривал, помимо прочего, и физическое насилие, которое офицеры широко применяли²⁵.

Большие проблемы были также в области вооружений. Число произведенных самолетов и танков было высоким, их качество, однако, низким. Очень часто из-за непрофессионального обслуживания и использования происходили аварии. В 1937 г. число аварий в воздушных силах по сравнению с предыдущим годом повысилось на 80%²⁶. 16 мая 1939 г. Климент Ворошилов был вынужден сообщить, что аварии в воздушных силах приняли «чрезвычайные размеры»²⁷.

С 1 января по 15 мая 1939 г. во время катастроф погибли 70 пилотов, была потеряна 91 машина²⁸. Не лучшим было положение в других родах войск, но аварии там были не такими заметными, и их было легко скрыть²⁹.

Советское руководство исследовало ситуацию и приняло решение произвести реформы. Разрабатывались новые планы и программы, раздавались приказы и указания, которые следовало немедленно претворять в жизнь. Речь шла о том, чтобы исправить недостатки и упущения и как можно быстрее повысить боеготовность Красной Армии³⁰. Эта деятельность была, однако, не особенно успешной, что подтвердили результаты 1939—1941 гг.

Когда советское руководство в конце 20-х годов постановило начать вооружение страны, главного врага оно видело в Польше. Антисоветская Польша запирала Советскому Союзу путь на Запад. К тому же болезненное для советских вождей поражение 1920 г. и в будущие годы влияло на их отношение к Польше как к государству и нации. В двадцатые и тридцатые годы в Советском Союзе возник антипольский психоз, который вылился в коллективное преследование польского меньшинства (так называемые польские операции). Тысячи поляков были расстреляны, многие тысячи арестованы и депортированы.

14 сентября 1937 г. Николай Ежов, народный комиссар внутренних дел и инициатор операции, доложил Сталину

о ходе «польской операции». Ежов сообщал, что по обвинению в шпионаже в пользу польского государства арестованы 23 216 человек польского происхождения. Сталин написал на краю доклада: «Т. Ежову. Очень хорошо. Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР»³¹. «Польская операция», естественно, продолжалась³².

Приход к власти в Германии национал-социалистов изменил политическую ситуацию в Европе. Советский Союз не был для Гитлера потенциальным союзником, напротив, политика немецкого диктатора была антикоммунистической и антисоветской. Сталин все же пытался наладить контакты с национал-социалистическим режимом, поначалу, правда, безуспешно. Советскому руководству быстро стало ясно, что нацистская Германия с заново воссозданным вермахтом и быстрым вооружением сможет стать опаснейшим врагом Советского Союза³³. Польша благодаря своему геополитическому положению продолжала играть в этих расчетах важную роль.

В конце ноября 1938 г. состоялось заседание Главного военного совета. Главной темой обсуждений были советско-японские бои в июле и августе 1938 г. у озера Хасан. Заключительный доклад сделал маршал Ворошилов, нарком обороны: «...на западной границе мы имеем врага, не менее организованного, чем японцы... Сейчас, когда мы говорим о западном нашем участке, мы имеем в виду Германию; Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок»³⁴.

Но в 1939 году произошел неожиданный поворот. Гитлер, который пытался — хотя и безуспешно — привлечь Польшу в качестве союзника в идеологической войне против Советского Союза, теперь решил напасть на Польшу. Чтобы обезопасить себя, он, недолго думая, предложил Сталину поделить Польшу и оставшуюся Восточную Европу между Германией и Советским Союзом. Сталин охотно принял это предложение, и в ночь с 23 на 24 авгу-

ста 1939 г. министры иностранных дел Германии и России подписали печально известный пакт Гитлера — Сталина, которым был официально предрешен четвертый раздел Польши³⁵.

Первого сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Когда польская армия была почти разбита, но не все части страны еще были заняты, Сталин ввел в Польшу свои войска. Красной Армии пришлось легко, тем более что польские войска кое-где совсем не сопротивлялись. Красная Армия и вермахт отметили свое братство по оружию совместным парадом в Бресте.

Союз с Германией преследовал, с точки зрения Сталина, ясную цель: с одной стороны, следовало передвинуть советскую границу как можно дальше на запад, с другой — вовлечь Германию в войну с западными странами, чтобы таким образом ослабить западные (капиталистические) страны. Седьмого декабря 1939 г. в Кремле состоялось совещание, на котором Сталин объяснил причины, подвигшие его на германо-советский пакт: «Война идет между двумя группами капиталистических стран. <...> Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. <...> Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. *Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону*»³⁶.

Этот комментарий показывает, что Сталин поставил на то, чтобы в полную силу разжечь войну между Германией и западными союзниками и ослабить капиталистические страны. В тени этого конфликта он предпринял первые шаги, чтобы силой оружия распространить советско-коммунистическое владычество за пределы Советского Союза. Первой жертвой стала Польша, которую Германия и Советский Союз разделили между собой. Вскоре должны были быть заняты и стать советскими балтийские страны и Бессарабия.

Тридцатого ноября 1939 г., еще в победном угаре, Сталин приказал напасть на гораздо более слабую Финляндию. Однако совершенно неожиданно Красная Армия поначалу потерпела чувствительное военное поражение. Только после трех месяцев изнурительных боев Финляндия попросила СССР о перемирии и заявила о согласии отдать Советскому Союзу требуемые им территории. Красная Армия понесла большие потери, а недостатки Советских Вооруженных Сил стали всем очевидны. «Зимняя война» обернулась шоком для Сталина и советского руководства. Им стало ясно, что Красная Армия еще не готова к наступательной войне. Климент Ворошилов в мае 1940 г. ушел с поста министра обороны, были запущены новые реформы и программы вооружений³⁷.

На заседании Политбюро 27 марта 1940 г. обсуждалась финская война. Маршал Ворошилов, тогда еще нарком обороны, занялся самокритикой: «Недостаточная подготовка к такой войне. Ряд командиров непригодны. Армия плохо вооружена». Он предлагает меры по исправлению ситуации: «Необходима профессиональная армия. — Быть готовыми в любой момент. — Положить конец флуктуациям в командирском составе. — Железнодорожный транспорт существенно улучшить. — Резервы должны быть увеличены»³⁸.

Днем позже члены Политбюро обсуждали доклад Ворошилова, на которого, как отмечает Димитров в дневнике, открыто нападали. Сталин взял, однако, Ворошилова под защиту: «У нас не часто происходит такое, чтобы народный комиссар так открыто говорил о своих ошибках». Затем Сталин нападет на командиров: *«Командиры — 60% хорошие, 40% иляпы, бесхарактерные, трусы и т. д. <...>* Все зависит от командиров. Хороший командир и с плохой дивизией добьется своего, плохой командир может и хорошую дивизию разложить. <...> Если наркоматы будут лучше работать, у нас будет лучшая армия в мире»³⁹.

В следующие месяцы происходила оценка ситуации, о чем Сталин лично заботился. Выяснилось, насколько в плохом состоянии находилась Красная Армия. Седьмого ноября 1940 г. после военного парада на Красной площади в Кремле состоялся прием, на который Сталин пригласил своих ближайших соратников. В самом конце, когда все уже собирались расходиться, слово взял явно раздраженный Сталин. Он произнес длинную речь, говорил запальчиво, ругал своих соратников и угрожал им: «История нас избаловала. Мы сравнительно легко добились многих успехов. И это вызвало у многих самодовольство, опасное самодовольство. <...> Уроки войны в Финляндии, уроки войны в Европе не изучаются. <...> К такой воздушной войне, какая идет между Германией и Англией, мы не готовы. Выяснилось, что наши самолеты только 35 минут могут продержаться в воздухе, а немецкие и английские — до нескольких часов! Если наши вооруженные силы, наш транспорт и т. п. не будут так же сильны, как у наших противников (а это все капиталистические страны, даже те, которые выдают себя за наших друзей), тогда они нас сожрут. <...> Мы сейчас реорганизуем пехоту, кавалерия всегда была хорошей, теперь нужно серьезно заняться авиацией и противовоздушной обороной. Этим я занят ежедневно. Я беседую с конструкторами и другими специалистами. Но я *единственный*, кто занимается сразу всем. Никто из вас ни капли об этом не думает. Я здесь один такой... Но я могу учиться, читать, сосредотачивать внимание каждый день; почему вы этого не можете? Вы не любите учиться, живете в свое удовольствие. Двумя руками раздаете наследство Ленина. <...> *Выслушают меня и все оставят по-старому.* Но я вам покажу, если выйду из терпения (вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит»⁴⁰.

Устранение многочисленных недостатков и слабостей Красной Армии требовало огромной работы, времени и значительных финансовых средств. Поэтому неудивительно, что через 7 месяцев, в мае 1941 г., необходимый уровень боеготовности Красной Армии еще не был дос-

тигнут. Восьмого мая состоялось заседание Главного военного совета Красной Армии. На нем было установлено, что «в целом боевая подготовка хотя и повысилась по сравнению с 1941 г., но все еще не отвечает современным требованиям ведения операции и боя и характеризуется невыполнением задач, поставленных в приказе НКО № 30»⁴¹.

Существует множество документов 1941 г., в которых высшие военные извещают партийное руководство о трудностях в подготовке к войне. 15 апреля 1941 г. начальник Генерального штаба генерал Георгий Жуков жаловался на то, что армия недостаточно обеспечена боеприпасами, в особенности артиллерийскими⁴². В тот же день Высший военный совет принял постановление, в котором обязал правительство до конца 1941 г. обеспечить армию боеприпасами всех калибров, с тем чтобы создать резервы на три месяца ведения войны⁴³. 14 мая 1941 г. генерал Федоренко сообщал наркому обороны, что моторизованные корпуса из-за недостаточного обеспечения танками не полностью боеспособны⁴⁴.

Например, части, располагавшиеся в крепости Брест, имели много артиллерии, но боеприпасы к ней до 22 июня 1941 г. так и не были доставлены⁴⁵. Созданная в начале 1941 г. и расположенная в Хайновке под Белостоком 208-я моторизованная дивизия была в июне 1941 г. вооружена только на 70—80%. Входящий в эту дивизию 128-й танковый полк должен был иметь 250 танков, но не имел ни одного⁴⁶. И эта часть не была исключением⁴⁷. Летом 1941 г. огромные советские танковые соединения находились в состоянии реорганизации, достижение ими полной боеготовности предполагалось весной 1942 г.⁴⁸.

10/11 июня 1941 г. маршал Тимошенко, тогдашний нарком обороны, и генерал Жуков, начальник Генерального штаба, докладывали Сталину о неудовлетворительном продвижении строительства железнодорожных линий, важнейших путей обеспечения войск. Они информировали Сталина, что выполнение планов строительства железнодорожных линий на 1941 г. под угрозой: «На один-

надцати новых железнодорожных линиях западного направления работы были начаты в конце апреля и до сих пор не развернуты в полной мере. На 1 июня по многим линиям выполнено только 8% годового плана. <...> Годовой план работ по строительству этих мостов (на западном и южном направлениях. — *Б.М.*) на 1 июня т. г. выполнен в пределах от 13 до 20%»⁴⁹. Главная причина трудностей состояла, согласно докладу, в нехватке строительных материалов (цемента, дерева, железа).

Параллельно с массированным вооружением Генеральный штаб разрабатывал в 1940—1941 гг. планы нанесения удара в западном направлении, то есть по расположенным на польской территории немецким войскам. Последние известные планы датированы маем 1941 г.⁵⁰. Современные исследования показывают, однако, что в 1941 г. Красная Армия была совершенно не готова к войне с таким сильным противником, как Германия⁵¹. Это было ясно советскому руководству во главе со Сталиным.

«Миролюбие» и подготовка к агрессивной войне

В то время как пропаганда демонстрировала советское «миролюбие», многое указывало на то, что Советский Союз самое позднее с 1930 г. готовился к агрессивной войне. Советское руководство, как это упоминалось выше, во время массированного вооружения делало упор на танки, артиллерию и авиацию как на современные наступательные виды вооружений. Кроме того, многие высказывания Сталина можно истолковать подобным образом. 28 марта 1940 г. он, помимо прочего, заявил на пленуме ЦК: «Артиллерия играет решающую роль, танки расчищают дорогу пехоте»⁵². Годом позже, в мае 1941 г., во время приема в Кремле Сталин подчеркнул в разговоре со своими ближайшими соратниками значение наступательных видов оружия: «Самое важное — это хорошо вооруженная пехота. — Но главную роль играет артиллерия (пушки, танки). — Для исполнения этой роли артиллерии нужна авиация. — Одна авиация не может решить исход боя, но

во взаимодействии с пехотой и артиллерией она играет чрезвычайно важную роль. — Решающими являются при этом <...> самолеты с нормальной дальностью (бомбардировщики и штурмовики). <...> Кавалерия не потеряла своего значения в современных боях. — Она особенно важна, если надо преследовать выбитого со своих позиций противника и не дать ему возможность укрепиться на новых позициях»⁵³.

Советское руководство с 1930 г. делало ставку на те рода оружия, которые необходимы для ведения современной наступательной войны: на танки, артиллерию, авиацию, которые «расчищают» путь пехоте. Но не только выбор оружия говорит за то, что СССР самое позднее с 1930 г. готовился к ведению агрессивной войны. Высказывания Сталина и его ближайших соратников, как, например, цитировавшееся выше высказывание Семена Буденного, тоже свидетельствуют об этом: «Три года тому назад говорили, что нам нужно два-три года, тогда мы сами нападем». Сталин сам заявил 5 мая 1941 г. во время приема в Кремле своим ближайшим сотрудникам: *«Нет обороны без наступления»*⁵⁴.

Пропаганда, однако, подчеркивала «миролюбие» советского государства. Еще в 1923 г., когда в узком кругу обсуждались планы нападения на Польшу, Сталин указал на вопрос, который он считал важным: «Под каким легальным прикрытием мобилизнуть солдат, сохраняя внешность миролюбия и, по крайней мере, внешность обороны?»⁵⁵

Характер пропаганды сохранялся до 1941 г. В этом духе воспитывались офицеры и солдаты Красной Армии. Но весной 1941 г. Сталин явно пришел к выводу, что предшествующая пропаганда, которая поддерживала «иллюзию миролюбия», больше не соответствует ситуации. Солдат и офицер теперь надо психологически готовить к предстоящей агрессивной войне. Как уже упоминалось, 5 мая 1941 г. после торжественного собрания выпускников Военной академии в Кремле состоялся прием, на котором Сталин, помимо прочего, заявил: *«...Наша политика мира*

и безопасности в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне»⁵⁶.

«Поворот в пропаганде, а не в политике»

В течение следующих недель действительно был разработан проект новой директивы о политической работе в рядах Красной Армии. 4 июня 1941 г. состоялось заседание Главного военного совета, на котором обсуждалось новое направление «партийно-политической работы в рядах Красной Армии». Присутствовали, помимо прочих, нарком обороны маршал Тимошенко, Буденный, а также Жданов и Маленков, члены Политбюро и ближайшие соратники Сталина. Документ настолько выразителен, что его стоит привести целиком:

«Очередные задачи партийно-политической работы
в Красной Армии

**(Краткая запись обсуждения проекта директивы
на Главном военном совете Красной Армии
4 июня 1941 г.)⁵⁷**

Тимошенко⁵⁸. Много мелочей в директиве. Повторения. Вводная часть велика. Объединить вместе с директивой о политучебе красноармейцев.

Жданов⁵⁹. Обе директивы объединить. Не обременять документ опросами партийного хозяйства, работой среди жен начсостава. Построить директиву: 1) Почему нам нужен другой характер пропаганды. Идет война. Сказать, почему погибла Франция и победила Германия. Развенчать легенду о непобедимости германской армии. 2) Возросла мощь СССР. Об этом было сказано, когда мы шли на Румынию. Мы стали сильнее, можем ставить более актуальные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на

путь наступательной политики. 3) Между миром и войной — один шаг. Вот почему наша пропаганда не может быть мирной. Пропаганда должна иметь соответствующие темпы. Мы не можем сейчас планировать политучебу на 2 года и иметь политучебник, который будет изучаться 2 года. Армию нужно держать в готовности в любой момент. Отсюда задача так перестроить пропаганду, чтобы она соответствовала новым задачам. Надо насытить директиву содержанием, если хотите, надо дать шпаргалку. Раскрыть существо о войне и политике.

Буденный⁶⁰. Объединить обе директивы. Директива ругает за пацифизм, за мирный дух в пропаганде. Но кого она ругает? Нас нужно за это ругать. Ведь мы так направляли пропаганду. В директиве нужно сказать, что и как, разъяснить. Об изучении сопредельных стран надо сказать по каждой стране, например, по Англии, Турции и т. д.

Жданов. Перехода от одной политики к другой нет. Еще Ленин говорил во время Первой мировой войны в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы», что в случае необходимости победивший пролетариат выступит даже с военной силой против капиталистических государств. Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса.

Маленков⁶¹. Поворот в пропаганде, а не в политике. В документе надо дать ответы на все вопросы по существу, объяснить все вопросы, чтобы оказать конкретную помощь в пропаганде, все ваше разъяснение, которое вы даете в проекте директивы, это цитата из Ленина о том, что мы схватим весь капитализм за шиворот. Документ примитивно изложен, как будто бы завтра мы будем воевать.

Жданов. Тогда будет непонятно, почему мы маневрируем в дипломатии, если мы завтра собираемся воевать. А мы печатаем в «Красной звезде» о сборах начсостава запаса. Поворот в пропаганде, а не в политике.

Тимошенко. Составить одну директиву. Особо дать указание к тематике политзанятий. Документ должен создать поворот в политической пропаганде. Проект директивы обсудить на следующем заседании Главного военного совета.

Жданов. ЦК составляет по этому же вопросу директиву для всей партии. Я дам указание агитпропу ЦК, чтобы вместе с вами сделали вводную часть или чтобы вам дали вводную часть, подготовленную в ЦК. Весь документ надо будет обсудить в Политбюро».

Ход дискуссии о новой директиве, в которой участвовали ближайшие помощники Сталина, как и другие приведенные здесь свидетельства, позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз много лет готовился к идеологически обусловленной наступательной войне. Высказывание Жданова в этом обсуждении однозначно: «Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса».

Высказывание Ленина, на которое ссылается Жданов, звучит так: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»⁶².

Начиная с сентября 1939 г. Советский Союз был готов начать реализовывать свою идеологически обусловленную экспансионистскую политику силой оружия, как об этом заявил Жданов в процитированном выше выступ-

лении на совещании 4 июня 1941 г.: «Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики».

Целью было «схватить капитализм за шиворот», как это сформулировал Маленков в приведенной выше цитате.

Однако новое направление пропаганды уже не получилось воплотить в жизнь, потому что через три недели после вышеупомянутого обсуждения Германия напала на своего бывшего союзника. Катастрофическим образом выяснилось, что Советский Союз практически не в состоянии вести оборонительную войну на своей территории. Подготовка к ней выглядела в глазах Сталина, нацеленного на агрессивную войну, как пораженчество.

Возникает вопрос, когда Сталин собирался напасть на Германию, потому что весной 1941 г. речь могла идти только о государстве под управлением национал-социалистов. Но в 1941 г. не могла планироваться война против Германии, так как Красная Армия не была готова к военному конфликту с таким сильным противником, как вермахт. Указание на возможную дату нападения можно найти в уже процитированном высказывании Жданова от 4 июня 1941 г., обосновывавшем смену прежней «пацифистской» пропаганды пропагандой наступательной войны: «Пропаганда должна иметь соответствующие темпы. Мы не можем сейчас планировать политучебу на 2 года и иметь политучебник, который будет изучаться 2 года».

Это замечание можно истолковать как указание на то, что Сталин запланировал нападение на Германию в течение ближайших двух лет. Жданов был ближайшим доверенным лицом Сталина и занимался разработкой директивы по его поручению. Но его замечание может рассматриваться только как свидетельство в пользу этого, но не как доказательство даты запланированного нападения» Не исключено, что у Сталина не было запланировано точной даты нападения, он ждал удобной ситуации⁶³.

Здесь необходимы дальнейшие исследования.

Информированность Гитлера о советских военных приготовлениях и тезис о «превентивной войне»

Советские приготовления к агрессивной войне, несмотря ни на что, не являются доказательством так называемого тезиса о «превентивной войне», согласно которому Гитлер напал на Советский Союз, чтобы предупредить предстоящее советское нападение⁶⁴.

Во-первых, летом 1941 г. Красная Армия была не в состоянии вести наступательную войну. И во-вторых, немецкая сторона не имела представлений о состоянии Советских Вооруженных Сил, не говоря уже об идущей на высоких оборотах подготовке к агрессивной войне.

Гитлер и его генералы недооценили не только военную мощь и потенциал Советского Союза, но и боеспособность Красной Армии, что было неудивительно ввиду собственных ошеломляющих военных успехов и советских неудач в войне с Финляндией. Когда Гитлер решил напасть на Советский Союз, он исходил из того, что вермахт разобьет Красную Армию в течение нескольких недель⁶⁵.

В первые недели «восточного похода» казалось, что ожидания быстрой победы сбудутся. Девятого июля 1941 г. Гитлер сказал Геббельсу, что «война на Востоке в основном выиграна. Нам еще предстоит ряд тяжелых боев, но вермахт не даст Красной Армии оправиться от прежних поражений»⁶⁶. Но вскоре настроение в ставке фюрера резко изменилось. Первого августа Геббельс заносит в дневник: «Открыто признается, что в оценке советских боевых сил что-то было ошибочным. Большевики оказывают более сильное сопротивление, чем мы предполагали, и в первую очередь материальные возможности, которыми они располагают, оказались больше, чем мы думали»⁶⁷.

Несколькими днями позже, 10 августа 1941 г., Геббельс фиксирует: «Понадобятся еще более тяжелые и кровавые бои, прежде чем Советский Союз падет раздавленным»⁶⁸. В августе 1941 г. победная эйфория окончательно испарилась в ставке фюрера. Как пишет Геббельс, Гитлер так пе-

реживал военные события на Востоке, что перенес тяжелое расстройство желудка, которое Геббельс политически корректно именуется «приступом дизентерии». Геббельс продолжает: «Понятно, что военные события последних недель на Востоке сделали его (Гитлера. — *Б.М.*) таким раздраженным. <...> Военных трудностей такого объема мы не ожидали. Последние четыре недели были исключительно плохим временем»⁶⁹. Вскоре, 19 августа 1941 г., Геббельс заносит в дневник: «Стало очевидно, что мы полностью недооценили советскую ударную силу, и прежде всего вооружение советских армий. Мы даже близко не имели представления о том, чем располагают большевики. Отсюда и ошибочные оценки. Например, фюрер оценивал число советских танков в 5000, в то время как у них их было 20 000. Мы думали, что у них около 10 000 самолетов; в действительности у них было 20 000. <...> Возможно, это хорошо, что у нас не было ясной картины потенциала большевиков. Возможно, мы бы тогда побоялись взяться за решение все равно ставшего когда-нибудь неотложным вопроса о Востоке и большевиках. <...> Фюрер внутренне очень раздражен на себя за то, что он дал ввести себя в заблуждение сообщениями из Советского Союза»⁷⁰.

В действительности Советские Вооруженные Силы располагали в июне 1941 г. более чем 25 500 танками, 18 700 самолетами и 5 774 000 солдат⁷¹. Гитлер и его генералы не только не имели реального представления о военном потенциале Советского Союза, но и не знали о том, что советские военные приготовления осуществляются с такой большой скоростью. Они не видели общей картины и недооценили своего противника «полностью», как это формулирует Геббельс.

Немецкое нападение на Советский Союз, и в этом нет никакого сомнения, было заранее подготовлено и обусловлено не военно-стратегически, а идеологически. Гитлер был всю жизнь одержим идеей того, что история означает борьбу за «жизненное пространство» по законам «расового» детерминизма. Уже в двадцатые годы он критиковал проводившуюся до того немецкую политику,

которую он именовал «политикой границ», за близорукость и несоответствие времени. Он сам высказывался за «политику пространства», под которой понимал завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа в Восточной Европе⁷².

После прихода к власти в 1933 г. Гитлер сделал идею «жизненного пространства» государственной идеологией новой Германии. Третьего февраля 1933 г. он таким образом объяснил немецким генералам цель вновь создаваемого вермахта: «Захват жизненного пространства на Востоке и его безоглядное германизирование»⁷³. Еще десятью годами раньше, в 1923 г., Гитлер писал: «Мы, национал-социалисты, должны без оглядки отстаивать свои внешне-политические цели, а именно — обеспечить немецкому народу предназначенную ему от рождения землю на этой планете. И эта цель — единственное, что перед Богом и нашим немецким будущим оправдывает пролитие крови. <...> Когда мы сегодня говорим о новых территориях в Европе, то можем иметь в виду только Россию и подвластные ей страны»⁷⁴.

Во время беседы со своими ближайшими сотрудниками 16 июля 1941 г. Гитлер указал, что война с Советским Союзом служит исполнению окончательной задачи: «Принципиально <...> речь идет о том, чтобы удобным образом разрезать гигантский пирог, так чтобы им, во-первых, овладеть, во-вторых, управлять, а в-третьих — его использовать. <...> Из завоеванных восточных районов мы должны сделать райский сад; они для нас жизненно важны»⁷⁵.

На европейскую историю XX века повлияли две тоталитарные и преступные системы — советский коммунизм и немецкий национал-социализм. Хотя они были в основе разными, обе отмечены массовыми преступлениями, жертвами которых пали миллионы человек, и идеологически обусловленными экспансиями, проводившимися силой оружия. Оба государства вместе начали в сентябре 1939 г. Вторую мировую войну; через двадцать два месяца Германия напала на СССР.

Германо-советская война была запрограммирована идеологиями обеих сторон. Гитлер видел в советских территориях будущее «жизненное пространство» для немецкого народа, предпосылки для германского мирового владычества. Сталин, в свою очередь, рассматривал Германию как ключ к владычеству над Европой и миром. Советский Союз рассчитывал захватить и советизировать Европу с помощью германского экономического и человеческого потенциала. Германо-советская война принесла Гитлеру тотальное поражение, а Советскому Союзу возможность распространить свою власть и коммунистическую систему до Эльбы — и нимб освободителя от фашистской диктатуры.

*Перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого.*

Примечания

¹ Записка Семена Буденного Клименту Ворошилову, без даты, предположительно 1933 г.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 74, оп. 2, д. 97, л. 145.

² См.: *Norman Davies. White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919—1920 and «The Miracle on the Vistula».* London, 2003.

³ «Правда», № 56, 15 марта 1923, опубликовано в: *И. Сталин. Сочинения. Том 5, 1921—1923.* Москва, 1947. С. 160—180, 167 (выделено автором).

⁴ «Грядущая германская революция и задачи РКП». Тезисы доклада товарища Зиновьева на Пленуме ЦК РКП 22 сентября 1923: РГАСПИ, ф. 558, оп. И, д. 139, л. 22—30, обратная сторона (выделено автором).

⁵ Там же.

⁶ Ответ Сталина на письмо Августа Тальхаймера 20.09.1923: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 18.

⁷ Записка Гусева Зиновьеву 1923 г. (без точной даты): РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 32.

⁸ Запись Г. Лаутера о разговорах с Феликсом Дзержинским в последние три месяца перед смертью Дзержинского в июле 1926: РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 403, л. 11—14. После 1927 г., когда Польша все-таки не напала на СССР, советские вожди заявляли,

что Польша наверняка нападет в 1930 г. В конце 1930 г. они «переложили» польское нападение на 1932 г. См.: Письмо Сталина Менжинскому конца 1930-го, опубликовано в: Stalin, Briefe an Molotow, 1925—1936, hrsg. von Lars T. Lih / Oleg Naumow / Oleg Chlewnjuk, Berlin, 1996. S. 212 f. Предположение, что Польша в 1926, 1927, 1930 или 1932 гг. готовила войну против СССР, лишено всяких оснований. Если бы доказательства этому существовали, то они бы были наверняка опубликованы советскими историками и коммунистическими историками в Польше, чтобы дискредитировать польское предвоенное правительство. Польша со времен Рижского мира 1921 г. не предъявляла СССР никаких территориальных претензий.

⁹ Stalin an Molotov, 1.09.1930, опубликовано там же, С. 226.

¹⁰ Там же.

¹¹ Решение Политбюро от 15 сентября 1930 г. Там же, С. 227. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 31.

¹² См.: *Михаил Мельтюхов*. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М.: Эксмо, 2000. С. 358 (таблица 30).

¹³ См.: там же. С. 600, 349 (таблицы 27 и 28).

¹⁴ См.: там же. С. 601; *Richard Overy*. Russlands Krieg 1941-1945. Reinbek bei Hamburg, 2003. S. 45.

¹⁵ См.: *Михаил Мельтюхов*. Упущенный шанс Сталина... С. 359 (таблица 31). С. 600.

¹⁶ Подробнее см.: *Roger R. Reese*, Stalin's reluctant soldiers. A social history of the Red Army, 1925—1941. Kansas, 1996.

¹⁷ См.: *Вадим Абрамов*. СМЕРШ. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М.: 2005. С. 45—58.

¹⁸ Подробнее см.: *Pawel Wiczorkiewicz*. Lancuch Smierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937—1939. Warszawa, 2001. S. 31-91.

¹⁹ См.: там же. С. 892.

²⁰ См.: там же. С. 908. К дискуссии о количестве жертв сталинистского террора в Вооруженных Силах см.: там же, С. 897-921.

²¹ См.: *Overy*. Russlands Krieg. S. 61.

²² См.: *Wiczorkiewicz*. Lancuch Smierci... S. 1078 f.

²³ См.: *Overy*. Russlands Krieg. S. 61.

²⁴ См.: *Wiczorkiewicz*. Lancuch Smierci. S... 1077—1092.

²⁵ См.: там же. С. 1070 f.; см. также: *Sally W. Stocker*. Toenerner Koloss ohne Kopf: Stalinismus und Rote Armee, in: *Bianka Pietrov-Enker* (Hrsg.), Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt a. 2000. S. 148-169.

²⁶ См.: Приказ НКО СССР «Об авариях в Военно-воздушных силах Красной Армии» от 20 апреля 1938 г.: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». М., 2004. С. 490, С. 41—50.

²⁷ См.: Протокол заседания Главного военного совета Красной Армии 16—17 мая 1941. Там же. С. 202—237, здесь: С. 202.

²⁸ См.: Приказ НКО СССР «Об авариях в Военно-воздушных силах Красной Армии» от 4 июня 1939 г. Там же. С. 237—249.

²⁹ Например, в РГАСПИ хранятся многочисленные записки Семена Буденного, в которых он жалуется Ворошилову на недостаточное вооружение, а также на плохое, иногда катастрофическое обеспечение лошадей и солдат своих кавалерийских частей (РГАСПИ, ф. 74, оп. 2, д. 97). В апреле 1938 г. военные требовали поставлять лучшие гусеницы для танков, поскольку существующие надо было менять уже через 1000—1500 км. См. протокол заседания Главного военного совета Красной Армии от 20 апреля 1938: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». М., 2004. С. 490. С. 36-41.

³⁰ См.: Архив Комитета обороны при Совете народных комиссаров СССР 1927: ГАРФ, ф. Р-8418, оп. 1. Комитет обороны занимался вопросами подготовки к войне.

³¹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937—1938, под ред. В.Н. Хаустова / В.П. Наумов / Н.С. Плотников. М., 2004. С. 352—359.

³² См. там же. С. 373, 500—505. Всего в рамках «польской операции» было арестовано более 150 000 человек, половина из них в итоге была расстреляна. См. *Nikita Pietrow*. Polska operacja NKWD, in: *Karta 1993* (u). S. 24—44; *Aleksander Gurjanov*. Sowietckie represje wobec Polakow i obywateli polskich w latach 1936—1956 w swietle danych sowieckich, in: *Europa Niepro-wincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej* (Bialourus, Litwa, Lotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1772—1999), hrsg. von Krzysztof Jasiewicz. Warszawa/London, 1999. S. 972—982.

³³ См.: *Slawomir Debbski*. Miedzy Berlinem a Moskwa. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939—1941. Warszawa, 2003. S. 55—88.

³⁴ Цит. по: «Зимняя война»: работа над ошибками, апрель — май 1940 г. Материалы комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 3.

³⁵ См.: *Slawomir Debbski*. Miedzy Berlinem a Moskwa... S. 89—124.

³⁶ Запись от 7.09.1939. См: *Georgi Dimitroff*. Tagebuecher 1933—1943, hrsg. von Bernhard H. Bayerlein. Berlin, 2000. S. 273 (выделено в оригинале).

³⁷ См. «Зимняя война».

³⁸ Запись от 27.03.1940. Bayerlein (Hrsg.), Dimitroff. S. 295 f.

³⁹ Запись от 28.03.1940. Там же. С. 296 (выделено в оригинале).

⁴⁰ Перевод с немецкого издания. Запись от 7.11.1940. Там же. С. 315 (выделено в оригинале).

⁴¹ Протокол заседания № 3 Главного военного совета Красной Армии от 8 мая 1941 г. «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». С. 303—307, здесь: С. 304. Приказ НКО № 30 о военно-политической подготовке армии к 1941 г. был издан 21 января 1941 г.

⁴² См.: Протокол заседания № 1 Главного военного совета Красной Армии от 15 апреля 1941 г. Там же. С. 296.

⁴³ См.: там же. С. 298.

⁴⁴ См.: *Мельтюхов*. Упущенный шанс Сталина... С. 348.

⁴⁵ См.: Сообщение секретаря Брестского областного комитета партии Т. Новиковой ЦК ВКП(б) от 19.07.1941: РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 480, л. 27-33.

⁴⁶ См.: Протокол допроса полковника Ниципировича, бывшего командира 208-й моторизованной дивизии, от 15 сентября 1942 г.: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 3500, оп. 4, д. 89, И. 3—16; Ниципирович был в 1943 г. арестован и расстрелян. См.: *Иринархов Р.С.* Западный особый. Минск, 2002. С. 48, 55, 683, 694.

⁴⁷ См., напр.: *Stocker B.* Toenerner Koloss. S. 166; *Иринархов*. Западный особый. С. 62, 69—79.

⁴⁸ *Paweł Wiczorkiewicz*. Sojusznicy i rywale. Uwagi o stosunkach sowiecko-niemieckich w latach 1939—1941, in: Europa a Rosja. Przeszlosc, terazniejszosc, przyszlosc, hrsg. von Jan Gancewski / Jan Sobczak. Elblg, 2005. S. 499-510, hier S. 509.

⁴⁹ Доклад наркома обороны СССР С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жукова Сталину от 10 июня 1941 г.: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». С. 491.

⁵⁰ Подробнее о планах и дискуссиях об этом см.: *Мельтюхов*. Упущенный шанс Сталина. С. 370—414.

⁵¹ Ср. напр.: *Catherine Merridale*. Ivan's war. The Red Army 1939-1945. London, 2005. S. 72-93.

⁵² Запись от 28.03.1940: Bayerlein (Hrsg.), Dimitroff, S. 296 f.

⁵³ Запись от 5.05.1941. Там же. С. 379—382, здесь: С. 381.

⁵⁴ Там же, здесь: С. 382 (выделено в оригинале).

⁵⁵ Комментарий Сталина на предложение Сергея Гусева (см. выше) в случае революции в Германии атаковать Польшу в районе нынешней Зап. Украины и оттуда пробиваться в направлении Чехословакии (1923): РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 32. Замечание Сталина было отпечатано в количестве пяти экземпляров.

⁵⁶ Запись от 5.05.1941. См.: Bayerlein (Hrsg.), Dimitroff, S. 279—382, hier S. 382 (выделено в оригинале).

⁵⁷ См.: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». С. 490.

⁵⁸ Семен Тимошенко (1895—1970), Маршал СССР (1940), май 1940 — июль 1941 — нарком обороны СССР.

⁵⁹ Андрей Жданов (1896—1948), член Главного военного совета Красной Армии (23.07.1940—23.06.1941), высший партийный функционер, 1934—1948 — секретарь ЦК ВКП(б), 1938—1941 — руководитель отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

⁶⁰ Семен Буденный (1883—1973), Маршал СССР (1935), 1924 — инспектор кавалерии, 1937 — командующий Московским военным округом, член Главного военного совета, 1939—1941 — заместитель наркома обороны СССР (с марта 1940 г. — первый заместитель).

⁶¹ Георгий Маленков (1902—1988), член Главного военного совета (24.07.1940—23.06.1941), высший партийный функционер, 1939—1953 — секретарь ЦК ВКП(б).

⁶² «О лозунге «Соединенных штатов Европы». Lenin, Werke, Band 21. S. 342—346. Статья появилась 23 августа 1915 г. в газете «Социал-демократ», № 44.

⁶³ См.: *Wieczorkiewicz. Sojuszownicy i rywale*.

⁶⁴ В связи с дискуссией по поводу т. н. «превентивной войны» было опубликовано много работ. См., напр.: *Gerd R. Ueberschar/Lev A. Bezymenskij (Hrsg.), Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Praventivkriegsthese*. Darmstadt, 1998; *Bianka Pietrov-Enker (Hrsg.) Praventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion*, Frankfurt a. M., 2000; *Bemd Wegner. Praventivkrieg 1941? Zur Kontroverse um ein militärhistorisches Scheinproblem*, in: Juergen Elvert/Susanne Krauss (Hrsg.), *Historische Debatten und Kontroversen im 19. und 20. Jahrhundert*, Wiesbaden, 2003. S. 206—219; *Rainer F. Schmidt. «Appeasement oder Angriff». Eine kritische Bestandsaufnahme der sog. «Praventivkriegsdebatte» über den 22 Juni 1941*, in: там же, С. 220-233.

⁶⁵ Подробно об этом см.: *Klaus Jochen Arnold*. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». Berlin, 2005. S. 62—74.

⁶⁶ Die Tagebücher von Joseph Göbbels, hrsg. von Elke Fröhlich, Teil II, Diktate 1941—1945, Bd. I. München u. a. 1995. S. 35.

⁶⁷ Там же. С. 161.

⁶⁸ Там же. С. 208.

⁶⁹ Запись от 19 августа 1941. Там же. С. 258.

⁷⁰ Там же. С. 259 ff.

⁷¹ См.: *Мельтохов*. Упущенный шанс Сталина. С. 446, 601.

⁷² См.: *Adolf Hitler*. Mein Kampf. München 1940, u. a. S. 741—743; Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Eingeleitet und kommentiert von Gerhard L. Weinberg, Stuttgart, 1961, u. a. S. 78 f., 163.

⁷³ Aufzeichnungen von Gen. D. Inf. a. D. Liebmann, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 2 (1954), S. 435.

⁷⁴ *Adolf Hitler*. Mein Kampf, 661—665. Aufl. München, 1942. S. 739, 742.

⁷⁵ Aufzeichnungen Bormanns über ein Gespräch Hitlers mit seinen Mitarbeitern über die Ziele im Krieg gegen die UdSSR, 16. Juli 1941, in: IMT, Bd. 38, S. 88; Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan, hrsg. von Czesław Madajczyk. München u. a. 1994. S. 61-64.

«ЛЕТНИЕ МАНЕВРЫ» КРАСНОЙ АРМИИ 1941 ГОДА, ПЛАН ЖУКОВА И ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА»

«Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.

«Произвести скрытое отмотилизование войск под видом учебных сборов запаса.

Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования».

*Из плана нападения маршала Жукова
от 15 мая 1941 г.¹*

* Штефан Шайль (Stefan Scheil) — род. в 1963 г., доктор философии, историк и публицист. Живет в Германии. Основные книжные публикации: «Fünf plus Zwei — die europäischen Nationalstaaten, die Weltmächte und die vereinte Entfesselung des Zweiten Weltkriegs», Berlin, 2003, 3. Aufl. 2006.; «1940/41 — Die Eskalation des Zweiten Weltkriegs», München 2005; «Legenden, Gerüchte, Fehlurteile — ein Kommentar zur 2. Auflage der Wehrmachtsausstellung des Hamburger Instituts für Sozialforschung; Graz 2003; «Logik der Mächte — Europas Problem mit der Globalisierung der Politik, Überlegungen zur Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges, Berlin, 1999; Die Entwicklung des politischen Antisemitismus in Deutschland zwischen 1881 und 1912, Eine wahlgeschichtliche Untersuchung, Berlin, 1999.

Летом 1941 года немецкие войска перешагнули границу Советского Союза. Началась операция «Барбаросса». Причиной нападения немецкая сторона объявила многочисленные советские нарушения заключенных в 1939 г. договоров, коммунистическое проникновение в Европу, советские требования, переданные в ноябре 1941 г. министром иностранных дел Молотовым, которые вели к стратегической капитуляции Германии, и, наконец, текущие военные приготовления СССР. Решающим ключевым понятием стало в конечном счете «превентивное нападение», очень сильный раздражитель для тех, кому за техническим в первую очередь термином, описывающим мотивы нападения, чудится моральное оправдание всего того, что произошло во время этой войны. Однако случившееся в эту самую кровавую из всех земных войн нельзя оценивать подобным образом. Сформулированный Клаузевицем закон об эскалации войн и военных методов, обусловленный обеими сторонами, действовал между 1941 и 1945 годами особенно очевидным, а в начале войны и малопредсказуемым образом. Независимо от этого можно проследить, как операция «Барбаросса» вырастала из становившейся все более безнадежной стратегической ситуации Германии, но одновременно была связана с конкретными советскими приготовлениями к собственному нападению.

Немецкие солдаты верили в то, что участвуют в превентивной войне, тем более что вскоре после нападения они на собственном опыте убедились в масштабах русских военных приготовлений, скрытых до тех пор угрожающим полумраком.

Сегодня эта тема обсуждается серьезнее, чем когда-либо. Тезис о превентивной войне — это не только предмет политической полемики, как это стало очевидным в недавней атаке профессора Рольфа-Дитера Мюллера на автора этих строк в форме обсуждения его книги в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг»². В результате находок новых источников тезис о том, что немецкое нападе-

ние лишь опередило советское, подтверждается все более детально.

Не так давно был, как известно, найден план нападения от 5 мая 1941 г., составленный начальником Генерального штаба Жуковым, который, судя по плану, хотел в течение 30 дней оказаться в Верхней Силезии и боялся, что вермахт может упредить советские действия³. Красная Армия действительно находилась в готовности к нападению; об этом пишет профессор Бернд Бонвеч, нынешний директор Немецкого Исторического института в Москве: приказ к нападению «мог бы быть отдан начиная с 10 июля 1941-го — если бы Сталин действительно хотел его дать, и он был бы отдан, если бы Гитлер не опередил его собственным приказом о нападении»⁴.

Это одна сторона дела. С другой стороны, подвергалось и подвергается сомнению то, что нацистское руководство знало об этих советских приготовлениях и воспринимало их как серьезную угрозу. Но и это было доказано. Военная угроза СССР, которая висела «как грозная туча на горизонте»⁵, нашла выражение в многочисленных высказываниях Гитлера. То, что Красная Армия устроила по ту сторону границы, он считал «самым большим развертыванием войск в истории»⁶. Гитлер наилучшим образом подготовился к нападению и чем быстрее напал бы Советский Союз, тем было бы лучше, упрямо замечал по поводу советско-югославского договора от 6 апреля 1941 г.⁷. В конечном счете, нечто подобное обнаруживается даже в сообщениях советских агентов из немецкой правящей верхушки: «Гитлер — инициатор плана нападения на Советский Союз. Он считает, что превентивная война против СССР необходима, чтобы не попасть в ловушку более сильного врага»⁸.

Это сообщал в Москву советский агент под псевдонимом Douan 14 апреля 1941 г., через восемь дней после того, как Гитлер говорил с Геббельсом о предстоящем нападении на Россию. Все это, как и многие другие данные, позволяет предположить, что нападение на СССР вполне могло стать средством самозащиты. Самое интересное в

процитированном только что высказывании Гитлера — это сделанное в первую очередь в связи с началом войны и ролью вермахта ясное и точное указание на источник инициативы: Гитлер — инициатор. Это было его решение — напасть на Советский Союз. Поэтому совершенно необходимо выяснить, давала ли получаемая Гитлером информация возможность обосновать такое решение или нет. Сам Гитлер был того мнения, что советское правительство через специального посланника Крипса дало понять о своем намерении вступить в войну на английской стороне⁹.

Уже летом 1940 г. на германо-советской границе происходило нечто странное. В то время как в Западной Европе англо-французские войска на побережье проливов начинали отступление, передовые позиции Красной Армии на Украине заполнялись войсками. О причинах stationирования на западной границе такого большого количества войск советские власти, как обычно, давали уклончивые объяснения. Сначала, до того как в связи с этим была найдена формулировка «летние маневры», говорилось о принятии мер безопасности. Немецкая разведка обнаружила на Украине семьсот тысяч красноармейцев. Удивленное немецкое правительство поручило послу Шуленбургу получить в Москве объяснения на этот счет. После встречи с министром иностранных дел Молотовым Шуленбург в очередной раз удовлетворился очередной советской интерпретацией и успокоил «отдел иностранных армий Восток» объяснением, которое не смогло убедить сотрудников отдела:

«Согласно объяснению Молотова немецкому послу имеют место только предохранительные мероприятия защитного характера. Однако, идет ли тут речь действительно о защитных мероприятиях или о сосредоточении крупных сил для нападения, определить пока невозможно»¹⁰.

В тот момент, когда бои в Европе достигли своей кульминации, такая советская интерпретация выглядела оригинально. Это были дни Дюнкерка. Английские войска

как раз начинали отступление, а немецкие готовились ко второй части похода на запад. Европейские державы концентрировали свои войска более чем в тысяче километров от советской границы. Против кого советское командование сконцентрировало в эти дни три четверти миллиона солдат с «защитной» целью, как доверчиво сообщил об этом Шуленбург, осталось тайной. Но и без того вскоре выяснилось, что всего месяцем позже защитные мероприятия положили начало шантажу Румынии, которая должна была согласно советскому желанию уступить Бессарабию и Буковину. То, каким образом советский министр иностранных дел, а в тот момент и глава правительства обманывал немецкого посла, которого он согласно условиям германо-советского договора о дружбе обязан был консультировать во всех вопросах, касающихся взаимных отношений, уже в 1940 г. не давало повода надеяться на лучшее.

Эта же ситуация повторилась годом позже. Когда начальником Генерального штаба Жуковым был заново разработан план сокрушительного удара по немецким войскам в Польше, необходимые для этого войска выдвигались в рамках мнимых летних маневров. Информационное агентство ТАСС официально объявило об этих маневрах, и даже Вячеслав Молотов настаивал в первой реакции на немецкое нападение на «летних маневрах» как мотиве советского выдвижения¹¹. Интересно, что это коммюнике ТАСС было впоследствии определено как «дезинформация» командиром Московского военного округа. Под прикрытием этой дезинформации можно было чувствовать себя спокойно, и не без оснований. С весны в Германию проникали сообщения о том, что предполагаемые «маневры» Красной Армии в приграничных районах на самом деле есть «замаскированное выдвижение для нападения на Германию». Это была версия, которая и после начала войны еще долго оставалась предметом анализа немецкой стороны, анализа того, как проводилась в деталях советская подготовка к войне, в том числе и с точки зрения простых солдат:

«Только одно постепенно становится ясно даже дуракам: правительство Сталина ведет двойную игру. С одной стороны, оно говорит о мире и заключает пакт с Гитлером, с другой стороны, ясно дает понять политрукам: военное столкновение между национал-социализмом и большевизмом неизбежно потому, что обеим системам нет места рядом... Начинаются большие передвижения войск. Цель: новые маневры! Ни у кого нет объяснений, и политрук молчит»¹².

И тем не менее высшее руководство вермахта весной 1941 г. скептически относилось к тому, что касалось сообщений о замаскированном под маневры советском нападении, хотя эта возможность и обсуждалась. «Невероятно», чтобы Красная Армия хотела напасть, отметил Федор фон Бок, но он постоянно фиксировал и дальнейшие военные мероприятия Красной Армии на границе и даже двумя неделями позже дошел до того, что запросил приказ о том, что «в случае русского нападения следует удерживать границу и необходимые для этого силы следует разрешить придвинуть ближе к границе»¹³. Но он все еще считает нападение маловероятным. Так что самодовольство в Красной Армии по поводу, казалось бы, удавшихся маскировочных маневров было не совсем неоправданным:

«Да, мы, особенно высшие военные круги... знали, что война не за горами, стучится у наших ворот. И все же, надо честно признать, дезинформация вроде вышеприведенного опровержения ТАСС, настойчивая пропаганда того, что «если завтра война, если завтра поход, мы сегодня к походу готовы», привела к некоторой самоуспокоенности»¹⁴.

Эта кампания выражалась в множестве отдельных мероприятий, из которых здесь могут быть названы лишь некоторые:

— 13 мая в военные округа было передано указание выдвигать войска на запад из внутренних округов... Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления.

— Иностранцам и советским гражданам, которые не проживали в приграничных районах, были запрещены поездки в приграничные районы.

— В конце мая Генеральный штаб приказал командующим приграничными округами «немедленно организовать командные пункты» и занять их до конца июня.

— Полевые командные пункты в Паневежисе, Обус-Лесне, Тарнополе и Тирасполе должны были быть заняты 21 и 25 июня¹⁵.

В полном виде приказ на развертывание для планировавшегося южного участка фронта содержится в «Приказе Народного комиссара обороны и начальника Генерального штаба Красной Армии командующему войсками Киевского специального военного округа»¹⁶. Входящие в него войска получали задание:

«По указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома группировки противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹⁷.

Формулировка соответствует плану Жукова. В соответствии с ним этой группировке придавалась дальнебомбардировочная авиация, в чьи задачи входит разрушение железнодорожных узлов Бреслау, Оппельн и Кройцбург¹⁸. По представлениям Жукова, наземные войска в течение тридцати дней должны были достигнуть Оппельна. Подобные планы разрабатывались еще в тридцатые годы. Практически во всей центральной и восточной Германии уже давно были намечены цели для бомбовых ударов, как это явствует из документов, захваченных во время русской кампании:

«Главному командованию Военно-воздушных сил
22 апреля 1942 года.

...В качестве трофеев захвачено большое число советских документов с обозначением целей, которые относятся к 1937—1940 годам. Большая часть документов относится к 1937 г. На данный момент имеются документы по следующим городам: Лейпциг, Бранденбург, Бойтен, Варнемюнде, Цоссен, Гюстров, Гера, Дойтче-Эйлау, Коттбус,

Кюстрин, Киль, Кройтц, Козел, Лауххаммер, Лаута, Магдебург, Нойруппин, Нойбранденбург, Нинхаген, Халле, Целле, Штаргард, Эрфурт, Элбинг.

Для каждого из городов имеется от 2 до 8 карт в масштабе от 1:100 000 до 1:25 000 с напечатанными по-русски обозначениями важнейших районов и близлежащих населенных пунктов, далее специальные карты, частично на русском, в основном с расположением аэродромов, а также репродукции воздушных снимков мостов, теплоэлектростанций, военных заводов, аэродромов и портовых сооружений. Важные военные и военно-экономические объекты на картах обведены и пронумерованы. К большинству документов прилагаются отпечатанные подробные описания целей. Весь этот материал — однозначное подтверждение военных приготовлений Красной Армии в 1937 г.»¹⁹.

Так что необходимые силы на советской стороне уже стояли и были готовы начать немецко-русский конфликт военным ударом. То, что Военно-воздушные силы Красной Армии должны были при этом сыграть ключевую роль, было отмечено немецкими военными наблюдателями осенью 1940 г. в рамках сообщения о маневрах. Советские воздушные силы, вероятно, наученные неудачами финской войны, теперь готовились к поражению новых целей в «Западной Европе» совсем другим образом:

«Теперь большевики ставят перед Воздушными силами РККА совсем другие цели, нежели в советско-финской войне. Это ясно видно из сравнения задач, которые тогда ставились перед Военно-воздушными силами... с задачами, которые ставились большевиками Воздушным силам *во время последних сентябрьских маневров по воздушной защите города Киева* (так!)... Большевики быстро поняли, что окружение больших плотно населенных городов Западной Европы может принести непосредственные военные результаты, так как благодаря этому нарушается снабжение, рабочие и служащие устают, плохо спят и поэтому днем плохо работают»²⁰.

Эта угроза со стороны советских воздушных сил была отмечена несколькими неделями раньше и стала первоочередной темой при первых обсуждениях военного удара по СССР: «Разбить русскую армию или как минимум захватить столько русской территории, сколько необходимо, чтобы предотвратить вражеские налеты на Берлин и силезские промышленные районы» — так были обозначены в июле 1940 г. первые цели предполагаемой кампании²¹. Здесь защита от угрозы советских ВВС имеет даже приоритет перед победой над русскими сухопутными войсками. Только от политического руководства СССР зависело определение момента выступления против Германии. Но тут сталинский механизм принятия решений совершил грубую ошибку, провалившую всю концепцию, даже с учетом того, что Берлин все-таки удалось захватить, не в последнюю очередь благодаря несостоятельности американского военного руководства в этом вопросе²². Хотя советское руководство могло ожидать в 1941 г. немецкого нападения, точный его момент определить было невозможно. Многие говорят за то, что Москва рассчитывала на обострение кризиса только в июле, и то с предварительными открытыми дипломатическими шагами с немецкой стороны. Возможно, в этом решающую роль сыграла немецкая военная хитрость, поскольку из Берлина дали в скрытой форме понять, что хотят в начале июля выставить новые требования²³. Если иметь в виду недостигнутые цели, сталинские результаты войны выглядели более чем скромно.

«Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!»²⁴ К тому времени, как Иосиф Сталин произнес процитированную выше фразу, он уже захватил, несмотря на предшествующие неудачи, всю Восточную Европу и как раз отдал приказ штурмовать Берлин. Но получилось у него не все. Совершенно очевидно, что, несмотря на все эти успехи, он достиг не всего, что собирался. То, как это должно было быть, он выдал чуть позднее другой недовольной фразой. «Царь

Александр Первый дошел до Парижа», — фыркнул Сталин на одного американского генерала, который хотел поздравить его с военными победами²⁵. Немецкое нападение 1941 г. действительно было произведено настолько вовремя, что сорвало на тот момент сталинские планы захвата всей континентальной Европы. Но, как дал понять Сталин, — можно же попробовать и еще раз.

*Перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого.*

Примечания

¹ Zit. n. Ueberschär, der deutsche Angriff auf die UdSSR, S. 190 f.

² Vgl. FAZ vom 22. Juni 2006: «Adolf der Friedliebende», Buchbesprechung von «1940/41 — die Eskalation des Zweiten Weltkriegs».

³ Жуков: 15. Mai 1941, см. Ueberschär, Angriff, S. 187.

⁴ Цит. по: Bonwetsch, Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941, S. 185. Bonwetsch spricht im übrigen von russischen «Präventivkriegsabsichten» und fügt hinzu, daß eine endgültige Klärung noch aussteht.

⁵ См. Scheil, 1940/41 — die Eskalation des Zweiten Weltkriegs, S. 358.

⁶ Гитлер в разговоре с Вальтером Хевелем 8 июня 1941 г. См. Scheil, Eskalation, S. 398.

⁷ См. Goebbels, Tagebücher, Eintrag vom 6. April 1941.

⁸ Цит. по: Ueberschär, Angriff, S. 204.

⁹ См. Scheil, Eskalation, S. 203 f

¹⁰ «Nach Angaben Molotovs gegenüber dem deutschen Botschafter sollen zwar nur defensive Vorsichtsmaßnahmen getroffen worden sein. Ob es sich hierbei aber tatsächlich nur um defensive Maßnahmen oder um die Versammlung stärkerer Kräfte für einen offensiven Vorstoß handelt, läßt sich noch nicht übersehen.» Цит. по: BA-MA RH 19 II1/381, S. 6, Fremde Heere Ost, 27. Mai 1940. Согласно другому сообщению, Молотов в разговоре с Шуленбургом просто отрицал присутствие советских войск в этом районе. См. ADAP, D, IX, Dok. 322, 26. Mai 1940.

¹¹ Молотов Шуленбургу 22 июня. См. Hilger, Kreml, S. 313.

¹² Цит. по: BA-MA RW 4/330, S. 15, Fremde Staaten: Rußland, Bericht über die Einstellung Sowjet. Kriegsgefangener

und die Indoktrination vor Kriegsbeginn, Vortrag, eingegangen am 23.12.41.

¹³ См. Bock, КТВ, S. 180, 27. März 1941.

¹⁴ Цит по: Nekrich, 22. June, S. 197 f.

¹⁵ Цит. по: Werner Maser, Der Wortbruch, S. 331.

¹⁶ Документ датирован маем 1941 г. См. Heinz Magenheimer, Entscheidungskampf, S. 91.

¹⁷ Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. — М., 1971. С. 170—171. Zit. n. Magenheimer, Entscheidungskampf 1941, S. 91.

¹⁸ Ebd. Magenheimer, Entscheidungskampf 1941, S. 93

¹⁹ Полный немецкий текст документа:

«Der Oberbefehlshaber der Luftwaffe H.Qu., den 22. April 1942
Führungsstab Ic

Nr. 10307/42 geh. (Pol)

Betr.: Sowjetrussische Kriegsvorbereitungen

An das

Auswärtige Amt — Pol IM — (2x)

OKW/Ausland (2x)

Hier ist als Beute eine größere Zahl sowjetrussischer Zielunterlagen angefallen, die durchweg in den Jahren 1937 bis 1940 erstellt worden sind. Die überwiegende Mehrzahl der Unterlagen stammt aus dem Jahre 1937. Unterlagen sind für folgende Städte bisher hier vorhanden:

Leipzig, Brandenburg, Beuthen, Warnemünde, Zossen, Güstrow, Gera, Deutsch Eylau, Kottbus, Küstrin, Kiel, Kreutz, Kösel, Lauchhammer, Lauta/O.S., Magdeburg, Neuruppin, Neubrandenburg, Nienhagen, Halle, Celle, Stargard, Erfurt, Elbing.

Für jedes Stadtgebiet sind 2 bis 8 deutsche Karten im Maßstab 1:100000 bis 1:25000 mit russischen Namensaufdruck für die wichtigeren Stadtteile und umgebenden Orte vorhanden, ferner zum Teil russische Spezialkarten, insbesondere für die Lage von Flugplätzen, sowie Reproduktionen von Lichtbildern von Brücken, Kraftwerken, Rüstungswerken, Flugplätzen und Hafenanlagen. In den Karten sind militärisch und rüstungswirtschaftlich wichtige Objekte eingerahmt und nummeriert. Genaue Zielbeschreibungen liegen gedruckt den meisten Zielunterlagen bei». Zit. n. RW 4/330, S. 249.

Das gesamte Material ist ein eindeutiger Beweis für Kriegsvorbereitungen der Roten Armee im Jahre 1937. Das Material kann auf Wunsch zur Einsicht übersandt werden.

i.A.

(Unterschrift)». Цит. по. RW 4/330, S. 249.

²⁰ Цит. по: BA-MA 2/2731, S. 166, Bericht 'Fremde Heere Ost' vom 27. September 1940.

²¹ См. Ueberschär, Angriff, S. 220 und Haider, KTB, II, S. 33.

²² Дуайт Д. Эйзенхауэр, в то время Верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, подарил Сталину этот успех без всякой необходимости. В марте 1945 г. он лично написал в Москву, чтобы сообщить, что он не собирается сразу атаковать Берлин, а поворачивает на юг. Сталин, «несомненно удивленный тем, что генерал обращается к главе государства, да еще и по такому серьезному вопросу», ответил, что он рассматривает Берлин как второстепенную цель. Он послал это сообщение Эйзенхауэру, но немедленно приказал Красной Армии быстро и всеми силами нанести по Берлину удар, который, собственно, был запланирован месяцем позже. Цит. по: Kissinger, Vernunft der Nationen, S. 444 f.

²³ См. Scheil, Eskalation, S. 416.

²⁴ Цит. по: Milovan Djilas, Gespräche mit Stalin, S. 147.

²⁵ Цит. по: Kissinger, Vernunft der Nationen, S. 424.

«ВОЙНА ГИТЛЕРА ИЗНУРИТ ЕВРОПУ, КОТОРАЯ ПОТОМ СТАНЕТ НАШЕЙ ЛЕГКОЙ ДОБЫЧЕЙ»

Зачем 23 августа 1939-го Сталин рукою Молотова подписал договор о ненападении с Германией и секретный протокол о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе?

Затем, объяснил Виктор Суворов, чтобы Гитлер, заручившись поддержкой СССР, напал на Польшу, и тогда Британия и Франция, чтобы защитить Польшу, начнут войну против Германии. Позже, когда воюющие капиталисты обескровят друг друга, Красная Армия осчастливит народы Европы «малой кровью, могучим ударом». Поэтому, считает Суворов, СССР виновен вместе с Германией в развязывании Второй мировой войны.

Сторонники традиционной версии, согласно которой Сталин действовал из страха перед Гитлером, а не с целью большевизации Европы, встретили работы Суворова в штыки. Они требовали, чтобы он предъявил документальные доказательства намерений Сталина, — будучи уверены, что российские архивы неприступны посягателью на миролюбивую репутацию СССР.

Но версия Суворова, как известно, не основывалась на сокровищах (или пустоте) недоступных ему архивов. Суворов исследовал динамику создания подразделений Красной Армии, военное планирование, перевод экономики на военный режим, законодательство, пропаганду — и пришел к выводу, что СССР вел интенсивную под-

готовку к войне. И еще, к радости разведчика-аналитика, советские вожди любили делиться своими творческими планами с соратниками и обучать уму-разуму подчиненных. Поэтому о планах СССР нам известно как из свидетельств, появившихся во время изучаемых нами событий, так и из воспоминаний современников, опубликованных позже.

Подробный обзор этих свидетельств был опубликован, в частности, на страницах сборников «Правда Виктора Суворова». Отмечу только, что в 1939-м все публикации в СМИ были основаны на неназванных источниках, что вызвало спор об их достоверности: публикации могли быть антисоветскими фальшивками¹.

Из свидетельств другого рода, не предназначенных для СМИ, нужно отметить «Официальные правительственные инструкции» Москвы дипломатическим миссиям СССР, учрежденным на Балканах. «Инструкции» объясняли зарубежным коммунистам, что пакт с Германией является не более чем временным соглашением с фашизмом, позволившим СССР остаться в стороне от войны в Европе до тех пор, когда обстоятельства станут благоприятны для вмешательства. В сентябре 1939-го «инструкции» были переданы правительством Румынии британским и немецким дипломатам. Они сохранились в виде машинописных копий переводов на немецкий и французский языки. Предположительный источник этого документа — румынская разведка². Передача Румынией этого дискредитирующего СССР документа Германии и Британии вызывает, естественно, сомнение в его достоверности. Но если бы его авторство было доказано, он явился бы более сильным доказательством, чем другие, ссылающиеся на анонимные источники.

Недавно в мои руки попал интересный документ, который я считаю более заслуживающим доверия. Поскольку документ был рассекречен Национальным архивом США еще в 1980-м, а публикуется полностью только сейчас, начну с истории его находки.

Впервые упомянул его Игор Лукес, американский историк чешского происхождения, в своей книге «Чехословакия между Сталиным и Гитлером»³. Лукес цитировал документ, полученный американским консулом в Праге в ноябре 1939-го, описывающий поездку группы местных коммунистов в Москву. Чехословакия тогда уже не существовала — Германия оккупировала Чехию в марте 1939-го, и тогда же отделилась Словакия. Чиновник НКВД СССР сказал тогда членам делегации:

«...если бы СССР заключил договор с Западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились... Окруженная Германия никогда бы не вступила в войну... Мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла, т.к. если она попадет под контроль Запада, и Польша будет восстановлена, мы будем отрезаны от остальной Европы. Настоящая война должна длиться столько, сколько мы захотим... Сохраняйте спокойствие, поскольку никогда ранее обстоятельства не были более благоприятны для нас, чем сейчас...»

Это цитата из письма, хранящегося в Национальном архиве США, которое Ирвинг Н. Линнелл, консул США в Праге, отправил 20.11.39 госсекретарю США. В Интернете я не нашел упоминаний об этом письме и решил обратиться в архив. Но поскольку у меня, историка-любителя, нет опыта поиска в архивах, я попытался заинтересовать этим документом нескольких историков-профессионалов в США. Увы, дальше обещаний дело не дошло. А у Лукеса ксерокопия затерялась, так как он не придал документу особого значения: время его появления (ноябрь 1939-го) выходило из рамок исследования Лукеса о зарубежной политике Эдуарда Бенеша, ушедшего в отставку осенью 1938-го.

Поэтому в июле 2007 г. я полетел в США, и там, в Национальном архиве, оказалось, что... Лукес ошибся в «архивном коде». Поэтому мне пришлось просмотреть более десятка катушек микрофильмов — все, что нако-

пилось в соответствующем отделе Госдепартамента за 1930—1939 гг. После многочасового просмотра документ нашелся, и вот его правильный код (для грядущих исследователей): NA 860F/00B/106.

Я считаю нужным уже сейчас представить мою находку на обсуждение русскоязычным читателям, несмотря на то что исследование не завершено. Я рекомендую читать эти документы в обратном хронологическом порядке: сперва письма Линнелла от 20.11.39, затем анонимная записка от 17.11.39 и в конце — сам отчет от 26.10.39. Все архивные документы являются машинописью на английском языке.

№395

АМЕРИКАНСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО

Прага, Богемия, 20 ноября 1939 г.

Предмет: Передача перевода анонимного письма и приложения к нему, отчета о встрече с чиновником советского правительства.

Почтенный

Государственный Секретарь

Вашингтон

Я имею честь передать при сем копию перевода анонимного письма, полученного этим учреждением, вместе с копией перевода приложения к нему — протокола, содержащего отчет о беседе, произошедшей, согласно написанному, между делегатами Комитета Освобождения Чехословакии и г-ном Александровым, заведующим Центрально-Европейским отделом Комиссариата Иностранных дел.

В машинописной копии протокола, полученного с анонимным письмом, имена делегатов были написаны, но вы-

черкнуты чернилами. Хотя некоторые имена нам удалось прочесть, они неизвестны этому учреждению, и поэтому невозможно удостоверить подлинность документа. Титул подписавшихся — «soudruh», или «товарищ». Вместе с тем, очевидны причины, по которым автор письма скрыл свое имя и имена делегатов, и перевод передается, как представляющий возможный интерес для Департамента.

Уважающий Вас,

(подпись)

Ирвинг Н. Линнелл,

Американский Генеральный Консул

Приложение

Перевод анонимного письма и протокола.

В пяти копиях Государственному Департаменту;

Копия Посольству в Берлине.

800

KFP/ABI

Перевод⁴

Прага, 17 ноября 1939 г.

Американскому Генеральному Консульству, Прага.

В приложении вы найдете копию протокола, который я только что получил/а. Я прошу простить меня за то, что не подписал/а это письмо, и за то, что вычеркнул/а имена делегатов, упомянутых в протоколе, поскольку, если это письмо попадет в чужие руки, наша конечная судьба будет такой же, как и других представителей нашего народа, т.е. смерть под пыткой.

(Инициалы) J. L.

Перевод⁵

Протокол

записан следующими членами (делегатами)

Комитета

Освобождения Чехословакии 26 октября 1939 г.:

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXXXX⁶

Нижеподписавшиеся делегаты представляют этим отчет об их переговорах с властями Москвы и с Коминтерном. Все указанное в этом отчете — правдивые факты, подтверждаемые нашей честью.

После нашего отъезда из Праги 17 июля, мы сделали все возможное, чтобы попасть в СССР. Ввиду того, что мы пользовались незаконными путями, мы доехали до Москвы только 3 августа.

Как только мы связались с проживающими там чехословаками, мы попросили быть принятыми Сталиным и Молотовым. Хотя наша просьба была повторена, нас не приняли. Наконец 5 и 12 октября мы были приняты М. Александровым, заведующим Центральноевропейским отделом Комиссариата Иностранных Дел.

В ответ на раздражение, выраженное нами против Советско-Германского договора, нам было сказано, что это должно было произойти, т.к., если бы СССР заключил договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились. Ленину удалось построить коммунизм, а Сталин, в результате его предвидения и

мудрости, поведет Европу в мировую революцию. Вы — из Богемии и из остальной Европы — ошибочно пользуетесь выражением Советская Россия, в то время как на самом деле мы — СССР. Поэтому нашу деятельность следует рассматривать с этой точки зрения. Все наши государственные чиновники должны быть, прежде всего, коммунистами. По этой причине Сталин, который не русский, способен управлять государствами, в которых русские — большинство.

Что касается договора, можно указать следующее:

- 1) Он привел к войне.*
- 2) Гитлер прямо навязал нам свободу действий на Прибалтике.*
- 3) Он дал нам возможность построить Большую Украину и Белоруссию.*
- 4) Сдавшись на нашу милость, Гитлер также сдал нам и Германию, бастион в Центральной Европе.*
- 5) Он дал нам свободу действий в наших делах в Бессарабии и также в бывшей вашей Подкарпатской Руси.*
- 6) Он открыл нам путь в Европу.*

Мы получили следующие разъяснения по вышеупомянутым [пунктам]:

1) Окруженная Германия никогда бы не вступила в войну. Гитлер был убежден, что он одержал успех в том, что сделал в Чехословакии. Он всегда пользуется теми же методами: разделяй и властвуй. Таким образом, он настроил вас против словаков и поляков. Он воспользовался Мюнхеном, чтобы возбудить недоверие между вами и Западом. Он настроил словаков против мадяр и поляков. Он счастлив и доволен тем, что разделил СССР и Запад.

2) Все, что Великобритания отказалась дать нам, было предложено нам Гитлером, т.к. он понял суть наших переговоров с Западом. СССР был исключен из европейской заморской торговли и коммерции. Получив базы на Балтике, нам удалось получить там экономический и военный контроль. В результате его скудоумия, Гитлер дал нам

возможность построить базы против самого себя. У нас не будет трудностей большевизировать страны Прибалтики.

3) Он предложил нам раздел Польши, который мы получили без каких-либо потерь.

4) Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции. Наши поставки немцам будут таковыми, что они останутся голодными.

5) План Гитлера — получить контроль над юго-восточной Европой. Когда это произойдет, мы вернем себе Бессарабию и Подкарпатскую Русь.

6) В результате экономических договоров он открыл нам маршрут в Рейх. Его война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны.

Есть только две страны, могущие перекрыть наш путь и предотвратить претворение в жизнь наших планов — это Италия и Великобритания. К счастью, англо-итало-французского блока никогда не будет. Гитлер заверил нас, что у него есть достаточно влияния и силы, чтобы контролировать Чиано и Муссолини и предотвратить — интригой или чем-либо подобным — какое-либо сближение между Италией и Западными странами. Мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла, т.к., если она попадет под контроль Запада и Польша будет восстановлена, мы будем отрезаны от остальной Европы. Настоящая война должна длиться столько, сколько мы захотим. В случае вступления Италии в войну против Германии, конец войны будет ускорен. Японии мы не боимся. Ее ненависть к нам была сломлена Германией. Во всем остальном — благодаря нашим усилиям. Япония очень занята в Китае, и мы тратим огромные деньги, чтобы [та] война

продолжалась. Сохраняйте спокойствие, поскольку никогда ранее обстоятельства не были более благоприятны для нас, чем сейчас.

В ответ на наше вмешательство по поводу наших арестованных людей, нам было сказано, что должны быть жертвы. Революция возникает из угнетения и несчастья. Чем больше принесено жертв, тем ранее [наступит] и тем более жестокой будет революция.

У нас была возможность убедиться, что режим в СССР основывается на том, что людей держат на низжайшем возможном уровне [жизни]. В результате общего впечатления, полученного там, мы пришли к заключению, Элл нашей нации лучше всего будет уйти от Коммунизма и обратиться к Западным державам — Демократиям.

*(Подписано) XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXX*

* * *

Письмо Линнелла с двумя приложениями дошло дипломатической почтой до Госдепартамента в конце декабря 1939-го, было проштемпелевано несколькими чиновниками и сдано в архив в январе 1940-го. Его рассекретили 28 января 1980-го, и вскоре его уже читал Игор Лукес.

Люди, сведущие в практике дипломатической работы, сказали мне, что чешские оригиналы были, вероятнее всего, сожжены, когда Генконсульство США было эвакуировано из Праги после объявления Германией войны США в декабре 1941-го. Возможно, они были сожжены еще ранее, поскольку в оккупированной немцами Праге держать такой документ даже в сейфе Генконсульства было опасно для «товарищей», имена которых были по-любительски вычеркнуты чернилами. По той же причине американские дипломаты не могли поинтересоваться у местных коллег, известны ли тем имена этих «товарищей».

Что касается действующих лиц, мне удалось выяснить следующее:

Ирвинг Н. Линнелл (Linnell, Irving N.) — профессиональный американский дипломат. До назначения в Прагу в 1938-м он занимал должности вице-консула, консула и генконсула в Ванкувере (1916), Плимуте (1920), Лондоне (1922), Оттаве (1927), Кейптауне (1932) и Кантоне (1938).

Александр Михайлович Александров (1907—1983) — профессиональный советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1939—40 годах был заведующим Центральноевропейским отделом НКВД СССР⁷. В отчете пишется, что делегация встречалась с ним 5 и 12 октября — и известно, что 09.10.39 он был в Москве⁸.

Имена членов делегации были известны Ярославу Валенте, чешскому историку, с которым Лукес беседовал в Праге в 1990-х. Валента рассказал Лукесу, что первоначальной причиной поездки делегации в Москву в июле 1939-го было желание выяснить, почему советские радиопередачи перестали критиковать нацистскую Германию. Увы, Валента умер в 2002-м, а Лукес не придавал значения именам, названным Валентой. Лукес и я ищем сейчас чешских историков, которые могли бы осветить события, описанные в отчете от 26.10.39 г.

Я хотел бы добавить несколько соображений в пользу достоверности вышеприведенных документов:

Составители отчета готовили его не для СМИ, а для соратников по Комитету Освобождения Чехословакии. На это указывают детали доклада, важные только товарищам, пославшим их в Москву: задержка в дороге, ожидание в Москве, будущее Подкарпатской Руси, выбор между коммунизмом и демократией. Фальсификатору эти детали не были бы важны.

Бюрократическая машина Госдепартамента США работала четко: Линнелл, как и следует дисциплинирован-

ному чиновнику, перевел полученные им анонимку и отчет и переслал их начальству — которое с должным служебным безразличием отправило их на 40 лет в архив. Об этом свидетельствуют архивные штампы того времени.

«J.L.» направил/а отчет не в СМИ, что имело бы должный пропагандистский эффект, а в Генконсульство США — представительство нейтральной страны, далекой географически и политически от воюющей Европы. «J.L.» ничего от консульства не просил/а.

Александров доверял делегатам и представился своим именем. Лукас, знакомый (по исследованиям) с советской дипломатией тех лет, удивился, узнав от меня, что это действительно имя чиновника, а не псевдоним.

Александров говорил не только о том, что было известно всем (раздел Польши), но и о событиях, которые произойдут в недалеком будущем (большевизация прибалтийских государств, аннексия Бессарабии и Подкарпатской Руси).

Интересно его сообщение о расходах СССР на войну Китая против Японии. Эти сведения были известны в то время только очень узкому кругу руководителей СССР и Китая.

Я не думаю, что можно найти что-либо в российских источниках. Архив внешней политики РФ не допустил независимого исследователя Марка Солонина к документам, могущим пролить свет на эти встречи.

После бесед с некоторыми российскими историками я предвижу, что отрицатели роли СССР в развязывании Второй мировой войны назовут публикуемый мною документ подделкой. Поэтому я не тешу себя надеждой убедить их в достоверности анонимного отчета. Вероятно, что даже если будет найдена документальная киноплёнка, запечатлевшая ту встречу (или встречи) Александрова с делегацией из Богемии, эти отрицатели скажут, что Александров был пьян или что излагал личный взгляд на события, а не настоящие мотивы СССР к заключению договоров с Германией и планов на будущее Европы.

Примечания

¹ Покойный шведский историк Карл Нордлинг предложил другую версию: эти публикации были анонимным «сливом» Кремля, известившим зарубежных коммунистов о причинах и целях дружбы с Гитлером. При этом Кремль мог от них легко отмежеваться (что и сделал Сталин 30.11.39 в «Правде», когда Германия попросила отреагировать на статью Гаваса от 28.11.39). При этом Кремль рассчитывал на то, что умные зарубежные товарищи поймут, что правда в публикации, а не в ее опровержении, предназначенном лишь для буржуазных дураков (см.: *Carl O. Nordling. Did Stalin deliver his alleged speech of 19 August 1939? // The Journal of Slavic Military Studies, Volume 19, Issue 1 April 2006, pages 93—106*).

² Там же. С. 212.

³ *Lukes Igor, Czechoslovakia between Stalin and Hitler. New York, Oxsford University Press, 1996. P. 258.*

⁴ С чешского на английский.

⁵ С чешского на английский.

⁶ Имена вычеркнуты чернилами в чешской машинописной копии.

⁷ Дипломатический словарь. М.: Наука, 1985. Т. 1. С 7. по сайту <http://www.mezhdunarodnik.ru/dictionary/?id=124>

⁸ Беседовал с первым секретарем германского посольства в Москве Грошпером — по статье С.З. Случа «Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну». См.: Отечественная история, 2000. № 5. С. 46—58; № 6. С. 10—27.

СЪЕЗД ВОИНСТВУЮЩИХ

Надо форму убрать, а существо, все, что изложено, преподать людям, тогда наши люди будут знать, в чем дело. Надо открыто написать.

И. Сталин, апрель 1940 г.

Современные советологи, к сожалению, не слишком много обращают внимания на изучение истории компартии — таковая даже еще и не написана в виде отдельной работы. Понятно, почему в свое время соответствующая дисциплина выработала у думающей части студентов и профессоров стойкое презрение и отвращение, автоматически передавшееся младшему поколению коллег. Однако предмет этот заслуживает изучения — именно в этой организации принимались все наиболее важные решения, именно она, а не государственные структуры вроде ВЧК-КГБ или Совнаркома, задумывала и творила историю.

В том числе и внешнюю политику.

Для примера, подтверждающего данный тезис, обратимся к событию, происходившему в Москве в преддверии Второй мировой войны, — XVIII съезду ВКП(б)¹. Читающему его стенограммы трудно отделаться от мысли, что главная угроза для мира исходила из столицы мирового пролетариата, а не из Берлина, Токио или Рима. Предыдущий, XVII съезд в советской историографии называли съездом победителей, поскольку он проходил

* Александр Гогун — петербургский историк, специализируется на вопросах участия СССР во Второй мировой войне.

по завершении коллективизации. Нынешние историки обычно называют XVII съезд съездом расстрелянных, поскольку проходил он перед террором 1937—1938 гг. и большинство его делегатов было убито. По характеру речей и последствиям XVIII съезда — съезда сталинских выдвиженцев, пришедших на смену ленинской поросли, его можно смело называть съездом воинствующих.

Проанализировав речи выступавших, можно выделить два основных мотива, которые отличали этот съезд от последующих и предыдущих:

— глубокое удовлетворение в связи с окончанием Великой чистки 1937—1938 годов как завершающего этапа построения социализма в отдельно взятой стране;

— особенно сильное желание всех присутствовавших перенести это строительство в другие страны.

Как ни странно, речь Сталина на этом съезде отличалась наименьшей свирепостью и воинственностью. Основной мотив его выступлений — успехи в деле строительства социализма. И опасения, так как новая империалистическая война стала фактом².

Разумеется, не обошел вождь внешнеполитические акции ведущих мировых держав, осуждая Италию, Германию и Японию за агрессивность, а Англию, Францию и США за политику невмешательства. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, японцам впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тине войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в интересах мира и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!³

Фактически в этой речи Сталин наметил основы своей внешней политики на ближайшие несколько лет. 23 августа с Германией был подписан пакт о ненападении и раз-

деле Европы. 1 сентября гитлеровские войска ворвались в Польшу и в течение первой половины этого месяца поставили ее на грань поражения. А 17 сентября Красная Армия освободила восточную часть Польши с незначительными потерями. Этой акцией Советский Союз нарушил сразу 5 подписанных ранее международных соглашений, включая договор о ненападении⁴. Этому Сталиным заранее было дано теоретическое оправдание. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными. Их место заняла лихорадка вооружения⁵.

Надо заметить, что и с Японией в 1945-м дело было окончено почти по тому же польскому сценарию, с таким же нарушением пакта о нейтралитете.

Речь Лаврентия Берии на этом съезде не отличалась большим количеством угроз и особенной свирепостью. После кровавой ежовщины назначение Лаврентия Берии на пост наркома внутренних дел многим в то время показалось признаком некоей либерализации. Из лагерей выпустили часть посаженных в 1937—1938 гг., расстреливать и сажать стали гораздо меньше. Характерно, что в стенограммах гораздо больше места занимают речи о внешней политике, чем о троцкистах и шпионах. Даже в словах Берии сквозит некая направленность вовне — подчеркивается необходимость укреплять внешнюю разведку.

Из всех агрессивных выступлений особенно запоминаются речи военных.

Нарком обороны Клим Ворошилов дал развернутый анализ роста качества и количества Красной Армии, обращая особое внимание на ее возросшие наступательные свойства и рост наступательных вооружений (авиация, танки, артиллерия). Затем последовал ряд приветствий съезду от представителей родов войск — все они дышали воинственностью. Относительно невысокие чины выступавших дают основание предположить, что они сами, скорее всего, речей себе не составляли, во всяком случае,

редактировали их выступления люди более высокого ранга в советской иерархии.

Как писал историк сталинизма Абдурахман Авторханов, «не умея импровизировать, он (Сталин) вообще запретил на съездах партии вольное ораторское искусство. Каждый оратор должен был выступать по заранее представленному в ЦК написанному тексту»⁶.

Таким образом, приветствия демонстрируют общее направление генеральной линии партии.

Наименьшей агрессивностью отличалось приветствие съезду от пограничников (погранвойска, как известно, обычно предназначаются для защиты государственных рубежей). Но из относительно мирной речи Героя Советского Союза лейтенанта погранвойск НКВД Чернопятко звучала недвусмысленная угроза:

«Пусть жалкие козявки ползают под ногами у советского слона.

Пусть беснуются фашистские мракобесы вокруг советских границ.

Пусть злится враг и злобу ширит
И новых войн сплетает нить, —
Нет сил таких и в целом мире,
Чтоб нас могли остановить.

Для каждого сумасшедшего мракобеса мы найдем смирительную рубашку!»⁷ Призванные останавливать агрессоров, пограничники здесь явно выступают в чужом амплуа — в выступлении речь идет о том, что это враг хочет остановить советских пограничников! Но ему это не удастся.

Из дальнейшей карьеры чекиста-пограничника Чернопятко ясно, что он хорошо понимал советскую военную теорию и практику. В годы советско-германской войны он служил в Главном управлении пограничных войск НКВД и в 1948 г. получил звание майора.

От Военно-морского флота съезд приветствовал младший командир линкора «Октябрьская революция» Г. Мыльников: «Советский народ строит самый сильный

в мире Военно-морской флот. Этот флот является составной частью героической непобедимой вооруженной силы великого Советского Союза. Этот флот способен громить врага в любом море, в любом океане при любом сочетании вражеских сил. (*Аплодисменты.*)»⁸. СССР действительно строил в те годы самый сильный в мире флот с огромным количеством подводных лодок. На 40-е годы была намечена и программа постройки сверхмощных линкоров. Гитлеровское вторжение сорвало эти грандиозные замыслы. Но желание младшего командира Мыльникова громить врага в любом море говорит о многом.

«Вся эта несокрушимая сила (Красного флота. — *А.Г.*) готова по первому зову партии, по приказу Советского правительства вместе с Красной Армией обрушиться на врага и разгромить его»⁹.

Это желание присутствовало и в приветственной речи от кавалерии батальонного комиссара А. Нерченко: «Красный кавалерист знает и готовится к тому, чтобы наших врагов рубать на их же территории. (*Бурные аплодисменты.*) (...)»

Наши кони сыты и быстры.
Наши клинки остры.

Наши механизированные боевые средства: танки, пушки, пулеметы — в полном порядке и в постоянной боевой готовности!

Наши славные бойцы — лихие красные конники, сыновья и братья героев Гражданской войны — в мгновение ока по первому слову приказа готовы ринуться на любого врага»¹⁰.

По первому слову приказа начинается агрессия. Для начала оборонительной войны приказа не требуется.

Через 5 месяцев советская (фактически механизированная) конница вместе с остальными частями РККА по первому слову приказа нанесла внезапный удар в спину сражающемуся с нацистами Войску Польскому.

От танкистов съезд приветствовал Герой Советского Союза полковник Алексей Панфилов (однофамилец зна-

менитого Ивана Панфилова, прославившегося и погибшего в сражении под Москвой): «Мы, танкисты, заверяем XVIII съезд большевистской партии... что наши танки в полной боевой готовности. (*Аплодисменты.*)

Мы всегда готовы на удар врага ответить двойным все-сокрушающим ударом. Сталин — наше знамя! Под этим знаменем советские танкисты ринутся в бой вперед за коммунизм. (*Шумная овация всего зала.*)»¹¹

Свои внешнеполитические акции коммунисты обычно прикрывали фразами о защите Отечества. А здесь, по словам Панфилова, советские танкисты собираются ринуться в бой не за Родину, а за коммунизм, и именно эти слова вызвали шумную овацию всего зала. Позже полковник Панфилов отлично воевал, в 1945 г. стал дважды Героем Советского Союза, дослужился до генеральских звезд, но его фраза о том, что мы готовы на удар врага ответить двойным всесокрушающим ударом, в свете последующих событий выглядит несколько нелепой. Через 8 месяцев после съезда воинствующие финские белобандиты нанесли удар по Советскому Союзу в районе деревни Майни-ла. И незамедлительно последовал ответный удар советских танковых войск, которые количественно в десятки раз превосходили финляндские танковые войска. Позже в ходе кампании советские танковые войска опять были количественно увеличены более чем в 5 раз. После германского вторжения 22.06.41 РККА ответила рядом разрозненных ударов, не принесших должного результата, но количественно советские танковые войска в 6 раз превосходили бронетанковые силы, брошенные в июне 41-го против Советского Союза.

От летчиков Красной Армии съезд приветствовал Герой Советского Союза (эта награда была ему присуждена в 1937 г. за бои в небе Испании) комбриг Сергей Денисов: «Мы, летчики, хорошо поняли исторический доклад т. Сталина на XVIII съезде партии и его слова о капиталистическом окружении. И если фашистские любители чужого добра осмелятся напасть на мирный труд нашего 170-миллионного народа... — на крыльях Советов мы по-

несем смерть фашистским поработителям, понесем свободу и счастье рабочим стране агрессоров. Мы сделаем все, чтобы полностью стереть с лица земли зарвавшихся империалистов и отучить этих господ от наглых агрессий против нашей Родины»¹².

В данном отрезке выступления издатели стенограммы по какой-то причине удалили часть выступления Денисова и выделили курсивом его слова о свободе и счастье для рабочих из стран-агрессоров.

После этой верноподданнической речи карьера Денисова пошла вверх с головокружительной быстротой: в советско-финляндскую войну он командовал ВВС самой сильной в то время в СССР (если не в мире) 7-й общевойсковой армии. Через 8 месяцев после произнесения процитированной речи авиация под его командованием наносила контрудар по Финляндии. На крыльях Советов она несла смерть не только финским солдатам, но и мирным жителям страны Суоми. Во время советско-финляндской войны на Хельсинки был совершен ряд авианалетов, во время которых пострадали и рабочие районы, о чем было позже доложено в Москву финскими коммунистами¹³. Свободу и счастье рабочим авиация Денисова принесла и в Выборг — целые кварталы этого города были превращены в щебень. Даже Сталин выразил особое удовлетворение масштабами разрушений в Выборге. 21 марта 40-го г. Денисов стал дважды Героем Советского Союза за успешное руководство боевыми действиями ВВС 7-й армии при прорыве линии Маннергейма. При переаттестации высшего командного состава в мае 1940 же года он становится генерал-лейтенантом. В 1944 г., после ряда успешных действий на фронтах советско-германской войны, переводится в Главный штаб ВВС КА, где и работает до 1947 г.

От советской артиллерии, в то время мощнейшей в мире, съезд приветствовал майор Т. Ростунов: «Спасибо советскому народу за то, что он вооружил нас могучей и непобедимой техникой!

Сталинские артиллеристы заверяют XVIII съезд большевистской партии, мы выполним долг перед родиной.

Орудия и снаряды, которые дает нам страна, мы употребим умело и с пользой для советской родины. Наша артиллерия — артиллерия наступательного действия. Ураганом ворвется Красная Армия во вражескую землю и убийственным артиллерийским огнем сметет врага с лица земли. *(Продолжительные аплодисменты.)*»¹⁴

17 сентября 1939 г. РККА ворвалась в Польшу, но случаев массового применения артиллерии не было, так как деморализованное к тому моменту Войско Польское, получив приказ не сражаться с РККА, оказывало разрозненное сопротивление, его солдаты массами сдавались в плен.

Все же артиллеристы и тут сослужили свою службу. Под угрозой разрушения Львова советскими орудиями гарнизон города сложил оружие¹⁵.

Другой характер носило применение артиллерии в войне с Финляндией. По линии Маннергейма советские войска выпустили гигантское количество снарядов, разрушив или повредив все основные укрепления. По некоторым данным, в финской армии появился даже новый тип госпиталей — для сошедших с ума от канонады.

Таким образом, слова о наступательном характере советской артиллерии, произнесенные майором Ростуновым на XVIII съезде партии, более чем верны.

Знаменитый полковник Александр Родимцев, тогда уже Герой Советского Союза (присвоили 22.10.37 за участие в войне в Испании), будущий защитник Сталинграда, будущий дважды Герой Советского Союза (1945), будущий генерал-полковник, приветствовал съезд от стрелковых родов войск: «Наш стрелковый корпус — это 79 тысяч кг металла в минуту, это — огненный шквал, могучий залп, какого не могут дать корпуса распоясавшихся агрессоров. *(Продолжительные аплодисменты.)*»¹⁶

Следует заметить, что 79 тонн смертоносного металла в минуту — не предел огневой мощи красных стрелковых корпусов. В сентябре 1939 г. стрелковые корпуса Красной Армии, и без того самые мощные в мире, были резко уси-

лены путем добавления в стрелковые дивизии и корпуса артиллерийских батарей и целых артполков.

Зачем могут использоваться стрелковые корпуса с самой большой в мире огневой мощностью? Зачем, если даже корпуса таких агрессивных стран, как Германия и Италия, не могут дать такого залпа? Зачем такие мощные корпуса, если для обороны нужно гораздо меньше сил, чем для наступления?

Родимцев продолжил: «Товарищи! Мы — люди военные и живем по уставам. В нашем боевом пехотном уставе сказано, что во время наступления командир отделения должен действовать смело, не оглядываясь назад, помня, что его успех будет обязательно поддержан всем взводом и соседями.

В грядущих сражениях с врагами нашей родины Красная Армия, как гигантское боевое отделение советского народа, будет смело и победно наступать согласно своему боевому уставу на территорию нашего врага. Она будет наступать, не оглядываясь назад...»¹⁷

Эти слова оказались пророческими: спустя 5 месяцев полковник Родимцев, принимая участие в захвате и оккупации восточной Польши, смело и победно наступал, не оглядываясь назад.

Совершенно ясно, что XVIII съезд ВКП(б) проходил как хорошо отрепетированный спектакль, в котором Сталин был режиссером. Речами и атмосферой этого съезда Сталин и его ближайшие соратники дали понять партии и стране: Советский Союз готовит большую войну.

Потом, после марта 1939 г., началось быстрое наращивание вооружений, продолжался медленный рост численности армии. Потом были бои у Халхин-Гола, пакт о ненападении и раздел Восточной Европы, и первого сентября 1939 г. «Правда» объявила о начале мобилизации. Потом были вторжения в восточную Польшу и в Финляндию, оккупация Прибалтики и Бессарабии...

Но это была уже несколько другая история — история Второй мировой войны — практического воплощения в жизнь идей и лозунгов XVIII съезда.

Примечания

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. Далее в тексте ссылки на эту публикацию. Курсив в цитатах авторский.

² Там же, с. 13.

³ Там же.

⁴ *Лебедева Н. С.* Катень: преступление против человечества. — М., 1996, с. 20.

⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 14.

⁶ *Авторханов А.* Мемуары. — Frankfurt/Main, 1984, с. 224

⁷ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 503.

⁸ Там же, с. 504.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 505.

¹¹ Там же, с. 506.

¹² Там же, с. 507.

¹³ Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г.-М., 1994, С. 386.

¹⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 508.

¹⁵ *Лебедева Н.С.* Там же, с. 26—28.

¹⁶ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 509.

¹⁷ Там же, с. 510.

В.Л. Дорошенко

И.В. Павлова

*Р.Ч. Раак**

НЕ МИФ: РЕЧЬ СТАЛИНА 19 АВГУСТА 1939 ГОДА

...агентство Гавас раскрыло самые сокровенные намерения Сталина.

*Виктор Суворов,
«Ледокол» (М., 1992. С. 53).*

28 и 29 ноября 1939 г. во французских газетах было опубликовано сообщение агентства Гавас, которое представляло собой изложение речи И.В. Сталина, произнесенной на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа этого же года. Сообщение появилось в таких газетах, как «Le Figaro», «Le Petit Journal», «Le Journal», «Le Temps», «L'Action française» и др. Об этих публикациях сразу было доложено Сталину. Его опровержение «О лживом сообщении агентства Гавас» газета «Правда» напечатала 30 ноября (док. № 1).

Для Сталина 19 августа 1939 г. было чрезвычайно насыщенным днем, целиком связанным с германскими вопросами. В этот день было заключено торговое и кредитное соглашение между СССР и Германией¹. В этот же день полпред СССР в Германии Г.А. Астахов, отозванный из Берлина еще 16 августа, был заменен никому не из-

* Дорошенко Виктор Леонидович — доцент специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета; Павлова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, независимый историк; Раак Ричард Ч. — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA). Исправленная и дополненная версия статьи, опубликованной в журнале «Вопросы истории». 2005. № 8. С. 3—20.

вестным А.А. Шкварцевым². Молотов 19 августа дважды встречался с послом Германии в России Ф. Шуленбургом и в итоге вручил ему советский проект договора (пакта) о ненападении для ознакомления в Берлине и принятия решения о визите министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в Москву для подписания окончательных условий договора³. Сам Шуленбург был убежден, что Сталин принял решение заключить договор вместе с секретным дополнительным протоколом именно 19 августа⁴.

После этого началась история с речью Сталина. Не стремясь представить историографию вопроса в целом, сошлемся на последнюю по времени публикацию — статью С.З. Случа «Речь Сталина, которой не было». Автор начинает обзор литературы со статьи Е. Йеккеля «Об одной мнимой речи Сталина 19 августа 1939 г.»⁵ и подробно рассматривает российскую историографию, включая предпринятую Т.С. Бушуевой в 1994 г. первую публикацию речи в «Новом мире» (№ 12), первый специальный семинар, посвященный этой речи (Новосибирск, 16 апреля 1995 г.), с последующим признанием и непризнанием этого факта как в России, так и за рубежом. Случ не сдерживает себя в оценках тех историков, которые признали достоверность французских сообщений. По его словам, «именно непрофессионализм и стал той питательной средой, которая объединила западных и российских адептов подлинности «речи Сталина», охочих до пересмотра генезиса и общей концепции Второй мировой войны, хотя и по разным причинам»⁶. Более того, именно их он обвиняет в росте апологетической литературы о Сталине: «Каждое приписываемое Сталину деяние, не находящее подтверждения, неизбежно вызывает цепную реакцию псевдоопровержений, ставя под сомнение уже доказанные факты и вооружая вновь активизировавшихся неосталинистов новыми аргументами по реабилитации преступного режима и его вождя»⁷.

Как и Йеккель, Случ не верит в подлинность речи Сталина. Статья Йеккеля в свое время «заморозила» интерес

к речи Сталина почти на 36 лет. Случ, публикуя свою статью, надеется на подобный же результат — не дать поставить «под сомнение общую концепцию истории Второй мировой войны, не только нашедшую подтверждение в огромном количестве документов самого разного уровня, но, самое главное, отразившую цепь реально произошедших взаимосвязанных событий, составляющих общую картину Второй мировой войны»⁸.

Едва ли, однако, ему удалось поставить точку в этой истории.

I. Случ убежден в существовании «одного основного или первоначального текста, распространенного 28 ноября 1939 г. агентством Гавас, а затем опубликованного в «Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques», и его доработанного варианта, оказавшегося не позднее 23 декабря 1940 г. в распоряжении службы разведки и контрразведки при правительстве Виши, т.е. того варианта «речи Сталина», который впоследствии был обнаружен в Москве»⁹. На самом деле текст сообщения агентства Гавас, опубликованный 28—29 ноября французскими газетами, а затем перепечатанный в «Revue de Droit International...» (предположительно из газеты «Le Temps»), является отредактированной копией исходного текста, который получило это агентство. Представляет интерес сопоставить этот текст с тем, какой получило 28 ноября из Женевы немецкое агентство новостей «Ausländische Nachrichtenagenturen». Перевод на немецкий язык был закончен в 11 часов этого же дня. Случ упоминает о существовании немецкого текста, но ограничивается лишь замечанием, что «29 ноября МИД [Германии] направил посольству в Москве текст сообщения Гавас с просьбой информировать о реакции на него в официальных кругах СССР, а также обратить внимание Наркоминдела на желательность соответствующего отклика в советской прессе»¹⁰. Между тем в немецком переводе сообщения Гавас имеются разночтения с опубликованной французской копией, которую Случ использует как исходный («один основной или первоначальный») вариант¹¹. Ниже приво-

дится русский перевод текста сообщения агентства Гавас по французской копии из «Revue de Droit International...» с дополнениями и разночтениями, имеющимися в немецкой копии (док. № 2).

II. Решающим в обосновании Случаем его отрицательного отношения к существующему тексту речи Сталина является следующий аргумент: «Исследователям неизвестны какие-либо документы или свидетельства, которые хотя бы в малейшей степени подтверждали подлинность приписываемой Сталину речи 19 августа 1939 г., содержащей, помимо всего прочего, большое число неверных и откровенно несуразных положений»¹². На самом деле такие документы есть. Причем к основному из них Случ и обращается — для интерпретации положений сообщения агентства Гавас. Очевидно, что исследователю-профессионалу полагалось бы сделать отсюда необходимые выводы.

В сообщении агентства Гавас, распространенном 28 ноября 1939 г., приведены все основные положения секретного дополнительного протокола к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. (док. № 3). Публикация в открытой печати, почти сразу же, содержания того тайного сговора между Сталиным и Гитлером, который советское руководство отрицало 50 лет, и есть прямое подтверждение подлинности сообщения агентства Гавас.

Секретный дополнительный протокол состоит из краткой преамбулы, четырех пунктов, указания места и времени заключения и подписей сторон. В преамбуле говорится «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», что и представлено в центральной части сообщения агентства Гавас, в частности, во фразе «если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении».

В первом пункте секретного дополнительного протокола зафиксировано: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия,

Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами». Соответственно в сообщении агентства Гавас говорится: «Германия предоставит нам полную свободу действий в трех Прибалтийских странах» (выделено нами. — *Авт.*). Почему именно в трех? Да потому, что в соответствии с договоренностью, зафиксированной в секретном дополнительном протоколе, Литва относилась к сфере интересов Германии, хотя считалась независимой. Не доверяя Сталину, Гитлер таким образом прикрывал Литвой Восточную Пруссию.

Как известно, в отношении Литвы секретный дополнительный протокол реализовался лишь частично: Виленская область была передана Литве, но затем сама Литва была передана Сталину в обмен на ряд польских территорий, когда Гитлер убедился, что Сталин не напал на него в ходе польской кампании, что и было зафиксировано в следующем по времени договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Но пониманию политической реальности, как она сложилась к тому времени, слово «трех» препятствовало. Поэтому при дальнейшем редактировании оно было опущено, хотя именно это слово связывает текст сообщения агентства Гавас с секретным дополнительным протоколом от 23 августа 1939 г. и позволяет датировать содержание этого сообщения второй половиной августа 1939 г.

Не покажется ли слишком зыбкой аргументация, основанная на одном-единственном слове, связывающем эти два документа? Оно не единственное.

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Соответствующее место из сообщения агентства Гавас выглядит так: «В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до предместий Варшавы, включая украинскую Галицию». По географической кар-

те видно, что совпадение между приведенными фрагментами текстов абсолютное. Однако на политической карте оно опять-таки не реализовалось. Здесь нет надобности входить в перипетии военных переговоров 20 сентября, продвижений и отводов войск сначала немецких, а потом советских; в конечном счете на тот политический момент граница между СССР и Германией была установлена по реке Буг, и Красной Армии под Варшавой в 1939 г. не было. Для не знакомого с содержанием договоров наблюдателя того времени это означало, что агентство Гавас сообщило ложные сведения задним числом, что выглядело уж совершенно абсурдным: распространенная в конце ноября информация, относящаяся к 19 августа, не оправдалась ни в сентябре, ни в ноябре. Для историков же это служит подтверждением правильности даты, указанной в сообщении.

Третий пункт: «3. Касательно юго-востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». В соответствующем месте текста сообщения агентства Гавас говорится: «Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии». Кроме очевидного, здесь следует добавить, что СССР выдвинул ультимативное требование Румынии относительно Бессарабии в феврале 1940 г., т.е. через два с лишним месяца после распространения сообщения агентства Гавас¹³.

Зная об этом, Случ утверждает: «При этом «речь» не содержала никакой новой информации (за исключением явно абсурдных положений), которая не была бы известна в ноябре 1939 г. любому наблюдателю»¹⁴.

Последний пункт секретного дополнительного протокола гласил: «4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете». После этого Случ удивляется, что ответ Сталина на сообщение агентства Гавас «несет на себе отпечаток большого раздражения его автора»¹⁵.

Итак, 28 ноября 1939 г. во Франции, находившейся в состоянии войны с Германией, в широкой печати было опубликовано достоверное изложение секретного дополнительного протокола к договору о ненападении, заключенному между СССР и Германией 23 августа 1939 г. Этот протокол был впервые опубликован в США в 1948 г.¹⁶. Ответная реакция Сталина последовала незамедлительно — брошюра «Фальсификаторы истории» появилась тогда же, в 1948 г.

Ш. Как и Йеккель, Случ искусственно выделяет роль журналиста А. Рюффена в этой истории. «Трудно сказать, — пишет он, — был ли Рюффен автором или соавтором приписываемого Сталину текста, но определенно он мог знать немало о его происхождении... Именно Рюффен оказался причастен к публикации «речи Сталина и ее вариантов»¹⁷. Причиной этого, по мнению и Йеккеля, и Случа, является тот факт, что Рюффен придерживался ярко выраженных антикоммунистических взглядов.

Однако Рюффен был только одним из тех, кто оказался причастным к публикации сообщений о речи Сталина. Почти сразу после объявления о заключении советско-германского договора из Кремля стала просачиваться информация о радикальных изменениях в политике Советского Союза. 26 августа 1939 г. в лондонской «The Times» появилось, со ссылкой на секретную информацию Наркомата иностранных дел СССР, сообщение о секретном плане Сталина по использованию пакта и последовавших за ним инструкциях зарубежным коммунистическим партиям.

28 августа высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел Германии Э. Верманн (Ernst Woegmann) направил в гестапо доклад, позже переданный в другие вышестоящие учреждения Рейха, со ссылкой на неназванный конфиденциальный источник, который утверждал, что 1) Советский Союз отказался от своей прежней внешней политики; 2) уклонился от договора с Великобританией и Францией, чтобы не поддерживать

капитализм; 3) планировал оставаться вне войны, чтобы вступить в нее, когда другие страны ослабнут настолько, что это могло бы способствовать там социальной революции; 4) что пакт — это дипломатическая и идеологическая победа над странами Оси и их «отвлекающими приемами» и 5) что дополнительной причиной заключения пакта был отказ Польши, Румынии и Прибалтийских стран от военной помощи Советского Союза¹⁸. Источники информации у «The Times» и у Верманна, по всей вероятности, были разные.

Спустя несколько дней после нападения Германии на Польшу, предпринятого 1 сентября 1939 г., две копии инструкций, адресованных Наркоматом иностранных дел балканским партиям, оказались в распоряжении правительства Румынии. Таким образом, менее чем через три недели после подписания пакта и секретного протокола о разделе Восточной Европы румынский премьер А. Калинеску (Armand Calinescu) передал эти документы посланнику Германии В. Фабрициусу (Wilhelm Fabricius). Он в свою очередь 10 сентября направил их в ведомство Риббентропа и в посольство Германии в Москве¹⁹. Одновременно А. Калинеску ознакомил с инструкциями и британского посланника сэра Р. Хора (Reginald Hoare)²⁰. 8 сентября 1939 г. шведская вечерняя газета «Svenska Pressen», издававшаяся в Хельсинки, опубликовала сообщение из Москвы, в котором говорилось, что «22 августа, за день до подписания договора о ненападении, в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Андреева, Шверника, Микояна, Берии, Калинина и др. был составлен циркуляр для коммунистических лидеров не только в СССР, но и за рубежом»²¹.

В первых числах ноября в западной прессе появилось еще несколько публикаций на эту тему. 1 ноября парижская газета «Le Soir» привела сообщение, полученное от перебежчика из сталинского окружения Н. Новикова, который утверждал еще в сентябре, что он располагает свежей информацией о том, что Сталин в своем кругу, предположительно после заключения пакта, сказал, что

«Гитлер сейчас в наших руках... Мы возьмем Польшу на волне патриотизма, в то время как Германия будет вести кровавую борьбу, которая обойдется ей большими потерями в людях и деньгах... Гитлер рано или поздно будет истощен... И тогда мы будем действовать согласно нашим желаниям».

2 ноября, на следующий день после публикации новиковских откровений, парижская газета «L'Epoque» напечатала редакционную статью Б. Лаверня (Bernard Lavergne). Из нее видно, что автор тоже владел информацией о военных планах Сталина, которая циркулировала тогда в Европе как в журналистских, так и в дипломатических кругах, хотя относился к ней скептически. Он писал, что Сталин рассчитывает на затяжную войну, которая истощит обе стороны. Когда это произойдет, для Советского Союза наступит время действовать. В статье также говорилось об уверенности Сталина в том, что Германия будет нацией, наиболее восприимчивой к большевизации.

3 ноября в британской газете «The Scotsman» корреспондент дипломатического ведомства опубликовал краткую характеристику инструкций, разосланных из Москвы в советские посольства за рубежом. Корреспондент не указал источник получения информации, но очевидно, что он был знаком с директивой, посланной балканским партиям, которая затем оказалась в распоряжении румынского премьера Калинеску.

Таким образом, было несколько сообщений как о речи Сталина, так и о последовавших инструкциях. Этой информацией располагал не только Рюффен, но и другие люди, не связанные между собой. Разумеется, новые факты усложняют исследование этого сюжета, но в то же время подтверждают, что разные люди в разных странах, независимо друг от друга, вряд ли занимались общим делом — фальсификацией сталинской речи.

IV. Случ, как и другие историки, разделяющие его точку зрения, в качестве одного из основных аргументов против достоверности факта сталинской речи приводит довод об отсутствии заседания Политбюро 19 августа 1939 г.

Случ доказал, что не было расширенного заседания Политбюро, о котором говорится в сообщении агентства Гавас. Но никто не доказал, что члены Политбюро вообще не собирались в тот день. То, что этот факт не зафиксирован ни в протоколах Политбюро, ни в журнале посетителей кабинета Сталина, — это не аргумент. В сталинской практике управления Советским Союзом мог быть протокол без Политбюро и Политбюро без протокола, а главное — вполне могло быть Политбюро без Политбюро. Здесь важно то, что они проговариваются. Случ правильно обратил внимание на фрагмент «если мы примем известное вам предложение Германии»: этот фрагмент указывает на информированную руководящую пятерку — Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович и не входивших в нее Жданова и Берия²². По имеющимся данным, именно они тогда принимали решения по внешней политике, не фиксировавшиеся даже в «особой папке» Политбюро. Кстати, в ней нет не только следов речи Сталина, но и вообще никаких следов подготовки к заключению советско-германского договора 23 августа и тем более секретного дополнительного протокола к нему

V. Большая часть статьи Случа посвящена доказательству факта, что руководство Коминтерна не знало о планах Сталина, направленных на сближение с Берлином. Случ исходит из убеждения, что руководство Коминтерна рассматривалось в Кремле «в качестве одного из инструментов советской внешней политики»²³. Есть свидетельства противоположного характера, подтверждающие, что Сталин игнорировал руководство Коминтерна, но при этом пользовался его именем. Говоря о Коминтерне, Случ оставил за кадром вопрос о такой невидимой части Коминтерна, как Служба связи (СС), преемница Отдела международной связи (ОМС) конца 1920-х — начала 1930-х гг. Именно она обеспечивала связь с большинством компартий, пунктами связи Коминтерна и его резидентурой во многих странах мира. После 1927 г. все легальные работники были заменены лицами с иностранными паспортами. Для связи с этими нелегальными представителями

ОМСа, передачи им денег и т.д. назначался кто-либо из уже работавших в посольстве сотрудников, выполнявших задания отдела по совместительству²⁴. Именно таким образом были переданы «надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом», о которых шла речь в сообщении Гавас. Еще до вовлечения Коминтерна в обсуждение этих вопросов советские полпредства за рубежом направили некоторым коммунистическим партиям не только разъяснения о пакте, но и конкретные инструкции. Подготовленные, между прочим, от имени Коминтерна, они имели следующее название: «Официальные правительственные инструкции, посланные из Москвы в дипломатические миссии СССР, учрежденные на Балканах». Эти инструкции были выработаны до появления какой-либо резолюции Коминтерна, определявшей позицию компартий по отношению к пакту. Вспомним информацию в газете «The Scotsman» от 3 ноября 1939 г. о том, что эти «инструкции» появились в дипломатических миссиях СССР за рубежом уже спустя несколько дней после заключения советско-германского договора.

Имеющиеся в нашем распоряжении две копии «инструкций» практически идентичны, хотя одна на немецком, а другая на французском языке. На немецкой копии есть указание, что это перевод с румынского, на французской — с болгарского. Именно эти инструкции, переданные из Москвы, оказались у румынского премьера Калинеску, который в свою очередь передал их немецкому посланнику В. Фабрициусу. Отправляя их в Берлин, Фабрициус, наряду со своим мнением о том, что это британская дезинформация, указал также, что они поступили из советских дипломатических представительств²⁵. Текст «инструкций» (док. № 4) приводится в переводе с французского. Эти инструкции по содержанию весьма осторожны и скорее представляют не конкретные указания, а попытку прозондировать почву.

В сообщении агентства Гавас упоминается Д.З. Мануильский, которому совместно с Г. Димитровым было поручено «под личным руководством Сталина разработать

надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом». Случ приводит сведения, свидетельствующие о том, что «руководство Коминтерна продолжало действовать в духе традиционных установок, не имея ясного представления о произошедших кардинальных переменах во внешнеполитическом курсе Кремля после 23 августа»²⁶. Есть основания полагать, что именно в силу неожиданности поворота в советской внешней политике Мануильский по указанию Сталина некоторое время вел двойную игру с руководителями зарубежных коммунистических партий. Судя по разговорам с И. Хернандесом, К. Готвальдом и В. Пиком, Мануильский был в курсе предпринимаемых кардинальных перемен во внешней политике Кремля, поэтому уже в дни заключения пакта он заговорил о том, что «мировым капиталистам предстоит период катастроф», «если капиталисты хотят уничтожить друг друга, надо позволить им это», что «война закончится революцией», что «наша цель ликвидировать Польшу», что «мы должны сделать то, что на первый взгляд кажется абсурдом», то есть, по сути, осторожно излагал те положения, которые содержатся в имеющемся у нас тексте сталинской речи²⁷.

Димитрова Сталин принял только 7 сентября. Говоря о состоявшейся беседе, в которой участвовали Молотов и Жданов, Случ не соглашается с мнением одного из авторов этой статьи, что «содержание записи Г. Димитрова вполне соответствует тому, о чем Сталин говорил 19 августа»²⁸. Вместе с тем он признает, что в димитровской записи разговора со Сталиным «налицо явная заинтересованность Сталина в крупном и затяжном военном конфликте между враждующими сторонами, результатом которого должно стать их взаимное ослабление». Случ отмечает, что «действительно стержневая для Сталина мысль выражена ненавязчиво, с использованием почти «домашней» лексики»²⁹.

Конечно, 7 сентября, когда основная часть задуманного была выполнена, Сталин вел себя иначе, чем в дни, предшествовавшие подписанию советско-германского

договора и секретного дополнительного протокола 23 августа. И здесь следует согласиться со словами сожаления Б. Бонвеча (Случ приводит их в своей статье) о том, что «российские историки в наше время должны знать о Сталине, процедуре принятия решений на Политбюро и т.п. значительно больше», чем Йеккель в 1950-х гг.³⁰. Достойно сожаления также и то, насколько современные российские историки до сих пор не понимают Сталина и насколько до сих пор верят ему на слово!

Вместе с тем есть вопросы, на которые и сейчас нет ответа. Кто передал текст сталинской речи журналисту Рюффену 27 ноября? Сам он сообщил только следующее: «На протяжении трех недель, то есть с начала ноября 1939 г. (а на самом деле, как видим, даже раньше. — *Авт.*), среди журналистов и политиков курсировали слухи о совершенно секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), принявшем исключительно важное решение, касающееся войны». Рюффен «предпринял попытки получить более точную информацию, — пишет Случ, — но они оказались безрезультатными. И вдруг представилась возможность войти в контакт с высокопоставленным лицом, чья информированность не вызывала сомнений. Это лицо и предоставило все необходимые сведения, которые Рюффен записал как можно точнее»³¹. Уместно предположение, что автором или распорядительным заказчиком такого изложения речи Сталина в тех условиях мог быть только сам Сталин. Целью распространения этого текста и последовавших инструкций коммунистическим партиям европейских стран было дестабилизировать ситуацию в Европе. Ни подтвердить это предположение, ни опровергнуть его пока невозможно.

Неизвестно, кто вмешивался в первоначальный текст сталинской речи. В статье Рюффена «Два документа», опубликованной 12 июля 1941 г.³², и в его последующих публикациях, кроме текста сталинской речи, попавшей в распоряжение агентства Гавас, говорится о втором документе, который не привлек внимание Случа. Это московские «инструкции» французской и бельгийской

коммунистическим партиям от 25 ноября 1939 г., опубликованные 11 декабря во французской газете «L'Ordre national». Газета опубликовала этот почти семистраничный документ полностью, представив его как фальшивку. Именно эту публикацию цитировал Рюффен 12 июля 1941 г.: «Инструкция была предназначена главе секции [Запад — Европа], его заместителю, генеральным секретарям коммунистических партий Франции и Бельгии. Никто не должен знать об этом документе, датированном 25 ноября, само существование которого должно было храниться в секрете».

Этот документ, по оценке Рюффена, передавал существо сталинского духа и сталинского плана: «Установление советского строя во всех капиталистических странах посредством мировой революции остается основной целью внешней политики СССР. Европейская война, которую капиталистические страны ведут *по своим собственным мотивам*, создает уникальные и благоприятные обстоятельства и условия для возникновения мировой революции... Мы пришли к нашей цели: всеобщая война без ответственности за нее в глазах мира и без участия в ней... Мы будем помогать немцам во время европейской войны, чтобы они могли сопротивляться как можно дольше, но не для того, чтобы позволить победить немецким армиям. Мы сохраним в наших руках возможность разрешения ситуации (арбитраж)». Инструкции коммунистическим партиям Запада, как видим, были подготовлены позднее, когда Вторая мировая война уже шла, и основная идея будущей мировой революции в них изложена более четко. Инструкции содержат также подробные указания о том, как спровоцировать революционную ситуацию во Франции, в частности, о политическом и военном шпионаже, о пропаганде среди масс и в армии, а также о подготовке к захвату власти.

Автор текста, найденного Т.С. Бушуевой в Москве, не установлен. О.Н. Кен и А.И. Рупасов на основании только того, что один из вариантов записи сталинской речи оказался во 2-м бюро Генерального штаба Франции, счита-

ют, что ее автор был связан с французскими секретными службами³³. Пока ясно лишь то, что его составитель к этому времени (на документе, по сведениям Случа, есть дата 23—12—40) знал не только сообщение агентства Гавас с текстом речи Сталина, но и инструкции коммунистическим партиям Запада. Вот почему все дополнения к тексту сталинской речи, о которых пишет Случ, «опубликованные в 1941—1944 гг., касались не геополитических амбиций Кремля, а исключительно революционизирования Европы, в основном Франции, и задач компартии в этой связи». А автор текста, найденного в Москве, вопреки мнению Случа, не «переборщил, уделив слишком большое внимание вопросам будущего революционизирования Европы и роли ФКП в этом процессе»³⁴. Наоборот, он очень кратко изложил суть конкретных инструкций, занявших почти четыре страницы текста, опубликованного в «L'Ordre national» 11 декабря 1939 г.

Конечно, сообщение агентства Гавас с изложением речи Сталина — это не аутентичный документ. Этот факт особенно подчеркивают наши оппоненты, акцентируя внимание на не характерных для Сталина выражениях, таких, как *modus vivendi*. Имея дело со сталинскими речами, мы далеко не всегда располагаем исходным документом, написанным самим Сталиным. Например, в случае с его выступлением на приеме в Кремле выпускников военных академий РККА 5 мая 1941 г. тоже нет аутентичного исходного документа, потому что выступление Сталина было импровизацией. Оно существует в записях нескольких лиц, присутствовавших на приеме. Все записи в той или иной мере отличаются друг от друга. В книге В.А. Невежина «Застольные речи Сталина» публикуется восемь разных вариантов выступления Сталина, но все они тем не менее подтверждают сам факт выступления и передают его основной смысл³⁵.

Что из этого следует? Сообщение агентства Гавас с изложением речи Сталина на заседании Политбюро от 19 августа 1939 г. — это часть комплекса информации, циркулировавшей на Западе с конца августа 1939 г., о

секретном плане Сталина по использованию пакта с Гитлером и об инструкциях коммунистическим партиям за рубежом. Рюффен был лишь одним из лиц, причастных к этой истории. Текст сталинской речи, изложенный в сообщении агентства Гавас и распространенный этим агентством 28 ноября, согласуется с текстом секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г.

Теперь, когда установлена действительно сталинская основа сообщения агентства Гавас, перейдем к невероятному, а именно к Румынии, Болгарии и Венгрии, а также к Югославии и Италии. Первые три упоминаются в тексте в следующем же предложении за Бессарабией. Значит, сказанное Сталиным о Бессарабии, как подтвержденное секретным дополнительным протоколом, требованием 1940 г. и летним захватом, — это правда, а следующее же предложение — это фальсификация? И если сталинские захватнические намерения подтвердились в результате войны, то это ничего не значит? В результате Второй мировой войны именно Румыния, Болгария и Венгрия стали зоной влияния Советского Союза примерно на 45 лет, а с Югославией произошла осечка, в чем-то подобная осечке с Финляндией.

В 1995 г. Дорошенко говорил о том, что пассаж о Румынии, Болгарии, Венгрии и Югославии «представляет претензию, с которой Сталин обращался к Гитлеру или которую он доводил до его сведения таким путем»³⁶. Сегодня ясно, что этот пассаж по своему происхождению такой же, как и пассаж о Польше, странах Прибалтики и Бессарабии, — все это результаты предварительных переговоров между представителями Сталина и Гитлера. Переговоры были продолжены Молотовым в ноябре 1940 г. в Берлине; там речь шла и о Болгарии, и о Румынии, и о Венгрии, и о Югославии, и даже о Турции и Греции³⁷.

В России до сих пор нет научной концепции Второй мировой войны. Сегодня, когда и власть, и общество культивируют остатки советской идеологии, решение вопроса

о речи Сталина, раскрывающей его устремления в этой войне, имеет принципиальное значение. Если исключить факт речи Сталина 19 августа 1939 г. из истории, то сохраняется возможность утверждать, что Сталин «стремился обеспечить национально-государственные интересы». Как пишет Случ, «на передний план он выдвигал геополитическую составляющую этих интересов, видя в расширении границ страны, т.е. в экспансии, лучшее средство для обеспечения ее безопасности. Был ли Сталин заинтересован в войне? Несомненно, но... не во всякой. По его замыслу, приведшему к соглашению с Третьим рейхом, а не с западными державами, одна из первоочередных задач Кремля заключалась в том, чтобы, используя участие европейских держав в военном конфликте, аннексировать, «прибрать к рукам», страны, отнесенные по договоренности с Берлином к «сфере интересов» СССР, и при этом по возможности остаться вне большой войны»³⁸. В этом случае замыслы Сталина ограничиваются притязаниями на территории, ранее входившие в состав России, и, таким образом, исторически оправдываются ее национально-государственными интересами.

Если считаться с реальностью сталинской речи, неизбежен вывод о том, что Гитлер и Сталин несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны. Ссылка на то, что «даже в ходе Нюрнбергского процесса защита обвиняемых не сочла возможным использовать «речь Сталина» 19 августа 1939 г.»³⁹, неубедительна. На Нюрнбергском процессе не использовалась не только эта речь, но и факт расстрела НКВД польских офицеров в Катыни. Негласный консенсус союзников в ходе процесса по отношению к Сталину, заставлявший выгораживать партнера, до сих пор играет свою негативную роль в историографии, причем не только в России, но и на Западе.

Однако в России же дело усугубляется тем, что здесь до сих пор не могут отделить Сталина от народа во Второй мировой войне, до сих пор жертвенность миллионов искупает его преступную политику.

№ 1. Сталинское опровержение
«О лживом сообщении агентства Гавас»

Редактор «Правды» обратился к т. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», якобы произнесенной им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны».

Тов. Сталин прислал следующий ответ:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни ввали господ из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из агентства Гавас?»

Правда. 30.XI. 1939

№ 2. Русский перевод опубликованного текста сообщения
агентства Гавас с дополнениями и разночтениями,
имеющимися в немецкой копии

Почему Советская Россия подписала договор с Германией? Как долго еще будет спрашивать мировая общественность, — а она продолжает спрашивать, — какие осно-

вания были у правительства Советского Союза подписать 19 августа (в тексте — 19 октября, что является явной ошибкой переводчика. — *Авт.*) политический и хозяйственный договоры с Германией. До сих пор было неизвестно, при каких условиях Сталин получил единодушное одобрение Политбюро повороту своей политики. Теперь завеса приподнята⁴⁰.

Почему СССР заключил пакт с Рейхом (с этой фразы начинается французский текст сообщения; она опущена в публикации Случа. — *Авт.*). Агентство Гавас получило из Москвы через Женеву от источника, который оно рассматривает как достойный абсолютного доверия, следующие сведения о заседании Политбюро, проведенного по инициативе Сталина 19 августа в 10 часов вечера⁴¹, вскоре после которого СССР подписал известное политическое соглашение с Рейхом: вечером 19 августа члены Политбюро были срочно созваны на секретное заседание, на котором присутствовали также видные лидеры Коминтерна, но только те, кто входил в русскую секцию. Никто из зарубежных коммунистов, даже Димитров — генеральный секретарь Коминтерна, не был приглашен на это заседание, цель которого, не обозначенная в повестке дня, состояла в том, чтобы заслушать доклад Сталина. Далее следовала запись его основных положений:

«Мир или война. Этот⁴² вопрос вступает в критическую фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз. Мы совершенно убеждены, что, если мы заключим договор о союзе с Францией и Великобританией, Германия будет вынуждена отказаться от Польши и искать *modus vivendi* с западными державами. Таким образом, войны удастся избежать, и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер.

С другой стороны, если⁴³ мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным.

При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем, находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь. Именно этого требуют наши интересы.

Итак, наш выбор ясен: мы должны принять немецкое предложение, а английской и французской делегациям ответить вежливым отказом и отправить их домой.

Нетрудно предвидеть выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция смогут прийти ей на помощь. В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до предместий (подступов в переводе Случа. — *Авт.*) Варшавы, включая украинскую Галицию.

Германия предоставит нам полную свободу действий в трех Прибалтийских странах. Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии. Она будет готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию.

Остается открытым вопрос о Югославии, решение которого зависит от позиции, которую займет Италия. Если Италия останется на стороне Германии, тогда последняя⁴⁴ потребует⁴⁵, чтобы Югославия входила в зону ее влияния, ведь именно через Югославию она⁴⁶ получит доступ к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдет вместе с Германией, то тогда она за счет Италии получит выход к Адриатическому морю, и в этом случае Югославия перейдет в нашу сферу влияния⁴⁷.

Все это в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны.

Однако мы должны предвидеть последствия как поражения, так и победы Германии. Рассмотрим вариант, связанный с поражением Германии⁴⁸. У Англии и Франции⁴⁹ будет достаточно сил, чтобы оккупировать Берлин и уничтожить⁵⁰ Германию, которой мы вряд ли сможем оказать эффективную помощь⁵¹.

Поэтому наша цель⁵² заключается в том, чтобы Германия как можно дольше смогла вести войну, чтобы устав-

шие и крайне изнуренные Англия и Франция были не в состоянии разгромить⁵³ Германию.

Отсюда наша позиция: оставаясь⁵⁴ нейтральными, мы помогаем Германии экономически, обеспечивая ее сырьем и продовольствием; однако⁵⁵, само собой разумеется, что наша помощь не должна переходить определенных границ, чтобы не нанести ущерба нашей экономике⁵⁶ и не ослабить мощь нашей армии.

В то же время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в странах англо-французского блока, и прежде всего во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране наша партия во время войны будет вынуждена прекратить легальную деятельность и перейти к нелегальной. Мы знаем, что подобная деятельность требует больших средств, но мы⁵⁷ должны без колебаний пойти на эти жертвы. Если эта подготовительная работа будет тщательно проведена, тогда безопасность⁵⁸ Германии будет обеспечена и она сможет⁵⁹ способствовать советизации Франции⁶⁰.

Рассмотрим теперь вторую гипотезу, связанную с победой Германии.

Некоторые считают, что такая возможность представляла бы для нас наибольшую опасность. В этом утверждении есть доля правды, но⁶¹ было бы ошибкой полагать, что эта опасность настолько близка и велика, как некоторые себе это воображают.

Если Германия победит, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы воевать с нами в ближайшие десять лет. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать их подъему.

С другой стороны, Германия-победительница будет обладать огромными колониями; их эксплуатация и приспособление к немецким порядкам также займут Германию в течение нескольких десятилетий. Очевидно, что Германия будет слишком занята другим, чтобы повернуть против нас.

Товарищи, — сказал в заключение Сталин, — я изложил вам свои соображения. Повторяю, что в ваших интересах, чтобы война разразилась между Рейхом⁶² и англо-французским блоком. Для нас очень важно, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы обе стороны истощили свои силы. Именно по этим причинам мы должны принять предложенный Германией пакт и способствовать тому, чтобы⁶³ война, если таковая будет объявлена, продлилась как можно дольше. В то же время мы должны усилить экономическую⁶⁴ работу в воюющих государствах, чтобы быть хорошо подготовленными к тому моменту, когда война завершится».

Доклад⁶⁵ Сталина, выслушанный с благоговейным вниманием, не вызвал никакой дискуссии. Было задано только два малозначительных⁶⁶ вопроса, на которые Сталин ответил. Его предложение о согласии на заключение пакта о ненападении с Рейхом⁶⁷ было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение поручить председателю Коминтерна Мануильскому совместно с секретарем Димитровым под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом.

№ 3. Секретный
дополнительный протокол
к договору о ненападении
между Германией и Советским Союзом

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная

граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Царева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного соглашения.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года
По уполномочию Правительства СССР
В.Молотов
За Правительство Германии
И. Риббентрон

№ 4. Официальные
правительственные инструкции,
посланные из Москвы в дипломатические миссии СССР,
учрежденные на Балканах¹

Следующее официальное сообщение было отправлено Коминтерном всем коммунистическим партиям Восточной Европы.

¹ Вопросы истории, 1989, М» 6. С. 20.

1. Россия отдала себе отчет в том, что пора отказаться от тактики, принятой 7-м конгрессом Коминтерна, состоявшимся в 1933 году (так в тексте. — *Авт.*). Следует признать, что благодаря этой тактике наша коммунистическая партия смогла заключить союзы с буржуазными и демократическими государствами, чтобы воспрепятствовать развитию фашизма, который быстро распространялся. Также благодаря именно этой тактике мы смогли помешать триумфу и установлению фашизма во Франции в 1933 (так в тексте. — *Авт.*).

2. Желание Франции и Англии привлечь СССР к Фронту примирения основывается на расчете, понятном любому. Две страны намеревались разрушить ось Рим — Берлин, широко используя для этого силы нашей страны. Данная комбинация для нас очень невыгодна. Мы должны были бы помогать спасать англо-французский империализм, что представляло бы собой нарушение наших принципов. Эти принципы никоим образом не исключают временного соглашения с нашим общим врагом — фашизмом, тогда как соглашение с буржуазией послужило бы укреплению капитализма, что абсолютно противоположно нашим принципам.

3. Учитывая рассмотренное, СССР ограничивается программой, которую мы осуществим позже. Согласно этой программе, мы совершенно не заинтересованы в войне, которая может разразиться в Европе. Мы решили выжидать, и мы вмешаемся в нужный момент. Революционная деятельность, непрерывно развивающаяся во всех странах под руководством коммунистических партий, подготавливает благоприятную почву для нашего будущего вмешательства. Коммунистические партии должны использовать трудности, которые неизбежно возникнут в этой войне, начатой капиталистическими странами, и они примут решения, необходимые для установления диктатуры пролетариата. Генеральный совет Коминтерна считает, что такая оценка ситуации основана на реальных благоприятных условиях для социальной революции в ближайшее время.

4. Мы ставим вас в известность, что наше соглашение с Осью должно расцениваться как одержанная нами дипломатическая победа. В то же время это уменьшает престиж Германии.

После заключения нашего пакта с Германией в этой стране отказались от всякой агитации против коммунизма. Полученное нами официальное сообщение полностью убеждает нас в том, что любая антикоммунистическая пропаганда действительно была запрещена. Из сообщения, опубликованного коммунистической партией Англии, вытекает, что рабочий класс этой страны достаточно хорошо осведомлен о цели пакта.

5. Одной из причин, обусловивших неудачу англо-французско-советского пакта и ускоривших заключение русско-германского пакта, была неблагоприятная позиция Польши, Румынии и *Балканских государств* (курсив наш. Здесь явная ошибка французского переводчика, в немецком переводе — *государств Балтии. — Авт.*) по отношению к России. Эти государства отказались от военной помощи Советского Союза и согласились принять в случае войны помощь техникой.

РААА. R. 104355. S. 202600. Машинописная копия на немецком языке; S. 202602. Машинописная копия на французском языке. Последняя опубликована также в кн.: *Komat M.* Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop — Molotov. Warsaw, 2002, p. 643—644.

Примечания

¹ 1941 год. В 2-х кн. Кн. 2. м., 1998. С. 592.

² Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. — Исторический архив. 1995. № 5—6. С. 48; *Соколов В.В.* Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова / Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167—183. Астахов находился в ранге временного поверенного в делах СССР в Германии с апреля 1939 г.

³ 1941 год. В 2-х кн. Кн. 2. С. 592.

⁴ Politisches Archiv des Auswartigen Amtes. (РААА). Botschaft Moskau, 530. S. 202689. На полях немецкого перевода сообще-

ни я агентства Гавас Шуленбург записал: «Суббота! Сталин уже к вечеру принял решение. Это важно, что 19.8 политическое решение было принято».

⁵ Jäckel E. Über eine angebliche Rede Stalins vom 19. August 1939. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, h. 4. S. 380-389.

⁶ Случ С.З. Речь Сталина, которой не было / Отечественная история. 2004. № 1. С. 130. Немецкий перевод его статьи «Stalins Kriegsszenario 1939: Eine Rede, die es nie gab. Die Geschichte einer Faelschung» почти сразу был опубликован в том же издании, что статья Е. Йекеля. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004, h. 4. S. 597-635.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 115, 133.

¹¹ Там же. С. 114-115.

¹² Там же. С. 129-130.

¹³ В качестве первого советского требования, выдвинутого Румынии по поводу Бессарабии, обычно рассматривается заявление Молотова 29 марта 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР. Одновременно приводится следующий факт: «В ответ на постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии Германия, добивавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля 1940 г. ответила, что положение Румынии ее не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии». — Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 216. Таким образом, есть основания полагать, что вопрос о Бессарабии ставился в ультимативной форме уже в это время.

¹⁴ Там же. С. 117.

¹⁵ Там же. С. 116.

¹⁶ Nazi-Soviet relations. 1939—1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, D.C., 1948. P. 64-65.

¹⁷ Случ С.З. Указ.соч. С. 116—117. Ruffin H. Deux documents. — Journal de Genève, 12.VII. 1941; он же. Le Plan de Staline (Novembre 1939). — La Revue Universelle, 1944, August. P. 105—110 ; La Pradelle A. de. Le Marxisme Tentaculaire. La Formation, la Tactique et l'Action de la Diplomatie Sovietique 1920-1940. Issoudun, 1942. P. 124-128.

¹⁸ PAAA. R 101388. S. 334329.

¹⁹ PAAA R 104355. S. 202598.

²⁰ *Komat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Molotov. Warsaw, 2002. P. 642-644.*

²¹ Циркуляр имел форму диалога:

— Изменились ли конечные цели Коминтерна?

— Нет. Конечная цель Коминтерна та же самая: Мировая революция.

— Возможна ли Мировая революция в настоящий момент?

— Нет, все попытки активизации Мировой революции провалились.

— Не может ли начало Мировой революции быть ускорено усилением агитации?

— Нет... (Здесь следовало перечисление причин, почему она невозможна в разных странах, но в газете они опущены.)

— Как могла бы быть ускорена Мировая революция?

— Затяжная война... (Следовало детальное объяснение и цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, но в газете все опущено.)

— Ускорит ли начало войны русско-германский пакт?

— Да, потому что нейтралитет России позволит Германии реализовать ее планы.

— Что случится, если СССР не согласится ни на какой пакт? С Германией или с Англией и Францией?

— Пока СССР не объявляет о своей позиции, мирное разрешение противоречия возможно.

— Что должен сделать СССР, чтобы ускорить мировую революцию?

— Поддержать Германию, чтобы Германия могла начать войну, и постараться повлиять, чтобы война стала затяжной (цит. по: *Nordling C. O. Defence or Imperialism. An Aspect of Stalin's Military and Foreign Policy. Uppsala, 1984. P. 100.*)

Циркуляр был подготовлен, чтобы предотвратить недовольство среди коммунистических лидеров и объяснить им, почему был разработан пакт с Германией.

²² *Случ С.З.* Указ. соч. С. 132, сн. 21, и С. 126.

²³ Там же. С. 128.

²⁴ *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Коминтерн и Вторая мировая война (до 22 июня 1941 года). — История Коммунистического интернационала 1919—1943. М., 2002. С. 185—186.

²⁵ *Fabricius W.* to Auswärtige Amt. Bucharest. Sept. 10. 1939. — PAAA. R 104355. S. 202598.

²⁶ *Случ С.З.* Указ. соч. С. 127.

²⁷ *Hernandez J.* La Grande Trahison. Paris, 1953. P. 207—208; *Fischer E.* Erinnerungen und Reflexionen. Hamburg, 1969. S. 407-411; Wilhelm Pieck Nachlass, 36/540 (1, 2. 09.39). -

Bundesarchiv (Berlin). Stiftung der Arbeiterparteien und Massenorganisationen der DDR.

²⁸ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 407.

²⁹ Случ С.З. Указ. соч. С. 127.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ Там же. С. 117.

³² Ruffin H. Deux documents. — Journal de Gennve, 12.VII. 1941.

³³ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х - 1930-е гг.). Ч. 1. СПб., 2000. С. 66, сн. 142.

³⁴ Случ С.З. Указ. соч. С. 128-129.

³⁵ Невежин В.А. Застольные речи Сталина. М. — СПб., 2003. С. 279-293.

³⁶ Дорошенко В.Л. Сталинская провокация Второй мировой войны. В кн.: 1939—1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Новосибирск, 1995. С. 12.

³⁷ Лебедева Н.С., Наринский М.М. Указ. соч. С. 173.

³⁸ Случ С.З. Указ. соч. С. 125.

³⁹ Там же. С. 113, 131, сн. 8.

⁴⁰ С этого абзаца начинается немецкий перевод текста сообщения Гавас; он отсутствует в опубликованном французском варианте.

⁴¹ В немецком тексте иначе — «Сталин сразу же взял слово. В своей речи он сказал по существу следующее».

⁴² В немецком тексте — «Война или мир, этот...».

⁴³ В немецком тексте этот абзац начинается со слова «Если...».

⁴⁴ Вместо «последняя» — «Германия».

⁴⁵ Добавлено «от Италии».

⁴⁶ Вместо «она» — «Германия».

⁴⁷ После слова «влияния» запятая, и далее слово «все» с маленькой буквы.

⁴⁸ Вместо «с поражением Германии» — «с немецким поражением».

⁴⁹ Добавлено «в этом случае».

⁵⁰ Добавлено «советскую (советизированную?)».

⁵¹ В немецком варианте иначе — «мы будем не в состоянии помогать такой советизированной Германии».

⁵² Вместо «цель» — «стремление».

⁵³ Добавлено «советскую (советизированную?)».

⁵⁴ Вместо «оставаясь» — «мы остаемся».

⁵⁵ «Однако» с большой буквы.

⁵⁶ Вместо «нашей экономике» — «нашему собственному экономическому положению».

⁵⁷ Слово «мы» с большой буквы.

⁵⁸ Добавлено «советской (советизированной?)».

⁵⁹ Добавлено слово «также».

⁶⁰ Добавлена фраза «Чтобы достичь этой цели, мы должны, как я сказал вначале, позаботиться, чтобы война продолжалась как можно дольше, и мы должны в этом смысле использовать для этого все имеющиеся средства».

⁶¹ «Но» с большой буквы.

⁶² Вместо «Рейхом» — «Германией».

⁶³ Добавлено слово «эта».

⁶⁴ Вместо слова «экономическую» — «пропагандистскую».

⁶⁵ Вместо слова «доклад» — «речь».

⁶⁶ Слово «малозначительных» отсутствует.

⁶⁷ Вместо «Рейхом» — «Германией».

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РЕЧИ СТАЛИНА 19 АВГУСТА 1939 г.

Секретная речь Сталина, представленная членам Политбюро 19 августа 1939 г., была тайно предана огласке и опубликована 28 и 29 ноября 1939 г. в нескольких французских и голландских газетах¹. Все копии исходили из одного источника — сообщения французского агентства новостей «Navas» из Женевы, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций. Сообщение было датировано 27 ноября. Все тексты перед публикацией были либо подвергнуты цензуре, либо подвергнуты цензуре и отредактированы.

Сразу же после подписания советско-германского пакта 23 августа 1939 г., по всей вероятности, Наркоматом иностранных дел был выпущен документ под названием «Официальные правительственные директивы Москвы дипломатическим миссиям СССР на Балканах». Эти «Директивы», скорее всего, имели другое название. Как видно из содержания самого документа, он исходил от Коминтерна. Нам известно, что этот документ был направлен не только коммунистическим партиям Балканских стран, но и секциям коммунистов других зарубежных стран, без сомнения, под разными названиями. В течение нескольких дней после их появления эти «Директивы» были перехвачены или, как в данном случае, тайно переданы нескольким иностранным агентствам и, по крайней мере, одному

* Автор выражает благодарность Дженифер Макдауэлл, Милтону Ловенталю и Ирине Павловой за помощь в подготовке этой статьи.

журналисту. Среди копий этого документа были идентифицированы те, что предназначались коммунистам в Великобритании, Болгарии и Румынии. Выдержки из «Директив», направленных английским коммунистам, были опубликованы в газете «The Scotsman» 3 ноября 1939 г. Они идентичны соответствующим отрывкам из копий, посланных компартиям Балканских стран².

«Директивы» Коминтерна разъясняли лидерам зарубежных компартий те преимущества, которые Советский Союз якобы мог получить в результате советско-германского договора. Они явно были рассчитаны на широкое распространение среди лидеров коммунистических партий зарубежных стран с целью дальнейшего внутрипартийного обсуждения пакта и его выгод. Как и речь Сталина, «Директивы» содержали обоснование причин заключения пакта с Гитлером. Оба документа показывают, что Сталин стремился продемонстрировать достоинства пакта членам зарубежных коммунистических партий, которые были шокированы этим неожиданным соглашением с нацистами.

Еще одно разоблачение Москвы появилось 8 сентября 1939 г. в Хельсинки в вечерней газете «Svenska Pressen», выходившей на шведском языке. В ней была опубликована информация, почерпнутая одновременно из обоих документов и дополненная подробностями из близких Кремлю источников. Как и «Директивы», информация, представленная в газете «Svenska Pressen», является еще одним доказательством подлинности секретной речи Сталина³.

Вскоре после первого появления «Директив» одна из их версий была доведена до сведения по меньшей мере одной из ключевых групп иностранных коммунистов в Москве. Они были переданы в Секретариат Коминтерна 9 сентября 1939 г., когда либо Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, либо Д.З. Мануильский, осуществлявший связь между советской секцией Коминтерна и иностранными секциями, провели беседу, разъяснявшую преимущества пакта и историю его заключе-

ния в соответствии с тем, как это было представлено в «Директивах»⁴. Исторические материалы, связанные с оригинальной версией речи Сталина, свидетельствуют о том, что Сталин назначил Димитрова ответственным за доведение информации о пакте до зарубежных партий. На встрече в Кремле с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и А.А. Ждановым 7 сентября 1939 г. на Димитрова была, вероятно, возложена прямая обязанность разъяснить товарищам из руководства Коминтерна новую советскую политику⁵.

На этой встрече в Кремле 7 сентября Димитрову читали лекцию о политической ситуации, сложившейся после заключения советско-германского пакта⁶. С начала месяца Димитров и Мануильский уже проделали определенный объем информационной работы в Секретариате. Еще раньше, 27 августа, они обращались к Сталину с письменной просьбой разъяснить новую ситуацию⁷. Шок, произведенный заключением пакта, к этому времени достиг невероятных размеров и продолжал нарастать в связи с непониманием проводимой политики и волнениями в рядах коммунистов, оскорбленных соглашением с нацистами⁸. Можно предположить, что встреча Димитрова со Сталиным и его ближайшими соратниками состоялась в связи с августовским запросом.

В тот день Димитров в своем личном дневнике записал то, что ему говорил Сталин. Эти заметки, содержащие, вероятно, только часть того, что он слышал, остаются тем не менее замечательным источником информации о намерениях Сталина в период после подписания пакта. В ходе этой встречи Сталин мог передать Димитрову копию «Директив», а глава Коминтерна, возможно, сделал более подробные записи беседы для своих служебных целей и только часть этой информации доверил личному дневнику.

Прилежный «летописец» и один из руководителей немецкой компартии в изгнании Вильгельм Пик находился в Секретариате Коминтерна 9 сентября. Он, по своему

обыкновенно, записал многое из того, что слышал⁹. Судя по его записям, информация, переданная в Секретариат 9 сентября, была значительно более конкретной, чем это следует из текста личного дневника Димитрова о встрече со Сталиным в Кремле. Записи Пика указывают на то, что Димитров к этому моменту был уже ознакомлен с «Директивами».

Свидетельства, о которых далее пойдет речь, показывают, что «Директивы» циркулировали за границей еще до 7 сентября 1939 г. К тому же премьер-министр Румынии, правительство которого перехватило одну из копий «Директив», утверждал, что они попали за границу через советские дипломатические представительства¹⁰. Следовательно, ни Генеральный секретарь Коминтерна Димитров, ни руководители иностранных компартий в Москве не играли никакой роли в их разработке, несмотря на свою принадлежность к Коминтерну.

Высказывания, приписываемые Сталину, Григорию Зиновьеву и В.И. Ленину с 1920-х гг., предвосхищают программное содержание документов 1939 г., хотя более ранним текстам явно недостает понимания специфических условий надвигавшейся войны, как раз того, что Сталин добавил к своей речи для членов Политбюро 19 августа 1939 г.

К примеру, в 1920 г. Ленин объяснил, какие революционные цели стояли за провалившейся военной кампанией против Польши и предполагаемым продвижением Красной Армии дальше на Запад. Этот разоблачительный документ был впервые опубликован в 1992 г.¹¹. Две более ранние цитаты из речей его последователей Сталина и Зиновьева также непосредственно связаны с историей пакта и его секретного дополнительного протокола. Эти тексты позволяют увидеть долговременную последовательность в политике Кремля, которая отразилась в речи Сталина и «Директивах» 1939 г.

Первая цитата представляет собой отрывок из статьи Сталина в газете «Правда» от 15 марта 1923 г. Она отсылает нас к ленинскому объяснению целей продвижения

Красной Армии на Запад: «Во время войны с Польшей [в 1920 г.] ситуация была такова, что мы были ослеплены нашими первоначальными легкими победами в этой кампании и недооценили значение подъема национального чувства в Польше в те дни. Когда в сложившихся обстоятельствах мы предприняли попытку прорваться в Европу через Варшаву, то столкнулись с сопротивлением большинства польского населения. Таким образом, мы создали ситуацию, в которой успехи советских войск под Минском и Житомиром были сведены на нет, и престиж советской военной мощи на Западе пошатнулся»¹².

В том же 1923 г. Зиновьев объяснил важность революции, которую советское руководство намеревалось в то время экспортировать в Германию. Сталин также был членом комитета, планировавшего революцию. Зиновьев в основном повторил слова Ленина, который до этого неоднократно высказывал аналогичную мысль: «С самого начала пролетарская революция в Германии имела большее значение, чем революция в России. Германия — индустриально развитая страна, [которая] находится в центре Европы... Советская Германия с первых дней своего существования образовала бы тесный союз с СССР... Революция в Германии поможет Советской России победить в деле создания социалистической экономики, тем самым создать непоколебимую основу для победы социалистической формы экономики во всей Европе»¹³.

Немногим более года спустя, 19 января 1925 г., Сталин снова выступил с речью, на сей раз на пленуме Центрального Комитета партии¹⁴. К моменту этого выступления прошел почти год со смерти Ленина. Сталин сформулировал основной политический принцип использовать Красную Армию для распространения революции в Западную Европу. Таким образом, в очередной раз возник план использования Красной Армии, чтобы обеспечить успех революционных действий за рубежом.

Сталин предвидел возникновение новой большой войны. Он предсказывал, что нестабильность внутри капиталистических стран будет увеличиваться с ростом бед-

ствий военного времени, и страны, вовлеченные в военные действия, будут ослабляться. Внутренняя нестабильность будет нарастать за счет дезорганизации, бедствий и разрухи, вызванных военными действиями. Видение Сталиным исторических перспектив оставалось таким же, как у Ленина, то есть гражданская война, мятежи, революционные действия, которые имели место в России и в Центральной и Западной Европе к концу и после, на тот момент последней, «Великой войны».

В этой, сталинской, адаптации плана Ленина Красная Армия должна была быть высокоорганизованной и оснащенной для того, чтобы стать инструментом интервенции за границу. Красная Армия должна была с сокрушительной силой вступить в грядущую войну после того, как основные противники истощат свои силы. По мнению Сталина, война была неизбежна даже при том, что капитализм в Европе, как он был вынужден признать, уже пережил послевоенный кризис. Однако отложить революцию не означало отказаться от нее.

Вместе с тем Сталин предостерегал своих слушателей, что обстановка может измениться. Как показала практика (с таким же успехом он мог бы сказать «неоднократно показала»), революционные силы на Западе, несмотря на грядущие бедствия, могут оказаться неспособными победить буржуазию в «решающей схватке» при том, что вполне возможны многочисленные локальные беспорядки. Он напомнил о недавних попытках революционных государственных переворотов в Эстонии и Латвии — государствах, граничивших с Советским Союзом. Революции там, не имея значительной иностранной помощи, потерпели поражение. Он имел в виду помощь Красной Армии. Он не упоминал о других неудачных попытках социалистической революции недавнего времени, в частности, провал большевистского переворота в Германии осенью 1923 г. Публичное признание всех недавних неудач Москвы в достижении ключевых целей большевизма могло навести слушателей Сталина на мысль о его собственной решаю-

щей роли в этих провалах. Сталин ограничился примерами Эстонии и Латвии.

Неизменно возвращаясь к теме войны, он тем не менее отдал должное вопросу мира. «Наш флаг, — сказал он, — был и остается флагом мира... Но если начнется война [а он был уверен, что война начнется], мы будем готовы и во всеоружии. Однако мы будем последними, кто вступит в военный конфликт, — таким образом, мы сможем обеспечить решающий перевес сил. Наша мощь будет залогом нашей победы. При осложнениях в окружающих нас странах вопрос спасения [революций будет зависеть от] нашей армии и ее готовности». Таким образом, Сталин недвусмысленно дал понять своим революционно настроенным слушателям, что вся эта шумиха вокруг советского флага мира была не более чем завесой для ленинской программы мировой революции.

И конечно же он не проповедовал пустых теорий. Аналогичная схема — смесь разговоров о мире и благородной миссии «освобождения» — была использована им в качестве ширмы для похода Красной Армии на Запад в 1939 году. Тогда, после подписания советско-германского пакта «советизация» по-ленински вновь была направлена на Запад. Через два с половиной месяца после того, как «революция из-за границы» вместе с авангардными частями Красной Армии пришла в восточную Польшу в 1939 г., Сталин задумал принести ее и в некогда царскую Финляндию. Выступая в январе 1940 г. в период трудной для Советов военной кампании в Финляндии перед ближайшими соратниками, которых он собрал в связи с годовщиной смерти Ленина, Сталин сказал, что «мировая революция как единый акт — это полная ерунда. Она требует разного периода времени в разных странах. Действия Красной Армии также являются делом мировой революции»¹⁵. Вслед за практикой успешных приобретений Кремля в Балтийском регионе в 1940 г., Сталин использовал ту же пропагандистскую маску и в 1944 и 1945 гг., когда с помощью Красной Армии расширял

«сферу влияния» Советского Союза за пределы того, что еще недавно именовалось «странами по ту сторону железного занавеса».

Учитывая высказывания, приведенные выше, и принимая во внимание характерные особенности поведения Сталина и его ближайшего окружения, а именно то, что он, как и другие представители большевистской иерархии, почерпнул большинство своих революционных идей у Ленина, что он постоянно повторял сам себя и что его приспешники всегда стремились цитировать его, читатель незамедлительно обнаружит, что речь от 19 августа 1939 г. и «Директивы» от Наркоминдела того же года являются продолжением размышлений, процитированных выше¹⁶. Эти документы 1939 г. приведены ниже.

Речь Сталина была напечатана в нескольких газетах Парижа, а также в ряде иностранных газет 28 и 29 ноября 1939 г.¹⁷. Все десять франкоязычных копий, найденных автором, содержат идентичные отличия от варианта, переданного агентством «Navas». Несомненно, все упомянутые копии были подвергнуты цензуре. Идентичность искажений свидетельствует о том, что исправления и сокращения были сделаны по требованию цензора. Во Франции существовала военная цензура, в обязанности которой среди прочего входила задача следить, чтобы в публикациях не содержалось враждебных выпадов в отношении иностранных правительств¹⁸.

К тому же некоторые из опубликованных версий, очевидно, позднее подверглись дополнительной правке редакторами газет. Это явствует из того, что опубликованные в разных газетах материалы отличаются по размеру и по существу. Наиболее полные копии на французском языке были, в частности, опубликованы в «Le Journal» и «Le Figaro» в Париже, а также в «Le Peuple» в Брюсселе.

Один из вариантов появился в женевском научном журнале «Revue de droit international de sciences diplomatiques et politiques» в конце 1939 г. Публикация была датирована задним числом 30 сентября¹⁹. Вероятнее всего, этот вариант был перепечатан из парижской газеты «Le Temps» за 29 ноября 1939 г. «Le Temps» считалась в то время полуофициальным печатным органом Министерства иностранных дел Франции — этим и объяснялся выбор редакторов «Revue». Именно этот, в значительной степени отредактированный и подвергнутый цензуре, французский вариант использовался большинством историков, критически настроенных в отношении аутентичности речи.

Копии текста речи, включая вариант агентства «Navas», появились также на голландском языке в «Nieuwe Rotterdamsche Courant» и в «De Telegraaf» в Амстердаме, обе — 28 ноября 1939 г. (в последнем случае текст был несколько сокращен). Вариант, опубликованный в «Courant», практически идентичен (с поправкой на особенности голландского языка) немецкому переводу донесения, которое было получено агентством «Navas» по телеграфу для внутреннего использования в государственных учреждениях немецкими международными обозревателями и впоследствии переведено. Только два слова отличают текст в «Nieuwe Rotterdamsche Courant» от немецкого варианта, что вполне может быть результатом ошибки переводчика или просто типографской ошибкой. Однако и голландский, и немецкий варианты длиннее и содержат идентичные слова (хотя и на разных языках) и смыслы, которые отличаются или вовсе отсутствуют в опубликованных французских копиях.

Анри Рюффен (Henry Ruffin), репортер агентства «Navas» в Женеве, который получил и распространил этот текст речи, написал предисловие об истории вопроса и добавил в заключение несколько деталей по поводу намерений Сталина. Рюффен также упомянул о реакции Политбюро на замечания Сталина. Эти пояснительные материалы полностью содержатся в немецкой версии и

в варианте, опубликованном в «Nieuwe Rotterdamsche Courant».

В Нидерландах в то время не существовало цензуры. Следовательно, мы можем принимать немецкий текст, непосредственно «снятый» с телеграфной ленты, за исторический *исходный текст* до того момента, когда будет обнаружен оригинальный телеграфный текст, полученный самим Рюффеном.

Все сопроводительные письма к «Директивам», посланные находившимися в Бухаресте министрами Великобритании, Франции и Германии министрам иностранных дел в Лондоне, Париже и Берлине, были датированы периодом времени от 5 до 10 сентября 1939 г.²⁰. Эти временные рамки позволяют приблизительно представить дату появления этого документа, — вероятно, не позднее чем через неделю после подписания пакта. Однако ссылки на архивные материалы, содержащие более ранние упоминания о появлении похожей информации, создают впечатление, что «Директивы», вероятно, были подготовлены еще раньше, сразу после 23 августа 1939 г., дня заключения советско-германского пакта, а может быть, даже до того момента, когда министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп и Молотов скрепили документ своими подписями²¹.

Премьер-министр Эдуард Даладье (Edouard Daladier) и члены Палаты депутатов Франции вскоре были оповещены о речи Сталина, даже если они сами не прочитали опубликованного в конце ноября газетного текста. О нем шла речь и в опубликованном 1 декабря 1939 г. правительственном документе по военным вопросам. Все пункты «Директив», приведенные выше, были также упомянуты в этом официальном документе²².

Некоторым читателям может показаться странным, что эти ошеломляющие документы не цитировались большинством историков, писавших о кануне Второй мировой войны. Ведь речь Сталина была опубликована во многих газетах, связанных с агентством «Navas». Однако, хотя 28 и 29 ноября 1939 г. в парижской прессе и были опубликованы многочисленные копии этого документа, ни одна из них не появилась тогда в англоязычном парижском издании «International Herald Tribune». Это до некоторой степени объясняет причину того, что этот документ не получил впоследствии широкого распространения в англоязычных журналах и газетах. Однако если текст речи Сталина и та информация, которой ее сопровождал Рюффен, не попали на страницы новостных англоязычных изданий, то факт сталинского опровержения подлинности этой речи освещался, по крайней мере, несколькими газетами в Соединенных Штатах Америки²³.

В июле 1956 г. Анри Рюффен подтвердил, что он был одним из трех женевских журналистов, которым 27 ноября 1939 г. были доверены копии текста речи Сталина. Он отвечал на вопросы Витольда Свораковски, заместителя директора Гуверовского института (Hoover Institution), по поводу этого документа. В 1950-е гг. Свораковски, в прошлом — польский дипломат, сам занимался изучением советско-германских отношений. В ходе своих изысканий он и направил Рюффену запрос о происхождении текста сталинской речи.

В ответ Рюффен сообщил, что этот текст был доверен ему Харитоном Чавишвили (Khariton Chavichvili), представителем Грузинского национального правительства в изгнании. Как писал Рюффен, Чавишвили пользовался покровительством правительства Швейцарии, которое было осведомлено о его деятельности. По мнению Рюффена, большевистские функционеры Женевского отделения Лиги Наций и Министерства иностранных дел в Париже стремились поначалу воспрепятствовать распро-

странению агентством «Navas» полученной информации. Когда же этого сделать не удалось, они пытались не допустить ее опубликования²⁴.

Свораковски говорил также, что в 1939 году, когда публикации все-таки появились, он находился в Париже и сам столкнулся с жесткой цензурной политикой во Франции в те дни. Он писал, что в январе 1940 г., после ноябрьских публикаций 1939 г., он хотел включить текст речи Сталина в передачу на Радио Парижа, которое вещало на его оккупированную родину. Однако тогдашний французский цензор изъял из проекта беседы польского дипломата все ссылки на сталинскую речь, чтобы не провоцировать кремлевского лидера²⁵.

По не вполне понятным причинам различные производные копии этой речи были опубликованы и в ходе Второй мировой войны в вишистской Франции. Более десяти лет назад одна из них была обнаружена Татьяной Бушуевой в архиве бывшего Советского Союза и опубликована ею в журнале «Новый мир». Она, очевидно, не предполагала, что найденная ею копия не является оригиналом. [Переводы речи Сталина на английский язык были сделаны с этой вторичной копии²⁶.]

Сам Сталин объявил текст своей речи фальсификацией сразу после его первой публикации во французской газете. Его опровержение было опубликовано в газете «Правда» 30 ноября 1939 г. Начиная с середины 1950-х гг. вплоть до 2004 г. историки вслед за Сталиным заявляли, что этот текст сфабрикован²⁷. Однако с момента первой публикации текста речи Сталина во Франции только три историка пытались более или менее систематически установить аутентичность речи и сопутствующие ей обстоятельства. Работы двух из них вышли в свет²⁸.

Однако ни один из этих историков не изучал французские газеты достаточно внимательно (а скорее всего, вообще не изучал!), чтобы выяснить, все ли опубликованные на французском языке копии идентичны, а они как раз не идентичны. Еще одним показателем полноты

их исследовательской работы может служить тот факт, что оба историка использовали в качестве основного предмета критики вторичную копию из швейцарского научного журнала «*Revue*». И это при том, что, повторим, она была подвергнута и *цензурной, и редакторской правке*.

Не было найдено никаких свидетельств того, что кто-либо из критиков аутентичности текста от агентства «Navas», включая самого Сталина, когда-либо вообще исследовал газетные копии. Случись такое, то они и даже более последовательные критики могли бы обнаружить, что некоторые из версий, появившиеся во французской прессе, были подвергнуты цензуре, а иные, как уже говорилось, прошли не только цензуру, но и были дополнительно отредактированы, включая, повторим, и тот вариант, который избран для анализа в опубликованных критических статьях. Если мы сравним телеграфный текст, полученный от агентства «Navas», и версию из голландской газеты, которая не проходила цензуру, с различными отредактированными версиями из французских газет, то мы легко обнаружим, какие тексты действительно стоило исследовать.

Надо отметить, что существенным пунктом возражений одного из критиков является сам факт проведения заседания Политбюро 19 августа 1939 г. Переводчик Молотова (а позже и Сталина) В.Н. Павлов, отвечая на вопросы советского военного историка П.А. Жилина в 1972 г., сказал, что Сталин был инициатором подготовки договора с Германией и собственноручно подготовил проект документа, который действительно «обсуждался в Политбюро». В Наркоминделе, по его словам, «такой документ не готовился и не обсуждался»²⁹. Логично предположить, что в Кремле таким же образом был подготовлен еще один документ, а именно «Директивы».

Следовательно, несмотря на некоторые интересные и полезные находки, содержащиеся в исследованиях двух претендующих на окончательный анализ авторов, их су-

ждения так же, как и мнения других, менее педантичных историков-критиков, да и самого Сталина, по поводу текста его речи 19 августа 1939 г., следует признать несостоятельными. Критики пытаются отрицать аутентичность заведомо искаженного, подвергнутого цензурной и редакторской правке текста, напечатанного сначала во французских газетах, а позднее в научном журнале в Женеве³⁰.

В наше время, через 67 лет после первой публикации, речь Сталина от 19 августа 1939 г. в ее оригинальной версии следует рассматривать как ценный исторический текст, подлинность которого никогда не была серьезно оспорена. Очевидно, что включение этого текста в исторический канон может потребовать решения давно назревшей задачи масштабного пересмотра истории Второй мировой войны и обстоятельств, ей предшествовавших, а также причин, приведших к холодной войне.

В предвоенные годы многие хорошо осведомленные дипломаты, «знатоки Москвы», такие как Джордж Ф. Кеннан (George F. Kennan) из США, Жан Пайар (Jean Payart) из Франции, Юлиус Лукашевич (Juliusz Lukaszewicz) и Вацлав Гржибовский (Waclaw Grzybowski) из Польши, Фридрих фон дер Шуленбург (Friedrich von der Schulenburg) и Эрнст Кестринг (Ernst Kostring) из Германии, утверждали, что Сталин хотел большой войны в Европе, чтобы ослабить ее и тем самым создать условия, при которых Красная Армия могла бы осуществить «большевизацию» стран к западу от границ Советского Союза³¹. Их анализ того, как Советы намеревались использовать грядущую «Великую войну», оказались подтверждены текстами речи Сталина от 19 августа 1939 г. и «Директив». Явное стремление некоторых историков примкнуть к Сталину, годами опровергая подлинность его речи, само по себе должно стать предметом серьезного профессионального внимания.

Примечания

¹ Она также могла быть опубликована в других местах, с которыми в то время было связано агентство «Navas».

² Why Soviet Refused Pact with Allies // The Scotsman. 1939. 3 ноября. С. 3.

³ В «Svenska Pressen» сообщалось, что 22 августа, за день до подписания пакта о ненападении, был составлен циркуляр для коммунистических лидеров не только в СССР, но и за рубежом. Этот документ, как сообщалось, был составлен в присутствии И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, А.А. Андреева, Н.М. Шверника, А.И. Микояна, Л.П. Берия, Всесоюзного старосты М.И. Калинина и других.

Циркуляр, как сообщалось, был составлен в форме диалога, в нем говорилось следующее:

— Изменилась ли конечная цель деятельности Коминтерна?

— Нет. Конечная цель остается прежней — победа Мировой революции.

— Возможна ли Мировая революция в данный момент?

— Нет, все попытки вызвать Мировую революцию потерпели неудачу.

— Нельзя ли ускорить приближение Мировой революции за счет усиления агитации?

— Нет... (Далее следуют многочисленные причины, по которым это было невозможно в различных странах. Эти причины не были упомянуты в газете.)

— Что может ускорить Мировую революцию?

— Затяжная война... (Далее следовали подробные объяснения и цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, но все это не вошло в газетный текст.)

— Ускорит ли русско-германский пакт начало войны?

— Да, так как нейтралитет России позволит Германии осуществить ее планы.

— Как могли бы развиваться события, если СССР не пойдет ни на какие альянсы? Ни с Германией, ни с Англией и Францией?

— Пока Россия не заявит о своей позиции, возможно мирное разрешение конфликта.

— Что должен делать Советский Союз, чтобы ускорить Мировую революцию?

— Поддерживать Германию, чтобы Германия могла начать войну, и постараться сделать так, чтобы война была долгой. —

Цит. по: *Nordling Carl O.* Defence or Imperialism. An Aspect of Stalin's Military and Foreign Policy. Uppsala, 1984. С. 100.

⁴ Sekretariat 9.09.1939 — Thesen zur Lage, Wilhelm Pieck *Nachlass*, NY4036/496, Stiftung der Politischen Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (Berlin).

⁵ См.: *Dimitrov Georgii.* Tagebücher. Ред. Bernhard Beyerlein. Berlin, 2000. Т. I. Запись от 7 сент. 1939 г.

⁶ См. там же.

⁷ См.: *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Ред. Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 7.

⁸ См.: *Leonhard Wolf gang.* Der Schock des Hitler-Stalin Paktes: Erinnerungen aus der Sowjetunion, Westeuropa, und USA. Freiburg/Br., 1986; *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Ред. Указ. соч. С. 8.

⁹ *Pieck Nachlass*, NY4036/496. Применялись ли «Инструкции» внутри СССР? Многочисленные источники свидетельствуют, что подобная информация передавалась устно на внутренних партийных сессиях в СССР в период после подписания пакта. Несколько вариантов трактовки новой роли Советов в международной политике после пакта в документах, разработанных партийными лидерами из-за рубежа и представленных для внутреннего обсуждения, которые дополняют заметки В. Пика, можно сегодня найти в документах, представленных в сборниках «Инкомка» из архивов Коминтерна.

¹⁰ См.: Фабрициус (Fabricius) — *Auswärtiges Amt*, Bucharest, Sept. 10, 1939, *Politisches Archiv des Auswärtigen Amts*, Berlin (далее - РААА). R104355. Л. 202598.

¹¹ Я прошу записывать меньше. Это не должно попадать в печать // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12—30.

¹² Цит. по: *Musial Bogdan.* Wir werden den ganzen Kapitalismus am Kragen packen // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2006. № 1. С. 46-47.

¹³ *Musial Bogdan* на стр. 46—47 цитирует зиновьевский документ из РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории, Москва). Замечания Ленина см. в сноске¹¹.

¹⁴ *Stalin Josef.* Speech at the Plenary Conference of the Central Committee of the Communist Party (B) of Russia // *Werke*. Berlin, 1952. Т. VII. С. 10-12.

¹⁵ Цит. по: *Ree Erik van.* The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London,

2002. С. 227; *Dimitrov Georgii*, Tagebücher. Т. I. С. 289; *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны // Отечественная история. 1995. № 1. С. 3-4.

¹⁶ Например, идея о том, что Советы могут выиграть от войны между капиталистическими странами и что они должны, по возможности, способствовать возникновению таких конфликтов. Эту идею, источником которой была речь Ленина от 6 декабря 1920 г., Сталин преподнес Димитрову 7 сентября 1939 г. в Кремле. — Цит. по: *Zacharias Michal*. Sytuacja międzynarodowej i polityka zagraniczna polski w latach 1936—1939 // *Kwartalnik historyczny*. Roczn. CIV. 1987. № 3. С. 68. № 133.

¹⁷ *Jäckel Eberhard*. Über eine angebliche Rede Stalins vom 19. August 1939 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Т. VI. 1958. Автор утверждал, что речь не была опубликована в крупных ежедневных газетах. Однако создается впечатление, что он и не пытался выяснить, опубликовали или нет французские газеты этот документ.

¹⁸ Немецкий агент докладывал, что швейцарские журналисты жаловались на суровость и абсурдность цензуры в Париже. — См.: *Likus Rudolf*. Vertrauter Bericht. 1939. 9 октября; PAAA. R27095. N. p.

¹⁹ См.: *Jäckel*. Указ. соч. С. 383, № . 8, 385, № . 20; Pourquoi l'URSS aurait signé son accord avec le Reich // *Le Temps*. 1939. 29 ноября. С. 2.

²⁰ Bucharest telegramme 894—898 от 6 сентября 1939 г. — *Archives Nationales*. Paris. Fonds Daladier 496AP, 15,2DA8Dr3 sdra; британская копия — в кн.: *Komat Marek*. Polska 1939 wobec paktu Ribbentrop — Molotow. Warsaw, 2002. С. 642—644; немецкая копия была послана В. Фабрициусом в *Wilhelm strasse* 10 сентября - PAAA. R104355. Л. 202598. См. сн. 9.

²¹ См.: *Дорошенко В., Павлова И., Раак Р.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 6.

²² Commission des Affaires Etrangères, Seance du 1er Decembre 1939. Rapport presente par M. Jacques Bardoux sur les negotiations Anglo-Franco-Russes (20 mars — 23 août 1939. *Archives nationales*. Paris. Fonds Daladier, 496 AP13. Е. Йеккель (Е. Jäckel) писал в своей статье 1958 г. (с. 382), что министр иностранных дел Польши Йозеф Бек (Jyzef Beck), будучи в ссылке в Румынии, также обратил внимание на этот текст. Предположительно его информировали члены Польского правительства в изгнании, проживающие во Франции.

²³ Сообщение об этом, с некоторыми искажениями, появилось на С. 4 газеты *New York Times* 28 ноября 1939 г. Искажения были связаны с тем, что их автор, корреспондент из *United Press*, не использовал информацию из более полных копий, помещенных в парижских газетах. Он также не включил в свое сообщение дополнительную информацию, содержащуюся в оригинальном сообщении агентства *Havas* и перепечатанную несколькими крупными парижскими ежедневными газетами. Возможно также, что корреспонденция *UP* была отредактирована уже после получения из Парижа редакторами *NYT*, и недостатки публикации в ней, таким образом, не могут быть отнесены на счет корреспондента *UP*. Витольд Свораковский из Гуверовского института, который тщательно исследовал прессу, упоминает о трех корреспонденциях в американских газетах от 30 ноября 1939 г., содержавших ответ Сталина на парижские публикации. — *Hoover Institution Archive*. Worakowski collection. Box 3.

²⁴ См.: Ruffin — Sworakowski, Antibes, июль 1955 г. (1956, as Ruffin's letter replies to the latter's inquiry of June 20, 1956) // *Hoover Institution Archive*. Worakowski collection. Box 3.

²⁵ См.: Sworakowski — Ruffin, Стэнфорд, Калифорния, 20 июня 1956 г. // *Hoover Institution Archive*. Worakowski collection. Box 3.

²⁶ Новый мир. 1994. № 12. С. 232—233. Т.С. Бушуева опубликовала эту речь в виде рецензии на две книги Виктора Суворова. Английский перевод этого текста см.: *Weeks Albert L. Stalin's other War. Soviet Grand Strategy, 1939—1941*. Lanham, Md., 2002. С. 171—173 и *Murphy David E. What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa*. New Haven. 2005. С. 24—26.

²⁷ Е. Йеккель (E. Jäckel) цитировал двух авторов, опровергавших подлинность этого текста в 1950-е гг. Оба они — американский историк Герхард Вайнберг (Gerhard Weinberg) и немецкий историк Хельмут Краусник (Helmut Krausnick) — не аргументировали свою точку зрения какими-либо фактами, основанными на серьезном исследовании предмета.

²⁸ *Jäckel E.* Указ. соч. С. 380—389; *Случ. С.З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113—139. Последняя статья была быстро переведена и опубликована в том же году в слегка измененном виде в *Vierteljahrshefte*, 2004. № 4. С. 597—635. Складывается впечатление, что редакторы этого журнала, публикуя на протяжении многих лет статьи как многочисленных «случайных» критиков речи, так и тех, кто пре-

тендует на звание последовательных критиков, как Йеккель и Случ, таким образом стремятся создать основу для отказа признать текст этой речи аутентичным историческим документом. Это наблюдение кажется тем более справедливым, если учесть, что почти все немецкие историки, состоящие на государственной службе, годами уклонялись от обсуждения советского вклада в развязывание двух военных конфликтов 1939 и 1941 гг. на основе использования таких документов, как эта речь Сталина. В статьях из *Vierteljahrshefte* она либо не упоминалась, хотя вполне могла послужить источником для них, либо безосновательно выводилась за рамки исследования как сфабрикованная. Оба критика, названные выше, связаны с Институтом современной истории (Institut fuer Zeitgeschichte) и его публикациями. Журнал *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte* также выпускается этим институтом, деятельность которого спонсируется правительством Германии.

В свете этой информации возникает справедливый вопрос: стремилась ли редакция журнала, переиздавая статью Случа в 2004 г. темпами, практически неизвестными издателям научных текстов и профессиональным рецензентам, поддержать укреплявшиеся годами предпочтения устаревшей, ошибочной, а сегодня и полностью неадекватной критике своего прежнего автора Йеккеля? Сама по себе долгая история равнодушия немецких академических историков к этой речи до и особенно после публикаций Йеккеля могла бы стать предметом исследования.

Витольд Свораковский еще в 1950-х гг. долго работал над тем, чтобы выяснить подлинность текста речи Сталина, но, по словам его помощника в те дни, Милтона Ловенталья, он по неизвестным причинам оставил работу над этим проектом.

²⁹ Предыстория 1939 года // Свободная мысль. 1999. № 7. С. 110. В своей статье, напечатанной через несколько лет после публикации интервью Павлова, Случ тем не менее игнорирует его и упорно, если не сказать притворно, заявляет, что речь сфальсифицирована, что не было никакого заседания Политбюро в тот день. См.: Случ С.З. Речь Сталина... С. 109.

³⁰ Израильский профессор Г. Городецкий (Gabriel Gorodetsky) опубликовал отклик на текст Т. Бушуевой в немецкой газете *Die Welt* от 31 августа 1996 г. Однако он допустил много ошибок в своей статье, в частности перепутал дату подписания советско-германского пакта, а также заявил, что речь Сталина была сфабрикована через месяц после публикации сталинского опровержения. Его работу по этому вопросу нельзя принимать всерьез.

³¹ *Kennan George F.* Memoirs 1925—1950. New York, 1967. C. 71—72; *Mayers David.* George Kennan and the Dilemmas of Foreign Policy. New York, 1988. C. 89—90; Payart to Affaires étrangères, Moscow, May 25, 1940 // *Documents diplomatiques français.* 1940. C. 663; *Jedrzejewicz Wacław, Bulhak Henryk, ed.* Dyplomata w Paryżu, 1936—1939. Warszawa, 1995. C. 148; O Łukasiewicz см. также *Komat Marek.* Bolszewizm, totalitarizm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918—1939). Kraków, 2003. C. 80—81, 87—89; Aufzeichnung... Schulenburg, Moscow, Nov. 5, 1938 // *PJAJI.* Botschaft Moskau. 553. N. p.; Schulenburg — Auswärtiges Amt, Nov. 11, 1938 // *Teske Hermann,* ed., General Ernst Kostring. Frankfurt / M., 1966. C. 214—216; Kostring — Tippelskirch, Moscow, March 13, 1939 // Там же. C. 225.

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА»: СТАЛИНСКИЙ СЦЕНАРИЙ ВТОРОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Народ, состоящий из таких патриотов, с такой боевой техникой не может быть побежден. Если завтра война, враг будет уничтожен на его собственной территории.

*«Если завтра война»,
Правда. 1938.9 ноября.*

Красная Армия с ее первоклассным вооружением, поддерживаемая миллионами патриотов, не позволит никакому врагу вступить на нашу землю. Фашистские поджигатели должны знать, что славная Красная Армия будет бить врага на его территории с первого дня войны.

*«Урок, который не должны
забывать империалисты».
Правда. 1938. 17 ноября.*

Кино помогает рабочему классу и его партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы на борьбу за социализм, подымать их культуру и политическую боеспособность.

И.В. Сталин. Кино. 1940.5 июля.

Владимир Ленин, революционер-интернационалист в теории и на практике, вскоре должен был столкнуться с

политической и военной реальностью. Вслед за первым успехом в России в 1917 г. его надежды на спонтанное расширение коммунизма за рубежом быстро испарились. Он ожидал революционных взрывов на Западе, чтобы быстро распространить большевизм на оставшуюся часть Европейского континента. Но когда первые замыслы по свершению большевистских революций там местными силами провалились, он связал свои надежды на успех с доктриной насильственной советской военной интервенции¹. Ленин был гибким политиком. «Стратегия подчинена политике, и одно с другим связано неразрывно», — говорил он².

По этой доктрине военные силы Красной Армии, с учетом подходящих обстоятельств, должны были быть готовы пересечь границу, чтобы помочь местным революционерам «советизировать» их страны. Укрепление революции внутри России требовало распространения ее на другие территории. В 1920 г. Ленин ухватился за возможность, появившуюся в связи с польско-советской войной. Первоначальные поражения Польши открыли Красной Армии путь на Запад с целью его «советизации». Хотя этот процесс предполагалось начать с Польши, главной целью для большевизации оставалась Германия. В 1920 г., как и ранее, Ленин фокусировал свои настоящие революционные интересы именно там, в самой большой «кочегарке» Европы³.

Сталин, ставший преемником Ленина и называвший себя его учеником, целиком воспринял ленинский интернациональный замысел, его теорию, специфическое понимание исторических законов, неукротимые надежды, которые предполагали социальную бойню, — все для того, чтобы подготовить почву и добиться революций за рубежом. «Я, — говорил он, — ученик Ленина. Цель моей жизни быть достойным учеником»⁴. Один из надежных (и, похоже, запуганных) сталинских клеветников М.И. Калинин, долгие годы бывший советским президентом, позднее дал волю славословию: «[Сталинская] любовь к Ленину без-

границна. Авторитет Ленина для него неоспорим. Сталин по отношению к Ленину есть то же, что Ленин по отношению к Марксу»⁵. Редактор одного из советских журналов, вспоминая публичную сталинскую клятву верности делу Ленина, писал накануне Второй мировой войны: «...15 лет назад... Сталин дал свою историческую клятву неуклонно следовать завету гениального основателя усиливать и пополнять Красную Армию и наш Красный флот, укреплять и расширять союз рабочих всего мира...»⁶

Сталин неоднократно клялся в верности своему предшественнику. По словам одного проницательного писателя-беллетриста, такое постоянное обращение к ленинской мантии имело для Сталина психологическое значение: Владимир Ильич, уважаемый в революционных кругах, служил в качестве «всемирной исторической легитимизации» для последователя-узурпатора. Поднимая ленинское знамя, его преемник в Кремле, по мнению этого автора, таким образом оправдывал свои собственные дела⁷.

В секретной политической речи, посвященной задаче расширения союза рабочих всего мира, произнесенной 19 января 1925 г., спустя почти год после смерти Ленина, ученик дословно повторил замысел учителя — использовать Красную Армию для достижения успеха революции за рубежом. Выступая на закрытом заседании пленума Центрального Комитета партии, Сталин сделал важнейшее политическое заявление.

В этой речи он предсказал возникновение новой «капиталистической» войны и внутреннее недовольство в западных странах, которое последует за расширением военных катастроф и ослаблением воюющих государств. Внутренние беспорядки приведут к недовольству, дезорганизации и волнениям.

Основываясь на ленинском плане 1920 г., Сталин считал, что Красная Армия должна намеренно комплектоваться и готовиться как инструмент советской интервенции. Силы Красной Армии вступят в будущую европей-

скую войну с огромным превосходством, когда воюющие стороны истощат друг друга. Выстроив цепь исторических событий для обоснования своего заявления, Сталин заверил слушателей в январе 1925 г., что подготовка новой империалистической войны уже началась⁸. Эта война неизбежна, заявлял он, даже при том, что как он неохотно признавал, капитализм пережил первый послевоенный кризис.

Но необходимо нечто новое, говорил он. Опыт показал (он мог бы добавить «многократно»), что революционные силы на Западе, используя недовольство и ужасы войны, тем не менее могут оказаться неспособными победить «буржуазию» в «последнем бою», несмотря на возможные повсеместные волнения и беспорядки. Он привел примеры недавних попыток революционного переворота в Эстонии и Латвии, государствах, граничивших с Советским Союзом. Революции там провалились без поддержки иностранной интервенции⁹. Он имел в виду Красную Армию. То новое, что вождь предлагал добавить, не было новым, хотя он мог считать так, потому что многие из тех, кто слушал его речь 1925 г., вряд ли присутствовали, когда Ленин в 1920 г., в частном порядке, делился своей программой революционных действий за рубежом.

Сталин мог также сослаться на примеры других неудачных попыток совершить революцию, прежде всего на несколько недавних провалов в Германии. Однако открытые комментарии по поводу последних просчетов Москвы в планировании достижения главной революционной цели большевизма могли вызвать у аудитории вопрос о его собственной решающей роли в одном из недавних провалов — неудачной попытке организовать революцию в Германии в конце 1923 года¹⁰.

Брать на себя ответственность не было сильной стороной Сталина. Например, позже он явно ушел от ответа за свои просчеты и последовавшие военные катастрофы во время «зимней войны» с Финляндией, хотя сам назначил командующих и одобрил план ведения боевых дей-

ствий¹¹. В 1925 г. он скромно ограничился примерами с Эстонией и Латвией.

Выразительно высказавшись о войне в своей речи 1925 г., Сталин тем не менее отдал должное и вопросу о мире. «Наше знамя, — говорил он, — остается по-старому знаменем **мира**. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, **гирю**, которая могла бы перевесить. ...Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий»¹². Таким образом он неявно довел до слушателей, что провозглашенный советский лозунг мира был не более, чем прикрытием для ленинской программы мировой революции, обманом, как он признал в частном порядке годы спустя¹³.

Советский вождь не провозглашал пустых теорий. Схожую программу, разговоры о наступлении международного мира вместе с делом «освобождения» он использовал позднее для прикрытия продвижения Красной Армии на Запад до и после Второй мировой войны и для создания послевоенной советской империи сателлитов¹⁴.

Сталин был бесконечно самоуверен, убеждая окружающий мир, что у него нет никаких планов разжечь революцию за рубежом, в то же время посвящая в эти планы группы, составлявшие внутреннюю советскую иерархию¹⁵. Советские военные и высокопоставленные штатские руководители часто получали точную, хотя и общую, информацию о советских целях, представленных в виде партийной линии. Информация спускалась вниз официально, или ей разрешалось неофициально циркулировать по каналам партийного аппарата¹⁶. Многие советские штатские власти, офицеры и солдаты бравировали информацией о враждебных советских намерениях в отношении Германии. Они говорили о планах наступления на Европу и далее на Запад, прежде всего на Германию,

задолго до того, как Гитлер сам напал на Советский Союз 22 июня 1941 г.¹⁷. Свою роль в появлении некоторых откровений, вероятно, сыграло пьяное хвастовство. Но и советские офицеры, оказавшись в плену после начала войны между Германией и Советским Союзом, признавались немецким следователям в существовании предвоенных советских планов¹⁸.

В течение 22 месяцев до этой печально известной даты Сталин продвигал свои ориентированные на Запад экспансионистские замыслы, используя преимущество секретного соглашения с Адольфом Гитлером, воплощенного в нацистско-советском пакте и его секретном протоколе. В то же время он действовал в направлении достижения этих целей и под прикрытием руководимого Кремлем Коминтерна, манипулируя иностранными партиями и так называемыми «народными» (иногда именовавшимися «едиными») фронтами¹⁹. Поскольку он строго контролировал советскую пропаганду, которая включала производство фильмов на исторические и политические темы, а в действительности на все темы, он заказал фильм, по сути, раскрывший схему ожидавшейся им войны с Германией²⁰. Все эти годы он столько раз обманывал доверчивых иностранцев, что, должно быть, решил, если кто и поставит под вопрос явный поджигательский замысел фильма, рассчитанного на широкую аудиторию, то это можно будет опровергнуть заверениями, что его кинематографисты по своей инициативе дали волю похвальным антинацистским побуждениям.

С приходом Гитлера к власти после января 1933 г. Германия заняла центральное место в советской пропаганде, направленной против враждебного окружения²¹. 1938 год принес два международных кризиса. Первый произошел в середине марта во время немецкого аншлюса Австрии; второй, гораздо более опасный для европейского мира, предшествовал военному броску Гитлера по возвращению пограничных территорий, населенных судетскими немцами, у созданной по Версальскому договору Чехослова-

кии. Обе акции продемонстрировали нежелание Гитлера и далее подчиняться, как он говорил, «диктату» Версаля и других договоров, заключенных по итогам Первой мировой войны. Во время Судетского кризиса поздним летом он вызвал страх у всех демократически настроенных людей Европы, открыто заявив о намерении использовать, если понадобится, военную силу для достижения своих целей. Сталин, как говорилось ранее, замыслил то же самое, но он искуснее, чем немецкий диктатор, избегал прямого публичного выражения своих планов.

Между двумя главными европейскими кризисами 1938 г. — в мае и в сентябре — советский нарком иностранных дел Максим Литвинов стал эксплуатировать напряженность между Чехословакией и Германией для того, чтобы изобразить свою страну следующей жертвой нацизма. В начале Судетского кризиса он обвинил Германию в проведении «яростной антисоветской политики». Он также заявлял, что Германия, «подозрительно воскрешая память о времени, когда Тевтонский орден господствовал в Балтийском регионе, лелеет дикие мечты о завоевании Украины и даже Урала»²². Однако ни в то время, середины 1938-го, ни в последующие, по крайней мере, два года нет реальных доказательств, что Гитлер на самом деле проявлял приписываемый ему жадный интерес к Украине и тем более к Уралу. В действительности, после мюнхенской конференции 29—30 сентября посол Германии в Москве заверял заместителя наркома по иностранным делам Владимира Потемкина в том, что нарком Литвинов может забыть о своих громогласно озвученных страхах относительно будущего Украины²³.

Спустя несколько месяцев немецкий диктатор сам сказан посетившему его министру иностранных дел Польши Юзефу Беку, что у него нет никаких территориальных интересов в Украине. Поскольку Гитлер в то время всячески уговаривал Бека и поляков перейти на его сторону и присоединиться к антикоминтерновскому пакту, чтобы обезопасить восточный фланг Германии и мирным путем

вернуть территорию Данцига, находившуюся под контролем Лиги Наций, то нет никаких оснований считать, что он лгал своему потенциальному союзнику²⁴. В то время, в январе 1939 г., у Гитлера и близко не было жадного интереса к Украине среди тех, что занимали его²⁵.

Чтобы быть точным, заметим, что этот интерес появился или возродился у него некоторое время спустя, хотя мы не знаем, когда именно. Через несколько месяцев после того, как он и Сталин совместно расправились с Польшей в сентябре 1939 г., они разошлись по поводу условий пакта о ненападении 23 августа 1939 г., его секретного протокола и дополнительных поправок, о которых они позднее договаривались частным образом. Между прочим, мы можем также снять с немецкого диктатора обвинения Литвинова 1938 г. в настойчивом интересе Германии в трех маленьких балтийских странах. Гитлер с готовностью передал две из них в сталинскую «сферу влияния» августовским пактом 1939 г. Он согласился уступить третью по условиям немецко-советского соглашения 28 сентября 1939 г.

Нападая на немцев (и поляков, которых Литвинов называл «гитлеровские малыши Варшавы») как на агрессоров и в то же время намекая на советскую заинтересованность в мире, Литвинов изображал Советский Союз потенциальной жертвой и стремился заручиться к нему симпатией со стороны многочисленных зарубежных врагов нацистского рейха²⁶. Публичные обвинения наркома говорили о нем как о верном проводнике политической линии Кремля, направленной на то, чтобы вызвать страх перед войной за рубежом и внутри страны; в своей стране — частично для поддержания уровня истерии, необходимой для внутренней устойчивости вездесущей сталинской тирании. Он был в курсе, как мы увидим, указаний, принятых ранее Агитационно-пропагандистским отделом ЦК. В упомянутой речи он раздувал военный пожар, который тогда, в лучшем случае, только тлел.

Фильм «Если завтра война», созданный на главной советской киностудии «Мосфильм» в 1938 г. режиссером

Ефимом Дзиганом и его «бригадой», бесспорно, выразил схожие намерения Агитпропа: поддержать антинемецкую кампанию, посеять страх и таким образом усилить общее ощущение зависимости от советского правительства и преданности ему. Дзиган был главной фигурой в советской киноиндустрии, режиссером удачного фильма «Мы из Кронштадта», поставленного в 1936 г. по сценарию Всеволода Вишневского. Фильм «Если завтра война», несомненно, предназначался прежде всего для аудитории внутри страны²⁷.

Фильм вышел на экраны в начале 1938 г., за полтора года до начала второй большой европейской войны XX века, ознаменовавшейся вторжением Германии в Польшу 1 сентября 1939 г. В том же 1939 г. режиссер Дзиган закончил другой фильм на тему о войне с прицелом на Запад, а именно о польской кампании Красной Армии в 1920 г.²⁸. Второй фильм Дзигана также показывает, насколько тема войны в Европе в то время была включена в творческий календарь советского государственного Совета по кинематографии.

Фильм «Если завтра война», с технической и художественной точек зрения, прост, даже снабжен титрами, так как многие советские кинотеатры и в конце 1938 г. не имели звукового сопровождения²⁹. Поэтому в дополнение к сценам, снятым непосредственно для фильма, были грубо смонтированы клипы из старых художественных фильмов, документальные эпизоды, титры и диалог. Фильм был явно не дорогой продукцией.

Замысел фильма знаком всем людям, часто посещающим кинотеатры: «белые» против «черных». Из-за его явной связи с советским военным планированием тех лет, фильм «Если завтра война», хотя и не будучи классикой, должен тем не менее занять наконец надлежащее ему место как в советском кино, так и в политической истории.

Во время своего появления и особенно после того, как фильм вызвал всенародный интерес, он широко рекламировался советской прессой. К моменту его выхода на

экран целый выпуск газеты «Комсомольская правда» был отведен отчету о первом воображаемом дне войны, представленном в фильме.

Кинематографический еженедельник «Кино» организовал продуманную рекламу фильму еще до того, как появились рецензии. «Кино» разожгло интерес к фильмам на военные темы, опубликовав статью под соответствующим назидательным названием «Фильмы об обороне — на экран»³⁰.

Первые благожелательные отзывы фильм получил не только в «Кино» и «Литературной газете»³¹. Военная газета «Красная звезда» тоже одной из первых дала положительную оценку, заключавшуюся почти целиком в пересказе содержания фильма и восхвалении его музыкального сопровождения³².

Спустя несколько месяцев, 17 ноября 1938 г. «Красная звезда» и другие советские издания начали агрессивную кампанию подстрекательства к войне. Фильм Дзигана и его сюжет при этом играли важную роль. Предрекая будущую войну, военная газета вышла со следующим заголовком на первой странице: «Красная Армия будет бить врага на его территории». Позже это же издание предложило читателям статью «Если завтра война... взгляд в будущее» лейтенанта В. Агуреева³³. Агуреев убежденно сообщал о вымышленных советских бомбардировках ряда немецких городов. Режиссер Дзиган инсценировал похожие действия в фильме³⁴.

В тот же день на предыдущей странице «Красная звезда» напечатала статью майора А. Осадчего «На удар врага Красная Армия ответит тройным ударом». Осенью 1938 г. «Правда» использовала название фильма Дзигана, к тому времени исключительно популярного, для заголовка отчета о грандиозном военном параде в Ленинграде в день Октябрьской революции. Сообщалось, что на этом параде звучала песня «Если завтра война»³⁵:

Той же осенью редакторы «Красной звезды» сделали достоянием общественности и основные темы только

что опубликованного «Краткого курса» «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». «Краткий курс», подготовленный, как известно, под руководством самого Сталина, занимал центральное место в идеологической и политической истории³⁶. Самоуверенное заявление Сталина о том, что война уже началась, появилось в «Кратком курсе», опубликованном по частям в «Правде» в сентябре 1938 г. и позднее в виде книги. Верный сталинский рупор В.М. Молотов повторил многое из опубликованного в своей речи в день Октябрьской революции в начале ноября, включая и заявление о «начавшейся войне»³⁷.

И «Правда», и «Известия» отвели целые страницы под выдержки из «Краткого курса» и его пересказ 15 ноября³⁸. Представляется очевидным, что его публикация была направлена на утверждение новой и еще более явной пропагандистской линии, которая акцентировала внимание на военной теме, представленной в фильме Дзигана. Месяц спустя журналисты «Красной звезды» вновь обратили внимание своих читателей-военных на утверждение «Краткого курса», что «Вторая мировая война уже началась...» Сотрудники отдела пропаганды, которых цитировали редакторы, таким образом за много месяцев до начала войны в сентябре 1939 г. утверждали, что «Вторая империалистическая война продолжает расширяться. Она угрожает всем народам»³⁹. При таком пропагандистском натиске идея будущей войны неизбежно должна была захватить уמוнастроение советского общества осенью 1938 г.

Наряду с этими темами советские журналисты посвятили себя развенчанию «пиратских наступательных планов» «фашистских (читай: нацистских) каннибалов, действующих под знаменем самой черной реакции, безумства и средневекового варварства», развенчанию как части пропагандистской гиперболы, посвященной ожидаемой войне⁴⁰. Редакторы «Правды» включились в словесные нападки на Германию. Они пригвоздили «фа-

шистских каннибалов» к позорному столбу 18 ноября. «Комсомольская правда» сделала то же самое 20 ноября. 16 ноября эта газета сопровождала Гитлера компанией «итальянских каннибалов», поместив их в пропагандистские джунгли⁴¹.

Советские политические карикатуры тех дней иногда изображали немцев и японцев с лицами животных. Свиноподобные и собачьи образы были наиболее популярными⁴². В карикатуре в «Красной звезде» 1 января 1939 г. японец и немец с обезьяньими лицами, оба в униформах, вместе с другим неопознанным (автором этой статьи) насекомоподобным и вооруженным существом подкрадываются к новогодней елке, украшенной советской звездой. Под заснеженным деревом скрывается в засаде одетый в белый маскхалат советский солдат. В более ранней карикатуре «Красной звезды» 5 февраля 1938 г. японец, итальянец и немец изображены в виде свиней. Вероятно, советским карикатуристам, чей труд был рассчитан на международную аудиторию, было приказано не изображать фашистов как «каннибалов». Однако они могли рисовать их в виде животных или толстяков (подразумевая, таким образом, праздных эксплуататоров), что часто и делали⁴³.

Что касается терминологии, то прозвище «каннибалы» явно пошло от главы Кремля. Он использовал это же эксцентричное слово в 1918 г. для характеристики англичан⁴⁴. Нет сомнения, что, как человек, который никогда ничего не забывал, он все еще держался за эту примитивную характеристику двадцатилетней давности. И он как раз встречался с руководителями своего пропагандистского штата 1 октября 1938 г.⁴⁵. В те дни Чистки здравый смысл, диктовавшийся прежде всего соображениями выживания, заставлял цитировать хозяина.

Упоминание тевтонских рыцарей наркомом Литвиновым в середине 1938 г. было не случайным историческим высказыванием. Слова Литвинова дают необходимый ключ к пониманию как кинематографической, так

и политической реальности тех наполненных политикой дней. Ввиду того, что они отражали три взаимосвязанных текущих интереса Кремля — его цели во внешней политике, направления пропаганды и киноиндустрии, это упоминание показывает, насколько нарком иностранных дел был в курсе тех идей, которые больше всего тогда занимали его хозяина. Сам Сталин, всегда державший в поле зрения развитие советской киноиндустрии, как раз в то время думал о тех же самых исторических рыцарях⁴⁶.

Известно, что прославленный фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» о тевтонских рыцарях, очередная сага о борьбе белых против черных, фактически был создан в то же время, что и фильм «Если завтра война». Будучи по сути средневековым ковбойским фильмом, он появился на советских экранах поздней осенью 1938 года. Сталин не только одобрил фильм, но и сам написал отзыв на сценарий. Позднее он наградил Эйзенштейна орденом Ленина и Сталинской премией за его произведение, получившее международное признание⁴⁷.

Эйзенштейн, несомненно, самый прославленный кинорежиссер того времени, хотел, чтобы советские граждане поняли идею его фильма. Поэтому в своей статье он разъяснял историческое значение сценария фильма «Невский», рассказывая, как тевтонские псы-рыцари были уничтожены Русью в XIII веке. «В XX в., — писал Эйзенштейн, обосновывая современное звучание сюжета своего фильма о средневековой Руси, — когда свободный русский народ объединен с братскими народами социалистических республик, он нанесет врагу решительный, сокрушающий удар»⁴⁸. Из контекста следовало, что он намекал на «псов-рыцарей» 1938 года, врагов настоящего времени⁴⁹. Так, карикатура в «Ленинградской правде» от 22 ноября 1938 г. представляла Гитлера среди «рыцарей» прошлого и настоящего. Он изображен изготовившимся бежать от советского танка⁵⁰. Название этой карикатуры было «Если завтра война...». Таким образом, тема войны

с Германией и с Западом, представленная в печати и кинематографе, использовалась советской пропагандой для обслуживания намерений политического руководства, направленных против стран Оси (в особенности против Германии), а также против Польши.

«Если завтра война» не принадлежит к высоким достижениям сталинского кинематографа, которые часто в одинаковой степени были пропагандистскими и привлекающими международное внимание. Более поздние произведения, к числу которых относится «Александр Невский», эффективно оправдали вложения Кремля в кинематограф, собрав восторженные отзывы иностранцев о культурных творениях сталинской эпохи. В противоположность таким величественным успехам, ординарный фильм «Если завтра война», как уже отмечалось, не состоялся ни с художественной, ни с технической точки зрения.

На некотором «вражеском» обмундировании в фильме имеется грубо нарисованная эмблема свастики, хотя в большинстве случаев она изображена перевернутой. (Но как могли кинорежиссеры в наглухо закрытой Москве точно знать, куда направлена нацистская свастика, если даже главные политические руководители страны не были в этом уверены? Когда министр иностранных дел рейха прилетел подписывать печально знаменитый пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., то на знаменах, украшавших здание аэропорта в честь его прибытия, свастика тоже была перевернута⁵¹.) Как и свастика, другие внешние атрибуты в сценах фильма «Если завтра война» указывали на немцев как на вторгшегося врага, открывшего, по фильму, сухопутную войну, хотя Германия и Советский Союз не имели общей границы в 1938 году. Вражеские солдаты в фильме также говорят по-немецки.

Николай Шпанов опубликовал повесть, основанную на сюжете фильма, под названием «Первый удар». Шпановское произведение появилось в январе 1939 г. сначала в журнале «Знамя», органе Союза советских писателей

СССР⁵². Вариант в «Роман-газете» был разрешен советской цензурой для публикации Гослитиздатом в июле 1939 г., как раз перед началом войны, в серии «Художественная литература». Позднее один историк утверждал, что фильм был поставлен по повести Шпанова, хотя кинематографическая версия появилась почти на год раньше напечатанной⁵³.

В повести Шпанова рассказывается о первых двенадцати часах «войны». Чтобы справиться с географической проблемой — в 1938-м и первые три четверти 1939 г. Германию от СССР отделяли примерно 600 км территории Польши, — Шпанов исходил из того, что поляки стали союзником Германии в результате завоевания⁵⁴. Вымышленное завоевание и уничтожило территориальный барьер перед придуманным нападением нацистов на Советский Союз. В этом случае Шпанов исходил из невероятного домысла, поскольку осторожное и воинственное советское руководство вряд ли позволило бы какое-либо беспрепятственное продвижение на восток и «фашистские» завоевания непосредственно вдоль протяженной польско-советской границы. Сталин должен был быть абсолютно сумасшедшим, чтобы позволить непредсказуемому и агрессивному Гитлеру приблизиться к советской границе. Позднее нацистско-советский пакт фактически во многом решал как раз эту проблему — две экспансионистские силы смогли добавить к своим территориям земли соседа и установить взаимовыгодную общую границу. Пакт 23 августа и протоколы определяли условия, при которых каждая из сторон могла чувствовать себя в безопасности, по крайней мере, временно, после устранения широкого «санитарного кордона» между ними. Этот барьер составляла главным образом обширная территория межвоенного польского государства.

В фильме «Если завтра война» в драматическом воздушном бою двух сил побеждают Советы. В повести Шпанова «Первый удар» они бомбят Нюрнберг, Магде-

бург, Фюрт и Бамберг. Автор «Красной звезды» сообщал о задержании немецких шпионов внутри страны, голоде среди немецких трудящихся в «фашистском» тылу и о невероятном подъеме советских людей, последовавшем за быстрой победой Красной Армии⁵⁵. В более коротком рассказе лейтенанта Агуреева говорилось о бомбардировках таких немецких городов, как Кенигсберг, Эссен, Мерсебург, Ганновер и Свинемюнде.

Шпанов также обнаружил и описал просоветские волнения и революции, которые после этого, по кинематографической и напечатанной версии воображаемой войны, начались в тылу врага⁵⁶. По мере продвижения сил Красной Армии на запад восстания происходят в городах Нюрнберг и Берлин. Рядом, в Чехословакии, осенью 1938 г. находившейся под далеко не полным контролем Германии, вспыхивает еще одна революция. Шпанов также описал «национальный фронт» во Франции, намекая, вероятно, на ранее сформированный там правительством «народный фронт». Так как Польша и Германия находились прямо на пути продвижения Красной Армии на запад Европы во время ленинской кампании 1920 г., история и в фильме, и в напечатанной версии, по сути, восстанавливала запланированный маршрут раннего советского броска на запад⁵⁷.

«Немецкие» захватчики, быстро разбитые в кинематографической версии сталинского плана войны, либо бегут, либо сдаются, по мере того как победоносная Красная Армия продолжает свое движение на запад. В шпановской повести на советских киноэкранах массовой аудитории также демонстрируются поставленные на Мосфильме восстания яростных революционных масс в пригородах Германии. Перед камерой немало восставших, легко узнаваемых по одежде и драматическим позам коммунистов, изображавшихся повсюду в советских фильмах и постановках, несут высоко поднятый красный флаг. Толпы горячо приветствуют своих «освободителей».

Советская пропаганда 1930-х годов постоянно подчеркивала вдохновляющую советских граждан идею о том, что следующая война будет вестись малой кровью и преимущественно на чужой земле⁵⁸. В повести Шпанова немцы появляются только на одну ночь, чтобы проникнуть на священную советскую землю перед тем, как они были изгнаны оттуда раз и навсегда⁵⁹. Собственно говоря, в фильме «фашистское» вторжение длилось ненамного дольше (если учесть время, ушедшее на построение декораций для фильма). Шпанов цитировал слова советского наркома обороны Климента Ворошилова по поводу грядущей войны: «Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны. Наша война будет самой справедливой из всех войн, какие знает человечество. Большевики — не пацифисты. Мы — активные оборонцы. Наша оборона — наступление»⁶⁰.

Полосы советских газет конца 1938 г., во многом занятые потоком пропагандистских текстов по поводу «Краткого курса», широко рекламировали и превозносили ту же линию. Сообщая о собрании в честь победителей всеармейского соревнования Красной Армии в конце 1938 г., заместитель наркома обороны Лев Мехлис, другой высокопоставленный советник из сталинского окружения, повторил утверждение из «Краткого курса», что «Вторая империалистическая война» началась. Он также сказал, что есть «войны справедливые и несправедливые»... Самой справедливой будет война советских людей против врагов нашего отечества... «Мы, — наставлял Мехлис, — понимаем оборону не так, как пацифисты. Мы понимаем оборону по-сталински. Наша Красная Армия будет самой наступающей армией. С первого дня войны, когда прогремит первый выстрел, наша армия пересечет границу и перейдет в наступление, чтобы разбить противника на его территории»⁶¹.

Первого октября 1938 г. Сталин сам высказался подобным образом на упоминавшемся ранее закрытом собрании пропагандистов. В отсутствие посторонних он отбросил эвфемизмы, которые часто использовал в речах на публику. «Большевики, — сказал он, — не только не пацифисты, бывают случаи, когда они сами будут нападать». Их войны за «освобождение» от «империализма» и войны против «капиталистической эксплуатации» всегда будут «справедливыми войнами». «То, что мы кричим об обороне, — нагло признал Сталин перед маленькой группой пропагандистов, — это вуаль, вуаль»⁶².

Фильм «Если завтра война» предлагал инспирированное режимом, хотя, возможно, и адекватное отражение тогдашнего умонастроения советских людей, ставших объектом массированной пропаганды, которых их правительство последовательно готовило к будущему конфликту. Оно годами пичкало их рассказами об измене и патриотической готовности дать отпор любым шпионам и врагам. В конце 1938 г. значительное число бывших деятелей революции и наиболее ценных офицеров Советских вооруженных сил были уничтожены под пропагандистский аккомпанемент советских юристов и журналистов, клеймивших их «шпионами», «вредителями» и «предателями». Драматические показательные процессы конца 1930-х над бывшими ведущими большевиками, которые бок о бок действовали с вождем революции Лениным, были еще живы в общественной памяти. Можно легко представить, как кинематографическая реальность, умело изображавшая скрывавшегося в засаде чужеземного врага, воздействовала на простых советских людей, только что переживших террор.

Фильм «Если завтра война» в свое время был настолько популярен, что одна из его песен со словами о том, как советские люди в едином порыве поднимаются навстречу чужеземной опасности, стала любимой песней красноармейцев в 1941 г., когда война с Германией началась на самом деле⁶³.

Сталин как потенциальный кинематографист и киноман был целиком захвачен фильмом «Если завтра война», и это подтверждается тем фактом, что он много раз показывал его своим иностранным гостям⁶⁴. В примечательную ночь в декабре 1944 г., спустя более чем шесть лет после первого показа, он демонстрировал фильм в Кремле французским гостям — генералу Шарлю де Голлю и министру иностранных дел Жоржу Бидо. В тот вечер, в присутствии де Голля и Бидо и своего собственного наркома иностранных дел, Сталин, видимо, выпив больше обычного, предложил сразить из пулемета словоохотливых дипломатов, чтобы заставить их замолчать. Он оценил оружие как более эффективное средство решения международных проблем⁶⁵. Возможно, его вдохновили огромные военные успехи того года, а также пафос только что просмотренного фильма «Если завтра война», в котором советские войска так успешно расправлялись с «фашистами». Ранее Ленин тоже признавал пулемет средством осуществления своих мессианских проектов⁶⁶. Поэтому нет ничего удивительного — вряд ли другая мысль вышла бы в итоге из уст ученика по такому же поводу, причем не в первый раз.

Недалеко от кинотеатров, киосков и книжных магазинов, расположенных в центре Москвы, в начале января 1941 г. прошли секретные военные игры Красной Армии по сценарию будущей войны с Германией. Военная игра начиналась, как можно было ожидать, по схеме, схожей с замыслом столь любимого Сталиным фильма⁶⁷. В эти январские мероприятия, в которых участвовали Сталин, члены его окружения, некоторые доверенные лица из советских литераторов и многие из имевшихся под рукой генералов, атака врага и вторжение его на советскую территорию, знаменовавшие начало войны, длились не 12 часов, как описывал Шпанов. Нападение врага предполагалось, а не заканчивалось, как в фильме⁶⁸.

Во втором раунде секретных военных игр, устроенных в Москве в феврале 1941 г., организаторы инсценировали атаку Германии на советском Юго-Западном фронте, к югу от Припяти. За быстро отбитым немецким наступлением следовало контрнаступление Красной Армии внутрь Польши и далее в глубь немецкой Силезии. В итоге Сталин решил принять схему второй игры в качестве плана собственного броска на запад⁶⁹. Как и в первом раунде игры, советские военные атаки в те дни планировались как наступательные, но предполагались только в ответ на наступление врага⁷⁰.

Несмотря на проваливавшуюся атаку нацистов в фильме «Если завтра война» и предположительно в обоих раундах секретных военных игр, мы можем быть уверены, что Сталин, решив воевать с Германией, инсценировал бы нападение врага, которое ему требовалось для осуществления собственного наступательного сценария, если бы Гитлер не предоставил ему такой возможности своим нападением 22 июня 1941 г. Кремлевскому хозяину нужно было распространить слухи о предшествующем нападении врага, чтобы оправдать «контрнаступление» против немцев, осуществленное как в фильме, так и в играх⁷¹.

В конце ноября 1939 г. Сталин разыграл первую фазу сценария фильма и военных игр в реальности, но с другим врагом и на другом фронте. Советское планирование военного нападения на Финляндию, названное «контрнаступлением», осуществлялось с начала июня

1939 г. Это происходило за несколько месяцев до начала советско-финляндской войны и до начала общей войны в Европе, частью которой и стала эта северная война⁷². Чтобы оправдать советское «контрнаступление» в случае с Финляндией, Сталин приказал инсценировать нападение «врага» на советско-карельском фронте. Переодетые сотрудники НКВД устроили обстрел советской границы «финской» артиллерией в районе приграничной деревни Майнила, недалеко от Ленинграда⁷³. Согласно сообщению, силы Красной Армии были атакованы и, конечно,

оказались «вынуждены» отвечать. Обвинение финнов в атаке позволило занять высокоморальную позу обиженного. Это было предпринято, чтобы пресечь за границей любую «капиталистическую» угрозу оспорить «справедливую» советскую войну. Якобы в качестве оскорбленной стороны, Сталин начал свою давно готовившуюся атаку на финнов 30 ноября 1939 г.⁷⁴

Фильм 1938 г. «Если завтра война», популяризовавший сталинскую военную политику и открывший некоторые из лелеемых им международных политических надежд, предлагает кинематографически точное отражение видения Кремлем будущей войны с Германией. Повесть Шпанова способствовала тем же ожиданиям быстрого военного успеха. И фильм, и повесть говорили за хозяина Кремля. Они были частью систематической и продолжительной антинемецкой пропагандистской кампании, имевшей национальный и международный размах. Тем иностранным экспертам и дипломатам в Москве и за рубежом, кто имел доступ к материалу и кто не был ослеплен неоднократными фальшивыми заявлениями о мирных советских намерениях, они открыли невероятную самоуверенность Сталина, размах его революционных замыслов и его ни на чем не основанную убежденность в почти бескровной победе в надвигающейся на запад войне⁷⁵.

Перевод Ирины Павловой.

Примечания

¹ Ленин В.И. Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать / / Исторический архив. 1992. № 1. С. 12—30 и др.

² Niewiehin W.A. Zamierzenie strategiczne Stalina przed 22 czerwca 1941 r. Nie zaplanowana dyskusja rosyjskich historyków // Dzieje najnowsze, 1998. № 1. S. 15—17, 19; Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939—1941. М., 1997. С. 255.

³ Firsov Fridrikh. Ein Oktober, der nicht stattfand. Die revolutionären Pläne der RKP (B) und der Komintern / / Bernhard Bayerlein, et al, hrsg. Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutions-

Plan und sein Scheitern. Berlin. 2003. S. 36—38; *Stone David R.* The Prospect of War? *Trotsky Lev*, the Soviet Army, and the German Revolution in 1923 // *The International History Review*. V. XXV. 2003. P. 800, 806, 808, 811, 814-815.

⁴ Цит. по: *Petrie Maureen*. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001. P. 47.

⁵ *Kalinin M. I.* President of the USSR. Zum sechzigsten Geburtstag des Genossen Stalin. Moskau, 1939. S. 90, 96—97.

О Ленине и Сталине также см.: *Pipes Richard*. Russia under the Bolshevik Regime. New York, 1991. P. 488; Он же. *Vixi*. The Memoirs of a Non-Belonger. New Haven, 2003. P. 236; *Erik van Ree*. The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London, 2002. P. 16: «Влияние Ленина [на Сталина] было доминирующим».

⁶ Ленинизм победит во всем мире // Искусство кино. 1939. № 1. С. 6.

⁷ *Amis Martin*. Koba the Dread. Laughter and the Twenty Million. New York, 2002. P. 166.

⁸ По крайней мере в двух более поздних случаях он тоже ускорял события, провозглашая наступление будущего. Позволяя своим надеждам взять верх над фактами, он объявил в «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» и в отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., что «вторая империалистическая» война уже началась. Первое издание «Краткого курса». М., 1938; в статье цитируется изд. 1951 г. О роли Сталина в подготовке «Краткого курса» см.: *Маслов Н.Н.* «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма. 1938—1988 гг. в кн.: *Афанасьев Ю.Н.*, ред. Советская историография. М., 1996. С. 248—256; *Сталин И.В.* Речь 1925 года — И.В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 14.

⁹ Он намекал, вероятно, на неудачную революцию в Эстонии 1 декабря 1924 г. Тогда соединения Красной Армии фактически были переброшены к границе Эстонии, готовые вмешаться в случае успехов эстонских революционеров. См.: *Raum Toivo*. Estonia and the Estonians. 2-nd. ed. Stanford, 1991. P. 34. Его намек на Латвию относился, возможно, к ряду забастовок, которые парализовали большую часть промышленности там в июле 1924 г. Есть основания считать, что они поддерживались Москвой. О забастовках см.: *Страздин К.Я.*, ред. История Латвийской ССР. Т. III. Рига, 1958. С. 296-297.

¹⁰ *Firsov S.* 37—57. О сталинской увлеченности идеей революции в Германии вслед за Лениным см.: *Tucker Robert C.* Stalin in

Power. The Revolution from Above, 1928—1941. New York, 1990. P. 226.

¹¹ См.: *Dimitrov Georgii*. Tagebücher. V. I. Berlin, 2000. 21 января 1940 г. S. 289—290; См. также: *Rieber Alfred*. Zhdanov in Finland. Pittsburgh, 1995. P. 9; *Murphy David E.* What Stalin Knew. The Enigma of Barbarossa. New Haven, 2005. P. 59—61; *Taubman William Khrushchev*. The Man and his Era. New York, 2003. P. 167. Таубман приписывает негативную характеристику этого поведения Хозяина в то время верному соратнику Сталина Никите Хрущеву.

¹² *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 14.

¹³ *Niewiehin W.A.* Zamierhenie. S. 19; *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 399.

¹⁴ *Raack R.C.* Stalin's Drive to the West. The Origins of the Cold War, 1938—1945. Stanford, 1995. Гл. 3—6 и др.

¹⁵ Сталин говорил американскому журналисту Рою Ховарду 1 марта 1936 г., что сообщения о советских международных революционных намерениях были выдуманы «буржуазными» журналистами [как Ховард?]. Его единственная цель — мир. — См.: *Edvard Radzinsky*. Stalin. New York, 1996. P. 435; *Tucker*. Stalin in Power. P. 224, 341.

¹⁶ См., напр.: *Tokaev G.A.* Stalin Means War. London, 1951. С. 72—73. Последний, с самого начала дружественно настроенный по отношению к СССР министр иностранных дел Литвы, в 1940 г. слышал о советском плане использовать текущую войну в Европе прямо от наркома иностранных дел В.М. Молотова и его заместителя В.Г. Деканозова. Креве позднее уточнил, что именно он слышал. — См.: United States Congress, House of Representatives, Select Committee on Communist Aggression, Third Interim Report. Washington, D.C., 1945. P. 342—343, 402, 450—63. Высокопоставленные деятели Коминтерна тоже были посвящены в некоторые тайны международного плана Сталина. Одним из них был Вальтер Ульбрихт. Вильгельм Пик, впоследствии президент Восточной Германии, сделал запись рассказа неофициального партийного лидера Ульбрихта в Москве в феврале 1941 г. К тому же Пик сообщил информацию, что Ульбрихт пришел прямо с заседания Президиума Коминтерна, чтобы выступить перед собранием немецких товарищей в Москве. Сталин был членом Президиума. — См.: *Раак Р.Ч.* Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отечественная история. 1996. № 3. С. 41—46. Все три свидетельства, приведенные здесь, — Токаева,

Креве и Ульбрихта, датированы 1939 — началом 1941 г. О пропагандистских мероприятиях непосредственно перед германо-советской войной см.: *Scheil Stefan*. 1940/41. Die Eskalation des Zweiten Weltkriegs. München, 2005. S. 160—161; *Невежин В.А.* Синдром и др.

¹⁷ Некоторые примеры: заместитель государственного секретаря Эрнст Верманн (Ernst Woermann) из Берлина немецкому послу в Москве Фридриху фон Шуленбургу (Friedrich Werner von der Schulenburg) 17 июля 1940 г. — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin (далее РА А А). Botschaft Moskau. 539. S. 175456; Доклад консульства Германии в Ленинграде от 12 ноября 1940 г. Там же. R 104358. S. 211024; Доклад шефа Рейхсканцелярии. Берлин. 18 ноября 1940 г. Там же. S. 211025. См. также документы, собранные в кн.: *Seraphim Hans-Günther*. Die Deutsch-Russischen Beziehungen 1939—1941. Hamburg, 1949. S. 81-84.

¹⁸ Например: допрос Шигунова (имя не указано), попавшего в плен сотрудника НКВД, — «Aufzeichnung die Vernehmung des GPU-Functioners Schigunow» от 18 сентября 1941 г. United States National Archives. T2120. R. 240; также заметки Гюстава Хильгера «Betr. Vernehmungen von kriegsgefangenen Sowjetischen Offizieren: General Andrej Wlassow» от 8 августа 1942 г. PAAA. R27359. S. 305147; заметки Хильгера «Betr. Vernehmungen von kriegsgefangenen Sowjetischen Offizieren: Col. Vladimir Bojerski. Там же. S. 305155. См. Также: *Seraphim*. S. 79—80, 85 и *Scheil*. S. 161-162.

¹⁹ Откровения Генерального секретаря Коминтерна Георгия Димитрова по поводу использования предвоенных «народных фронтов» приводятся в кн.: *Radosh Ronald, Habeck Mary R. and Sevostianov Grigori*, eds. Spain Betrayed. The Soviet Union and the Spanish Civil War. New Haven, 2001. P. 11—13. Два из ряда документов, раскрывающих тактику советского наркомата иностранных дел в отношении зарубежных партий, — «Instructions officielles envoyées par le gouvernement de Moscou aux legations de l'URSS établies dans les Balkans» в кн.: *Komat Marek*. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Molotow. Warszawa, 2002. С. 643—644; «Aufklärungen der Regierungen von Moskau an sämtliche Sowjet russische Gesandtschaften der Balkanländer (Übertragung aus dem Romanischen)» — PAAA. R 104355. S. 202599-202600.

²⁰ Возможно, самое цитируемое высказывание о Сталине как о страстном пропагандисте кино (1924): «Кино — величайшее средство массовой агитации. Задача взять это дело в свои

руки». — Цит. по: *Taylor Richard. Soviet Film in the 1920s / / Clark M.J., ed. Politics and the Media. Film and Television for the Political Scientist and Historian. Oxford, 1979. P. 33—34.* О контроле Сталина над процессом создания политических фильмов: *Багдасарян Вардан Е. Образ врага в исторических фильмах 1930—1940 годов / / Отечественная история. 2003. № 6. С. 31;* Дмитрий Т. Шепилов, писавший о начале послевоенного периода, рассказывая, как Сталин любил кино, отмечал его огромную заинтересованность в тематике и контроль над нею. — *Шепилов Д.Т. Воспоминания / / Вопросы истории. 1998. № 5. С. 24—26.* Об использовании в пропаганде мотива подготовки нападения непосредственно перед началом войны в 1941 г. — *Невежин В.А. Синдром. С. 52.*

²¹ *Невежин В.А. Синдром. С. 53.*

²² *Steiner Zara. The Soviet Foreign Commissariat and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives / / The Historical Journal. V. XLII (1999). P. 758.* 23 июня, выступая в своем избирательном округе в Ленинграде, Литвинов говорил об опасности для мира со стороны Германии, Италии и Японии: См.: сообщение Шуленбурга от 27 июня 1938 г. из Москвы в *Auswärtiges Amt* — РА АА. RI 04355. P. 202420. Возможно, хотя маловероятно, что Литвинов не знал о планах своего хозяина вернуть Балтийские государства, бывшие территории Российской империи. Возможно и то, что нарком иностранных дел проецировал экспансионистские планы Кремля на Гитлера. Приписывание собственных коварных замыслов другим было одним из успешно использовавшихся приемов Сталина, что проявлялось в его речах, как заметил Роберт Такер.

²³ [Шуленбург] — Верманну [Записка о разговоре с Потемкиным 29 сентября 1938 г.]. Москва. 3 октября 1938 г. — РААА. Botschaft Moskau. 560. S. 178370-1.

²⁴ *Zerko Stanislaw. Stosunki polsko-niemieckie 1938—1939. Poznań, 1998. S. 181.*

²⁵ В то время когда Гитлер навязал раздел Чехо-Словакии (как она стала называться после Мюнхена), в середине марта 1939 г. он передал под контроль Венгрии чехо-словацкую область Рутения, в которой значительную часть населения составляли украинцы.

²⁶ Из статьи в *Le Journal de Moscou* (22 марта 1938 г.), процитированной Типпельскирхом в сообщении из Москвы от 24 марта 1938 г. в *Auswärtiges Amt* — РААА. RI04355. n.p.

²⁷ «Если завтра война». Мосфильм. 1938. См.: Багдасарян. С. 31.

²⁸ Невежин В.А. Синдром. С. 127; Багдасарян. С. 37. Еще один фильм 1938 г. режиссера Абрама Роома «Эскадрилья № 5» содержал тот же оптимистический мотив быстрого советского военного успеха. Как и фильм «Если завтра война», он изображал успешную оборону границы.

²⁹ Согласно Саре Дэвис, на весь Советский Союз в 1934 г. было 400—500 звуковых проекторов — *Sarah Davies. Stalin as Patron of Cinema: Creating Soviet Mass Culture, 1932—1936* // Sarah Davies and James Harris, ed. *Stalin. A New History*. Cambridge, Eng., 2005. P. 213.

³⁰ Кино. 1938. 5 февраля.

³¹ Литературная газета. 1938. 5 февраля; Кино. 1938. 17 февраля.

³² Красная звезда. 1938. 17 февраля. Заказчик фильма, без сомнения, был понятен советским кинематографистам того времени и всем, так или иначе связанным с киноиндустрией. Он наставлял обозревателей того времени думать в позитивном ключе.

³³ Красная звезда. 1938. 17 ноября.

³⁴ Статья лейтенанта Агуреева была замечена немецкой разведкой и переведена на немецкий язык; затем передана одному из правительственных учреждений в Берлине, занимавшемуся анализом советских материалов. — См.: Reichsführer SS. Der Chef des Sicherheitshauptamtes «Sonderbericht. Propagandistische Vorbereitungen der Sowjetunion für den Zukunftskrieg gegen Deutschland. 1939.» - PAAA. R101387. Anlage V. S. 7.

³⁵ Правда. 1938. 9 ноября.

³⁶ Маслов. С. 242-256.

³⁷ Шуленбург — Auswärtiges Amt. Москва. 18 ноября 1938 г. в кн.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. ser. D. V. IV. Baden-Baden, 1951. S. 535. Посол Шуленбург отмечал самоуверенность Сталина, видимо, полагавшего, что иностранцы не увидят связи между советскими дипломатическими усилиями и войной и хаосом, которые предполагались как прелюдия к осуществлению большевистского плана мировой революции. Шуленбург, несомненно, намекая на фильм «Александр Невский», отмечал также, что советские пропагандисты связывали исторические события с текущими антинемецкими выпадами. S. 535, 537.

³⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» Правда. 1938. 15 ноября; Известия. 1938. 15 ноября.

³⁹ Отдел пропаганды. Вторая империалистическая война началась // Красная звезда. 1938. 9 декабря.

⁴⁰ Пример из газеты «Красная звезда». 1938. 9 декабря.

⁴¹ Правда. 1938. 18 ноября; Комсомольская правда. 1938. 16 и 20 ноября.

⁴² Пример из газеты «Комсомольская правда». 1938. 17 ноября.

⁴³ Немцы изображены толстяками в газетах «Красная звезда». 1939. 11 января; «Известия». 1938. 10 декабря.

⁴⁴ Цит. по: *David M. Lang. A Modern History of Soviet Georgia.* New York, 1962. P. 215.

⁴⁵ *Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе /. / История СССР. 1991. № 1. С. 70-72.

⁴⁶ О Сталине как киномане и о его контроле за производством советских фильмов см.: *Davies. P. 223; Анастас Микоян.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 533.

⁴⁷ *Bulgakova Oksana. Eisenstein. A Biography Translated from the German.* San Francisco, 2001. P. 190—191, 199.

⁴⁸ Заметки режиссера // Огонек. 1938. № 22. С. 21.

⁴⁹ Немецкие дипломаты в Москве не пропустили намека Эйзенштейна, отметив, что избыток антиеврейского осенью 1938 г. указывал на историческую битву на Чудском озере и немецкую оккупацию Украины в 1918 г. См.: Шуленбург — *Auswärtiges Amt.* Москва. 18 ноября 1938 г. — РААА. R104355. S. 202452. Менее чем через два года после пакта советская политика и обслуживающая ее пропаганда изменили свою направленность. С того времени Сталин использовал Эйзенштейна, который говорил на немецком, как и на некоторых других иностранных языках, для рассчитанного на немцев радиовещания, восхвалявшего советско-немецкую дружбу. Более того, в то же самое время по указанию *вождя* Эйзенштейн был взят в Большой театр ставить оперу Рихарда Вагнера «Валькирия», что должно было послужить вкладом в культурный обмен между СССР и Германией. — См.: *Raack R.C. Remembering Sergei Mikhailovich Eisenstein, 1898—1998: Wagnerian Opera in Stalin's Diplomacy // Film and History. V. XXVIII, no. 3/4 (1998).* P. 50, 51.

⁵⁰ Очевидно, ленинградские редакторы не знали о соглашении между Литвиновым и немецким послом фон Шуленбургом ранней осенью 1938 г. о том, что их уважаемые издания должны прекратить нападки на руководителей двух стран. О соглашении см.: *Gustav Hilger. Wir und der Kreml.* Frankfurt/Main, 1954. S. 69.

⁵¹ Визит Риббентропа в Москву 23 августа 1939 г. был заснят для немецкого хроникального фильма в целях пропаганды. / / UFA-Weltwoche, no. 468/1939. Bundesarchiv. Berlin.

⁵² Знамя. 1939. № 1. С. 4-122.

⁵³ Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20-х и 30-х годов. М., 1987. С. 226—227. Или Куманев был неправ, или текст попал в руки режиссера до его появления в печати.

⁵⁴ Шпанов Н.Н. Первый удар. С. 40.

⁵⁵ О фильме и о других проявлениях антинацистской пропаганды в СССР до заключения пакта см.: Schutzstatfel [from its office for Soviet analysis] «Sonderbericht, Propagandistische Vorbereitungen der Sowjet-Union den Zukunftskrieg gegen Deutschland. 1939» — PAAA. R101387. S. 7—8; SS «Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion», no. 5/1939. 1 июля 1939 г. — PAAA. R101389. S. 180693.

⁵⁶ Шпанов Н.Н. С. 122; См. также «Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion». S. 108692—3.

⁵⁷ SS «Sonderbericht, 1939» — PAAA. R101389. S. 4 описывал другой советский антипольский фильм 1938 г. «11 июля», возможно, поставленный Дзиганом в том же году, в котором рассматривалось драматическое «освобождение» Белоруссии в 1918 г.

⁵⁸ Генерал А.М. Василевский, один из известных военных деятелей, участвовавший в составлении советских наступательных планов 1940 и 1941 гг., позднее жаловался на обман. См.: Дело всей жизни. М., 1983. С. 79. См. Также: *Niewiez.m* В.А. Zamierz.enie. S. 21, 23—25; *Невежин В.А.* Синдром. С. 53; *Pleshakov K.* Stalin's Folly. The Tragic First Ten Days of World War II on the Eastern Front. Boston, 2005. P. 55—57, 77, 81, 83; *Viktor Suworow.* Marshall Schukow. Lebensweg Leichen. Selent, Ger., 2002. S. 105—106. Ирония заключается в том, что в мае 1941 г. Василевский подготовил проект соображений по планам вооруженного наступления через территорию Генерал-Губернаторства (General Gouvernement — та часть предвоенной Польши, которая по нацистско-советским соглашениям отходила Германии, но не была включена в гитлеровский рейх). Они указывали на «перенос военных действий на территорию врага...», предполагая тем самым, что война начнется с внешнего нападения на советскую территорию. (Pleshakov. P. 81). Несомненно, Василевский понимал по предыдущим военным играм и словам своего хозяина, что требовалось Сталину для подготовки задуманной им международной игры.

⁵⁹ Куманев В. С. 228.

⁶⁰ Шпанов Н.Л. С. 12.

⁶¹ Победители всеармейского соревнования на приеме в Наркомате обороны СССР // Красная Звезда. 1938. 11 ноября.

⁶² Наджафов Д. С. 70—72; Маслов. С. 240—242; Niewiez.in W.A. Zamierz.enie. S. 19.

⁶³ Куманев В. С. 228.

⁶⁴ Невежин В.А. Синдром. С. 53.

⁶⁵ Jean Laloy. A Moscou: entre Stalin et De Gaulle, Decembre 1944 // Revue des etudes slaves. V. LIV (1982). P. 151. 11 апреля 1945 г. Сталин показывал фильм Миловану Джиласу и другим югославским гостям. — *Milovan Djilas. Conversations with Stalin.* Translated from Serbo-Croatian. New York, 1962. P. 103.

⁶⁶ Pipes. Russia under the Bolshevik Regime. P. 398, прим.

⁶⁷ Согласно Славомуру Дебски, фильм «Если завтра война» служил также в качестве программы для советских военных игр 1939 г. — *Slawomir Debski. MiKdzy Berlinem a Moskwa. Stosunki niemiecko-sowieckie od 23 sierpnia 1939 do 22 czerwca 1941.* Warszawa, 2003. S. 259.

⁶⁸ Suworow. Marshal Schukow. S. 106, 112.

⁶⁹ Suworow. Marshal Schukow. S. 118—125; Ewan Mawdsley. Crossing the Rubicon. Soviet Plans for Offensive War in 1940—1941// International Historical Review XXV (2003). P. 825-826.

⁷⁰ Albert Weeks. Stalin's Other War. Soviet Grand Strategy, 1939—1941. Lanham, Md., 2002. P. 156—59; Heinz Magenheimer. Kriegsziele und Strategien der grossen Machte 1939—1945. Bielefeld-Bonn, 2006. S. P. 81; Mawdsley. P. 826; Suworow. Marshal Schukow. S. 112; Pleshakov. P. 19—84. О советских приготовлениях в целом см.: Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М., 2000. Глава «Советское военное планирование в 1940—1941 гг.» С. 370—414; Heinz Magenheimer. Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen. Aufmarsch. Zusammenstoss. Bielefeld, 2000. S. 48-137.

⁷¹ В своей недавней книге «Kriegsziele und Strategien» (с. 69 и прим. 93 на той же странице) Магенхеймер (Magenheimer) предположил, что Сталин намеренно выдвинул дерзкие территориальные требования Гитлеру через своего посредника Молотова во время визита наркома иностранных дел в Берлин в середине ноября 1940 г., чтобы спровоцировать немцев на атаку Советов и обеспечить таким образом вождю роль защитника.

⁷² Несколько лет спустя некоторые советские маршалы признавали, что война с Финляндией планировалась как *контрнаступление* против предполагаемой атаки финнов, оставив их в недоумении: или Сталин их тоже обманул, или они были введены в заблуждение с самого начала. См.: *Bernd Bonwetsch. Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941 // Bianka Pietrow-Ennker. Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. 3-е изд. Frankfurt/Main, 2000. S. 183.*

⁷³ *Olli Velvildinen. Finland in the Second World War. Houndsmills, Eng., 2002. P. 43-45.*

⁷⁴ *Соколов Б.В. Собирался ли Сталин нападать на Гитлера? // Грани. Год L. 1995. С. 214. О марксистско-ленинско-сталинском обосновании войны см.: Weeks. P. 87—89.*

⁷⁵ Сразу после возвращения Молотова из Берлина в середине ноября 1940 г. Сталин заверил своих напарников по Политбюро, что война с Германией будет. — См.: *Куманев Г. Л. Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства: встречи, беседы, интервью, документы. М., 1998. С. 405. Пять месяцев ранее он то же самое говорил польской сталинистке Ванде Василевской — Dębski. S. 384-385,486.*

«КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ» В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х ГОДОВ¹

Советская культура отличалась мобилизационностью. Приближение неопределенного, но обязательного для всех коммунистического будущего требовало от общества сплочения, которое достигалось в том числе и неоднократно проверенным в истории способом — поиском врага, его обнаружением и борьбой с ним². «Войну» в период строительства социализма объявляли отдельным социальным группам, природным явлениям, произведениям искусства, научным теориям, разгильдяйству и бездорожью. Общая доктрина советского государства предопределялась во многом общим контекстом межвоенного периода, характерные черты которого сложились «под влиянием опыта Первой мировой войны, в особенности под влиянием неизбежности учета фактора мобилизованных масс в обществе и политике»³. Выстраивает ли свою концепцию подготовки Сталиным Второй мировой войны как войны за мировую революцию В. Суворов или куда более осторожный Дж. Хоскинг, считающий, что СССР начал готовиться к войне только в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, и «приготовления эти были плохо продуманы и выполнялись отнюдь не на должном уровне»⁴, в любом случае 1930-е годы рассматриваются как период планомерной и постоянной подготовки страны к войне. «Воснный мотив постоянно муссировался в

* Шарова Мария — доктор филологических наук, живет в Екатеринбурге.

газетах, помещавших обстоятельные обзоры международного положения, делая при этом особое ударение на нацистский режим Германии, японцев в Маньчжурии, вероятность захвата власти фашистами во Франции, а также Гражданскую войну в Испании как на пример открытого противоборства «демократических» и «реакционных» сил. Угроза войны определяла государственную политику. Суть программы ускоренной индустриализации, как подчеркивал Сталин, заключалась в том, что без нее страна окажется беззащитной перед врагами и через десять лет «погибнет». Большой Террор, по словам пропагандистов того времени, имел целью очистить страну от предателей, наймитов, врагов СССР, которые изменили бы в случае войны. Народ тоже не оставил эту тему своим вниманием: в обществе, жившем слухами, чаще всего появлялись слухи о войне и ее возможных последствиях»⁵.

Вся к 1930-м годам уже хорошо отлаженная советская пропагандистская машина работала на то, чтобы каждый член общества, вступив в более или менее сознательный возраст, осознал свое время как кратковременную передышку между двумя большими «внешними» войнами. Будущая — с фашистами — должна вот-вот начаться. Бывшая — с «белыми», поскольку в контексте выстраиваемой в это время вариации народной истории Гражданская война затмевала Первую мировую — в основном закончилась: они разгромлены, хотя оставшиеся «белые», превратившись в фашистов, по-прежнему продолжают войну. В политической риторике времени с конца 1920-х гг. господствовали понятия усиления классовой борьбы, империалистической угрозы, агентов (наймитов) империализма, врагов народа и прочего. Милитарная лексика являлась неотъемлемой составной частью языковой картины эпохи. А. Сергеев в мемуарной повести «Альбом для марок» приводит застрявшие в памяти с раннего детства, пришедшегося на вторую половину 1930-х годов, слова и обороты: «БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ФИНЛЯНДИЯ - с финнами повоевали. ФАШИСТСКИЕ ЛАТВИЯ, ЭСТОНИЯ, ЛИТВА — не понять, воевали мы с ними или нет.

ПАНСКАЯ ПОЛЬША - эту разбили... БОЯРСКАЯ РУМЫНИЯ с нами не воевала — испугалась. ТУРЦИЮ и ПЕРСИЮ настраивают против нас ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ и МИЛИТАРИСТСКАЯ ФРАНЦИЯ»⁶.

В воспоминаниях тогдашних подростков о времени своего отрочества неизменно присутствуют рефлексии о сращении военного и мирного в жизни и сознании. К. Симонов, характеризуя свое тогдашнее самоощущение, писал, что от разного рода оппозиционных по отношению к властям идей он «был забронирован... мыслями о Красной Армии, которая в грядущих боях будет «всех сильнее», страстной любовью к ней, въевшейся с детских лет, и мыслями о пятилетке, открывавшей такое будущее, без которого жить дальше нельзя... Мысли о Красной Армии и о пятилетке связывались воедино капиталистическим окружением: если мы не построим всего, что решили, значит, будем беззащитны, погибнем, не сможем воевать, если на нас нападут, — это было совершенно несомненным»⁷. А. Зиновьев, анализируя строки своего тогдашнего неумелого стихотворения «костями поляжем за канал. Под пулемет подставим тело», замечает: «Идея подставить тело под пулемет родилась в Гражданскую войну и была для нас тогда привычным элементом коммунистического воспитания. А утверждение о том, что здание нового общества строилось на костях народа, было общим местом в разговорах в тех кругах, в которых я жил. Но оно не воспринималось как обличение неких язв коммунизма. Более того, оно воспринималось как готовность народа лечь костями за коммунизм, каким бы тяжелым ни был путь к нему»⁸. Ю. Друнина, 1924 г. рождения, не преувеличивала, когда на рубеже 1960—1970-х гг. писала: «Я родом не из детства — из войны»⁹, поскольку ее детство было буквально пронизано идеей вооруженных противостояний.

Жизнь во враждебном окружении предполагает постоянные военные конфликты и необходимую психологическую, идеологическую, физическую, специальную подготовку к военным действиям. Журналистика и литература,

соответствующим образом оформлявшие интенции государственной власти, приняли на себя часть функций по созданию соответствующего психологического и идеологического общественного настроения.

Организация литературного процесса в советском государстве подчинялась установке, заданной В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Литература должна стать... «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма»¹⁰. Это значило, в частности, что литературное дело воспринималось как значимая часть агитационно-пропагандистского алгоритма действия, лежащего в основе отбора и формирования произведений, достойных публикации в советских государственных издательствах и распространения через государственную систему книготорговли. С конца 1920-х гг., когда в СССР завершилась централизация издания и распространения печатной продукции, тексты, препятствующие выполнению актуальных агитационных задач, не могли быть опубликованы. Корпус редакторов, институты цензуры и литературной критики выполняли функции своего рода контрольно-пропускного пункта, не считаясь с которым писатель не мог. То, что появлялось в печати, было санкционировано специально подготовленными, приобретающими не по дням, а по часам опыт людьми, не имевшими к тому же права на ошибку, ибо они стояли на страже главного достояния советского государства — его идеологии.

В подобных условиях неудивительно, что необходимая государству мобилизационная тематика глубоко проникала даже в организационные формы литературного процесса. При знакомстве с хроникой тогдашней литературной жизни бросается в глаза обилие мероприятий, связанных с проблемой войны как неотъемлемой части жизни.

17 января 1930 г. И.В. Сталин поддерживает инициативу М. Горького об издании «популярных сборников о Гражданской войне»¹¹, а 30 июня 1931 г. выходит постановление ЦК ВКП(б), одобряющее инициативу

М. Горького по созданию «Истории Гражданской войны». В дальнейшем работа в этом направлении будет регулярно освещаться в печати, а создание документированной «Истории...» подкрепляться переизданиями старых и выходом новых художественных текстов соответствующей тематики.

Тема будущей войны энергично муссируется на страницах литературных изданий. 31 января 1930 г. в «Правде» открывается литературная страница под характерным названием «Литературный фронт». 9, 14, 19 декабря 1930 года «Литературная газета» публикует письма советских писателей своим западным коллегам с вопросом об их позиции в связи с «подготовкой международным империализмом войны против СССР». Советские писатели участвуют в антивоенных конгрессах. Хотя на Конгрессе 1932 г. в Амстердаме советской делегации было отказано во въезде, в «Литературной газете» появляется рубрика «Друзья СССР — враги войны». В Международных конгрессах писателей в защиту культуры (Париж, 21—25 июля 1935 г.; Валенсия — Мадрид — Париж, 4—17 июля 1937 г.), также носивших антивоенный характер, советская делегация была представлена. 16 марта 1937 г. в «Известиях» появляется открытое письмо советских писателей «Против фашистских вандалов, против поджигателей войны!». 1 августа 1937 г. советские писатели принимают участие в Международном антивоенном дне.

При том, что это направление деятельности писателей именуется антивоенным, его присутствие на страницах печати нагнетает ощущение неизбежности войны, а значит, необходимости усиления мобилизации. «Литературная газета» публикует письмо к советским писателям от командиров Красной Армии, слушателей Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева: «Мы знаем, что только упорной работой создаются замечательные произведения, и мы вас не торопим. Но вас торопит время! Вы чувствуете, как все гуще и гуще нависают над нашим мирным небосклоном тучи войны, войны, «которой еще не знала история». Продумайте, прочувствуйте это — и

пишите!»¹² 15 и 26 апреля на это воззвание откликнулись писатели Вс. Иванов, В. Гусев, В. Лебедев-Кумач, Б. Ромашов, А. Новиков-Прибой, Л. Соболев, а 25 мая в редакции газеты состоялось совещание редколлегии с литературным активом военных академий. А. Толстой в своем выступлении определяет задачи «оборонной литературы», которая должна говорить сейчас о самом главном, ставить большие мировые идеи. От нас ждут спасения мира, спасения человечества»¹³.

В соответствии с представлениями начала 1930-х гг. «оборонная литература» должна была опираться на литературное творчество самих военных. Для организации и руководства писателями из армейской среды 29 июля 1930 г. было создано специальное литературное объединение ЛОКАФ — Литературное объединение писателей Красной Армии и Флота. Вокруг нового объединения группируются профессиональные опытные и начинающие писатели, готовые принять участие в создании произведений на соответствующие темы. Они, организуясь в бригады, выезжают в воинские части, на военные маневры; организуют литературные кружки, даже правят произведения красноармейцев и краснофлотцев.

В начале марта 1931 г. ЛОКАФ провел совещание, посвященное «литературно-политическим требованиям, предъявляемым им произведениям о Красной Армии»¹⁴; 5 апреля в «Правде» напечатана редакционная статья «Художественная литература на службе обороны страны», а 5—9 апреля в Центральном доме Красной Армии состоялся первый пленум ЦС ЛОКАФ, насчитывающего к тому времени 2560 членов, объединенных в 126 литкружков, и 690 писателей-профессионалов. 11—14 февраля 1932 г. на втором расширенном пленуме ЦС ЛОКАФ были заслушаны доклады Л. Субоцкого «Красная Армия реконструктивного периода в художественной литературе» и содоклады «О творчестве красноармейцев и краснофлотцев-ударников». Локафовцы подписали письмо литературных организаций РСФСР (наряду с РОПКП, РАПП и «Перевалом») с поддержкой Постановления

ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и с 1933 года прекратили свое существование. Однако сформировавшиеся к тому времени силы создателей «оборонной литературы» сгруппировались вокруг пришедшего на смену центральному печатному органу объединения ЛОКАФ¹⁵ журнала «Знамя»¹⁶.

Несмотря на прекращение деятельности ЛОКАФ, внимание к «оборонной» тематике не снижается. 1 июня 1934 г. проходит Всесоюзное совещание писателей по вопросам оборонной литературы, где обсуждаются доклады П. Павленко и А. Лейтеса «Художественная литература о Дальнем Востоке», Л. Субоцкого «Красная Армия в советской художественной литературе», А. Суркова о красноармейской песне. 19 июня 1935 г. был объявлен конкурс на создание текста и музыки массовой советской песни¹⁷, и «Правда» под рубрикой «Конкурс на лучшую песню» систематически публикует стихотворные тексты песен. По итогам конкурса решили «первую премию за литературные тексты не присуждать... Вторые премии за литературные тексты присудить: 1) Мих. Голодному за песню «Партизан Железняк». 2) Янке Купале за песню «Матка сына провожала». Третьи премии за литературные тексты присудить: 1) А. Суркову — «Конноармейская». 2) Виктору Гусеву за «Песню советских школьников». 3) А. Александрову — «Ночь в разведке»¹⁸. Как видим, лучшие образцы массовой песни также были песнями о войне.

В официальном обращении I Съезда советских писателей к наркому обороны К.Е. Ворошилову выражалась готовность «защитить великую Родину от вооруженного нападения», для чего «дать книги о вероятных противниках, вскрыть качество их сил, противочеловеческие их цели и показать, как в тылах капиталистических армий готовятся к бою союзные нам пролетарские силы»¹⁹. 31 января 1936 года открылось Всесоюзное совещание писателей, работающих над оборонными произведениями. Доклад Л. Субоцкого назывался «Задачи оборонной литературы в связи с 20-летием Великой пролетарской революции и 20-й годовщиной Красной Армии».

В «оборонной литературе» определялась тактика наиболее эффективной работы, к выработке которой привлекались высокие государственные чиновники. Так, Вс. Вишневский пишет 20 ноября 1937 г. Вл. Ставскому, рассчитывая на скорейшее принятие мер: «Я поставил вопрос об освежении и оздоровлении редакции «Знамени». Нам нужны редакционные работники коммунисты и верные беспартийные товарищи. Вопрос надо решать быстро. Перелом в «Знамени» надо создать, и он будет создан. Наметили программу на 1938 г., главное — освещение жизни Красной Армии, обороны СССР, показ истории войн, изучение противников. Выявление новых кадров, смелое их выдвижение. Сбор песен, исторических] материалов. Отчеты перед активом и читателем. Творческие встречи, читки. Критика и самокритика. Создание обор[онной] комиссии. Связь с Нар[одным] Комиссариатом] Оборон[ы], ПУРом. Выделение от ПУРа компетентных тт. для ССП»²⁰.

Реальные военные столкновения конца 1930-х гг. позволили оценить готовность писателей оперативно реагировать на происходящее. 10 августа 1938 г. проходят собрание писателей Москвы и митинг писателей Ленинграда — протест против японской агрессии и приветствие бойцам Краснознаменного Дальневосточного фронта, «разгромившим японских захватчиков у оз. Хасан»; 27 ноября — митинг советской интеллигенции в связи с еврейскими погромами в Германии. В периодике весь конец 1930-х — начало 1940-х энергично и однозначно обсуждают политические новости, в том числе, конечно, и военные кампании по присоединению Западных Украины и Белоруссии, Прибалтики. Писатели, часть из которых уже до этого освещала военные действия в Испании и на востоке СССР, отправляются на западные границы, они пишут многочисленные, преимущественно публицистические, тексты о происходящем²¹. В 1939 г. в Брест-Литовске выходит сборник «Фронтовые стихи», в том же году во Львове выпускает «Фронтовые стихи и песни» В. Ле-

бедев-Кумач. В журналах и газетах публикуют подборки «фронтовых» стихов С. Щипачева²², А. Твардовского²³ и других. Митинги советских писателей — отклики на ноту советского правительства правительству Финляндии проходят по всей стране в конце ноября 1939 г. В боевых условиях проверяются наработанные «оборонщиками» навыки работы во фронтовой печати.

Результаты были подведены в июне 1940 г., когда Президиум ССП СССР утвердил оборонную комиссию в составе девятнадцати писателей²⁴. В начале июля Вс. Вишневский, один из членов комиссии, провел в Москве с участниками Второго военного и Первого военно-морского семинара беседу о работе военного корреспондента. 6 января 1941 г. в Московском университете прошел вечер-встреча писателей с молодежью Краснопресненского района г. Москвы, где А. Сурков выступил с речью о значении советской литературы в деле обороны страны, Всеволод Иванов рассказал о своей работе над романом, пьесой и сценарием о герое Гражданской войны М. Пархоменко, а К. Симонов поделился впечатлениями о своей работе военного корреспондента на Халхин-Голе²⁵. Вечер оборонной комиссии ССП проходит в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. 4 февраля 1941 г. отмечают десятилетие журнала «Знамя», по случаю которого обнародуется Приказ Наркома обороны СССР маршала С. Тимошенко, где отмечают заслуги журнала, десять лет возглавляющего «оборонную работу советских писателей».

Освоение и продвижение военной тематики касалось не только организации плотного графика соответствующих мероприятий. Военная лексика еще в 1920-е годы прочно вошла в повседневный литературно-критический обиход. На съезде ССП советские писатели привычно именуются «пролетарскими борцами», «солдатами новой культуры»²⁶ «освобожденной части человечества»²⁷. В приветствии съезда И.В. Сталину в соответствии с риторическими правилами тех дней отмечалось, что слово, являясь оружием, было включено «в арсенал борьбы ра-

бочего класса», а «искусство стало верным и метким оружием в руках рабочего класса и у нас, и за рубежом»²⁸.

Укрепление боеготовности рассматривалось как важнейшая задача критики. Даже знакомство с зарубежной литературой оправдывалось необходимостью знакомства с психологией вероятного противника. Один из лидеров уже не существующего ЛОКАФ, выступая на писательском съезде по проблемам «оборонной литературы», замечал, поясняя позицию журнала «Знамя»: «Мы вносили в литературу практику, которую получили в военно-академическом порядке. Мы брали на изучение страницы западной литературы, того же Джойса и Пруста, для того чтобы знать политику, практику и психику их. Мы действовали, как разведчики и исследователи, как люди, которые будут наносить им же контрудар»²⁹.

Во всех документах военная тематика на принятом языке эпохи именуется оборонной. По мере упрочения внешнеполитического положения СССР государству приходилось все больше считаться с соблюдением внешних приличий, и полностью подчиняющийся государству Союз писателей, члены которого выполняли в том числе и важнейшую репрезентационную функцию, представляя политику страны в разного рода международных организациях и собраниях, следовал изменчивым государственным установкам, в которых одно оставалось неизменным: СССР ни при каких обстоятельствах не должен и не может именоваться агрессором, войны, в которых он участвовал или будет участвовать, носят справедливый характер.

В то же время еще в 1930 г. в письме к А.М. Горькому И.В. Сталин разъяснял будущему первому секретарю СП СССР, что партия решительно против произведений, «...рисующих «ужасы» войны и внушающих отвращение ко *всякой* войне (не только *империалистической*, но и ко *всякой* другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов *империалистической* войны к необходимости преодоления *империалистических* правительств, организующих такие войны. Кроме

того, мы ведь не против *всякой* войны. Мы *против* империалистической войны как войны контрреволюционной. Но мы *за* освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну, несмотря на то что такая война, как известно, не только не свободна от «ужасов кровопролития», но даже изобилует ими»³⁰. Игра словами «империалистический» и «всякий» находила отражение в двусмысленном употреблении слова «оборонный», которое начиная с 1930 г. неизменно употреблялось как синонимичное выражению «на военную тему» и включало в себя как значение «оборонительный», так и «революционно-наступательный», то есть «справедливый» с точки зрения советской идеологии.

Так, М. Слонимский, рецензируя деятельность журнала «Знамя», отмечает, что оборонная тема в нем — это «тема растущей мощи нашей страны, тема победоносно шествующей революции, тема борьбы западных наших товарищей»³¹. Хотя орган Международного объединения революционных писателей (МОРП) журнал «Литература мировой революции» получил в 1933 году более сдержанное название «Интернациональная литература», идея революционного спасения мира, очевидно, продолжала существовать, но сменила форму своего бытования в советской практике.

Если в 1920-е гг. подчеркивалось, что война может носить наступательный революционный характер, то в 1930-е характер войны затушевывался. В 1927 году пионерская песенка должна была, по замыслу Маяковского, звучать так: «Возьмем винтовки новые, / На штык флажки! / И с песнею / в стрелковые / пойдем кружки. / Раз! Два! Все / в ряд! / Впе— / ред, / от— / ряд! / Когда / война-метелица / придет опять, — / Должны уметь мы целиться, / уметь стрелять. / Ша— гай / кру-/ че! / Цель— / ся / луч— / ше! / И если двинет армии / страна моя, — / мы будем / санитарями / во всех боях. / Ра— / нят / в лесу, / к сво— / им/ сне— / су. / Бесшумною разведкою / Тиха нога, / за камнем / и за веткою / найдем врага. / Пол— / зу / день, / ночь / мо— / им /

по— мочь /»³² Стоящий «на запасном пути» бронепоезд в мироощущении конца 1920-х гг. был готов в любой момент выступить в далекий путь: Сегодня мы встали на долгую дневку. / Травой поросли боевые дороги. / Но время готово выдать путевку / На переходы, бои и тревоги. // Чтоб песенный жар боевую усталость / В больших переходах расплавил и выжег, / Чтоб песня у наших застав начиналась / И откликалась в далеком Париже»³³. Но через десять лет стихи того же поэта будут посвящены пограничникам, «сторожащим рубеж»³⁴. Когда Я. Смеляков в 1932 г. писал: «Мы радостным путем побед по всей земле пройдем»³⁵, он не оговаривает, в каких «справедливых боях»³⁶ эта победа, по его мнению, будет завоевана. Но слова поэта были созвучны появлявшимся в том же году заголовкам вроде «Перестройка международного революционного литературного фронта»³⁷.

Во второй половине 1930-х гг. пафос революционной наступательности исчезает из открытой печати, хотя подобные настроения в обществе, несомненно, сохранялись, не случайно отголоски их мы встречаем, скажем, в не опубликованных в то время стихотворениях молодых поэтов. Устремившиеся сначала на советско-финляндскую, а потом на Отечественную войну молодые поэты, судя по всему, искренне хотели воевать. Причин такого рвения, очевидно, было несколько.

Молодые люди 1930-х гг. жили в мире, в котором культивировалось противопоставление сейчас / раньше и акцентировался период перехода от прошлого к настоящему, в первую очередь через постоянное обращение к образу пограничной эпохи — революции и Гражданской войны. Образ этих событий к концу 1920-х годов оформился, «Чапаев» и «Железный поток», «Хорошо!» и «Разгром» уже были написаны и отобраны как наиболее соответствующие потребностям государства, так что о прошлом информация была идеологически — по крайней мере, на уровне публичных высказываний — непротиворечивая как о войне «наших» с «ненашими». Именно в 1930-е создавались книги писателей, живших в период революции

и Гражданской войны и вынесших свои представления об этом времени в виде не мемуаров, но романов воспитания. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали детей иной эпохи в свою прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что те, как об этом явствуют их тогдашние дневниковые записи и стихи, более поздние воспоминания, духовно жили не столько в настоящем, сколько именно в этом прошлом, ощущая себя «лобастыми мальчиками невиданной революции» (П. Коган)³⁸, «солдатами революции», «падающими на пулемет» (М. Кульчицкий)³⁹. Прославление героики революции и Гражданской войны приводило к тому, что даже малые дети через игры, учебные и внеучебные занятия идентифицировали себя с легендарными конниками или революционерами.

Писатели, прошедшие через Гражданскую войну, продолжали не просто осмысливать ее опыт, но выстраивали историю «страны-подростка» как историю войн настоящих и будущих. Война — неотъемлемая составляющая мира, где существует противостояние коммунистов и капиталистов. Руководитель чехословацких скаутов Прохор Тыля из одноименного рассказа Н. Олейникова готовит расправу «красным ошейникам» — пионерам, празднующим организованную Коминтерном Международную Детскую неделю⁴⁰. Действие во всех произведениях «преждевременного воина» А. Гайдара происходит в ситуации войны, которая, сначала находясь на периферии повествования, потом окажется в центре существования героев, собственно и став для них «школой». Даже в мирной «Голубой чашке» с ее, казалось бы, внутрисемейным конфликтом, за пределами страны существует фашизм в Германии, и он напоминает о себе антисемитскими выкриками в адрес Берты — эмигрантки из Германии «известного фашиста, белогвардейца Саньки»⁴¹. Мальчика из «Честного слова» Л. Пантелеева учат стоять на часах, и даже вран у Хармса врет про то, как «а вы знаете, что ПОД? / А вы знаете, что МО? / А вы знаете, что РЕМ? / Что под морем-океаном / Часовой стоит с ружьем»⁴².

Реальные властные силы эпохи мифологизировались и переносились то в отдаленные романтические сферы, ассоциативно связанные с легендарной Гражданской войной, то в сильно приукрашенный идиллический мир счастливой советской страны. Права на счастье, как представлялось, обеспечивались интенциями политики коммунистов и «тяжелыми испытаниями», в которых значительной частью общества была доказана верность революции. Грядущее будет свободно от ежедневного героизма, но в современном мире существуют лишь островки будущего светлого мира, за который нужно бороться. Армия при таком состоянии общества становится важнейшим социальным институтом, а служба в армии, участие в боевых действиях против широко понимаемого фашизма — способом приблизить всеобщее будущее счастье. Поэтому студент Арон Копштейн, ссылаясь на авторитет А. Блока («И вечный бой. Покой нам только снится...» / Так Блок сказал. Так я сказать бы мог»), напишет в 1940 г. о полной готовности поколения воевать столько, сколько понадобится: «И если я домой вернуся целым, / Когда переживу двадцатый бой, / Я хорошенько выплюсь первым делом, / Потом опять пойду на фронт. Любой»⁴³. Копштейн погибнет во время Финской кампании, сражаясь за светлое будущее, которое его столь же романтично настроенные сотоварищи видели в том числе и так: «Война не только смерть. / И черный цвет этих строк не увидишь ты. / Сердце, как ритм эшелонов упорных: / При жизни, может, сквозь Судан, Калифорнию / Дойдет до океанской, последней черты» (М. Кульчицкий)⁴⁴; «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя» (П. Коган)⁴⁵.

Но эти энергичные «наступательные» стихи, выражавшие мироощущение поколения, станут достоянием широкой общественности значительно позже, а в официальной печати с середины 1930-х годов тема наступления сменилась темой обороны как защиты рубежей, границ, родной земли. Доминируют образы «границы на замке», «часовых Родины», мотив охраны границы как залога счастья каж-

дого отдельного человека («Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша бережет» — М. Исаковский «Катюша», 1938), воспевание готовности к обороне границы, важности осознания черты между своей — прекрасной и «вражьей» землей («И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом» — В. Лебедев-Кумач «Если завтра война, если завтра в поход...», 1938). Даже в текстах о Гражданской войне, где ранее на первый план выходила идея идеологического противостояния, появляется мотив защиты земли, отечества: «И он погиб, судьбу приемля. / Как подобает молодым: / Лицом вперед, / Обнявши землю, / Которой мы не отдадим!» (И. Уткин «Комсомольская песня», 1934)⁴⁶.

Когда к концу 1930-х гг. в стихотворной и прозаической «оборонной» публицистике появится еще и тема сохранения границ («Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим» (Б. Ласкин «Марш танкистов», 1939), представления о «своей» и «чужой» земле, то есть о месте пролегания рубежа между «нашим» и «ненашим», уже будут размыты реальными военными конфликтами. При этом мотив обороны «рубежей» по-прежнему соседствует с мотивом распространения «завоеваний революции», которая могла осуществляться, видимо, и путем нападения. Это создавало известную двусмысленность, позволяющую по-разному толковать самые невинные на первый взгляд строки. О каком «верном друге в далекой стороне», спрашивающем, «где пройти к весне такой надежной и такой хорошей, как у вас», говорит поэт Александр Жаров.⁴⁷ В риторике предвоенного времени, в условиях реальных военных конфликтов локальные столкновения осознавались как часть некоей символически зашифрованной глобальной цели: «Мы любим жизнь. И любим тем сильнее, / Чем больше счастья есть у нас во власти. / А потому во имя всех людей / Ведем мы бой за их земное счастье» (Александр Безыменский «Мы любим жизнь», 1940, Раатевара)⁴⁸.

П. Павленко, в 1937 году рассуждая о «нужных» времени книгах, предлагает смягчающую видимые противоре-

чия концепцию «созидательной» войны, где формальное нападение противника должно смениться немедленным контрнаступлением Красной Армии, которая будет энергично реализовывать идеи распространения социализма по миру: «Сейчас наша военная тема — тема строительства, ибо наша война — это созидательная война, наши бойцы и командиры — строители. Они будут строить ревкомы и воспитывать людей на тех территориях, где придется драться. Мы строим, а не уничтожаем»⁴⁹. Это суждение является своего рода послесловием к роману П. Павленко «На Востоке» (1936), где как раз и выведена гипотетическая «созидательная» война СССР с Японией. Действие романа начинается в 1932 году, а завершается чуть позже, в неизвестный год начала новой мировой войны: «Пятого марта 193... года партизанский командир Ван-Сюн-тин, отдохавший в родных местах, узнал о движении японских дивизий к озеру Ханка»⁵⁰.

Писатель предлагает своего рода конспект «контуров будущей войны» «советских» с «белогвардейцами», «японцами», «империалистами» от стадии локального конфликта до мощной революционной битвы всемирно-исторического значения. «Труднее всего было... на границе. Пора строительства укрепления давно прошла, уехали инженеры, и началась жизнь крепости, глубоко закопанной в землю. Так, впрочем, продолжалось недолго. Одна за другой пошли провокации на границе. Белогвардейцы обстреливали колхозников, японцы ежедневно «исправляли» пограничную черту, ссылаясь на давние разговоры. Не было ночи без выстрелов. Пограничники работали, как на войне, без сна, без отдыха. За одну последнюю зиму Тарасюк четыре раза ходил в штыки на японцев, перешедших рубеж, был ранен и ни за что не хотел уезжать на запад, боясь пропустить тот ответственный день, который всем казался почти наступившим» (С. 439). Однажды утром японцы все же пересекают воздушную границу, но советские войска готовы к немедленному контрнаступлению. «Звуки издалека делались гуще, и скоро можно было разобрать, что это звучат моторы. Потом что-то звякнуло

на дорогах, и за колхозными фанзами залаяли псы. И еще раз, но громче, прозвучало моторами небо и медленно, как бы заикаясь, откашлялось на горизонте, у моря. Человек встал и оглянулся.

— Это война, — сказал он. — Товарищ Михаил Семенович, уверяю вас, это типичная война.

Дорога еще была пустынна, но звонкий ход металла чувствовался за первым ее поворотом. Шла артиллерия. Впереди нее, оглушительно тарахтя, катились танки» (С. 453).

Готовые к войне войска относятся к отражению врага как к повседневной боевой задаче. Молодой командир перед картой тылов противника уже в первые часы войны «задумчиво набрасывал на ней разноцветные линии обозов, скопления эшелонов, беженцев и продовольственных баз. Он как бы искал поля будущих битв, осторожно накладывая на них мазок за мазком, меняя краски или вовсе стирая их. Радиоосведомление держало его в постоянном творческом напряжении» (С. 493).

Итогом его задумчивости и усилий войск стал быстрый перелом ситуации: «В пять часов дня 8 марта пришло сообщение, что авиация красных громит тыл и коммуникации армии. Маньчжурская образцовая бригада, захватив санитарные поезда, самовольно отходит по направлению к Харбину. Фронт армии Накамуры перемещался в тыл. Армия его должна была поворачиваться во все стороны. Фронт обтекал ее, окружал. Армия Накамуры зарывалась в землю. Красные части теснили японцев к югу. Красные десанты ждали их с флангов. Маньчжурские партизаны громили их с тыла. Советский рубеж, грудью приняв японский удар и расплющив его о себя, теперь оставался далеко позади» (С. 504).

Столь энергичное отстаивание своих рубежей имеет, по П. Павленко, две причины. Во-первых, военная мощь Красной Армии. «Борьба в воздухе разгорелась с новой силой. Красные истребители все прибывали, и сражение воздушных машин все более отрывалось от связи с землей. Красные срывали разведку, ослепляли

колонны и час за часом уходили все дальше от полосы прорыва, в Маньчжурию. Война спешила на чужую землю... Штурмовики уходили волна за волной, и небо над полями прорыва становилось все тише, беззвучнее и бездеятельнее. И вдруг из-за горизонта появилась новая колонна машин. Она проносилась почти над головами сражающихся, трудно уловимая на фоне холмов и земли. Невидимые, грохотали где-то высоко бомбардировщики. Война спешила на чужую, напавшую на нас землю» (С. 491—492). «Показались бомбардировщики. Они садились один за другим, мгновенно выбрасывали из кабин людей в шинелях и шлемах, неуклюжие танки и тягачи с гаубицами... Люди были в добротных сапогах и шинелях, с крепкими деловыми лицами, кажущимися темными от сизых шлемов. От них несло запахом хлеба и ваксы. Это была великая пехота большевиков. Чэн видел ее впервые» (С. 520).

Но главная причина изменения хода военных действий — в понимании всеми советскими людьми своей идеологической сверхзадачи, интернационалистский характер которой неоднократно формулируется в романе различными героями. Вот, например, комиссар Измаров дает задание эскадрилье: «Не спеша выработал он порядок дня (политические задачи рейда — первое, прием в партию — второе, информация о событиях — третье, текущие дела — четвертое) и не спеша объявил его своим голосом старого рыбака (он был тюрок из Ленкорани). У всех защемило в глазах.

— Коммунизм сметет все границы, — сказал Измаров. — Очень сильно надо понимать эту мысль. Очень сильно, очень серьезно. Сметет — ха! Думают, может быть, когда это сметет? Сейчас сметет. Когда нужно — тогда и сметет. Я так понимаю.

Но и все понимали, что границей Союза являлась не та условная географическая черта, которая существовала на картах, а другая — невидимая, но от этого еще более реальная, которая проходила по всему миру между дворцами и хижинами. Дворцы стояли по ту сторону рубежа.

Не села маньчжурских мужиков должны были отвечать за нападение на Советский Союз, а дворцы и банки купцов. Не поля маньчжурских мужиков будут гореть, но виллы. Военные заводы. Склады и аэродромы в центре страны, начавшей войну» (С. 470).

«После сообщения о начале войны в Москве на улицах царят всеобщий восторг и ликование, толпа «говорит, поет и спорит», люди постарше восторженно вспоминают Гражданскую войну, войну в Испании, выступления в Берлине. «Вы заметили, что никто не говорит об Японии... Что там Япония. Все знают, что дело не в ней. Мы встречаем сегодня не первый день навязанной нам войны, а что-то провозглашаем на всю вселенную. Дело идет о схватке повсюду... Мы всегда знали и никогда не забывали ни на минуту, что война будет и ничто не устранил ее навсегда. Мы старались отодвинуть, отдалить неотразимый час ее прихода, чтобы вырастить бойцов среди угнетенных народов, воспитать классы, выковать партии. Сколько раз билось от счастья наше сердце, когда над миром проносился революционный пожар! Мы знали, что этот час придет! Вставай, Земля! Время наше настало! Вставайте, народы! Прочь руки от Красной страны!» (С. 510—511).

«Борьба за революционное будущее человечества — это лучшее, что может случиться с советским человеком. Герой с волнением говорит героине, муж которой на фронте: «Вот и опять молодость, опять. Ах да, вы не пережили Гражданской войны. Это было счастье, Ольга Ованесовна. Все чувства, все поступки сверялись на слух с тем, что происходило на фронте. Только в минуту величайшей опасности начинаешь как следует осознавать, что такое советский строй. Мы родились и выросли в войне. Наш быт был все время войной, неутрахающей, жестокой. У нас умеют садиться в поезда и уезжать за тысячу верст, не заглянув домой. Мы способны воевать двадцать лет, мы бойцы по исторической судьбе, по опыту жизни... для нас победить... значит, смести с лица земли режим, выступивший против нас. ...Китай вырастет в могущест-

венную советскую страну. Япония станет счастливой. Индия получит свободу» (С. 508).

«Мощного освободительного пафоса «созидательной войны» хватит на всех советских людей. «Войну закончат те, кого вы воспитае. Они будут победителями... Умейте сложить кости на ваших лекциях, если еще мечтаете о романтических подвигах» (С. 536), — говорят героине, работающей преподавателем океанографии в завоеванном / освобожденном городе. Восторг всеобщей битвы соединяется в финальной части романа с пафосом бурной деятельности перед раскрывающимся замечательным небывалым будущим. «Но почему все же я захотел написать о войне? Лишь только потому, что вижу, какая это будет война.

Война, которую, быть может, вынужден будет вести наш Союз, в случае нападения на него, явится новой в истории человечества войной, справедливой и благотельной. Это будет война за счастье»⁵¹.

Несомненно, что роман, созданный П. Павленко, был, что называется, заказным. Враг обозначен, цель войны приведена в соответствие с требованиями момента, описание будущих боевых действий должно вызывать у читателя прилив энтузиазма и веру в безоговорочную справедливость государства. В условиях, когда большая часть литературы приравнивается к пропаганде, естественно, увеличивается число текстов, организованных в соответствии не с социальным, но с собственно государственным заказом. Значительная часть литературы об армии непосредственно обслуживала политуправление. Менялись штабные установки — соответствующим образом менялись мотивировки и пафос. Сама система пропаганды предполагает, в частности, что «пропагандистская интенция автора никогда не может быть установлена наверняка и мелькает в текстах как некий призрак, проявляясь и исчезая в зависимости от их интерпретации и конкретных условий рецепции»⁵².

Но очевидно, что не все писатели находились в столь прямой зависимости от требований Наркомата обороны.

Именно «самостоятельные» тексты, как показывает история литературы, сильнее всего влияют на современников, надолго оставаясь в их памяти, создавая у потомков определенный образ ушедшей эпохи. Отдавая отчет в том, что любая интерпретация литературы под жестко заданным идеологическим углом зрения в той или иной степени произвольна, все же предпримем подобную попытку не только в случае открыто-пропагандистской литературы, субъективность которой неизменно деформирует заранее сформулированный заказ.

Рассмотрим здесь лишь один аспект выражения мобилизационной готовности в художественной литературе — произведения, предназначенные для подростков, то есть тех, кому в будущей войне придется принимать самое непосредственное участие. В русской литературе проблема проверки справедливости и значительности дела его воздействием на детей постоянно разрабатывается, активизируясь в периоды, когда возникает потребность в оправдании / осуждении военных приготовлений и подготовке к войне всех членов общества. В советской культуре периода ее становления война довольно часто представляется как своеобразная инициационная практика. Готовность к походу у «красногалстучной гвардии», как было принято называть пионеров, надо было воспитывать уже сегодня. Равнение на героев прошлого и непрекращающаяся освященная пионерской клятвой «борьба за дело Коммунистической партии» требуют самовоспитания качеств, необходимых воину, герою времени — летчику, пограничнику, танкисту. Равнение на героев требует быть мужественными, решительными и бдительными.

Выразительными примерами подобного рода текстов, влияние которых на советских подростков трудно переоценить, являются повести и рассказы А. Гайдара. Писатель не входил в число локафовских активистов, тем не менее военная тема пронизывает все его творчество. Это, видимо, связано в первую очередь с биографическими причинами. Попав на Гражданскую войну совсем юным, А. Голиков после ее окончания был демобилизован из ар-

мии с диагнозом «травматический невроз», от которого и лечился всю последующую жизнь. Он, судя по всему, прекрасно осознавал, что испытание войной выдержал не до конца, и понимал, какого рода подготовки ему не хватило. Об этом в 1930 г. он пишет повесть «Школа», где подводит негероический итог «героическому» периоду в изображении событий своей юности.

Как большинство современников, уверенный в том, что еще одна большая война неизбежна, писатель поставил перед собой своеобразную и по-своему благородную задачу — помочь современным детям и подросткам психологически подготовиться к будущей войне. Не случайно самого себя Гайдар представлял воспитателем будущих солдат: «Пусть потом какие-нибудь люди подумают, что вот, мол, жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснорозетную крепкую гвардию»⁵³. Чтобы гвардия выдержала предстоящие испытания, составляющие ее люди должны обладать внутренне непротиворечивой системой воззрений, которая сделает преодолимыми военные перегрузки. Кроме того, она должна знать, какие битвы ждут ее впереди.

Как и многие другие детские писатели этой поры, А. Гайдар изображает мир как непрекращающуюся войну, вынося изображение явных или скрытых военных действий в центр любого своего сюжета. Война может проявляться в борьбе с кулаками и вредителями («Дальние страны», «Военная тайна»), с диверсантами и шпионами («Судьба барабанщика», «Маруся»), с внешним неназванным врагом («Поход») или названными белофиннами («Комендант снежной крепости»). Поскольку война носит непрекращающийся и всеобщий характер, все члены общества или являются солдатами, или готовятся в солдаты — это, очевидно, относится к твердым убеждениям писателя. Даже совсем малыши Чук и Гек впервые появляются в рассказе Гайдара, когда у них «был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались»⁵⁴. И на протяжении всего рассказа с вполне мирным сюжетом — по-

ездкой вместе с матерью к отцу на север — то Гек делает пику, чтобы «ткнуть этой пикой в сердце медведя» (3, 35), то он видит «в поле завод. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и укутанный в тулуп стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка» (3, 41), то, заметив «могучий железный бронепоезд», мальчики решают, что в кожанке рядом с ним «командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против кого-нибудь бой» (3, 42). И даже на конфетных обертках у них «нарисован танк, самолет или красноармеец» (3, 36). Война определяет мечты героев о будущем. Васька из «Дальних стран» собирается, став взрослым, пойти в Красную Армию: «Возьму винтовку и буду сторожить. А если не сторожить, то налетит белая банда и завоюет все наши страны» (2, 68).

Всеобщая готовность к воспитанию в себе солдата, свойственная героям Гайдара, приводит их к идее создания организации единомышленников, отряда, а позже и своей армии, состоящей из тех, кто только готовится пойти в «настоящую» армию. Идея «отрядов» буквально пронизывала всю систему общества, и фабула произведений Гайдара построена так, что герои формируют территорию обороны, постепенно создавая отряды из тех, кто готов сражаться вместе с ними. Одиночки сплываются и постепенно учатся видеть другие такие же отряды, превращаясь в армию, последовательно уничтожая или перевоспитывая противника, будь то уже упоминавшийся Санька, Мишка Квакин или сестра Оля из «Тимура и его команды»⁵⁵.

Военный человек, по А. Гайдару, — центральная фигура в советской действительности, обладающая четко обозначенным набором качеств, среди которых одним из важнейших является умение обнаруживать врагов и обезвреживать их. Формирование этого умения является важнейшей частью воспитания гражданина. Советская политическая риторика 1930-х гг., во многом построенная на идее мира как войны, предполагала формирование

поляризованного образа действительности с отчетливо обозначенными образами «своих» и «врагов». При этом полагалось, что обучение безошибочно отделять одних от других, в том числе и по идеологическим признакам, должно стать едва ли не основополагающим в процессе социализации советского ребенка. Советская детская журналистика (см. журналы «Дружные ребята», «Мурзилка» и др.) предлагала немногочисленные и ясные способы подобного различения, следование которым обещало заведомый успех.

Дети на Гражданской войне — одна из центральных тем творчества А. Гайдара 1920-х гг. («Р.В.С.» — 1925; «На графских развалинах» — 1929; «Школа» — 1930) — легко отделяли «своих» от «чужих» по их принадлежности к той или иной воюющей стороне. Война «настоящая», в произведениях писателя 1930-х годов неизменно находящаяся на периферии повествования, с отголосками которой в мирной жизни сталкиваются юные герои, также задает принадлежность «своих» к «красным», а «чужих» к «белым». Но подобное «политическое» противопоставление утрачивает очевидность даже в рамках заведомо схематичной «Сказки о Мальчише-Кибальчише...» (1932), осложняется введением образа Мальчиша-плохиша — тайного «чужого», в условиях боя оборачивающегося врагом.

В повестях и рассказах 1930-х гг. А. Гайдар особое внимание уделяет не результату, но процессу различения, неизменно изображая его как сложный, требующий от героя сверхусилия. Писателем вводится градация «своих», и наградой за успехи становится причисление героя к особенно доверенным «своим» — потенциальным хранителям Военной Тайны. По мере развития читателя ситуация различения требует от героев все больших интеллектуальных и эмоциональных затрат, поскольку «чужость» может проявляться неожиданно («Дальние страны» — 1932; «Военная тайна» — 1935), не осознаваться самими ее носителями («Голубая чашка» — 1936), сознательно и хитроумно прятаться («Судьба барабанщика» — 1939),

скрываться в «своих» («Тимур и его команда» — 1940), скрываться в себе («Чук и Гек» — 1939), наконец, только казаться присутствующей («Комендант снежной крепости» — 1941). Ведение войны с условным противником, являющимся то ли тайным другом, то ли явным врагом, — главный предмет в школе советских подростков. При этом писатель не просто постепенно переводит читателей на все более сложные «уровни» игры «Найди чужака», но через развитие лейтмотивов крепости, тревоги, военной тайны и других меняет параметры изображаемого мира, делая его все менее однозначным, сохраняя тем не менее отчетливую, но уже не столько идеологическую, сколько психологическую границу между «своим» и «чужим», используя в качестве барьера понятие «справедливость».

Цель войны в творчестве Гайдара — защита / уничтожение советского строя. Ради этого одни готовы «бить белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверять на земле полевые караулы» (1, 33), другие — неумоимо идти на любые ухищрения ради получения чертежей оружия, срыва строительства завода, организации колхоза и т.п. Ненависть «белых» к «красным» носит во многом иррациональный характер: злодеи не вспоминают о добрых старых царских временах, у них нет плана будущего без советской власти, эта власть просто вызывает их зависть и желание разгадать ее загадку⁵⁶. Все войны, начиная с Гражданской, — этапы единой справедливой со стороны советских людей войны по защите советского строя.

В символически-обобщенном виде образ этой войны создан в «Сказке о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» (1933): война «наших отрядов» с «проклятыми буржуинами», напавшими на мирных тружеников. Но попытки завоевать «наших» и «забрать их в свое проклятое буржуинство» безуспешны, потому что от мала до велика «наши» готовы отстаивать свою землю, а их предводители, какими бы юными они ни были, знают Военную Тайну. Эта война в итоге заканчивается окончательной победой «наших», так как на их стороне могучая Красная Армия и привлекательная для других стран

идея, благодаря которой, недоумевают буржуины, «как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются» (2, 187). Поэтому «при первом грохоте войны забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства. И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной» (2, 190). Неназванная Тайна включает в себя в первую очередь глубокую веру в основополагающую справедливую идею государства трудящихся.

А. Гайдар так разъяснял читателям смысл названия повести: «Тайна, конечно, есть. Но ее никогда не понять главному Буржуину. Дело не только в вооружении, в орудиях, в танках и бомбовозах. Всего этого немало и у капиталистов. Дело в том, что наша армия знает, за что она борется. Дело в том, что она глубоко убеждена в правоте своей борьбы. В том, что она окружена огромной любовью не только трудящихся советской страны, но и любовью миллионов лучших пролетариев капиталистических стран, что в помощь Красной Армии подрастает такое поколение, которое поражений знать не может и не будет. И это у Красной Армии — тоже своя военная тайна»⁵⁷.

Представление о справедливом характере войны советского с несоветским на протяжении творчества у Гайдара в целом остается неизменным, но постепенно меняется образ врага и само описание военных действий. Сначала эта война именовалась Гражданской, и события в ней имели конкретно-исторический характер. В «Сказке о Мальчише-Кибальчише» война является однозначно оборонительной, но затем войны утратят наименования и определения⁵⁸. Если ставится прагматическая задача — научить героя / читателя обнаруживать врага в любых условиях, — делается неважным, в какой войне приходится принимать участие герою, лишь бы она была «справедливая». На неизвестную войну уходит отец Альки из рассказа «По-

ход»: «Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход» (3, 78). Весной отец возвращается из похода и приказывает сыну «оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало» (3, 79). Маруся из одноименного рассказа 1940 года несет букет «на свежую могилу отца, только вчера убитого в пограничной перестрелке» (3, 81). Столь же территориально неопределенной оказывается война в «Тимуре и его команде»: «Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте» (3, 84). Своему другу Георгию Гараеву, инженеру-механику на автомобильном заводе, который после получения повестки мгновенно превращается в капитана танковых войск, Ольга Александрова поет песню, где есть такие слова: «Гей! Да где б вы ни были, на земле, на небе ли, / Над чужими ль странами — / Два крыла, / Крылья краснозвездные, / Милые и грозные, / Жду я вас по-прежнему, / Как ждала» (3, 164).

В изображении Гайдара советская страна живет в ситуации войны вообще, к которой все относятся с пониманием, уважая ее таинственность, но новые конкретно-исторические военные конфликты конца 1930-х — начала 1940-х гг. вновь позволяют упоминать реальные сражения («Комендант снежной крепости») в Финляндии, Польше и Монголии, которые именуются «далекими командировками» (3, 174), только чтобы не пугать зря близких. Эти войны тоже ведутся за советскую страну, и закончатся они только тогда, когда «сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний провокатор, последний шпион и враг счастливого народа» (2, 413).

25 июня 1940 г. главный редактор «Красной звезды» Е.А. Болтин собрал писателей, работающих над военной тематикой, на своего рода инструктаж: «Прежде всего надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не инструмент мира. Надо

воспитывать людей так, что будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал. У нас были такие настроения, что будем обороняться, а сами в драку не полезем. Это неверно. Наш народ должен быть готов к тому, что, когда это будет выгодно, мы первыми пойдем воевать... Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар...»⁵⁹

Эти кулуарные установки не успели претвориться в художественную практику⁶⁰, поскольку открыто были провозглашены лишь 5 мая 1941 г. в речи И. Сталина на приеме выпускников военных академий. Близкий к военным кругам литератор Вс. Вишневский, присутствовавший на приеме, записал в дневнике: «Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Впереди — наш поход на запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно»⁶¹.

Литература сделала все для того, чтобы этими возможностями смогли воспользоваться граждане СССР. Но на их долю выпала война совсем другого характера.

Примечания

¹ Слова, взятые в кавычки в заглавии, — название законченной в 1937 г. книги В. Трифонова, о которой с горечью вспоминает его сын, писатель Ю. Трифонов как о причине гибели отца. Проведенный одним из организаторов советских вооруженных сил стратегический анализ неизбежного будущего СССР, его совпавшие с исторической реальностью предупреждения о внезапности войны, о немецком фашизме как главном вероятном противнике и т.п. — приводятся как доказательство прозорливости частного, хотя и близкого к государственной верхушке лица и преступной недальновидности советских властей. См.: *Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение: Романы.* — М., 1988. С.143—145.

² См. об этом, например: *Образ врага.* — М., 2005; *Faces of The Enemy: Reflections of the Hostile Imaginations.* San Francisco, 1986.

³ Кошкин С. Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. — СПб., 2001. С. 241.

⁴ Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. — М., 1995. С. 273.

⁵ Фицпатрик III. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001, 2001. С. 18.

⁶ Сергеев А. Omnibus. — М., 1997. С. 31.

⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения. — М., 1988. С. 45.

⁸ Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. — М., 1999. С. 109.

⁹ Друнина Ю. В двух измерениях. — М., 1970. С. 47.

¹⁰ Ленин В.И. О литературе и искусстве. Изд. 4-е. — М., 1969. С. 87.

¹¹ История русской литературы: В 3 т. Т. 2. — М., 1960. С. 501.

¹² «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!» // Лит. газета. 1938. 10 апреля. Цитата из В. Маяковского, к этому времени признанного «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи», чья поэма «Владимир Ильич Ленин», из которой взято приведенное в письме высказывание, заучивалась наизусть, звучит довольно двусмысленно, ибо контекст читателем легко восстанавливался, а в поэме речь шла о будущей мировой «революции радостной и скорой», которая и была названа «единственно великой войной».

¹³ Лит. газета. 1938. 30 мая.

¹⁴ Лит. газета. 1931. 9 марта.

¹⁵ Выходил с февраля 1931 г. (изд-во «Федерация», отв. ред. Л. Дегтярев).

¹⁶ Подробнее об этой организации и создаваемых в ее рамках произведениях см.: Добренко Евг. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. — Мюнхен, 1993; Он же. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон. — СПб, 2000.

¹⁷ Ранее, 5 июля 1932 г., при МосЛОКАФ состоялось производственное совещание, наметившее ряд мероприятий по развитию жанра массовой песни «в связи с отставанием этого жанра от требований обороны страны и социалистического строительства» (см. об этом: Лит. газета. 1932. 5 июля).

¹⁸ Правда. 1936. 29 марта.

- ¹⁹ I Съезд писателей СССР: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 683.
- ²⁰ Цит. по: «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы. — М., 1997. С. 263.
- ²¹ См., например: Писатель на фронте // Лит. газета. 1939. 26 ноября.
- ²² Под галицийским небом // Знамя. 1939. № 11.
- ²³ Из фронтовых стихов // Звезда. 1939. № 12.
- ²⁴ См. об этом: Лит. газета. 1940. 20 июня.
- ²⁵ См. отчет об этой встрече: Правда. 1941. 7 января.
- ²⁶ I Съезд советских писателей: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 194.
- ²⁷ Там же. С. 683.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же. С. 285. Видимо, подобной широко понимаемой «обороной» можно объяснить, что в журнале «Знамя», позиционировавшемся как «ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический оборонный журнал», публиковали не только тексты, непосредственно посвященные теме войны, а, например, книгу путевых очерков И. Ильфа и Евг. Петрова «Одноэтажная Америка» (1936).
- ³⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 176.
- ³¹ Целеустремленный журнал // Лит. газета. 1936. 29 января.
- ³² Маяковский В. Сочинения в одном томе. — М., 1940. С. 306.
- ³³ Сурков А. «Песня» именем жизни. — М., 1986. С. 29.
- ³⁴ Там же. С. 59.
- ³⁵ Смеляков Я. Стихотворения. Свердловск, 1989. С. 27.
- ³⁶ Там же. С. 66.
- ³⁷ Литературная газета. 1932. 5 августа.
- ³⁸ Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. — М., 1969. С. 54.
- ³⁹ Там же. С. 90.
- ⁴⁰ Олейников Н. Боевые дни. — М., 1991.
- ⁴¹ Гайдар А. Сочинения. — М., 1948. С. 204.
- ⁴² Хармс Д. Полет в небеса. — М., 1988. С. 245.
- ⁴³ Строки, добытые в боях. С. 26.
- ⁴⁴ Там же. С. 91.
- ⁴⁵ Там же. С. 58.
- ⁴⁶ Страницы русской поэзии: (20—30-е годы). — Томск, 1988. С. 325.
- ⁴⁷ Жаров А. Стихи. Песни. Поэмы. — М., 1964. С. 113.

⁴⁸ *Безыменский Л.* Стихи о комсомоле и молодежи. — М., 1983. С. 126.

⁴⁹ *Павленко П.* Писатель должен быть бойцом / / Знамя. 1937. № 4. С. 287.

⁵⁰ *Павленко П.* Собр. соч.: В 6 тт. Т. 6. М., 1953. С. 441. В дальнейшем роман будет цитироваться по этому изданию с указанием в скобках страницы.

⁵¹ *Павленко П.* На Востоке (о моей книге) / / *Павленко П.* Собр. соч.: В 6 тт. Т. 1. С. 547.

⁵² *Маргулис Н.* «Слово наше — это сила и оружие...»: литературная пропаганда в «испанском конфликте» / / Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. — М., 2002. С. 161

⁵³ *Гайдар А.* Воспитание мужества / / Детская литература. 1941. №2. С. 40.

⁵⁴ *Гайдар А.* Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1960. Т. 3. С. 33. В дальнейшем тексты Гайдара будут приводиться по этому изданию с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁵⁵ Военная коллективность представлена в литературе этого периода одной из основ советского строя, непонятной врагам. Переходящий советскую границу враг из стихотворения С. Михалкова «Граница» не догадывается, что вступает на территорию, где каждый воин: «Ив тот же самый ранний час / Из ближнего села / Учиться в школу, в пятый класс, / Друзей ватага шла. / / Шли десять мальчиков гуськом / По утренней росе, / И каждый был учеником / И ворошиловским стрелком, / И жили рядом все. / / Они спешили на урок, / Но тут случилось так: / / На перекрестке двух дорог / Им повстречался враг» (Михалков С. Избранное. — М., 1948. С. 16). Эта встреча оказывается смертельной для врага, которого, «глазом не моргнув», отправляют к начальнику заставы, поскольку неписанный закон пограничной полосы о бдительности является обязательным для исполнения всех независимо от возраста.

⁵⁶ Аналогичная ситуация — враг желает вызнать «тайну советской стороны» — встречается во многих других произведениях этого времени. Арестовав советский корабль, его пассажиру — пионеру Мише Королькову — японский офицер-фашист задает вопросы: «Ты живешь на Сахалине, / На советской половине. / Сколько вас учеников — / Ворошиловских стрелков?» Но, несмотря на обещание «за хорошие ответы» достать из стола «конфеты, шоколад и пастилу», Миша — член армии пионеров дает уклончивые ответы, четко и безошибочно отвечая лишь на один вопрос: «Если каждый пионер / Кончит школу, например,

/ Кем захочет мальчик быть? ... — Нашей Родине служить!» (Михалков. Избранное. — М., 1948. С. 90).

⁵⁷ Цит. по: *Гайдар А.* Собр. соч.: В 4 тт. Т. 2. — М., 1959. С. 419.

⁵⁸ «Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война» (*Гайдар А.* Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1964. Т. 4. С. 75).

⁵⁹ Цит. по: *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941 гг. — М., 2002. С. 346.

⁶⁰ Органами пропаганды немедленно были предложены новые инструкции по ведению политико-воспитательной работы среди военнослужащих и гражданского населения СССР, но на уровне искусства они реализованы не были. См. об этом, например: *Моткин С.В.* Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны / Великая война: Великая победа и Великая трагедия. Доклады Всероссийской научной конференции (23—24 апреля 2005 года). — Екатеринбург, 2005.

⁶¹ *Вишневский Вс.* «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939—1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С. 108—109.

Песни о будущей войне

Песня во многих смыслах выделяется среди других музыкальных и поэтических жанров. В силу своей краткости, простой мелодики, часто афористичности песня (или ее отдельные части) легко запоминается; песня сравнительно проста для повтора и для самостоятельного исполнения; песня легко распространяется среди слушателей (радиопередачи, самые примитивные аудиозаписи, концертное или любительское исполнение); наконец, даже слабо подготовленный автор способен породить свою собственную песню или вариант песни, уже существующей. В силу всех этих причин песня является одним из важных индикаторов политического режима и общественно-политических настроений в обществе. Недаром древний мудрец сказал: «Не говорите мне, какие в стране законы; скажите мне, какие в стране поют песни». Песня «официальная» является показательным примером пропаганды со стороны элиты, указывает общее направление инициированной элитой индоктринации населения и, следовательно, иллюстрирует цели этой элиты. Песня «неофициальная» (частушки, народная, бардовская песня, некоторые разновидности романса) ярко и оперативно иллюстрирует изменения общественного сознания, отношения масс к элите, к ее действиям и объявленным целям. Ниже будет предпринята попытка рассмотреть «официальную» советскую песню

¹Поварницын Борис Игоревич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

конца 1930-х и рубежа 1930—1940-х гг. в контексте общей милитаризации советского общества и подготовки людей к некоей будущей войне. «Неофициальная» песня этого времени могла бы стать не менее важным источником исторического знания; однако ее изучение является темой самостоятельного и очень серьезного исследования, на которое я в данном случае не посягаю.

Нужно сразу оговориться о границах понятия «официальная песня». Я подразумеваю под ним те музыкально-поэтические сочинения, которые были в рассматриваемый период изданы в СССР в виде текстов или записаны на советских государственных студиях грамзаписи, либо включены в кинофильмы, выпущенные на государственных киностудиях. Так или иначе государство дало свою санкцию на существование этих песен. Учитывая особенности советского политического режима рассматриваемого периода, можно сказать, что государство согласилось использовать эти произведения в качестве пропагандистских материалов. Это и позволяет обобщенно назвать их песнями «официальными», хотя и художественный уровень их и даже близость к «генеральной линии» при этом, разумеется, различаются. Если выйти несколько за хронологические рамки темы, то можно привести пример: в равной мере официальными были и «Мы прошли с тобой полсвета, / Если надо — повторим» и «Враги сожгли родную хату». При этом по своим художественным качествам и пропагандистским потенциалам эти два сочинения так же несравнимы, как пепел и алмаз.

Тема будущей войны постоянно присутствовала в советском песенном творчестве, начиная с Октябрьской революции 1917 г. По содержанию можно выделить три периода песенного творчества на эту тему. Первый — период пафоса непосредственного распространения советской большевистской революции на другие страны. Соответственно звучит прямой призыв к боевым действиям за пределами РСФСР/СССР («Левый марш» В. Маяковского: «Эй, синеглазые, рейте / За океаны...»; «Гренада» М. Светлова: «Я хату покинул, пошел воевать, / Чтоб

землю в Гренаде крестьянам отдать...»). Затем, примерно с середины 1920-х и до середины 1930-х гг., наблюдается второй этап. Мировая революция «не отменена», но переносится из ближайшего будущего в будущее все более и более неопределенное. Будущая война присутствует в текстах, но выглядит не конкретной войной между конкретными государствами, а абстрактной Битвой, чем-то вроде Армагеддона, всемирным праведным мятежом, мировой гражданской войной трудящихся против эксплуататоров («Все страны охватит / Восстанья костер»¹). Участие СССР подразумевается в качестве детонатора и моральной опоры «светлых сил», но точно не определяется. Одним из последних (может быть, последним) примером «коминтерновской» тематики стала «Кантата о Сталине» И. Дунаевского и М. Инюшкина: «И, песню о нем [Сталине] поднимая, как знамя, / Единого фронта шагают ряды; / Горит, разгорается грозное пламя, / Народы встают для последней борьбы»².

В конце 1930-х гг. эти темы теряют актуальность, что легко объясняется общим поворотом в политике государства и Коммунистической партии. Окончательно утвердилась концепция «построения социализма в одной стране», отброшены и забыты наивные мечты первых послеоктябрьских лет о «мировой революции»; роль Коминтерна падает с каждым годом, ему предписано организовывать трудящихся всего мира на защиту «отечества всех трудящихся». Внешняя политика из классовой окончательно превратилась в государственническую (намеренно я не говорю о «советской империи» — это отдельная тема; пусть будет просто государство). Соответственно меняются пропаганда и «официальное» песенное искусство как ее составная часть.

При этом, как мне кажется, нужно учесть, что далеко не все авторы-песенники напрямую выполняли какие-то постановления Политбюро ЦК ВКП(б) (скорее всего, далеко не все поэты и композиторы даже и знали о таких постановлениях). Конечно, кто-то подчинялся прямому «социальному заказу», но большинство просто находи-

лось под влиянием меняющейся атмосферы общественной жизни. Это объясняет неодновременность и в целом некоторое запаздывание творческого ответа на политические запросы: даже проникнутому «генеральной линией» творцу требуется время, чтобы осознать «атмосферу», осуществить акт творчества и добиться (или дожидаться), чтобы этот акт стал частью пропаганды, то есть был размножен и популяризирован.

В результате появляется то, о чем, собственно, и речь: песенное искусство рубежа 1930—1940-х гг. Имея в виду предвоенный характер этих лет, содержание песен будем рассматривать под углом четырех проблем: во-первых, вероятность Большой войны; во-вторых, причины ее начала и цели (грубо говоря, кто на кого нападет и ради чего); в-третьих, характер войны (где, как, какими средствами и способами); в-четвертых, к чему это все должно привести.

В песенных текстах кануна Второй мировой войны (как и в более ранних) смешаны две трактовки *вероятности* Большой войны. Первый вариант — война именно вероятна: «Если в край наш спокойный / Хлынут новые войны...», «Если завтра война, если завтра в поход...», «Если враг нашу радость живую / Отнять захочет в упорном бою...»³ и т.д. Второй вариант — война неизбежна: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...». Здесь уже нет сослагательности, чувствуется уверенность в том, что товарищ Сталин в бой пошлет непременно, хотя и неизвестно, когда. Этот второй вариант демонстрирует преемственность с более ранними «коминтерновскими» песнями («все страны охватит / восстанья костер» тоже неизбежно, хотя сроки неясны).

Почему в этом вопросе нет единообразия? Первое приходящее на ум объяснение — разные авторы-песенники просто по-разному представляли себе будущее. Наверное, так оно и было. Но в этом легком разное можно, по-моему, увидеть и отголоски реальной политической жизни 1930-х гг. Советский Союз столько раз участвовал в попытках создания системы коллективной безопасности, а

потом от них отказывался (или терпел неудачу), столько раз менял реальных или потенциальных союзников, что пропаганда просто не могла проводить сколько-нибудь последовательную линию в этом вопросе. Соответственно размытым становилось и массовое представление о вероятности войны, не всегда поспевали за извивами «генеральной линии» и поэты.

Неизбежность или высокая вероятность войны диктует обязательность массовой подготовки к ней. Более того, в песнях подготовка и готовность к будущей войне становятся высшим смыслом жизни советской молодежи («Будь сегодня к походу готов»), именно по степени этой готовности проверяется уровень «советскости» молодого поколения. Недаром система массовой (фактически — всеобщей принудительной) физкультурной подготовки называлась «(Будь) Готов к труду и обороне». «И ребятам есть одна забота: / Подрасти бы только поскорей, / Чтоб водить, как Громов, самолеты, / Быть бойцом республики своей»⁴. Военная подготовка придает смысл физкультуре и спорту: «Физкульт-ура-ура-ура! Будь готов! / Когда настанет час бить врагов, / От всех границ ты их отбивай!...»⁵ Спортивно-техническая подготовка к войне охватывает не только «ребят»: «А девчата наши — патриоты. / Ни одна от нас не отстает, / Если парни водят самолеты, / Эскадрилью девушка ведет»⁶. Впрочем, дело не только в военно-прикладных видах спорта, а в общей готовности встать в строй вместе с мужчинами: «Если ранили друга — / Сумеет подруга / Врагам отомстить за него! / Если ранили друга — / Перевяжет подруга / Горячие раны его»⁷.

Причины Большой Войны

В песнях война предстает сугубо оборонительной, ответным действием Советского государства на агрессию мирового империализма. Иногда при этом прямо цитировались фразы из директивных выступлений политических деятелей: «Мы своей земли ни пяди / Никому не

отдадим» («Бейте с неба самолеты...» А. Александров и С. Алымов, 1937)⁸. Несмотря на то что тематика Гражданской войны (как российской, так и «мировой») заметно поблекла, некоторые связанные с этим аналогии продолжали жить, очевидно, чтобы поддержать советский патриотизм старшего поколения, задетого Гражданской войной. Будущую войну собираются развязать «генералы»⁹ — явное развитие темы «офицеров-золотопогонников» как символа Белого движения. Враг описывается как «враг матерый»¹⁰ — можно предположить, что уже в прошлом (в Гражданскую войну?) пытавшийся воевать против советской власти.

Все военная деятельность СССР (включая военную службу советских граждан) объясняется только стремлением обеспечить безопасность своей территории, а следовательно — оплот мира во всем мире. «Мы войны не хотим, но себя защитим, / Оборону крепим мы не даром...»; «И воздух, и сушу, и море / Храня от угрозы войны, / Стоят в неустанном дозоре / Республики нашей сыны...»¹¹ Недаром и в получившей широкое распространение и популярность «Катюше» (М. Блантер, М. Исаковский, 1938) воин именно «землю бережет родную» — других задач у него не предусмотрено. Всего лишь «часовыми Родины» названы знаменитые три танкиста, хотя по ходу сюжета они и идут в наступление. По сути, «охрана границ» стала в песнях эвфемизмом, заменяющим понятие военной службы вообще — других задач у советского человека с ружьем не наблюдается. Причем безопасность рубежей, разумеется, будет гарантирована наилучшим образом на благо трудящихся всего мира — собственно, она уже (на момент написания той или иной песни) безусловно гарантирована. «Если только приведется / Слово армии сказать, / Есть у нас, за что бороться, / Есть, кому и защищать»¹².

Песни вполне откровенно говорят и об ответном влиянии, об ответной экспансии Страны Советов. Однако эта экспансия — сугубо идейная и нравственная. Поэтому она, с одной стороны, не противоречит законам междуна-

родного общежития, с другой — не может быть остановлена грубой силой, вооруженной рукой. «Летит эта песня быстрее, чем птица, / И мир угнетателей злобно дрожит, / Ее не удержат посты и границы, / Ее не удержат ничьи рубежи. / Ее не страшат ни нагайки, ни пули, / Звучит эта песня в огне баррикад. / Поют эту песню и рикша и кули, / Поет эту песню китайский солдат»¹³.

Таким образом, с одной стороны, выступает «идея, овладевшая массами» и выражающая объективный ход истории, с другой — материальная сила произвола и насилия, сопротивляющаяся этому историческому движению (да еще сопротивляющаяся с использованием скрытных, нечестных приемов, поскольку для открытого боя сил у нее не хватает: «таится враг матерый...», «в эту ночь решили самураи...» и т. д.). Конечно, «идея, овладевшая массами» — словосочетание из ряда хрестоматийных марксистских лозунгов. И все-таки нельзя не поразиться, как выворачивались наизнанку в пропаганде основы марксистского учения. Ведь любой, освоивший «Капитал», знал, что на стороне будущего коммунизма выступают именно силы материальные, объективные законы экономики. Идеи же могут подвергаться многим трансформациям и извращениям в целях обмана трудящихся масс на потребу властям предрежащим. На время «овладеть массами» вполне могут и классово чуждые идеи. Классический марксизм такой вероятности отнюдь не исключает.

Хотя и редко, но в песнях наряду с бойцами РККА в качестве хранителей рубежей и мира встречаются бойцы НКВД, стоящие на страже вместе с армией. «Ты Армии Красной бесстрашный боец / И держишь всегда наготове свинец / ... / Мы бдительны всюду на каждом шагу / И будем без промаха бить по врагу. / Мы знаем, что враг ядовит и хитер, / Но глаз у любого чекиста остер»¹⁴.

Сокрушительность ответного удара особо ярко и непосредственно представлена в «Боевой сталинской»: «Всех проучим памятным уроком, / Кто ворвется в наш родимый дом, / И за око вышибем два ока, / А за зуб — всю челюсть разобьем»¹⁵.

Яркими примерами оборонительного характера войны предстают советско-японские конфликты у озера Хасан в 1938-м и в Монголии в 1939 г. В соответствующих текстах «самураи» однозначно предстают «захватчиками», инициаторами конфликта, получившими по заслугам: «Нарушать свои границы / Не позволим никому»¹⁶. Сам постоянно повторяющийся термин «самурай» (который, разумеется, позволял обойтись без географических и политических названий; самураи всегда японские, так же как паны всегда польские) подчеркивал социально-экономическую отсталость противника. Самураи, как и паны, — феодалы. Следовательно, конфликт возникает не просто между государствами, а между социально-экономическими формациями, причем феодализм пытается навредить опережающему его аж на целых две формации социализму. Для любого, читавшего «Краткий курс истории ВКП(б)», историческая справедливость советского дела при этом очевидна (и, в общем-то, не так уж важно становится, кто сделал первый выстрел — все равно «мы» олицетворяем ход истории).

Даже участие СССР в уже начавшейся Второй мировой войне продолжало позиционироваться как революционно-освободительные действия (правда, песен на эту тему появилось немного по причинам, вполне понятным — неполных два года от 1 сентября 1939-го до 22 июня 1941 г. были сроком не слишком большим для появления многочисленных «официальных» текстов). Тем не менее появилась, например, «Баллада о трех героях-танкистах» (В. Кочетов, А. Твардовский, 1940)¹⁷: «Защитник разоренных сел, / Наш танк на помощь братьям шел.. / За жизнь, за мир, за вольный труд». Чтобы не оставалось ни малейших сомнений, о каких «братьях» идет речь, далее говорится: «Подбитый танк со всех сторон / Был панской бандой окружен» (традиционно «панской» именовалась только буржуазная Польша и никакая другая страна в мире).

Вообще нужно сказать, что Польша как вероятный противник продолжала занимать явно неподобающее ей

важное место в пропаганде вплоть до самого начала Великой Отечественной войны. Помимо хрестоматийного «Помнят польские паны...», можно в подтверждение привести строки из «Боевой конной»¹⁸ (Д. Васильев-Бугай, В. Лебедев-Кумач, 1940), где в качестве залога будущих побед вспоминаются победы прошлые: «Нам расскажут Дубно и Отрада, / Как рубили белых и панов». Стоит обратить внимание, что это сороковой год, когда Польши уже не существовало.

Характер будущей войны наиболее выпукло представлен в хрестоматийном тексте В. Лебедева-Кумача (музыка Дм. и Даниила Покрасс, 1938) «Если завтра война», который, по сути, пересказывает соответствующие положения не менее знаменитого Полевого устава РККА 1937 г.: «И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом». Решительная победа будет обеспечена совместными действиями всех родов и видов вооруженных сил: «Полетит самолет, застрочит пулемет, / Загрохочут могучие танки, / И линкоры пойдут, и пехота пойдет, / И помчатся лихие тачанки». В полном соответствии со ставшей афоризмом строчкой этой песни боевые действия развернутся «на земле, в небесах и на море». Причем война будет тотальной, народной войной: «Как один человек, весь советский народ / ... / Если завтра война — всколыхнется страна / от Кронштадта до Владивостока...» В этих словах можно уже увидеть некоторый отход от традиционного «шапкозакидательства»: для победы будут нужны усилия всей страны и всего народа, а не только сравнительно небольшого контингента «буденновцев», летчиков или танкистов, как это можно было понять из многих других песен. По сути, «Если завтра война...» является предисловием к бессмертной «Вставай, страна огромная...» — характер войны и масштабы потребных усилий в обоих текстах изображены весьма сходно.

Неоднократно в песнях упоминается «поход» как символ войны на чужой территории (и одновременно как намек на то, что идея «мировой революции» не совсем спи-

сана в архив). В этом же ряду стоят строчки о пилотах, к которым слово «поход», разумеется, неприменимо: «Полетим мы из вражьего неба, / Вражьи гнезда разрушим дотла...»; «В далекий край товарищ улетает...»¹⁹. Оборона становится наступлением, опять-таки в полном соответствии с Полевым уставом и с теоретическими построениями Триандафиллова и Тухачевского.

Возможность боевых действий на советской территории (тем более отступления, длительной обороны) категорически отвергается: «Наша поступь тверда, / И врагу никогда / Не гулять по республикам нашим!»; «Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы — / Не видать им красавицы Волги / И не пить им из Волги воды»²⁰. Тема неприкосновенности советской территории встречается не только в разнообразных маршах, но и во вполне лирических текстах: «Любимый город может спать спокойно...»²¹

Характерна и еще одна особенность: с советской стороны постоянно упоминается разнообразная современная техника (в поход пойдут именно «машины» — «гремя огнем, сверкая блеском стали»). В крайнем случае в лавине танков, линкоров и самолетов иногда встречаются «лихие тачанки» — но это явно не более как дань уважения боевой молодости «любимого наркома». С вражеской же стороны постоянно кто-то «крадется», «таится», «переходит» («границу у реки» — пешком вброд?), в крайнем случае стреляет из пулемета, демонстрируя явное техническое бессилие.

Несколько большую конкретность в ход будущей войны вносит написанная чуть ранее, но сохранявшая в дальнейшем популярность «Конармейская» братьев Покрасс и А. Суркова²².

Итогом войны неизбежно будет победа СССР. Это будет сокрушительная, безусловная и однозначная победа («И врага разгромим мы жестоко...»²³). В этом смысле знаменитую песню Лебедева-Кумача и братьев Покрасс по бескомпромиссности и эмоциональному накалу опять-таки можно сравнить с «Вставай, страна огромная...» («...за-

гоним пулю в лоб, / Отребью человечества / Сколотим крепкий гроб»).

Враг «будет бит повсюду и везде». Эту фразу из «Марша советских танкистов» можно, на мой взгляд, понять двояко: либо враг будет разгромлен, с какого бы направления он ни напал на СССР (Польша, Германия, Япония...); либо же враг будет разгромлен в глобальных масштабах (опять-таки намек на сохранение в советских планах «мировой революции»).

Грядущая большая война станет не просто очередной мировой войной. Это будет последняя война: «Мы соколы советские, / Готовы в час любой / За Родину, за Сталина / В последний грозный бой»²⁴. А поскольку ленинизм однозначно утверждает, что «империализм порождает войны», то прекращение войн подразумевает уничтожение мировой капиталистической системы. Результатом советской победы, таким образом, должна быть все та же «мировая революция» (хотя напрямую об этом в песнях рубежа 1930—1940-х гг. и не упоминалось), а сама война вновь приобретает очертания Битвы, Армагеддона, геологического переворота, как об этом более прямо и откровенно говорилось в песнях более раннего периода. В цитированной же песне на связь войны и революции указывает еще и почти точный повтор слов «Интернационала» («...в последний грозный бой», «...последний и решительный бой»).

Общий вывод из песен этого периода вытекает следующий. Война практически неизбежна, поскольку «враги» не смиряются с существованием свободного и счастливого отечества всех трудящихся. Войну коварно и подло начнут враги, однако немедленно получают сокрушительный отпор и будут разгромлены в своем логове. Победу обеспечит военно-техническое превосходство СССР, единство усилий готового к войне народа и (возможно) поддержка зарубежных пролетариев. Победа в войне станет победой социализма. Короче говоря, к войне надо готовиться, но войны не надо бояться. Как представляется, такой пафос песен был очень удобен: из него легко было делать пропа-

гандистские выводы и для обороны (сокрушительный ответный удар еще не начался, поскольку народ еще недостаточно мобилизовал свои силы — подробности смотри в приказе № 227 «Ни шагу назад»), и для наступления, и для объяснения успеха возможного советского блицкрига, и для оправдания «временных неудач». Все эти возможности в свое время были использованы.

Примечания

¹ Заводы, вставайте! (сл. И. Френкеля, 1929) // Я люблю тебя, жизнь! Пермь, 1987. С. 35.

² Цит. по: <http://www.sovietsongs> (далее — [sovietsongs](http://www.sovietsongs)).

³ Марш веселых ребят (сл. В. Лебедева-Кумача, 1934) // Я люблю тебя, жизнь... С. 69.

⁴ Боевая сталинская (комсомольская) (А. Тонин, Г. Быков, 1938) // <http://www.sovmusic>.

⁵ Спортивный марш (сл. В. Лебедева-Кумача, 1937) // Я люблю тебя, жизнь... С. 78.

⁶ Боевая сталинская (комсомольская) // <http://www.sovmusic>.

⁷ Я на подвиг тебя провожала (сл. В. Лебедева-Кумача, 1937) // Я люблю тебя, жизнь... С. 83.

⁸ Бейте с неба самолеты... // <http://www.sovmusic>; См. там же их «Бой у озера Хасан», «Марш советских танкистов» (братья Покрасс, Б. Ласкин).

⁹ Бейте с неба самолеты... // <http://www.sovmusic>.

¹⁰ Марш советских танкистов (братья Покрасс, Б. Ласкин, 1939) // <http://www.sovmusic>.

¹¹ Если завтра война... // [sovietsongs](http://www.sovietsongs); Всех в мире сильнее и свободней (1938) // там же; можно сослаться также на «Песню о винтовке» (сл. А. Лугина, 1937) и многие другие.

¹² Встреча с вождем (А. Александров, П. Герман, 1940) // <http://www.sovmusic>.

¹³ Кантата о Сталине (И. Дунаевский, М. Инюшкин, 1938) // <http://www.sovmusic>.

¹⁴ Достойные славы (Е. Жарковский, Г. Намлегин, 1938) // <http://www.sovmusic>

¹⁵ Боевая сталинская (комсомольская) // <http://www.sovmusic>; в этом же ряду, разумеется, находится и хрестоматийный «яростный поход».

¹⁶ Бой у озера Хасан (А. Александров, С. Алымов, 1938) // <http://www.sovmusic>.

¹⁷ Баллада о трех героях-танкистах // <http://www.sovmusic>.

¹⁸ Боевая конная // <http://www.sovmusic>.

¹⁹ Мы соколы советские (К. Данькевич, В. Лебедев-Кумач, 1938) // soviet songs; Любимый город (сл. Е. Долматовского, 1939) // Я люблю тебя, жизнь... С. 86.

²⁰ Песня трактористов (сл. В. Лебедева-Кумача, 1936) // Я люблю тебя, жизнь... С. 83; Песня о Волге (сл. В. Лебедева-Кумача, 1937) // там же. С. 77.

²¹ Любимый город (сл. Е. Долматовского, 1939) // Я люблю тебя, жизнь... С. 86.

²² Конармейская песня (1935) // Я люблю тебя, жизнь... С. 41.

²³ Если завтра война... // <http://www.sovmusic>.

²⁴ Мы соколы советские // <http://www.sovmusic>.

«СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ» ДЛЯ ВСЕХ

К методике исторических исследований¹

Говорят, с годами всё меняется.

Всё не всё, но, например, отношение к рынку (базару) поменялось (по сравнению с советскими временами). Сейчас посещение базара связано не только с удовлетворением потребности что-то купить. Это действие превращается в целый процесс с элементами охоты и детектива. «Найду — не найду?», «Устроит ли цена?», «Обдурят — не обдурят?», «Удастся ли вернуть?»

Но актуальность таких вопросов особенно возрастает в ситуации, когда пытаешься найти нечто заранее неизвестное. Спросите: так не бывает? Иногда бывает, например, такое случается при посещении базара в свободное от остальных покупок время по теме личной увлеченности. Например, если вы любитель загадок истории.

Хотя можно возразить: «При чем тут базар (рынок)?» Историю изучают в библиотеках, музеях, мемориальных комплексах, в архивах. Да, конечно, могу согласиться. Именно там в первую очередь. Но есть трудности. Вот, например, при посещении разных форумов в Интернете про Вторую мировую войну неоднократно приходилось получать совет съездить в Подольский архив (под Москвой). Действительно, какие проблемы? Взял на работе отпуск за свой счет, купил билет до Подольска, приехал, пришел к архивным работникам и...

И что? Вы знаете, что спрашивать? Допустим, знаете. Допустим, хотите почитать «Протоколы переговоров

военных делегаций на Потсдамской конференции летом 1945 года».

А вам отвечают [варианты]: «Такое не существует», «Нет в архиве», «Пока секретно», «На реставрации»... Короче, — и поездка оказывается бесполезной...

В музеях чего-то требовать не надо. Что администрация посчитала нужным, то и выставила. Ходи и смотри. Но... экспозиции, как правило, небольшие. В библиотеках вариантов побольше. Но все равно есть ограничения. И поиск может застопориться. Но, как оказывается, существует еще один источник информации в этом деле — вещевые рынки (базары).

Конечно, не все. Некоторые из них (особо известные для местных жителей). Например, Куреневский рынок в Киеве. Или, как его еще называют, «Птичий». От Крещатика (от «Майдана») ехать 18-м троллейбусом. Или от Подола любым трамваем (кроме 14-го и 18-го). Попугаев и корма к ним там, конечно, продают. Но продают и все остальное: плитку, сантехнику, «химию», швейные машинки, сетку «рабица» и т.д. А вокруг базара прямо на земле по выходным дням выкладывают вообще «все остальное», вплоть до полного непотребия. Ну кто, спрашивается, сейчас захочет купить фотоаппарат «Смена» или дисковод для 5-дюймового гибкого диска? (Свой я уже давно выкинул на мусорник.)

Но... Среди этого непотребия, если повезет, можно обнаружить и интересные экземпляры. Однажды я наткнулся на сборник документов и выступлений товарища Сталина 30-х гг. Почитав содержание, я уже собирался его купить. Меня очень заинтересовала речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939-го). Но пока ждал продавца, решил для контроля ее полистать, и оказалось, что именно эти страницы из сборника вырваны. Жаль...

Строго говоря, этот сборник можно поискать и в библиотеке. (О! Уже польза от базара — он оказывается источником названий некоторых книг.)

В другой раз, подходя уже почти ко входу на основную (официальную) территорию рынка, на земле напротив

трамвайной колеи увидел стопку тонких брошюр с названием серии, с которой я когда-то встречался в каталоге библиотеки: «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» (Военное издательство Министерства Вооруженных сил СССР, Москва, 1946). Каким образом они тут оказались?! Кому, кроме меня, они могли быть интересны? И хотя они были не совсем той подсерии, что я был бы рад почитать в первую очередь, я купил все пять. Одна без обложки (про Богдана Хмельницкого, написана проф. Н.Н. Петровским — член-корр. АН УССР). Другая — проф. В. Пичета «Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов» — была слегка погрызена крысами. И остальные представляли определенный интерес с точки зрения этих тем еще тогда, в том 1946 году — про борьбу с монголо-татарами, немцами, шведами в 1242-м и вообще, как возникла Киевская Русь (от академика Б. Грекова). Открываешь пожелтевшую обложку и читаешь название: «Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства». Выше его — «Академик Б. Греков». Внизу — ссылка на «Воениздат». А в самом верхнем правом углу лозунг: «За нашу Советскую Родину!» И возникает некое ощущение, что тут что-то не так... Но что?..

Однажды на одном форуме мне заметили, что таким образом советское военное ведомство заботилось о познавательном и культурном уровне советских военнослужащих. Возможно.

Тогда телевизоров/видиков не было, радио «под контролем». Вот и остается важный элемент — лекции.

Но... Ну я понимаю, если бы советские военнослужащие в первую очередь изучали героическое время Гражданской и Великой Отечественной войн. Хотя... Про последнюю слушатели таких лекций должны были и сами знать немало. Солдатами и сержантами в 1946—1947 гг. были парни 1925, 1926 и 1927 гг. рождения. «Младшие призывные возраста», увольняли которых с весны до осени 1951 г. после призыва (соответственно) в 1942, 1943 и 1944 годы... Откуда знаю? Мой отец, 1927 года рождения,

рассказывал (особенно по праздникам). В детстве я неоднократно слышал его фразу: «А вот я служил срочную 6 лет!» Запомнилось...

И с Гражданской войной могли быть проблемы. Нет, книги, конечно, могли существовать. Например, публикации командарма 1-го ранга Ионы Якира 1922, 1928 и 1934 гг. Все вместе они были выпущены «Воениздатом» в 1957-м (случайно купил на том же Куреневском рынке). Но Иона Якир был расстрелян в 1937-м. И не только он из командиров Гражданской войны. Потому в 1946-м могли возникнуть лишние вопросы.

С этих позиций изучение XIII века — конечно, процесс поспокойнее.

Но... В той же серии «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» были опубликованы и другие книги. Например, Ильинский Я. «Финляндия» (1947), Волков А. «Страны Центральной Америки и Вестиндии» (1947). В частности, во второй — про фашиствующие организации в Мексике и на Кубе. Причем, когда Сталин умер, упоминание про фашистские организации в Мексике куда-то пропало. Но об этом я узнал уже не на базаре, а в картотеке библиотеки. И не в первой попавшейся районной, а в одной из центральных столичных.

В библиотеке

Там обнаружилось, что в 40-е гг. была и другая серия — «Библиотека офицера ВМС». А в ней в 1946 г. в том же «Воениздате» была издана книга Сергея Маркова «Русские на Аляске»².

С одной стороны, в ней излагается познавательная информация о том, как русские первопроходцы создавали поселения на Аляске. Но вот издательство... Если бы она была издана какой-нибудь «Детской литературой» для детей среднего и старшего школьного возраста, да еще под каким-нибудь нейтральным названием (например, «Юконский ворон»), я бы на нее и внимания не обратил. А так... (кстати, после смерти Сталина роман С. Маркова

«Юконский ворон» несколько раз переиздавался в мирных издательствах).

Но как оказалось, в библиотеках можно найти и вполне конкретные, но (мягко говоря) очень малоизвестные книги на военную тематику 40-х годов XX века. Только возникает проблема — что искать и как? Книг в «хорошей» библиотеке миллионы. Карточек в картотеке не менее. С чего начать? Конечно, можно пойти «прямым путем» — найти и просмотреть ящик с карточками на исследуемую тему («История СССР в 1941—1945 годы»). Но неплохой результат может показать и «нестандартный» подход. Например, в марте 2005 г. на военно-историческом портале «The Russian Battlefield»³ в разделе «Позорный столб» я обнаружил длинную статью «Несостоявшийся историк» с критикой произведений В. Суворова⁴.

В ее 1-м параграфе автор портала Валерий Потапов много места уделил танкам. А вот следующие три параграфа («2. Резун об отсутствии карт», «3. Резун об артиллерии» и «4. Резун о снарядах на грунте») оказались гораздо короче. Причем самым коротким получился параграф об отсутствии карт. И затрагивается в нем только одна тема — отсутствие карт для территорий восточнее Днепра, что, дескать, вполне понятно, так как восточнее Днепра допускать противника не планировали. И все это подается с очередными криками о сплошном вранье Суворова. Но, извините, Суворов рассматривал тему карт в ДВУХ главах — не только в 14-й («Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева?» книги «Последняя республика»), но и в 16-й («С немецким разговорником по... Смоленской области»). А там речь шла не только о СОВЕТСКИХ картах НЕМЕЦКОЙ территории, брошенных У ГРАНИЦЫ, но и о брошенных там же вагонах с «Русско-немецким разговорником». И можно задать вопрос Потапову: а здесь Резун сбредал или нет? Или эта тема не имеет отношения к его творчеству?

Таким образом, есть повод сравнить тему карт у Резуна с тем, как Потапов пытается найти в ней очередную брехню. Тем более что она касается темы следующего па-

раграфа «3. Резун об артиллерии». И именно с этой целью (проблемы артиллерии) я и направился в Центральную научно-техническую библиотеку Киева вечером 24.03.05. Время было позднее, мне оставалось не более часа времени, надо было спешить. Но где же заветные ящички в каталоге по артиллерии? Я решил искать в разделе военных наук. И, как назло, он оказался слегка занят: перед ним стояла молодая женщина, вытянув упорную доску и установив на нее ящик с карточками. Попросить ее отодвинуться я сначала постеснялся, не зная, какие ящики мне нужны. И решил вынуть пару левых по общим военным вопросам.

Разговорники

Но оказалось, что в них про пушки ничего нет. Зато вдруг я наткнулся на тему «военных разговорников»! Ну-ка, ну-ка! Про суворовскую главу о немецком разговорнике в Смоленской области я помнил и подумал: «А вдруг он есть здесь?» И стал просматривать карточки. Действительно, разговорников там было много. Но цель большинства из них была понятной: «русско-венгерский» 1944, «русско-румынский» 1944, «русско-финляндский» 1944, «русско-немецкий словарь» 1942. Это понятно. Но вот натыкаюсь на нечто более интересное: «Краткий русско-венгерский военный разговорник» 1940 г., «Краткий русско-английский военный разговорник», Воениздат, 1940, и наконец: «Русско-немецкий военный разговорник», Москва, Госиздат, 1941... Неужели он?

Ладно, записываю шифры и иду искать ящички про артиллерию. Они оказались справа от все еще стоявшей женщины у того шкафа. Прошу ее подвинуться, вынимаю ящик с карточками про артиллерию, в котором, как и ожидал, оказалось довольно много книг про различные артиллерийские проблемы: руководства службы, таблицы стрельбы (даже каких-то французских пушек конца XIX века), пособия по матчасти, учебники, книги по производству и хранению боеприпасов и т.д. Нашел, по-

выписывал шифры. Вечером следующего дня заполнил требования, а в субботу 26.03.2005 с небольшим волнением подошел к окну выдачи литературы. Дело в том, что наличие названия в картотеке еще ни о чем не говорит. Книга может оказаться на руках, быть списанной, быть на реставрации и т.д. Но вижу, что мне выносят небольшую стопку («Неужели есть все?» — подумал я.) Однако работница библиотеки тут же мне сообщает, что «вот этой книги в фонде нет». И протягивает мое требование... о «русско-немецком разговорнике»... Переспрашиваю: «Может, на руках?»

— Нет, — повторила она. — Если бы была на руках, я бы так и ответила, а тут НЕТ В ФОНДЕ!

Плохо, конечно. Но я не очень опечалился. О том разговорнике информация все же есть (у Суворова). Меня же больше волновал «русско-английский». И он в наличии БЫЛ! Это порадовало!

Я взял выданные мне книги и направился в зал для чтения. Выбрал там место и первым развернул «разговорник». Он оказался небольшой серой книжечкой — всего 10x13 см — ну как раз под голенище сапога, как писал Суворов. Издан летом 1940 года (5 июня сдан в производство, 15 июля 1940-го подписан в печать). Техническим редактором оказался тот же А.В. Любарский, которого упоминал В. Суворов в связи с «русско-немецким разговорником» 1941 года. И смысл фраз во многом оказался похож (только по-английски).

В тот раз я не рискнул попытаться его отксерить — книга оказалась проклеенной по корешку. Я побоялся, что ее внутренние листы нельзя будет разворачивать горизонтально без разрыва. Отксерил только обложку и «содержание» с выходными данными.

Но для понятия смысла все же нужны цитаты изнутри разговорника. И я их стал выписывать вручную. И при этом вспоминал слова В. Суворова из 16-й главы «Последней республики» (стр. 302—303):

«...С помощью разговорника можно легко и свободно объясниться с местными жителями: как называется

деревня? где источники воды? где топливо? пройдет ли грузовая машина? Можно зайти на телеграф и вполне доходчиво изъясниться: «Прекрати передачу — застрелю!» А можно потребовать, чтоб отпили глоток и откусили кусок перед тем, как его грызнет освободитель, чтоб война нашего не отравили проклятые басурмане.

В 1941 году у немецких солдат такие же разговорники были за голенищами: «Мамка, млеко». «Мамка, яйки». Вот и нашим солдатам вдоволь припасли. Раскрыл книжечку, нашел нужную фразу и можешь любопытствовать, кто состоит в отрядах СА. Незаменимая книжка! Правда, если мы воюем под Старой Руссой или Вязьмой, нам такая книжка без надобности. На кой нам изъясняться на немецком языке с новгородским или смоленским мужиком? Зачем красноармейцу в центре России на немецком языке спрашивать название деревни?

А фразы в книжке такие: «Назовите селение!», «Назовите город!», «Можно ли пить?», «Выпей сначала сам!», «Где топливо?», «Сколько скота?» и т.д. и т.д.

Воображение у меня резвое. Прикинул: вот началась «Великая Отечественная», вот наши солдатики защищают Родину, воюют на родной земле. Вот вошли в незнакомый город, нашли в разговорнике нужную фразу и первому попавшему мужику:

— Nennen Sie die Stadt?

А тот в ответ:

— Смоленск!

А наши ему:

— Sie lügen, падла!

Или зашли в деревню где-нибудь под Оршей, зачерпнули воды ключевой и молодухе:

— Trinken Sie zuerst man selbst!

Так ведь русская и не поймет. Это только если к немецкой молодухе обратиться...»

И вот переписываю примеры практически такого же смысла из «русско-английского разговорника» 1940 г., и, когда дочитал до середины, то смех так стал меня распи-

рать, что я решил спуститься в подвальный этаж, чтобы меня не приняли за сумасшедшего. И там, в подвальном этаже за огромными рулонами бумаги, я и дописал себе цитаты из этой книги.

А через год я рискнул еще раз заказать этот разговорник, а получив в руки, рискнул его полностью отксерить. Как оказалось, хоть корешок и был проклеен, но внутренние страницы вполне хорошо раскрывались — достаточно для ксерокса. Единственное, чего не удалось добиться, — хорошего качества копий. Ксерокс попался требовавший чистки (местами он делал светлые полосы). Но время было позднее, выбирать что-то получше уже не было возможности, я попросил копировать «потемнее». Копии при этом получились с темноватым фоном. Зато я получил полное содержание всех страниц книги, которая теоретически не должна была существовать. И интересное обнаружилось уже на самых первых страницах. На них было приведено краткое объяснение «От издательства», для кого разрабатывался этот разговорник (заклеенные буквы заменены знаками подчеркивания) (стр. 3).

«Этот «Разговорник» предназначен главным образом для командиров отделения, взвода, роты или соответствующего начальствующего состава. Содержание «Разговорника», однако, несколько расширено — до пределов, обеспечивающих возможность его нереального (не в штабах) использования командирами всех степеней, так как очень трудно ограничить тематические подробности опроса пленного, перебежчика и местного жителя или иным нашим командиром.

Рассчитанный на полное незнание языка, «Разговорник» построен на системе ответов, которая только и способна обеспечить действительную возможность разговора (понимания ответов опрашиваемого). В английском языке имеется ряд звуков, не существующих в произношении русского языка. Для точного произношения этих звуков нет соответствующих букв или сочетаний букв в русском

языке. Учитывая, однако, что нашим «Разговорником» будут пользоваться преимущественно командиры, не владеющие английским языком, мы стремились передать английское произношение в транскрипции (крайняя правая колонка на каждой странице) сочетаниями русских букв, наиболее близкими к английской фонетике.

Особенно трудным для произношения и вместе с тем наиболее часто встречающимся звуком в английском языке является сочетание *th*, которое передано нами в транскрипции как «дз». При произношении этого звука рекомендуется всем, пользующимся нашим «Разговорником», зажимать кончик языка между передними зубами и как бы выталкивать звук «дз» изо рта вместе с дыханием.

После введения начинается «ОБЩАЯ ЧАСТЬ» (стр. 5, 6): «Понимаете ли по-русски?», «Понимаю», «Не понимаю», «Говорите ли по-русски?», «Отвечайте!», «Отвечайте только «да» или «нет», «Говорите медленно», «Говорите правду», «Если не знаете, скажите «не знаю», «Вы должны знать!», «Вы должны были слышать», «Вы должны были видеть!», «Вы говорите неправду», «Вспомните точно!», «Успокойтесь!», «Скажите еще раз».

В этой «общей части» приводятся фразы и слова, которые могут пригодиться во время бесед на разные темы. В частности, там есть переводы слов, означающих направление («Покажите на местности!»), длительность («Сколько минут?»), время («Когда?»), английские числительные (1—20000), название и номер части, подразделений. Далее приводятся переводы порядковых числительных (от 1-й до 20000-й), названий родов войск («Артиллерия?»), размеры. Примеры: «В каком направлении?», «Покажите на карте», «Когда?», «Повторите!», «Какая часть?», «Какая рота (эскадрон, батарея)?», «Покажите номер на пальцах», «Какой род войск?», «Танковые войска?», «Какого размера?»

На 26-й стр. «общая часть» заканчивается, и начинаются номерные разделы разговорника. Первый раздел касается темы «Захват пленного»: «Стой!», «Сдавайся!»,

«Слезай с коня!», «Слезай с велосипеда!», «Руки вверх!», «Если будешь шуметь, убью!»

Второй раздел посвящен теме «Установление личности опрашиваемого». Что интересно, авторы разговорника предлагают поточнее выяснить, к какой части Британской империи относится опрашиваемый (пленный, задержанный) (стр. 29): «Как ваша фамилия?», «Вы англичанин?», «Вы шотландец? (ирландец? валлиец? австралиец? канадец? новозеландец? южноафриканец?)», «Вы американец?», «Вы индус?»

Затем предлагаются варианты выяснения номера части, рода/вида войск, звания (от ефрейтора до полного генерала), должности, чем занимался до задержания, и есть вариант выяснения ситуации, когда опрашиваемый добровольно перешел на сторону Красной Армии: «Какой дивизии?», «Офицер?», «Рядовой?», «Какой у вас чин?», «Ефрейтор?», «Полный генерал?»...

Стр. 35: «Вы явились к нам добровольно?», «Что вас принудило перейти к нам?», «Вы хотите сражаться на нашей стороне?»

Стр. 36: «Вы хотите служить в нашей армии?», «Вы не хотите сражаться против нас?»...

Стр. 37: «Где вы перешли фронт?», «Вы член какой партии?», «Вы коммунист?»

Со стр. 37 начинается 3-я часть «СОСТАВ ЧАСТИ» (кто командир, сколько людей, сколько подразделений, сколько танковых, есть ли артиллерийские и т.д.).

Стр. 42—44 — часть 4. «ВООРУЖЕНИЕ» (сколько винтовок, гранатометов, танков, гаубиц и т.д.).

Стр. 44—47 — часть 5. «ПОЗИЦИИ» (когда заступили, где, есть ли заграждения, какие).

Стр. 47-55 - часть 6. «НАСТУПЛЕНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК В ОБОРОНЕ»: где фланги, есть ли резервы, какие, где склады, где районы выгрузки, где аэродромы, «Где полк?», «С каких направлений ожидается нападение наших танков?» и т.д.

Стр. 55 — коротенькая 7-я часть «ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗАГРАЖДЕНИЯ», и на этой же стра-

нице начинается часть 8. «СВЯЗЬ» (где линии связи, где станции, на какой волне работают, есть ли почтовые голуби и т.д.).

Стр. 57—58 — часть 9. «АВИАЦИЯ»: где аэродром, где ВПП, сколько самолетов, какие...

Стр. 59—61 - часть 10. «НАМЕРЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ». Этот текст в очередной раз показывает, что разговорник разрабатывался для ситуации, когда его можно использовать только во время ведения боевых действий: «На каком участке намечен главный удар?», «Где ждут нашей атаки?»...

На стр. 61-64 - часть 11. «ПОХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЙСК» (куда идут войска, где авангард/арьергард, сколько миль проходят в день).

На стр. 64-67 - часть 12. «РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК НА МЕСТЕ» (где караулы, где обозы, где окопы, кем заняты).

На стр. 67 — часть 13. «ПЕРЕВОЗКА ВОЙСК» (куда направляются, сколько вагонов, где места погрузки/разгрузки, в каких портах).

А вот следом, со стр. 69, начинается интересная часть 14. «ОПРОС МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ».

На стр. 70—75 много вопросов к местному жителю касается наличия в деревнях/городах войск: «Есть ли войска, что делают, откуда пришли, куда идут, какие знаки у солдат, нарисуйте их, как обращаются с местными жителями?»

Среди них попадают странные вопросы: как ведут себя войска? Притесняют? Грабят? Убивают ли жителей? Сколько жителей убили? Странно, если войска противника теоретически должны быть войсками страны этой же территории (т.е. своими для местных жителей), то почему они должны вражески относиться к своим же? Или подразумевалось, что это какие-то «чужие» войска? («Наемников»? Или неких «союзников»?)

Стр. 75: «Говорят ли солдаты, что надо кончать войну?», «Как говорят об СССР?»

Стр. 76—79 — часть 15. «ДОРОГА» (куда ведет? какое покрытие? где надо свернуть? есть ли брод? и т.д.).

Стр. 79 — начинается часть 16. «СЕЛЕНИЕ, МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА» (как называется селение [village]? сколько домов? сколько колодцев?).

Стр. 80—81: «Как называется это селение?», «Есть ли сено (овес)?», «Освободите эти дома для войск!», «Собрать и доставить сюда... коров (овец)!»

Вопросы про сено, овес и овец показывают, что местность с англоязычным населением должна быть не в субтропиках (Индия), а где-то, где есть зима и требуется создавать запасы кормов для сельскохозяйственных животных.

На стр. 81 приводятся переводы требований к местным жителям по доставке разных припасов (можно ли достать хлеб (мясо), собрать и доставить сюда! Освободить дома!). А следом, на стр. 82, есть фразы, в которых упоминается Красная Армия и красноармейцы: «Не бойтесь красноармейцев!», «За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!», «Никто не должен выходить из селения!», «Нет ли в селении спрятавшихся солдат?»

Стр. 83: «Кто согласен продать лошадь?», «Собрать жителей для исправления дороги!»

Стр. 84: «Кто из жителей говорит по-русски?», «У кого есть скот (хлеб, зерно, поводки)?», «Согласны ли вы продать?»

На стр. 84—85 — часть 17. «ПРОВОДНИК» (приведите! знаете ли дорогу? дадим денег, возвращайтесь).

На стр. 86-89 - часть 18. «РЕКИ, ПЕРЕПРАВЫ» (есть ли брод, быстрое ли течение, какие берега, есть ли мосты, пройдет ли артиллерия, есть ли паром, есть ли лодки).

На стр. 89—92 — часть 19. «БОЛОТО, ОЗЕРО, КОЛОДЕЦ»: «Есть ли болото?», «Скоро ли наполняется-водой вычерпанный колодец?» «Есть ли ведро?», «Принесите!», «Отравлен ли колодец?», «Принесите топливо!», «Какая цена?», «Если спрячете, мы сами будем искать!»

На стр. 92—94 — часть 20. «ЛЕС, ГОРЫ» (можно ли пройти, можно ли обойти, как называются, крутой ли спуск/подъем, бывают ли снежные завалы).

На стр. 95 — часть 21. «ГОРОД» (есть ли большие здания, где почта, телеграф, телефон, какие заводы, где контора завода и т.д.).

Стр. 98 — последняя (где можно покушать?).

На стр. 99 — «СОДЕРЖАНИЕ», на стр. 100 — выходные данные. И оставлено несколько пустых страниц «ДЛЯ ЗАМЕТОК».

Читая вопросы о покупке того-другого, невольно возникает вопрос: «Интересно, где? У каких «местных жителей» (для которых родной английский) могли что-то покупать солдаты, а скорее всего — командиры Красной Армии?» Как туристы — понимаю. Но как «командиры отделения, взвода и роты»? Не совсем понятно...

Может возникнуть и такой вопрос: а насколько структура разделов и фразы из этого разговорника похожи на «русско-немецкий» издания 1941 года, о котором писал В. Суворов? Но для сравнения надо найти полный его текст. В библиотеке я не смог этого сделать, однако оказалось, что фотокопии его страниц выложены в Интернете, в частности на сайте <http://www.stepaside.spb.ru>. Причем там же размещен не только «русско-немецкий военный разговорник», но и «русско-финский...» ([http:// www.stepaside.spb.ru/time/fr/rekl.htm](http://www.stepaside.spb.ru/time/fr/rekl.htm)) (далее — «Р-Ф»). На стартовой странице «Р-Ф разговорника», в частности, приведено такое введение от авторов сайта:

«В труде и в бою, в краткие минуты отдыха на привале или в уютном коттедже каждый из вас проведет с этой книгой немало приятных и полезных минут и часов. Удобные размеры наладонного компьютера, практичная коленкоровая обложка. Этот сборник многовековой мудрости не займет много места и не станет большой обузой за голенищем валенка, сапога или за обмотками ваших ботинок.

Итак, наслаждайтесь».

КРАТКИЙ РУССКО-ФИНСКИЙ ВОЕННЫЙ РАЗГОВОРНИК

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Подписано к печати с матриц 11.7.41. Г850. 31/4 п.л.

Заказ № 2676

2-я типография Воениздата НКО СССР им. К.Ворошилова

Сравнение русских фраз из трех разговорников показало, что «русско-немецкий» имеет ряд отличий, хотя много похожего. А вот структура глав и фразы в «русско-английском» и «русско-финском» практически одинаковы (кроме тех, в которых смысл касается воинских званий, национальности и мер измерения, которые в Финляндии и в Британском Содружестве отличаются. Например, у финнов — метры, килограммы, а у англичан — фунты, дюймы, мили).

Пример одинаковых фраз:

За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!	Everything taken by the Red Army from the inhabitants will be paid for!	Эвритсинг тэкен бай дзы Рэд Армии фром дзы инхэбитэнтс уил би пэйд фор!
За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!	Kaikesta asukkailta otetusta Punalsen Armeijan joukot maksavat!	Кайкестаасук-кайльта отэтуста Пунайсен Армэя-неукот максават!

И есть небольшие непринципиальные отличия. В «Р-А» названия разделов нумеруются, в «Р-Ф» нет нумерации. В «Содержании» «Р-А» пропущены подразделы «ОБЩЕЙ ЧАСТИ», которые также практически полностью повторяют подразделы содержания в «Р-Ф»:

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

А) НАЧАЛО ОПРОСА

- Б) МЕСТО
- В) ВРЕМЯ
- Г) ЧИСЛО
- Д) НОМЕР ЧАСТИ, ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛА
- Е) РОД ВОЙСК
- Ж) РАЗМЕР

Получается, что эти два разговорника создавались на основе какого-то общего списка русских фраз, который уже существовал летом 1940 года. Может возникнуть гипотеза, что «Р-Ф» в июле 1941 года мог быть создан именно с его использованием. Однако возможна и другая гипотеза: «Р-Ф» в июле 1941 года — это просто повтор изданного ранее разговорника («второй тираж»). На этот вариант указывают и его выходные данные - «Подписано к печати с матриц». В «Р-А» данные показываются по-другому:

«Сдано в производство 5.6.40. Подписано к печати 15.7.40».

И есть сведения о том, что в 1940-м уже издавался какой-то «Р-Ф».

Краткий русско-финский военный разговорник.

М. Воениздат. Напеч. в Лгр. 1940.

114 с. (10 question 13) см. Б. ц. В папке.

---- 1. Русско-финские разговорники.

2. Военные разговорники.

001 № 2003

[40—3312]

10

Всес. кн.

палата 13 II. 40

494.541-3=91.71:355

[494.541-825]

13/IX 40 K786

А вот карточка Всесоюзной книжной палаты для «Р-А» 1940 года:

Краткий русско-английский военный разговорник.

М. Воениздат. 1940.

100 с. 4 нум. с. (10 x 13) см. 1 р. В папке.

---- 1. Русско-английские разговорники.

2. Военные разговорники.

49-3=91.71:+355

№ 17032 [40-30171]

(038)

10

(зачеркнуто)

Всес. кн. палата 13 IX. 40

13/IX 40 K786

Сравниваем даты и номера «Всес. кн. палаты» («Все-союзной книжной палаты»).

«Р-Ф» 1940 г. издан ранее «Р-А» почти на полгода (у «Р-Ф» — «13 февраля», у «Р-А» — «13 сентября». И у «Р-Ф» номер меньше на 15 тыс. с лишним). Но «Р-А» сдан в производство в начале июня 1940-го, а в июле того же года подписан к печати. В середине сентября издается карточка «Всес. кн. палаты». Итого прошло 3 месяца. Т.е. «Р-Ф» издания 1940 года мог быть сдан в производство где-то в ноябре 1939-го. А если в начале 1940-го уже был тираж «Р-Ф», то вполне реально, что в июле 1941-го его просто повторили «с матриц». Однако есть и вопрос: в издании 1940 года указано 114 стр., а в издании июля 1941 года — 104 стр. — на 10 страниц МЕНЬШЕ! Что-то пропустили? Возможно. Удалять легче, чем сочинять новое.

Кстати, об удалении. На стр. 66 «Р-Ф» можно видеть несколько русских фраз:

— Притесняют?

— Грабят?

— Не притесняют?

— Не грабят?

— Убивают ли жителей?

Это про отношение каких-то войск с местными жителями в Финляндии.

А на стр. 73 «Р-А» аналогичный список уменьшен:

— Притесняют?

— Грабят?

— Убивают ли жителей?

Если учесть, что фразы:

— Не притесняют?

— Не грабят? — в какой-то мере повторяют смысл двух предыдущих фраз, но с противоположным ответом, то вполне понятно их удаление в разговорнике, который ИЗДАВАЛСЯ ПОЗЖЕ на основе этого же списка.

Есть и еще одно место в «Р-А», которое можно оценить как место из «Р-Ф» с удалением «лишних» строк. В «Р-Ф» на стр. 69 указаны две одинаковые по смыслу фразы («Где дорога в селение?..»), но с указанием разных «селений» — «А» и «Б», затем есть фразы с «селением В» и «Г». В «Р-А» же нет фразы с «селением В». В нем на стр. 77 фразу из «Р-Ф» «Где дорога в селение Б?» удалили, а фразу «Где надо свернуть на селение В?» изменили на: «Где надо свернуть на селение Б?» Далее идет фраза «Где выход из селения на дорогу в Г?» И в «Р-Ф» она тоже есть. Т.е. применительно к «Р-А» можно задать вопрос: «А куда делась фраза со словами «селение В?»»

Таким образом, получается, что разговорник «Р-Ф» июля 1941 года составлялся на основе списка русских фраз, использовавшегося летом 1940-го при составлении разговорника «Р-А». Но при этом этот список уже должен был быть применен для более раннего издания какого-то другого разговорника, скорее всего, для первого издания «Р-Ф».

И возникает еще одно размышление. Оно связано со сравнением этих двух разговорников с еще одним — с «Русско-немецким...» 1941 года (далее — «Р-Н»). Его структура похожа на структуру первых двух. И список русских фраз имеет аналогии, но все же в «Р-Н» различий больше. Это можно заметить уже по содержанию:

СОДЕРЖАНИЕ

Краткие сведения о немецком произношении 4

Общая часть 7

Место 15

Размер и вес 16

Время 18

Число 23

Род войск и подразделения 41

Вооружение 44

Передвижение и транспорт 48

Захват железнодорожной станции разъездом
или разведывательной партией 60

Населенный пункт 63

Захват и первичный опрос пленного 71

Ориентировка нашего парашютиста 84

Примеры возможных ответов 88

Приложения 101

И в аннотации упомянут автор русского текста:

Краткий русско-немецкий военный разговорник
Русский текст составлен начальником Военного факультета
западных иностранных языков, генерал-майором т. Биязи.
Разговорник имеет целью помочь бойцу и младшему
командиру Красной Армии усвоить немецкие слова и
выражения.

Под наблюдением редактора А.В. Любарского

Подписано к печати 29.5.41. Г584. Объем 3 $\frac{1}{4}$ п. л., 2 авт. л., в
п.л. 57344 тип. зн.

Зак. 289

1-я тип. Управления Военного изд-ва НКО им.

С.К. Тимошенко Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Сравнение этих трех разговорников может привести
к предположению, что генерал-майор Биязи использо-
вал более ранний список фраз, но часть из них удалил,

внес изменения в расположение оставшихся и добавил новые.

К небольшому принципиальному отличию пары разговорников «Р-Ф» и «Р-А» от «Р-Н» можно отнести то, что в «Р-Н» нет большого списка фраз о наличии военных в населенных пунктах и о том, как они относятся к местным жителям («грабят?», «убивают?», «нарисуйте знаки на мундирах у солдат!»). В немногочисленных вопросах о наличии военных в них сразу и конкретно упоминается название «немецкие»:

Стр. 68: Когда (куда) ушли немецкие солдаты?

Стр. 69: Где спрятавшиеся немецкие солдаты?

Стр. 84: Есть ли поблизости немецкие солдаты, полицейские?

Ранее (выше) уже выдвигалась гипотеза о том, что «Р-А» предполагалось использовать на местностях, где могли быть войска, не являвшиеся войсками того государства, чья была та местность.

Если рассматривать только разговорник «Р-А», то эта гипотеза может показаться не очень серьезной. Но как оказывается, подобные фразы есть и в «Р-Ф». А как известно, Финляндия — страна небольшая, «линия Маннергейма» строилась с помощью иностранных военных специалистов. И, видимо, сразу же можно было бы предположить, что после нападения на Финляндию в ней вполне могли бы оказаться военные из других стран, форма которых могла быть непривычной для местных жителей. В связи с чем и могло бы потребоваться предложение опрашиваемому нарисовать знаки отличия военных. А то, что летом 1941 г. в Финляндии оказались и немецкие войска, — факт известный. И есть информация, что в 1944-м уходившие на север немцы немножко позверствовали против финнов.

С другой стороны, в 1939—1940—1941-м предполагать наличие на немецкой территории неких войск не Германии — не совсем серьезно. На немецкой территории в то время могли быть только немецкие войска (полицейские), что и отразилось в «Р-Н».

Можно задаться еще одним вопросом: издавался ли «Русско-немецкий военный разговорник» в 1940 г.? К сожалению, найти точный ответ на него не удалось. Нашлось только одно сообщение на форуме [http:// www.lovehate.ru/opinions/8357/3](http://www.lovehate.ru/opinions/8357/3):

«Сама лично держала в руках русско-немецкий разговорник издания 1940 г. Издательство «Красный воин». В котором приводятся следующие перлы: «Не бойтесь! Скоро сюда придет Красная Армия!», «Сдайте оружие, включая косы и топоры!» Не шучу и не вру. Правда. Ну и кто на кого хотел напасть?»

И все... Но военные разговорники на другие языки в 1940 году были выпущены. Однако об этом поговорим позже. А пока можно обсудить еще один странный момент, связанный с «Р-Н» 1941 г.

На стр. 103—105 показаны рисунки немецких боевых самолетов. Ошибок нет, если не учитывать, что нет рисунка штурмовика «Юнкерс-87». А на стр. 106—108 показаны танки. Тяжелый, средний и легкий. В качестве легкого показан «Т-I» с двумя пулеметами в башне. Вопросов нет, такой танк был. В качестве среднего показан «Т-III» модификации не позже G (выпускался в период апреля 1940 — февраля 1941-го). А вот в качестве тяжелого показан танк, который был выпущен только в количестве 5 (пяти) штук. Причем первые два — из простой стали без брони. Назывался он «Рейнметалл» или «Neubaufahrzeug», или «Nb.Fz.» (в буквальном переводе — «вновь построенная машина»).

Как оказывается, он имел слабую маневренность и проходимость и слабую бронезащиту (противопульные 15 мм). В связи с чем его боевая ценность сводилась к нулю. Но немцы его активно использовали с целью дезинформации. Вот сведения с сайта <http://panzer.vif2.ru/Tanks/nbfz.html>:

«Два прототипа поступили в учебное подразделение, три полноценно бронированные машины были сведены в Pz.Abtl. Zb.V 40 — танковый батальон специального назначения. Это подразделение 9 апреля 1940 г. было от-

правлено в Норвегию, где вместе с Рк.І и Рк.ІІ (т.е. пулеметным «Т-І» и легким «Т-Н») приняло участие в боях против английских войск. Хотя немцы продвигались успешно, один из «Nb.Fz.» был подорван собственным экипажем после того, как увяз в болоте недалеко от Лиллехаммера (причем взрывчатки не пожалели, чтобы по обломкам не могли догадаться о подлинных слабых ТТХ этого танка). Но в основном «Nb.Fz.» оставался популярной фотомodelью. Танк «Nb.Fz.» постоянно красовался перед объективами немецких и зарубежных корреспондентов, демонстрируя возрожденную военную мощь гитлеровской Германии. Именно на этом поприще он снискал шумный «мировой успех», став самым устрашающим немецким танком тех лет. Фотографии «сборочных линий тяжелых танков» «Nb.Fz.» и «серийных» машин помещались во всевозможные предвоенные справочники и издания, в которых приводились фантастические характеристики броневой защиты и подвижности. На эту удочку клюнули во многих странах, и прежде всего в СССР, Великобритании и Франции, имевших большой опыт в проектировании и серийном строительстве тяжелых многобашенных гусеничных машин (особенно СССР со своими «Т-28» и «Т-35»). После оккупации Норвегии оставшиеся две машины были передислоцированы в Осло, затем в 1940 году возвращены в Германию и разобраны на металл».

Доподлинно известно: ни один «Nb.Fz.» на Восточном фронте так и не появился. Все истории о боевом применении «Nb.Fz.» на Восточном фронте — легенды, навеянные «Записками советского офицера», танкиста Г. Пэнежко, опубликованными в 1951 г.

Более подробное описание «Nb.Fz.» с рисунками и чертежами размещено в журнале «Моделист-Конструктор», № 11, 2005. Статья называется «ТРЕХГЛАВЫЙ ТАНК «РЕЙНМЕТАЛЛ»⁵. Наличие немецкой дезинформации в сверхсекретном (до начала использования) советском издании в какой-то мере можно рассматривать как пример недостаточно эффективной работы советской

разведки того времени в Германии. Либо о недостаточной эффективности работы советских военных аналитиков. По крайней мере, факт имеется и может послужить предметом обсуждения.

Генерал-майор Биязи

Как показали дальнейшие «розыски» в библиотеках, есть необходимость поподробнее ознакомиться с биографией генерала Биязи. В 1940 году он стал начальником Военфака военных переводчиков. Большая статья об истории Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА) изложена (по крайней мере, была изложена в 2005 г.) на сайте мэрии города Тольятти (бывший Ставрополь-на-Волге)⁶.

Про основные этапы создания этого института и о некоторых фрагментах из биографии генерала Биязи там говорится следующее.

1 февраля 1940 г. совместным приказом наркоматов обороны и просвещения в Москве учредили Военный факультет при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) с задачей подготовки военных преподавателей английского, немецкого и французского языков. (7 февраля состоялось его открытие.) Студенты Первого и Второго московских пединститутов иностранных языков были определены в кадры Красной Армии и зачислены слушателями Военфака на все четыре курса. В приказе об открытии факультета речь о подготовке военных переводчиков не шла. Факультет создавался срочным порядком в середине учебного года. Его формировали военинженер 2-го ранга Гавриил Андрианович Мартыненко, назначенный приказом НКО от 21.11.1939 г. помощником начальника Военфака по мат.-тех. обслуживанию, и майор Сергей Константинович Нарроевский, 19.12.1939 г. назначенный помощником начальника учебного отдела Военфака. В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл май-

ор Василий Дмитриевич Макаров (ставший временно его начальником).

Подготовка специалистов расширилась с октября 1940 г., когда Военфак возглавил кандидат военных наук генерал-майор Николай Николаевич Биязи. Он окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. (В 1943 г. он стал заместителем командующего Закавказским фронтом и формировал из спортсменов-альпинистов и лыжников ударные стрелковые отряды для борьбы с альпийскими стрелками горно-пехотной дивизии врага.) Второй страстью Биязи были языки. Он владел 14 языками, французский и итальянский знал в совершенстве. Эти знания пригодились ему на посту военного атташе в Италии в 1936-1938 гг.

Со дня образования и до августа 1940 г. Военфак подчинялся Управлению военно-учебных заведений НКО, но затем его передали в систему учебных заведений Генерального штаба Красной Армии.

С лета 1940 г. факультет перешел на комплектование кадровым составом Красной Армии. Разработали и приняли к реализации ряд мероприятий по превращению факультета, носившего пока характер гражданского учебного заведения, в самостоятельное высшее военно-учебное заведение.

В 1940 г. слушатели изучали один из трех языков — английский, французский, немецкий. А весной 1941 г. на Военфаке готовились кадры уже на 15 иностранных языках. Из маленькой учебной структуры при Втором МГПИИЯ Военный факультет западных языков (это его новое название) превратился к лету 1941 г. в самостоятельное крупное военно-учебное заведение, располагавшее хорошими профессорско-преподавательскими кадрами...

Из воспоминаний генерала Биязи: «1940 год. Получив назначение на должность начальника военного факультета западных языков при Втором МГПИИЯ, готовившего военных преподавателей, я поставил вопрос о необходимости немедленной реорганизации педагогического фа-

культета, на котором изучались только три языка. Для войны с самого ее начала армии потребуется большое количество военных переводчиков и знание большого количества иноязыков. Вскоре нам удалось выделить факультет из состава гражданского института... Вопрос о сроках преподавания на основных отделениях решился так: на педагогическом — пять лет, на военно-переводческом — два года, на краткосрочных курсах — от трех месяцев до одного года в зависимости от степени знания немецкого языка курсантами. При этом в основном со стороны мы брали студентов (мужчин было мало), знавших язык в достаточной мере и на первых порах немного разбиравшихся в переводе военных текстов. Однако нужных для этого пособий не было, и тогда мне и старшему преподавателю Монигетти пришлось срочно составить карманный «Краткий русско-немецкий разговорник» для бойца и младшего командира с фотографиями немецкой военной техники. Редактором был А. Любарский. Разговорник был издан Воениздатом в 1941 г. Во время войны он оказался столь необходимым, что был издан тиражом 500 тысяч экземпляров, а затем его еще дважды переиздавали, и тираж достиг двух миллионов...»

С началом войны подготовка военных переводчиков для военных вузов была приостановлена, и факультет полностью переключился на подготовку военных переводчиков для фронта. В связи с возникшей потребностью дополнительно были открыты учебные отделения финского, шведского, норвежского, датского, испанского, итальянского, польского, чешского, венгерского, румынского, сербского и болгарского языков.

В октябре 1941 г. последовал приказ НКО СССР об эвакуации Военного факультета при Втором МГПИИЯ в город Ставрополь-на-Волге. Для передислокации был выделен специальный пароход. Эвакуация проходила с 10 до 18 октября...

В эти годы выпускниками института стали О.А. Трояновский (посол СССР в Китае), Ф.Е. Хитрук (режиссер, народный артист СССР), А.П. Мицкевич (писатель-фан-

тает), Л.Д. Бергельсон (член-корреспондент АН СССР), В.А. Этуш (народный артист СССР).

12 апреля 1942 года приказом НКО СССР Военфак был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии и к нему присоединился военфак Института востоковедения.

Почему здесь я предлагаю обратить внимание на биографию генерала Биязи? Дело в том, что во время поиска в научно-технической библиотеке я наткнулся на карточку к еще одной книге 1940 года:

Боевые действия в горах. М. Воениздат.
Напеч. в Лгр. 1940. 240 с. со схем. и карт. 22 см.
(Краснознаменная и ордена Ленина воен. акад. Кр. Армии им. М.В. Фрунзе) 6 р. в пер. На обороте т.л. указаны составители: полк. Агапов, генерал-майор М.В. Алексеев, генерал-майор Биязи и др. I Агапов. II Краснознам. воен. акад. Кр. Армии им. Фрунзе Москва.----- I
Боевые действия в горах.
N: 19360 [40-34908] 10 355.413.4
Всес. кн. палата 18 X. 40 B758

И мне очень захотелось ее найти. Однако именно в этом книжном фонде ее не оказалось. Тогда я решил записаться в другую центральную библиотеку Киева. А вдруг?

Какие еще горы?

Вообще-то я уже был в ней когда-то записан, но мой читательский оказался просрочен, так как с конца 90-х годов их стали выдавать на 1 год. И вот как-то летом 2006 г. я выбрал время и в выходной теплый солнечный день поехал восстанавливать «пропуск» (библиотека находится рядом с Крещатиком и Майданом). Получилось. И я сразу же направился в зал каталогов с целью найти ящичек по теме военных наук. Нашел. А в нем и искомую карточку на книгу «Боевые действия в горах» издания 1940 г. Но авторы не были указаны. Подозревая, что в один и тот же

год одно и то же издательство не могло выпустить две разные книжки под одним названием, я выписал шифр (начинавшийся с буквы «Д») и пошел выяснять у дежурного библиотекаря, где ее заказать. Мне ответили, что в «Депозитарии», и предложили почитать разъяснение, засунутое под стекло на столе. Почитал. Оказалось, что не все так просто. Депозитарий находился в подвальном этаже какого-то жилого дома вдали от основных трасс общественного транспорта. И работал только по будням. До 16.00. Жаль...

Кроме того, настоятельно предлагалось сначала позвонить (номер телефона прилагался), чтобы зря не ехать.

Ладно! Я переписал адрес-телефон и стал обдумывать план, как туда добраться. А для начала в ближайшую пятницу позвонил выяснить, «жива» ли книга? И через минуту поисков мне ответили, что КНИГА ЕСТЬ! («Приезжайте! У нас вход с торца дома, там лесенка вниз и звонок...»)

— Спасибо! — ответил я и продолжил обдумывание плана, как туда добраться...

И вдруг в понедельник меня посылают по делам в район метро «Шулявская». Шанс появился! И я решил им воспользоваться! Договорился с руководством и в обед поехал искать этот подвал со звоном. Нашел достаточно быстро, получил книгу (а к ней заказал еще и Г. Иссерсона «Новые формы борьбы» 1940 г. — и тоже получил). Оставалось последнее — быстренько пролистать их (порядка 270 страниц), выбрать страницы для ксерокопирования, договориться с библиотекарем об их выносе (для этого я специально взял паспорт), сбежать куда-то на ксерокс, вернуться, сдать книги и быстренько возвратиться на работу. И на все это у меня ушло часа полтора. Копии в местном маркете сделала девушка старшего школьного возраста, подрабатывавшая на ксероксе в каникулы. Узнал я об этом потому, что в этот момент к ней подошла ее школьная подруга и они стали делиться новым для себя коммерческим опытом. И предложили отксерить всю

книгу (240 стр.), если оставлю до завтра. Я вынужден был отказаться. И как потом оказалось, зря отксерил листов 10 Иссерсона — полный текст его книги размещен в Интернете на сайте «Милитеры».

В конечном итоге, придя вечером с работы домой, «вдали от шума городского» я стал вчитываться в голоса 1940 года. И оказалось...

Конечно, обучение действиям в горах в царской России и во времена СССР вообще-то могло входить в программу военной подготовки некоторых контингентов военнослужащих вне зависимости от каких-то конкретных планов. Но более конкретное изучение географических условий конкретного ТВД всегда есть отдельная конкретная тема. И лично меня насторожила фамилия генерала Биязи в списке авторов книги «Боевые действия в горах». Каким образом специалист по европейским языкам оказался в их числе?

КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
имени М.В. Фрунзе

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГОРАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Редактор полковник Шебалин Д.В.
Технический редактор Фрейман Д.А.
Корректоры Бондаренок А.Е., Богоявленская М.Н.

Сдано в производство

1.7.40

Формат бумаги

60х92 $\frac{1}{16}$

Г13866 Изд. №5 1 2

Подписано к печати 6.9.40

Объем 15 п.л.,

17,96 уч.-п.л.

Зак. № 2319

Отпечатано во 2-й типографии Гос. военного изд-ва НКО
СССР им. Клина Ворошилова Ленинград, ул. Герцена, 1

«Боевые действия в горах»

В книге излагаются все виды боевой деятельности в горах стрелковых и горно-стрелковых войск (дивизия, полк, батальон) со средствами усиления.

Книга рассчитана на начальствующий состав Красной Армии.

В составлении книги принимали участие: полковник Агапов, генерал-майор Алексеев М.В., генерал-майор Биязи, полковник Гареев, генерал-майор инженерных войск Ильин-Миткевич, генерал-лейтенант Львов, полковник Позняк, полковник Попов В.Т.

Если страна готовилась к отражению внешней агрессии на своей территории, то какое отношение к этой книге мог иметь специалист по иностранным (европейским) языкам? Кроме того, возникла идея уточнить биографии других авторов. Конечно, определить личность только по распространенной фамилии (Львов, Позняк) — задача практически невозможная. Но по двоим авторам кое-что узнать удалось.

Полковник Попов В.Т. указан автором книги «Разгром итальянцев под Адуа», М., 1938, в списке литературы к статье «Итало-эфиопские войны» в 11-м томе БСЭ, 3-е издание⁷. Он же указан автором книги «Бои за Верден», М., 1939, в списке литературы к статье «ВЕРДЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» в 4-м томе БСЭ, 3-е издание⁸.

Получается, что Попов В.Т. мог быть военным историком.

Генерал Ильин-Миткевич А.Ф. указан в списке первых генералов Красной Армии⁹.

Генерал-майор инженерных войск Ильин-Миткевич был командующим инженерными войсками Киевского ОВО и Юго-Западного фронта (1941), Сталинградского фронта (1942) и 7-й армии (1944)¹⁰.

Кроме того, генерал Ильин-Миткевич из Военно-инженерной академии Красной Армии им. В. В. Куйбышева указан автором «Краткого справочника по военно-инженерному делу» (80 стр., Воениздат, 1941)¹¹.

Итак, среди 8 авторов книги «Боевые действия в горах» 1940 г. с генеральскими и полковничьими званиями один — профессионал по переводам с европейских языков, второй — профессионал по военно-инженерному (саперному) делу, третий — военный историк.

Ну хорошо, допустим, книга о войне в горах выпускалась с целью подготовки обороны на своей территории. Допустим.

Остается посмотреть, какие горы в СССР могли оказаться в зоне боевых действий в случае нападения какого-нибудь соседнего государства. Берем карту (а еще лучше — фрагмент глобуса) с Европой, Азией и Северной Африкой. Оттенками зеленого на нем показаны низменности от ниже уровня моря (до — 200 м, например, Прикаспийская низменность) и высоты до 500 м над уровнем моря. Коричнево-желтый — высоты и горы от 500 м до 3 км. Серый — от 3 до 5 км. И белый — выше 5 км (например, Гималаи).

И как показывает внимательное изучение такой карты (глобуса), в 1940 г. практически не было в СССР гор, которые могли бы оказаться в зоне боевых действий. Практически вся европейская и большая часть азиатской его территории — это низменности. Серьезные горы — фрагмент Карпат на западе Украины, Кавказ на юге европейской части, горы на границе с Афганистаном, Китаем и Монголией в азиатской части. И есть горные системы на малоосвоенных человеком востоке Якутии и Дальнем Востоке, где суровый климат и вечная мерзлота. И к обороне каких из них надо было готовиться в 1940 г.? Памира со стороны Афганистана? Мягко говоря, очень маловероятно. Какие-то контрабандисты еще могли там появиться. Но это забота внутренних войск (в то время — НКВД), а не Красной Армии. Может, китайцы развернули бы наступление через пустыню Гоби на степи и полупустыни Казахстана? Или через Маньчжурию на Забайкалье? В дополнение к своей гражданской войне и к войне с японцами? Невероятно! Горную границу с Мон-

голией можно было бы расценивать вообще как глубокий тыловой район. Может быть, Кавказ со стороны Турции? Возможно, хотя тоже очень маловероятно. В то время Турция имела договор с Британией, которая, в свою очередь, воюет с немцами. И какой был смысл туркам наступать на СССР через Кавказ? У них же танков практически не было! На ишаках? По горным тропам еще можно, а дальше много не навоюешь! Может, горы Крыма? Отпадают сразу Их стратегическая ценность равна нулю. Как Ялту в 1941 г. с ходу отдали, так в 1944-м и взяли без особых трудностей. Оборонять ЮБК (южный берег Крыма) никаким войскам нет никакого смысла. Остаются Карпаты (со стороны Украины)... Но и в этом случае их важность для обороны сомнительна. Еще вопрос — кому наступать. У Венгрии сил не хватит. А немцы могут обойти с фланга (что и сделали летом 1941-го). И все...

Так к обороне каких гор в СССР надо было срочно готовиться в 1940 г.?

В 1940 году в СССР — никаких. Но возник вопрос:

— А вы не были в Колензо?

Думаю, абсолютное большинство опрошенных на него ответило бы контрвопросом:

— А ЭТО ГДЕ?

Ну как, ГДЕ?

Уточняю — на реке Тугела. Разве вы не знаете? Конечно, это не Волга, не Днепр. Но река существует. Причем на слегка возвышенной предгорной территории. В почти 100 км от Колензо на юго-запад находится тамошняя крупнейшая гора — Табана-Нтленьяна, 3482 м над уровнем моря (или 11 424 фута)...

Никогда не слышали? И какое отношение Колензо с Тугелой и Табаной-Нтленьяной имеют к Великой Отечественной войне? Отвечаю сразу: никакого!

Но как оказывается, они имеют какое-то отношение к предвоенной подготовке. Однако сначала о том, где же находятся эти географические объекты? Томить не буду, рассказываю: а находятся они на востоке ЮАР (Южно-Африканской Республики).

Если посмотреть на карту восточной части страны, то справа внизу на берегу Индийского океана, почти на самом юге Африки окажется порт Дурбан. Слева от него (западнее) и расположена горная система с горой Табана-Нтленьяна с высотами выше 3 км (в границах королевства Лесото).

При чем здесь все это? А при том, что в книге «Боевые действия в горах» приводится много примеров боев в горных условиях во время разных войн, как правило, вне границ СССР и по времени от генералиссимуса Александра Васильевича Суворова до 1940 г.

— Ну чего уж так сразу с наступления? — может возникнуть кое у кого претензия.

Действительно, при войне в горах, кроме наступления, бывают и оборона, и встречный бой, и организация марша, и формирование тыла, и инженерное обеспечение и т.д. и т.п. В книге 240 страниц, рассматриваются разные вопросы ведения боев в горах, в чем можно убедиться по содержанию на двух с лишним листах.

Когда читаешь этот фундаментальный труд, то периодически возникает мысль о том, что его значение не уменьшилось и в настоящее время. Особенно если планируются крупные, особенно наступательные боевые операции в «хороших» горах.

При внимательном чтении этой книжки возникает предположение, что ее готовили для реализации планов проведения крупных, в первую очередь наступательных боевых операций в больших горных массивах с участием не только полков, но и дивизий (стрелковых), корпусов и армий на сотни километров в глубину! Однако трудно представить, что бой ведет всего лишь одна армия (например, 6-я). А чем будут заниматься другие армии? (Например, 3, 8 и 15-я полевые). Отдыхать? Но следом может возникнуть и другой вопрос: а где на планете Земля можно найти такие крупные горные массивы, пройти которые на сотни километров в глубину и ширину предполагается НЕСКОЛЬКИМ полевым армиям? Возмо-

но — Карпаты, Альпы в Европе. Возможно — Иранское нагорье. Возможно — Испания. Возможно — Турция (см. глобус). Возможно — и Гималаи, чего уж тут мелочиться! А там, глядишь, и до Колензо окажется «рукой подать»!..

Кстати, в главе V «Наступательный бой в горах» есть интересный параграф — «Наступление в прибрежной зоне». Если посмотреть на карту (лучше — на глобус), то в СССР таких участков очень мало (ЮБК в Крыму и запад Кавказа). Но они встречаются и в других странах — Иран (Каспий с севера, Персидский залив с юга), Турция (2/3 границы — морской берег), Балканы, Испания, Норвегия (Скандинавские горы с морским берегом), Шотландия (север Великобритании), северо-запад Африки.

За то, что эта книга рассчитана на ведение боев за границами СССР, говорит и наличие массы примеров из истории боевых действий именно там — за границами СССР.

В качестве возможных местных транспортных средств там упоминаются быки, верблюды, яки, лошади.

Про использование яков в армии сведений не нашел. Но оказалось, что до 1941 года в советском Генштабе были какие-то планы по использованию выючно-ишачных и выючно-верблюжьих рот РГК (между прочим — «Резерва Главного Командования»). Когда и где его применяют (РГК)? Обычно — в качестве помощи войскам, ведущим конкретные бои на конкретном ТВ Д. Вот цитата из 1-го тома сборника «1941»:

«№ 272. ЗАПISКА НКО СССР И ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) - И.В. СТАЛИНУ И СНК СССР - В.М. МОЛОТОВУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ СХЕМЫ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

б/н

(не позже 12 февраля 1941 г.)

ХIII. Гужетранспортные и рабочие части РГК

По мобилизации будет развернуто:

Отдельных гужетранспортных рот — 8

Отдельных выючно-конных рот — 4

Отдельных выючно-ишачьих рот — 2

Отдельных выючно-верблюжьих рот — 3...»

Но мало ли к чему готовились в 1940 г.? Возможно, и к прорыву широких горных массивов корпусами и армиями. Однако с 22.06.1941 эта тема оказалась надолго забытой. А вот в 1944-м ее пришлось вспомнить, когда Красная Армия вышла к Карпатам. Есть издание трех приказов 1944—1945 гг. о повышении эффективности ведения боевой работы в горно-лесистой местности. Они размещены в сборнике 1947 г.¹²

Вот так: вышла в 1944 г. Красная Армия к горам за границей, потребовались разные «Руководства». А до того особо не требовались. Но в 1940-м какие-то варианты уже были изданы. «На всякий случай»?

Кстати, если принять за гипотезу вероятность подготовки советским Генштабом каких-то планов войны в горах в Закавказье (Турция), в Карпатах (Венгрия и Румыния), в Иране, то можно предположить, что должны были бы издать и соответствующие разговорники. И, как оказывается, они были изданы:

Краткий русско-турецкий военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-венгерский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-румынский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-персидский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-китайский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Можно возразить, что «русско-китайский» могли издать для советских советников в штабах Чан Кайши или Мао Цзэдуна. А «русско-персидский» пригодился в конце

1941-го. Возможно. Но в Венгрии, Румынии и Турции, насколько помню, советских военных советников в 1940 году не было. И требуется все же уточнить: а кроме выпуска разговорников и учебников, проводилась ли реальная военная подготовка «где-то на юге», в районе возможных горных театров военных действий? Есть отрывочные сведения, что проводилась. Вот, например, книга генерал-полковника Каманина Н.П. «Летчики и космонавты»¹³. В ней он вспоминает различные периоды своей жизни. А на стр. 180—181 описывает то, как он встретил 22 июня 1941 г., будучи полковником:

«Есть в Средней Азии чудесная, сказочно красивая долина. В этой цветущей долине, утонув в зелени, стоял дом отдыха летчиков авиационной дивизии, которой мне довелось командовать. Вечером 21 июня 1941 года мы приехали в долину, чтобы свалить с плеч усталость от напряженной работы и набраться сил в запас. Поработать пришлось перед поездкой много. Авиационная дивизия была только что сформирована. Она являлась одним из крупных авиационных соединений, создававшихся перед войной как новая оперативно-тактическая единица. Дивизия включала полки бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей, потому называлась смешанной. Мне, как командиру, пришлось изучать новую для меня материальную часть истребителей, штурмовиков, особенности их боевого применения. С группой командиров мы сидели на балконе особняка, вдыхали полной грудью воздух цветущей долины, обсуждая события последних дней. Было уже за полночь, когда разошлись по комнатам... В шесть часов утра по местному времени меня разбудил посыльный. А еще через пять минут я услышал по телефону из штаба страшное слово «война»! По частям полетели первые военные приказы... Дыхание войны, уже полыхавшей на наших западных границах, мгновенно пришло и сюда, в цветущую сказочной красотой долину Фирюза...»

Лично у меня к этому фрагменту имеется несколько вопросов. Во-первых, Средняя Азия занимает большую территорию. Хотелось бы уточнить местоположение обсу-

ждаемой долины. Беру атлас. Нахожу: населенный пункт Фирюза — примерно в 40 км западнее Ашхабада, в 20 км от границы с Ираном, примерно в середине хребта Копетдаг (прямо на границе чуть восточнее Фирюзы находится гора Ризе высотой 3 км). Но, может, это не та Фирюза? Раскрываю компакт-диск с БСЭ, нахожу в 27-м томе:

«ФИРЮЗА, поселок гор. типа в Ашхабадской обл. Туркм. ССР, подчинен Ашхабадскому горсовету. Расположен в ущелье р. Фирюзинка на сев.-вост. склонах Копетдага, на высоте 600 м, в 37 км от Ашхабада. Климатич. курорт. Лето жаркое (ср. темп-ра июля 26°C), зима мягкая (ср. температура янв. 0,6°C); осадков около 300 мм в год. Детский санаторий, 2 дома отдыха».

Похоже, что все правильно. Но возникает другой вопрос: а чего это на границе с Ираном разместили НОВУЮ (!) смешанную авиадивизию? Хотя, с другой стороны, где же еще формировать ЗАПАСНЫЕ войсковые соединения? Видимо, лучше всего — в глубоком тылу. Но «глубокий тыл» — понятие растяжимое. Смотря в какой стороне возникнет этот самый фронт. Это мы сейчас знаем, что тогда фронт возник далеко на западе относительно Фирюзы. Поэтому было бы полезно уточнить, а не создавались ли еще НОВЫЕ воинские соединения в этом же военном округе? Оказывается, что создавались. Вот, например, как начинается книга генерала армии Жадова А.С. «Четыре года войны» (Москва, Воениздат, 1978, с. 3):

«В конце мая 1941 года [тогда Жадов был генерал-майором] в Среднеазиатском военном округе, где я в то время командовал 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизией, проводилось крупное оперативное командно-штабное учение. В нем участвовали штаб округа, штабы четырех кавалерийских, двух стрелковых дивизий, а также штаб недавно сформированной моторизованной дивизии. Учение проходило в обстановке, когда, как говорится, на наших западных границах уже пахло грозой. Среди руководящего состава округа и соединений все чаще и чаще заходились разговоры о неизбежности войны. Своих опа-

сений не скрывали и представители Генерального штаба, присутствовавшие на учении...»

А после учений на товарищеском ужине генерал С.Г. Трофименко огласил ему приказ срочно вступить в должность командира 4-го воздушно-десантного корпуса, который заканчивал формирование в районе Пуховичей (Белоруссия), но до начала войны до своего корпуса он не доехал — 22 июня встретил в пути на какой-то станции между Оренбургом и Куйбышевом (Самарой).

Снова возникают вопросы. А можно ли узнать, кто был представителем из Генштаба? Пожалуй, можно — из воспоминаний генерала армии Штеменко С.М. «Генеральный штаб во время войны»:

«Осень 1940-го и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание Ближневосточного театра [военных действий]. С марта приступили к разработке командно-штабных учений в Закавказском и Среднеазиатском военных округах, намеченных на май. В апреле генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин проводил командно-штабное учение в Ленинградском военном округе, и я ездил к нему с докладом. Доклад прошел гладко: Николай Федорович утвердил наши разработки почти без замечаний и отпустил меня, сказав, что учение в ЗакВО будет проводить либо начальник Генштаба, либо он — Ватутин.

В конце мая основной состав нашего отдела отправился в Тбилиси... Перед самым отъездом выяснилось, что ни начальник Генштаба [генерал армии Жуков], ни его заместитель [генерал Ватутин] выехать не могут и учениями будут руководить командующие войсками: в ЗакВО — Д.Т. Козлов, в САВО — С.Г. Трофименко. Однако уже на другой день после нашего приезда в Тбилиси генерал-лейтенанта Козлова срочно вызвали в Москву. Чувствовалось, что в Москве происходит нечто не совсем обычное.

Руководить учениями стал генерал-майор М.Н. Шарохин, а в роли начальника штаба руководства пришлось выступить мне. Фронтом командовал заместитель коман-

дующего войсками округа генерал-лейтенант П.И. Батов. Обязанности начальника штаба фронта выполнял генерал-майор Ф.И. Толбухин. После разбора учений в ЗакВО пароходом направились из Баку в Красноводск, а оттуда поездом в Мары, где нас уже поджидали генерал-лейтенант С.Г. Трофименко и его начальник штаба генерал-майор М.И. Казаков. Во время игры мне удалось, с целью изучения театра, проехать по границе от Серахса до Ашхабада и далее через Кизыл-Атрек до Гасан-Кули. Возвращались в Москву с легким сердцем. Учения прошли хорошо.

21 июня утром наш поезд прибыл к перрону Казанского вокзала столицы. День ушел на оформление и сдачу документов. М.Н. Шарохин добился разрешения для участников поездки отдыхать два дня: воскресенье — 22-го и понедельник — 23 июня. Но отдыхать не пришлось. В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе. Война началась»¹⁴.

Опять возникают вопросы. Во-первых, интересно, что же такое «не совсем обычное» могло происходить в Генштабе в мае — июне 1941 года? Немецкого нападения не ждали, но что-то готовили? Жаль, что генерал Штеменко ограничился только упоминанием одного своего чувства. Во-вторых, Мары, между прочим, — это примерно 350 км почти ровно к востоку от Фирюзы и 112 км от границы с Ираном. И маршрут от Серахса до Гасан-Кули — это практически вся граница СССР с Ираном восточнее Каспийского моря (с востока на запад). Получается, что до 22 июня 1941 г. в советском Генштабе были какие-то планы относительно «Ближневосточного театра»? «Проторить дорожку» к Персидскому заливу? В «развитие» предложений Германии от 25 ноября 1940 г.? Действительно, эта задача могла решаться только через Иран. И тогда понятен и смысл проведения штабных учений, и сталинская «глухота» к английским предложениям, и создание новых дивизий в этих местах. Вот только не со-

всем понятно, как собирались воевать. Сразу наступать или сначала отразить нападение врага? Какого? Турок или иранцев? Между прочим, судя по дневнику Франца Гельдера, немцы Турцию в 1940—1941. гг. рассматривали одновременно и как союзника, и как врага (в зависимости от политических решений ведущего «большую игру»). Ну а коль у советского Генштаба к 22.06.41 были некие планы относительно «Ближневосточного театра», которые после 22.06.41 резко поменялись, то можно предположить, что и остальные планы, в частности, в отношении «Западного театра» тоже были какими-то такими, которые совсем не учитывали немецкое нападение утром 22.06.41. Об этом можно судить и по тому факту, что генерал Жадов на военных дорогах лесной Смоленщины уже 27 июля 1941 года не без удивления встретился с конниками родной ему 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизии («с шашками против танков Гудериана?! Сабли тупить?»).

Как бы там ни было, становится понятно, что к лету 1941-го у советского Генштаба были какие-то военные планы и проводилась активная работа по их реализации. Но учитывалось ли в них внезапное нападение немцев? Судя по случившемуся разгрому, получается, что нет. Это выглядит странно, особенно на фоне наглядных примеров, показанных вермахтом в 1940 г. Но видели ли их специалисты советского Генштаба? Делали ли из этого какие-то выводы? Есть вполне подробная книга, которая показывает, что видели и что какие-то выводы делали. Ее написал комбриг Г. С. Иссерсон.

«Новые формы борьбы»

Как оказывается, читать книги «того времени» полезно еще и потому, что «тогда» их авторы еще не знали то, что знаем мы «сейчас». В частности, в 1940 году еще не знали, как повернутся события летом будущего 1941 года. Например, через 60 с лишним лет после начала войны

некоторые историки высказывают убеждение, что советский Генштаб якобы был уверен, что война с немцами если и начнется, то будет развиваться медленно: сначала в дело вступят некие «ограниченные силы» на уровне каких-то «провокаций», потом будет проводиться мобилизация и развертывание «главных войск», которые войдут в соприкосновение через некоторое время. И потому, дескать, массированное наступление немцев 22 июня 1941-го сразу основной массой своих войск и сразу на всем фронте для советского Главнокомандования якобы и явилось совершенно неожиданным. И потому, дескать, не удалось грамотно и вовремя организовать надлежащую оборону.

Возможно. Но было бы полезно «заглянуть» в 1940 г. и посмотреть, как же ТОГДА на самом деле оценивали ситуацию? Действительно ли исключалось массированное нападение в самый первый день войны? Можно ли об этом где-то почитать? Оказывается, можно. Например, в книге Иссерсона Георгия Самойловича «Новые формы борьбы» (М.: Военгиз, 1940).

Ее текст размещен на сайте «Военная литература» («Милитера»)¹⁵.

Причем сканирование и распознавание (OCR) выполнил Исаев Алексей. И еще удивительнее, что автор сайта Ноахер в аннотации к ней привел следующую цитату:

— Чтобы не растекаться мыслию по древу, приведу цитату из Иссерсона: «Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление,

продолжает сосредоточение, пока наконец на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе». Браво!

Извините, «браво!» — это как? Значит, в 1940 г. некто Иссерсон Г.С. уже отчетливо понимал, что вполне реальным может оказаться массированное наступление заранее сосредоточившегося противника. А, скажем, в 2005 году некие историки заявляют, что «не-не! В 1940 г. о таком даже никто и не догадывался!»

Кстати, а кем был Иссерсон Г.С.? «Человеком с улицы»? Писателем-фантастом для детей среднего и старшего школьного возраста? На той же странице «Милитеры» дается ссылка на его краткую биографию (но текст какой-то странный, если его перевести более понятно, то получится следующее):

«Об авторе: ИССЕРСОН Георгий Самойлович.

16.06.1898 (Санкт-Петербург) — 27.04.1976 (Москва). Служил в армии (участник Гражданской войны, состоял в распоряжении наркома обороны СССР). 10.06.41 арестован в Москве. 21.01.42 приговорен к 10 годам ИТЛагереЙ и 5 годам поражения в правах»¹⁶.

Уточнения к биографии Иссерсона Г.С. можно найти на странице «ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ» газеты «ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО», № 23 (196), 2004¹⁷. Там размещено письмо Ирены Иссерсон-Ереминой (дочери Георгия Самойловича). Из него получают такие сведения.

Профессор, комбриг Иссерсон Г. С. до войны был начальником кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба, одним из разработчиков теории «глубокой операции» — одновременного удара авиации, танков, подвижных моторизованных соединений и воздушных десантов в глубину обороны противника. 7 июня 1941 г. (т. е. за две недели до войны) был арестован (дело НКВД № 40871 Советской Армии [?] при Совете министров СССР). Сначала его приговорили к расстрелу, затем расстрел заменили на 10 лет лагерей строгого режима и

5 лет ссылки. В 1955 г. профессор Г. С. Иссерсон был реабилитирован и в чине полковника ушел в отставку.

Таким образом, получается, что Георгий Самойлович был вовсе не «человеком с улицы», а входил в круг тогдашних работников Генштаба, от которых зависела разработка стратегии развития армии и вопросов обороны страны на будущее. Но по какой причине на сайте «Милитеры» оказался текст книжки Георгия Самойловича? Видимо, потому, что на нее ссылается В. Суворов в списке литературы к своей книге «Ледокол»¹⁸. Но в самом тексте «Ледокола» прямого анализа работы Иссерсона нет. Есть только упоминание теории «глубокой операции».

Вот об этом-то — о внезапном ударе Гитлера по Польше в сентябре 1939 г. и идет речь в книге Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы». Точнее говоря, в первой ее главе кратко рассматривается история гражданской войны в Испании. Но гораздо больше места отведено анализу войны в Польше в 1939 г.:

«Часть вторая. Германо-польская война»

1. Вступление. 2. Вступление в войну. 3. Ошибки польского командования. 4. Польский план стратегического развертывания. 5. Германское развертывание. 6. Первая фаза. 7. Вторая фаза. 8. Почему поляки не могли создать фронта. 9. Третья фаза (конец войны). 11. Новые формы борьбы в действии. Примечания. Список схем».

(Кстати, список схем на «Милитере» на адресе <http://militera.lib.ru/science/isserson/ill.html> неполный. В книге была еще одна карта о ходе боев во «второй фазе». И потом, а куда делся 10-й параграф? Опечатка?)

Так вот, когда читаешь размышления Георгия Самойловича о войне в Польше, то параллельно вполне можно добавлять аналогии о войне в 1941 г. в СССР (в квадратных скобках) и при этом на удивление возникают общие тенденции.

Часть вторая. Германо-польская война

1. Вступление

Быстрое поражение Польши нельзя, конечно, объяснить одним лишь превосходством военной организации и военной техники Германии. Мы видим, как такое же превосходство на первых порах Японии не дало ей таких результатов в Китае, где широкие народные массы объединились для защиты своей страны и организовали эффективное сопротивление. [Ком-ий: т.е. нужна еще и грамотная роль руководства страны. В СССР в то время это был ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным.]

Впрочем, военный разгром Польши будет, видимо, еще предметом подробного исследования истории. По своему катастрофическому исходу он находит себе равный пример разве только в разгроме Пруссии Наполеоном I в сражении под Иеной в 1806 году. Тогда Наполеон, считая от его вступления в Пруссию до занятия Берлина, покончил со своим противником в 19 дней. Польская армия была в сентябре 1939 года полностью разгромлена в 16 дней. Во всем безрассудстве и чванстве польской политики в предсентябрьские дни 1939 года вообще много общего с безумием воинственного пыла придворных кругов Пруссии накануне Иены. [27] [Ком-ий: т.е. в 1806 г. руководство Пруссии вопросом обороны от возможного нападения французов вообще не занималось.]

Разумеется, когда армия терпит столь катастрофическое поражение, причины всегда кроются в факторах политического значения. В этом отношении сражение под Иеной было предрешено и являлось с военной точки зрения лишь формальностью. [Ком-ий: т.е. в деле подготовки грамотной обороны важную роль играют заранее принятые политические и организационные решения.]

2. Вступление в войну

Характер вступления в войну определяет обычно основные линии, по которым война развивается, по крайней

мере в ее первый период. А так как всякое последующее развитие вытекает из предыдущего, то тем самым характер вступления в войну часто определяет ее линии развития в целом. Чтобы получить правильное представление о войне, нужно уяснить себе, как произошло ее открытие.

В этом отношении германо-польская война представляет собой новое явление в истории.

Политический конфликт между Германией и Польшей, вытекавший из условий Версальского договора, по [29] которому Восточная Пруссия была отделена от центральной Германии так называемым Польским коридором, возник уже с конца 1938 года. [Ком-ий: т.е. после того, как Гитлер решил аналогичную проблему с Чехословакией, а еще раньше — с Австрией. С конца 1938 года «подошла очередь» Польши.] Его напряжение нарастает долгие месяцы. С лета 1939 года уже назревает вооруженное столкновение. А с конца лета обе стороны открыто угрожают друг другу, говорят о неизбежности вооруженного выступления и готовятся к нему. [Ком-ий: ага! Значит, во время переговоров в Москве в августе 1939-го эта вероятность уже была всем понятна!]

Однако, когда 1 сентября германская армия с полностью развернутыми силами открыла военные действия, перейдя границы бывшей Польши на всем протяжении, граничащем с Германией, это все же свалилось как небывалая в таком виде стратегическая внезапность. [Ком-ий: таким же для СССР оказалось и немецкое нападение 22.06.41.]

Никто не может теперь сказать, когда же произошли мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн и, в частности, первой империалистической войны обозначены вполне определенными рамками во времени.

Германо-польская война началась самым фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе; она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов.

История столкнулась с новым явлением. После первой империалистической войны военная литература выступила с теорией, по которой война открывается особо предназначенной для этого «армией вторжения»; под ее прикрытием должны затем развернуться и вступить в борьбу главные силы страны. По этой схеме мобилизация и сосредоточение основной массы сил проводятся уже после начала войны, т.е. еще так, как это происходило в 1914 году. Вступление в войну получает, таким образом, эшелонный характер: сначала выступает армия вторжения, а затем массы главных сил. [Ком-ий: т.е. чтобы сделать вид, что никто никакой войны не готовит, «агрессор» «втихаря» готовит относительно небольшую «армию вторжения». А в нужный для себя день приказывает ей перейти границу. И уже после этого объявляет о мобилизации и быстро разворачивает остальные войска. Так?]

«Теория армии вторжения» сразу подверглась серьезной критике. В сущности практически она никем не была принята на веру. [Ком-ий: и в СССР? То есть в 1940 г. и до лета 1941 г. в эту теорию советские военные руководители не верили? А после 22.06.41 именно этим стали объяснять поражения РККА в начальный период?]

В противовес армии вторжения, как первому эшелону вооруженных сил, германская военная печать писала:

«Стратегия завтрашнего дня должна стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону».

Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара, использующего, как это писал Сект, «каждую унцию силы». [30]

Для такого удара даже неприменимо положение, что обрушивается в первые часы войны; наоборот, первые часы войны наступают потому, что обрушился этот удар.

При этом отбрасывается старая традиция, согласно которой нужно, прежде чем ударить, предупредить об этом. Война вообще не объявляется.

[Ком-ий: извините, советские историки широко использовали факт того, что немцы как бы вовремя не предупредили о нападении на СССР. И эту мысль активно повторяют многие противники В. Суворова.]

Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока наконец на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе. [Ком-ий: значит, советские военные руководители до самого 22.06.41 пребывали в сомнении, что немцы готовят нападение именно на СССР. Но если у границ с СССР готовится такая армия, но не для нападения на СССР, то она должна же на кого-то напасть? Значит, в СССР были уверены, что немцы готовятся напасть на кого-то другого. Этим «другим» в то время могла быть только Британия (как говорится, без вариантов).]

Так началась германо-польская война. Она вскрыла совершенно новый характер вступления в современную войну, и это явилось в сущности главной стратегической внезапностью для поляков. Только факт открывшихся военных действий разрешил наконец сомнения польских политиков, которые своим чванством больше всего войну провоцировали, но в то же время больше всех оказались

захваченными врасплох. [Ком-ий: надо полагать, у советских политиков чванства не было. Но факт остается — они о немецких приготовлениях знали, но 22.06.41 оказались захвачены врасплох. Но как-то ведь они должны были реагировать? Какие-то планы должны были разрабатывать? Какие-то приказы должны были отдавать армии? О чем, если немецкое нападение оказалось «НЕОЖИДАННЫМ»?!]

3. Ошибки польского командования

Польское командование допустило также стратегические ошибки и просчеты, которые не могут быть поставлены в непосредственную зависимость исключительно от внутренней политической гнилостности бывшего польского государства. Они коренятся в поразительном непонимании новых условий, в которых может произойти вступление в современную войну. [Ком-ий: извините, так в каком варианте советский Генштаб в то время ожидал начала войны с Германией? По примеру 1914 года? Он поразительно не понимал новых условий? А сам комбриг профессор Иссерсон Г.С. не имел касательства к советскому Генштабу?]

В этом отношении войну проиграл прежде всего польский Генеральный штаб, показавший пример чудовищного непонимания стратегической обстановки и в корне неправильной ее оценки. [Ком-ий: надо полагать, советский Генштаб в 1941 г. восхитительно понимал стратегическую обстановку и в корне правильно ее оценивал?] Огромную ошибку в оценке стратегической обстановки совершил французский Генеральный [31] штаб при вступлении в войну 1870 года. Польские стратеги, однако, далеко превзошли печальные исторические уроки своих учителей. Ошибки польского командования могут быть сведены к трем основным.

1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на западе выступлением Франции

и Англии и не смогут сосредоточиться на востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения. [Ком-ий: есть соображения, что советский Генштаб ожидал аналогичного — что немцы свое настоящее наступление будут проводить против Англии.] Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. [Ком-ий: Так велика была вера в 1941-м в СССР во... (что?) Откуда же она взялась?] Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. Наконец, твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая всегда умела воевать только чужими солдатами. [Ком-ий: а как насчет цены обещаний Гитлера? Они для СССР тоже прошли бесследно?]

Из всех этих ложных расчетов делают еще более ложные выводы. Считают возможным обойтись чуть ли не одной армией мирного времени. С мобилизацией второчередных дивизий поэтому не спешат. Но об этом широко оповещают, объявляя о мобилизации двухмиллионной армии. Такой дезинформацией думали напугать противника. Однако эффект получился совершенно обратный, так как германское командование сосредоточило в ответ еще большие силы против Польши.

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге и даже не о всем Данцигском коридоре и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. [Ком-ий: с советской в 1941 г. наиболее известны объяснений о возможности неких немецких провокаций.] Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос

уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу. [Ком-ий: а советский Генштаб в 1941 г. полностью уяснил себе действительные цели и намерения противника?]

Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились. [Ком-ий: и потому в 1941 г. мало позаботились о направлениях главных ударов немцев?]

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмотилизации и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще [32] такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию. [Ком-ий: так и про лето 1941-го нам сейчас объясняют так, что советский Генштаб якобы ожидал некий «начальный период»...]

Таким образом, мобилизационная готовность Германии и ее вступление в войну сразу всеми предназначенными для этого силами остаются невдомек польскому генштабу. [Ком-ий: и советскому в 1941 г.]

Поляки не разобрались в стратегической обстановке, и это явилось уже проигрышем, по меньшей мере, первого этапа войны, а то и всей войны. [Ком-ий: аналогично в СССР летом 1941 г.].

В этом отношении война для Польши была проиграна еще ранее, чем началась. [Ком-ий: но в СССР в 1941-м запас территории для вынужденного отступления из-за проигрыша первого этапа войны оказался не в пример Польше гораздо большим и не привел к проигрышу всей войны.]

4. Польский план стратегического развёртывания

Глубокое непонимание всей стратегической обстановки привело польское командование к совершенно эфемерному плану стратегического развёртывания. Поль-

ское развертывание против Германии было несомненно поставлено в весьма сложные условия.

Эти условия являются более трудными, чем те, в которых находилось стратегическое развертывание русской армии в Польше в 1914 году. Полякам приходилось против Германии обеспечивать фронт протяжением в 800 км, от Балтики до Бескидов (западные отроги Карпат). Кроме того, на севере оставалась еще Восточная Пруссия, граница с которой составляла протяжение в 300 км.

Изломанное, охватывающее начертание границы, неизбежно вызывавшее развертывание в разных направлениях, и необеспеченность восточной границы с Советским Союзом создавали на самом деле общее протяжение фронта развертывания в 2500 км. Чтобы полностью обеспечить такой огромный фронт, потребовалось бы по меньшей мере 200 дивизий. Такими силами Польша, конечно, не располагала.

Сложность польского развертывания против Германии определялась и тем обстоятельством, что бывшая Польша за все время своего плачевного существования готовилась к войне не на западе, а на востоке, против Советского Союза. [Ком-ий: так к чему же готовилась РККА к лету 1941 года? К чему-то готовилась? Или вообще не готовилась?] Ее западная пограничная полоса не расценивалась как операционная база. Она являлась скорее тыловой базой, вовсе не рассчитанной на роль театра военных действий. Она не имела никаких укреплений, но зато была обильно насыщена тыловыми базами и складами. К тому [33] же на западе бывшей Польши находились все военно-экономические объекты и центр польской промышленности. [Ком-ий: нечто похожее и на западе СССР к 22 июня 1941 года — куча складов со стратегическими запасами, масса промышленности.] В Верхней Силезии находились: 95% польской каменноугольной добычи, 10 цинковых и свинцовых заводов, поставлявших 100% цинка и свинца (108 тысяч тонн в год), и азотные заводы, дававшие 50% всей польской продукции азота. В общем, на западе находилась вся экономическая база бывшей Польши. Через

западные районы проходили и все пути связи и торговли с Западной Европой.

Таким образом, развертываясь на запад против Германии, поляки принимали войну своим тылом, а не фронтом.

Уже это одно обстоятельство заставляло, казалось, к развертыванию на западе подходить с особой осмотрительностью. [Ком-ий: так на что смотрел советский Генштаб к лету 1941 года? И к чему он относился с особой осмотрительностью?] Впрочем, если вопрос касался одного Данцига, все эти условия оставались, разумеется, вне оценки.

Не менее сложными были и сами оперативные условия развертывания. Операционные направления на западе и в особенности в Данцигском коридоре смотрели друг другу в тыл и охватывались. Направление прямо на Данциг было сжато в тисках с двух сторон. Направление из коридора в Восточную Пруссию подвергалось угрозе с тыла из Померании, и наоборот. В этом отношении использование Данцигского коридора как операционной базы являлось исключительно трудной стратегической задачей. О ней Вейган как-то сказал: «Коридор поставит перед польским командованием неразрешимые задачи, так как оборона его — дело совершенно невозможное».

Наконец, развертывание в Познани охватывалось: справа — из Померании и слева — из Силезии. А развертывание на левобережье Вислы в целом охватывалось: из Восточной Пруссии — с севера и из Словакии — с юга. Таковы были общие оперативные условия польского развертывания на западе. Здесь было над чем задуматься Генеральному штабу, от которого требовалась особая прозорливость стратегического искусства. [Ком-ий: напоминать, как охватывались немцами советские группы войск в Белостокском и Львовском выступлениях летом 1941 года?] Но об искусстве приходится в данном случае меньше всего говорить. К плану стратегического развертывания на польской стороне подошли с убожеством, которая находит себе равный пример в истории разве только в развертыва-

нии австрийцев против Пруссии в 1866 году в Богемии, когда армия Бенедика была также охвачена с разных сторон и разбита. [Ком-ий: а также в развертывании РККА к лету 1941 г.]

В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, [34] ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии. Стратегическое чванство, лишенное всякой реальной почвы, было этим планом доведено до апогея своей карикатурности. [Ком-ий: а РККА, случаем, не имела каких-либо наступательных планов летом 1941 года?]

Польша выставила против Германии около 45 пехотных дивизий. Кроме того, она имела 1 кавалерийскую дивизию, 12 отдельных кавалерийских бригад, 600 танков и всего около 1000 действующих самолетов. Все это составило численность примерно в 1 000 000 человек.

Вся масса развернутых войск была очень плохо управляема, и штабы оперативных групп представляли едва сколоченные организмы. Наконец все войска оставались в открытом поле. [Ком-ий: а как насчет РККА к лету

1941 г.? Она закапывалась в землю на направлениях будущих главных ударов немцев?] Никаких укреплений местности, опорных пунктов и оборонительных рубежей не было, за исключением укрепленного пункта Кульм на р. Висла в Данцигском коридоре и крепости Модлин у слияния рек Висла и Зап. Буг. Не было также сделано ни одной серьезной попытки возвести полевые укрепления в дни, оставшиеся до открытия военных действий. Польский Генштаб беспечно заявлял, что в этом-де нет никакой нужды: война будет проведена как маневренная. [Ком-ий: так и советский Генштаб уверял, что войну проведем на чужой территории малой кровью...]

Так польская армия шла навстречу урагану, который готовился ее смести. [Ком-ий: как и советская к лету 1941г.]

В представлении некоторых исследователей германопольской войны, польское развертывание рисуется иногда

как не лишенное определенного стратегического смысла. Оно расценивается даже как основанное на определенной стратегической перспективе развития войны. [Ком-ий: а также, например, работы В. Суворова про лето 1941 года о том, что РККА готовилась сама наступать, веря (ВЕРЯ!), что немцы на самом деле будут воевать в другом месте (по некоторым сведениям — с Англией)].

Общая мобилизация была объявлена только 30 августа, т.е. накануне германского вторжения. [Ком-ий: в СССР летом 1941 г. вообще аж НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ!!] Ей не суждено было осуществиться, под ударами уже начавшейся войны она только внесла страшный хаос. Железные дороги и грунтовые пути стали забиваться призванными резервистами, двигавшимися навстречу уже начавшим отход войскам. Вся эта печальная картина показала, что если наступление состояния войны заставит современную армию в неотмобилизованном виде, то вовсе нельзя уже рассчитывать на возможность ее отмобилизовать, сосредоточить и организованно вступить в войну. [Ком-ий: похожая картина была и в СССР летом 1941 года, но значительно большие запасы территории и населения, чем у поляков, удержали ситуацию.]

В этой обстановке с утра 1 сентября последовало одновременно воздушное и наземное вторжение развернутой германской армии по всему фронту и именно главными силами из Силезии, откуда противника меньше всего ожидали. [Ком-ий: так ведь и для СССР 22 июня 1941 года одновременное вторжение развернутой германской армии по всему фронту оказалось почему-то неожиданным и именно в тех местах, где меньше всего ожидалось и было меньше всего войск прикрытия.]

Никакого начального периода войны не было. Никаких стратегических предисловий и предварительных действий. Война началась сразу в развернутом виде и полным ходом. Именно этот момент внезапного открытия военных действий широким фронтом и всеми развернутыми силами на польской стороне прогадали. [Ком-ий: так че-

го ожидал советский Генштаб летом 1941 г.? «Начально-го периода войны»? После наглядного примера Польши 1939 г.?)

При уже указанных ошибках польского Генштаба это создало обстановку полной стратегической растерянности, скоро перешедшей в общее смятение. Польская армия была захвачена врасплох самой формой внезапного вторжения вооруженных сил Германии, и это нанесло ей непоправимый и самый решительный удар. [Ком-ий: аналогично для РККА в июне 1941 г.]

5. Германское развертывание

При исследовании событий германо-польской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти полуторамиллионную армию скрыто и незаметно сосредоточить на польской границе и развернуть для вторжения по всему фронту? [Ком-ий: соответственно при исследовании событий германо-советской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти трехмиллионную армию скрыто и незаметно сосредоточить на советской границе и развернуть для вторжения по всему фронту?]

В сущности, ничего особенно скрытого в этом не было. Сосредоточение германских сил нарастало из месяца в месяц, из недели в неделю. Чтобы определить срок его начала, надо обратиться еще к 1938 году, к периоду, последовавшему после присоединения к Германии Чехии и [37] Моравии. Когда силы накапливаются столь постепенно, сначала в одном, потом в другом и затем в третьем районах, процесс сосредоточения не получает какого-то самостоятельного выражения во времени и поглощается рядом других сопровождающих его событий. [Ком-ий: об аналогичной концентрации немецких войск в Польше к лету 1941 г. в Москве тоже знали].

Опустив поочередно палец сначала в сосуд с холодной, а затем с горячей водой, можно сразу установить разницу

в температуре. Но, опустив палец в сосуд с водой, постепенно согреваемой на слабом огне, очень трудно установить постепенное изменение температуры.

Так и сосредоточение, сжатое в коротком времени и создающее исключительное напряжение в работе транспорта, становится доминирующим явлением в данный период и может быть легко засечено.

Однако сосредоточение, производимое постепенно и последовательно и растянутое во времени, очень трудно поддается учету, вернее, рассредоточивает и притупляет наблюдение. А такой именно характер носило сосредоточение германских армий.

Это сосредоточение не было больше одним-единым, ограниченным во времени актом, который начинается и кончается в определенные, заранее рассчитанные часы и продолжительность которого может быть противником примерно высчитана.

Сосредоточение приобрело глубокий характер. Его начала вообще никто не может зафиксировать. Его продолжение оставляет всегда сомнение, подготавливается ли действительное вооруженное выступление или это только подкрепление дипломатической угрозы. Его конец обнаруживает только сам факт вооруженного выступления.

Так современная война начинается ранее вооруженной борьбы. [38] [Ком-ий: а В. Суворов о чем писал?!]

Разумеется, уже с начала 1939 года задача польского Генштаба заключалась в том, чтобы неустанно следить за накоплением германских сил в Восточной Пруссии, Данциге, Померании, Силезии и Словакии, отмечать каждый новый факт сосредоточения, периодически суммировать все установленные факты и делать из них все необходимые выводы. Если этого не было, то нет ничего удивительного, что в один прекрасный день Польша увидела на своих границах огромные развернувшиеся силы германской армии. [Ком-ий: а чем занимался советский Генштаб в 1940 — начале 1941 года? Не отмечал каждый новый факт сосредоточения немецких войск, периодически не суммировал все установленные факты и не делал из них

все необходимые выводы?]. Впрочем, одно остается несомненным: при фактической готовности всей военной системы уже в мирное время, при скрыто развернутых командных инстанциях, при коротких путях сосредоточения и широком использовании авиатранспорта — можно в современных условиях очень многое сделать скрыто, легко достигнув большой внезапности. Что же касается быстроподвижных мотомеханизированных войск, то при их дислокации на передовом театре угрозу их внезапного сосредоточения следует вообще усматривать в самом факте их существования. [Ком-ий: а как насчет наличия советских мехкорпусов в западных округах, к лету 1941 года? Сам факт их существования ни о какой угрозе никому ничего не говорит?] Эти войска на моторе, сделав накануне или даже в последнюю ночь марш до 100 км, оказываются на самой границе только в тот момент, когда решено ее перейти и вторгнуться в пределы противника.

Следует, несомненно, признать, что германскому командованию удалось в последний период перед 1 сентября с большой быстротой сосредоточить и развернуть мощную армию.

Стратегическая цель германского командования шла, конечно, гораздо дальше Данцига и заключалась в полном разгроме польской армии, возвращении отторгнутых по Версальскому договору провинций и уничтожении всякой угрозы для Германии на востоке. [Ком-ий: об угрозе с востока со стороны СССР Гитлер сказал еще в июле 1940 года.]

Для этого было всего сосредоточено: около 55 пехотных дивизий, 5 танковых дивизий, 4 моторизованные дивизии и 4 легкие дивизии, т.е. всего 13 механизированных и моторизованных дивизий.

В общем весь фронт развертывания пяти германских армий занял протяжение до 800 км и образовал полуокружность, глубоко охватывающую с севера и юго-запада западную и центральную части Польши. Это было обу-

словлено географическим начертанием границ и давало германским армиям большие преимущества, так как [40] позволяло наступление вести по сходящимся направлениям, отбрасывая части польской армии друг на друга, чтобы их охватить и окружить. С такого охватывающего положения германские армии начали общее наступление.

Подобное же развертывание на широком охватывающем фронте раз уже имело место в истории в австро-прусскую войну 1866 года. Тогда три прусские армии, общей численностью около 300 000 чел., развернулись на фронте в 400 км и с различных направлений из Саксонии и Силезии вторглись в Богемию, достигнув разгрома равной по численности армии австрийцев. Через 70 с лишним лет, с совершенно новыми боевыми средствами, 5 армий, общей численностью в 1 500 000 чел., развернулись на вдвое большем фронте — в 800 км, располагая совершенно новыми возможностями для осуществления концентрического наступления с разных сторон. [Ком-ий: и повторили летом 1941 г. против СССР.]

В основе германского развертывания лежал единый оперативный план, делавший ставку на быструю маневренную войну. Для этого были свои определенные предпосылки, заключавшиеся в полном отсутствии укреплений мирного времени в западной части Польши, в доступной и, в общем, открытой местности, в значительном превосходстве в воздухе и в большом ядре быстроподвижных войск. [Ком-ий: аналогично летом 1941 г. в СССР] Разумеется, у противника оставался еще целый ряд сильных естественных рубежей, и среди них такой серьезный рубеж, как линия рек Нарев, Висла и Сан. Особенно большое препятствие для действий из Восточной Пруссии на юг представляла река Нарев с широкой, лесистой, заболоченной долиной и отдельными укреплениями, оставшимися еще со времен первой империалистической войны. Этот рубеж действительно задержал германцев дольше, чем все остальные. Однако от быстроты и самого способа

ведения операции зависело, в какой степени противнику удастся использовать все те возможности, которые ему предоставляли условия местности. [Ком-ий: а сколько было сильных естественных рубежей на западе СССР летом 1941 г.! Леса, реки и болота Белоруссии и Западной Украины! Но...]

Ставя несколько последовательных задач, оперативный план германского командования целеустремленно вел к окружению и уничтожению всей польской армии.

В течение операции, когда некоторым частям польской армии все же удалось ускользнуть от окружения на западном берегу Вислы, охватывающий удар 3-й армии из Восточной Пруссии и армии Рейхенау с юго-запада — с мотомеханизированными группами Гудериана и Гота на их заходящих флангах — распространился дальше на восток через р. Вислу до Западного Буга, где и замкнулось кольцо окружения. [Ком-ий: почти как в Белоруссии в июне 1941 г.] Это явилось только естественным развитием начального плана, на основе которого развернулась одна-единая стратегическая операция, от начала до конца проведенная по одному оперативному замыслу.

Весь германский план являлся, таким образом, широко задуманной операцией по внешним линиям, преследовавшей цели полного окружения и уничтожения противника.

Все стремительное развитие германского наступления, приведшего через 16 дней к полной ликвидации польской армии, может быть в общем разбито на три фазы.

1-я фаза заняла четыре дня, с 1 по 4 сентября, и ознаменовалась на всем фронте германского вторжения решительным пограничным сражением, приведшим к поражению и началу отхода отдельных групп польской армии по всему фронту.

2-я фаза заняла период времени с 5 по 10 сентября и ознаменовалась решительным преследованием уже разрозненных групп польской армии, приведя к их окружению в различных районах.

3-я фаза продолжалась с 11 по 16 сентября и ознаменовалась боями на окружение и уничтожение, приведя к ликвидации всей главной массы польской армии. [Ком-ий: но в СССР после разгрома в еще больших масштабах смогли найти новые резервы. В Польше на востоке их не оказалось. Они попали в советский плен после 17 сентября.]

Рассмотрим вкратце ход событий в эти три фазы.

6. Первая фаза

1 сентября в 5.45 германские вооруженные силы на всем фронте своего развертывания вторглись в пределы [43] бывшей Польши на земле и в воздухе. Если считать все отдельные воздушные и наземные операции, выполнявшие ряд отдельных, но связанных задач, то германское вторжение открылось семнадцатью отдельными операциями, в целом объединенными общим планом нападения.

Две воздушные армии обрушились сразу на аэродромы польской авиации и главнейшие железнодорожные пути, распространив в первый же день свой удар до линии Белосток — Варшава — Виола — Сан. Борьба за господство в воздухе была проведена со всей решительностью.

Уже в течение первых 48 часов после открытия военных действий было уничтожено не менее одной трети польской авиации, застигнутой врасплох на ее аэродромах. Через несколько дней большая часть ее лежала в обломках у своих ангаров.

Это сразу отдало германской авиации полное господство в воздухе, которым она затем безраздельно владела вплоть до окончания кампании... [Ком-ий: и т.д. чем-то напоминает описание вторжения в СССР летом 1941 г...]

Итак, получается, что советский Генштаб просто НЕ ВЕРИЛ в то, что немцы нападут на СССР летом 1941 г.! И этим определяется стратегия советской военной подго-

товки к лету 1941 г. Но ведь к чему-то должна была готовиться РККА? Какие-то планы ведь были у советского Генштаба? Какие? Хорошо, допустим, немцы нападают не на СССР, а на Англию. Как должен был вести себя СССР? Остаться нейтральным? Или вступить в «махаловку»? На чьей стороне? Или сам по себе? Ответ на этот вопрос можно найти только в Центральном военном архиве. (Который многим недоступен.) И найдется ли там интересный документ, если он еще и не был уничтожен? А разве нельзя оценить ситуацию по другим изданиям, но тех же лет?

Какие книжки издавал Воениздат в 1940 году?

Некоторые современные историки соглашаются, что у СССР был наступательный план, но не столько реальный, сколько «на всякий случай». Как якобы у остальных стран. Но его реализация требовала многоплановой подготовки и участия миллионов людей. И можно предположить, что на эту цель должен был работать и Воениздат в 1940-х — начале 1941 г. Можно ли посмотреть список издававшихся тогда книг? Оказывается, можно. Есть сайт «Российская книжная палата, книгоиздание военных лет 1939—1945 гг.». — Ретроспективная библиография изданий 1939—1945 гг. отражает национальный книжный репертуар самого тяжелого времени для нашего государства — времени Великой Отечественной войны и Второй мировой войны.

Поиск по Воениздату в 1940—1941 гг. вывел большой список книг, сотни названий. Среди них боевые уставы, руководства службы, инструкции по эксплуатации, опыт боев с Финляндией, в Испании и т.д. И хотя больше трех страниц посмотреть почему-то не удалось (по крайней мере, мне), среди открывшихся названий нашлись и такие:

15. *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на кавказском фронте мировой войны в 1915 году / *Н.Г. Корсун.* — М.: Воениздат, 1940. — 200 с., 7 отд. л. карт, с.: с карт.; 23 см.

16. *Резников И.* Александр Македонский [Очерк жизни и деятельности] / И. Резников. — М.: Воениздат, 1940. — 144 с., 1 вкл. л. карт, с.: с ил. и схем, карт.; 19 см.

21. Артиллерия в горах: Сб. статей. — М.: Воениздат, 1940. — 40 с.; 19 см.

26. *Станишевский А.* Афганистан [Соц.-экон. очерк] / А. Станишевский. — М.: Воениздат, 1940. — 88 с., 1 вкл. л. карт, с.: с илл., карт.; 20 см.

45. Боевые действия в горах / [Сост: Агапов, М. В. Алексеев, Биязи и др.]; Краснознаменная и ордена Ленина военная академия Красной Армии им. М.В. Фрунзе. — М.: Воениздат, 1940. — 240 с.: со схем. и карт.; 22 см.

46. *Клементьев В.Г.* Боевые действия горных войск. / *В.Г. Клементьев.* — М.: Воениздат, 1940. — 208 с., 4 вкл. л. схем. с.; 23 см.

48. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае 1931—1933 годов. — М.: Воениздат, 1940. — 144 с., 1 вкл. л. схем. с.: со схем.; 20 см. — (Воен.-историч. б-ка).

В 1941 г.:

28. *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914—1918 годов. / *Н. Г. Корсун.* — 2-е изд. — М.: Воениздат, 1941. — 136 с., 5 отд. л. карт.: с карт.; 20 см. — (Б-ка командира).

Заканчивая краткий обзор литературы Воениздата за 1940—1941-й, можно отметить еще пару книг с оригинальными названиями:

1. *Пирожников Л. Б.* «Лучи смерти» и другие средства новейшей военной техники / Сост. по иностр. мат-лам / Л. Б. Пирожников, С.И. Поляков. — М.: Воениздат, 1940. — 112 с.; с илл. и схем.; 21 см

22. *Чирнер Г.* Арабский плацдарм и война в Европе / Сокр. пер. с нем. / Г. Чирнер. — М.: Воениздат, 1941. — 184 с., 1 вкл. л. карт.; с карт.; 19 см см.

Это о чем? «Лазерное оружие» вермахта?

Роль арабского фактора в развитии войны в Европе в 1940—1941 гг. Но, к сожалению, в библиотеке найти эти книги не удалось...

Нашел только несколько послевоенных книг Пирожникова Лоренца Богдановича:

«Ультразвук в строительстве», 1965; «Что такое голография», 1976; «Невидимые лучи на службу строительству», 1986.

И все...

(«Рукописи не горят...» Где же остается от них «пепел»?)

Так к чему готовился советский Генштаб и РККА в 1940—1941 гг.? Исключительно к обороне СССР на своей территории? Или для наступления куда-то? Но если второе — то зачем? Была ли какая-то программа высшего уровня? Скажем, про «Всемирный СССР», как о том написал В. Суворов в «Последней республике»?

Есть сведения, что была.

Например, цитата из Устава Коминтерна (вариант, утвержденный на 6-м Конгрессе в 1928 г., первый вариант был принят 2-м Конгрессом в 1920-м):

1. Основные положения

«1. Коммунистический интернационал — Международное Товарищество Рабочих — представляет собой объединение коммунистических партий отдельных стран, единую мировую коммунистическую партию. Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический интернационал борется за завоевание большинства рабочего класса и широких слоев неимущего крестьянства, за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного Союза Социалистических Советских Республик, за полное уничтожение классов и осуществление социализма — этой первой ступени коммунистического общества.

2. Отдельные партии, входящие в Коммунистический интернационал, носят название: коммунистическая партия такой-то страны (секция Коммунистического

интернационала). В каждой стране может быть только одна коммунистическая партия, являющаяся секцией Коммунистического интернационала и входящая в его состав».

Источник: сборник «Коммунистический интернационал в документах. 1919—1932» (Москва, Парт, издательство, 1002 стр., 1933). Еще одна КНИГА...

И заметим — практически в открытом доступе (разве что только в крупных библиотеках).

И как, оказывается, исследование деятельности Коминтерна как участника разных событий в Европе в 30-х гг. XX века в сравнении с действиями других участников их же тоже может оказаться интересным (особенно в Германии 1930—1933 гг.). Но это уже другой разговор.

Примечания

¹ Фотографии упомянутых в тексте документов можно посмотреть на сайте <http://users.iptelecom.net.ua/~zhhistory/fotosbz.htm>

² Библиотека офицера ВМС. С.Марков. Русские на Аляске. Военное издательство Министерства Вооруженных сил СССР, Москва, 1946.

³ <http://www.battlefield.ru>

⁴ http://www.battlefield.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=208&Itemid=108

⁵ Скан этого номера есть на сайте <http://publ.lib.ru...>

⁶ <http://www.tgl.ru/podrazd/archive/book/front/gl2.shtml>.

⁷ <http://bse.chemport.ru/italo> — efiopskie_vojny.shtml.

⁸ <http://frizzant.com.ua/glossary/vine/3/1057O/>

⁹ Например, здесь: <http://tewton.narod.ru/history/pervgeneral.html>

¹⁰ http://www.soldat.ru/forum/index.html?page=16&id=16051&referer_query=page%3D16, Список командования КОВО есть на http://220641.rkka.ru/voor_sili/ossvo/kiiev_okrug.htm

Еще генерал А.Ф. Ильин-Миткевич упоминается в мемуарах Баграмяна и в книге В. Суворова «ЛЕДОКОЛ»: <http://www.npj.ru/rushistory/rakovskijminkinu/p07>

¹¹ <http://1945.bookchamber.ru/description117104.htm>

¹² (<http://docs.vif2.ru/sbd/SBDv03.pdf>)

Управление изучения опыта войны
Генерального штаба Вооруженных сил Союза ССР
СБОРНИК БОЕВЫХ ДОКУМЕНТОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВЫПУСК 3
Военное издательство
Министерства Вооруженных сил Союза ССР
МОСКВА-1947

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Боевые действия войск в горах....7

1944 год. 4-й Украинский фронт....7

Инструкция войскам, действующим в горно-лесистой местности....7

Указания по инженерному обеспечению боевых действий войск в горах.... 17

1944 год. 2-й Украинский фронт.... 21

Указания о действиях танковых и механизированных войск в горно-лесистой местности.... 21

1945 год. 3-й Украинский фронт.... 23

Приказ войскам 57-й армии 14 апреля 1945 г. № 0144.
Действующая армия.... 23 (—26)

Интересный фрагмент есть в приказе по 57-й армии:

ПРИКАЗЫВАЮ:

15. Всему офицерскому составу в процессе боевой детальной изучить БУП ч.1 и 2 и ПУ-43 раздел «действий в горных и лесных условиях» как при наступлении, так и в обороне, Инструкцию 4-го Украинского фронта по действиям в горах 1944 г. и руководство для действий в горах часть 1 и 2, издание Генерального Штаба Красной Армии 1944 г.

Начальнику отдела боевой подготовки обеспечить войска и в первую очередь командиров рот, батальонов и полков указанными пособиями. Для рядового и сержантского состава также использовать брошюру Биязи «Действовать в лесистых горах», издание 1944 г.

16. Приказ довести до командиров взводов включительно.

Командующий войсками 57-й армии
генерал - ШАРОХИН

Член Военного Совета 57-й армии
гвардии генерал БОЧАРОВ
Начальник штаба 57-й армии
гвардии генерал ВЕРХОЛОВИЧ

¹³ Каманин Н.П. «Летчики и космонавты». — Москва: Политиздат, 1971.

¹⁴ Штеменко С.М. «Генеральный штаб во время войны». — Москва: Воениздат, 1968, с. 20—21.

¹⁵ <http://militera.lib.ru/science/isserson/index.html>, Г.С. Иссерсон. Новые формы борьбы (Опыт исследования современной войны). Выпуск первый. Военное издательство Народного Комиссариата Обороны Союза ССР, Москва, 1940.

¹⁶ [http://www.memo.ru/history/arkiv/op1 — 09.htm](http://www.memo.ru/history/arkiv/op1—09.htm)

¹⁷ [http://www.e — slovo.ru/196/mail.htm](http://www.e—slovo.ru/196/mail.htm)).

¹⁸ <http://www.suvorov.com/books/ledokol/34.htm>: Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. — М.: Воениздат, 1940.

ГЛАВНАЯ ОШИБКА СТАЛИНА

Я уверен, что в обеих странах сегодня такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства.

*Адольф Гитлер — Вячеславу Молотову,
12 ноября 1940 г.*

В СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа.

*Вячеслав Молотов — Рудольфу Гессу,
13 ноября 1940 г.*

12—13 ноября 1940 г. в Берлине прошли советско-германские переговоры. Делегацию «мирового пролетариата» возглавлял председатель Совнаркома Вячеслав Молотов, немецкую сторону представлял рейхсканцлер Адольф Гитлер. Переговоры принято считать прологом советско-германской войны.

Эти беседы и их последствия неоднократно описаны в мировой и российской историографии. Тексты бесед между Молотовым и фюрером запротоколированы и опубликованы как на Западе, так и в России¹. В научных кругах доминирует следующая точка зрения: переговоры были комедией, которую Гитлер ломал перед нападением на СССР, чтобы усыпить бдительность Сталина.

Открывшиеся в последнее десятилетие факты заставляют существенно пересмотреть эту позицию.

Стратегическая ситуация для обеих сторон в тот момент была патовой. Рейх уже захватил Чехию, разгромил

Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Францию, Нидерланды. В самом разгаре была воздушная битва за Англию, которую люфтваффе проигрывало, а немецкие подлодки наносили удары по английским морским коммуникациям. СССР оккупировал половину Польши, завоевал Карельский перешеек, занял Бессарабию, страны Прибалтики, то есть продвинулся почти до всех границ, очерченных советско-германскими договорами 1939 г. Гитлеровская Германия, покорив огромные территории, остро нуждалась в сырье для нормального функционирования экономики разросшегося рейха: Англия душила своего противника морской блокадой.

Твердокаменный Молотов, уезжая в Германию, получил подробные инструкции от своего шефа, о чем не преминул сообщить противоположной стороне: «Я выражаю позицию лично Сталина!» Гитлер сам участвовал в переговорах, его тщательно проинструктированные дипломаты играли вторые роли.

Основные предложения Гитлера состояли в том, чтобы поделить уже не Европу, а весь мир. В распределении должны были участвовать Италия, Германия, Япония, СССР, который получал возможность экспансии на юг — в Иран, Ирак, Афганистан, Индию. В Восточной Азии Сталин должен был сам договориться с Японией. Это позволяло образовать союз тоталитарных диктатур на бескрайних просторах Евразии.

Гитлер хотел направить экспансию СССР на юг, чтобы Сталин не мешал заняться ему европейскими проблемами. Правда, еще с июня 1940 года германский Генштаб планировал возможную войну против СССР, но эти разработки можно было прекратить в любой момент: в то время генштабы всего мира просчитывали разные варианты развития событий — как нападение, так и оборону.

Молотов, которому не впервой было вести переговоры об империалистическом дележе суверенных стран, в общем, выразил интерес к предложению, но заявил, что сначала надо прояснить ситуацию в Европе в соответствии с

буквой и духом договоренностей 23 августа и 28 сентября 1939 г. Конкретнее, он предложил вывести немецкие войска из Финляндии и Румынии, а также упрочить влияние СССР в Турции и Болгарии.

Переговоры шли два дня по одной и той же схеме: Гитлер настойчиво предлагал поделить планету, Молотов прямо повторял европейские претензии.

Беседа ни к чему не привела, Молотов уехал домой несолоно хлебавши.

Через две недели, 25 ноября, в Кремле Молотов заявил немецкому послу Шуленбургу о готовности СССР принять проект четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи при условии урегулирования восточно-, южно- и североевропейских проблем. Гитлер отклонил предложение, но зато 19 декабря 1940 г. подписал директиву № 21 — ввел в действие план «Барбаросса» с ориентировочным сроком нападения на СССР поздней весной 1941 года. В связи с этим имеет смысл остановиться на требованиях Сталина.

Одно из них заключалось в признании интересов СССР в Финляндии и выводе оттуда германских войск. В дополнение к этому Сталин устами своего зама выразил желание, чтобы были признаны интересы СССР в Швеции и районе Шпицбергена. В этом случае рудники на севере Швеции, где Германия черпала незаменимое стратегическое сырье — железную руду, — должны были оказаться либо под прямым контролем Советов, либо в зоне действия их фронтовой, не говоря уже о стратегической, авиации. Уже из этого ясно, что «кремлевский горец» хотел сделать рейх беззащитным, полностью зависимым от него колоссом на глиняных ногах.

Второе по важности требование: вывод частей вермахта из Румынии, признание советских интересов в Румынии и Болгарии. Из Румынии Германия и Италия получали необходимую нефть и нефтепродукты. То есть постановка еще и этого района под контроль СССР давала возможность задуть рейх и его союзницу буквально голыми руками — даже без крупномасштабной войны.

Вдобавок Сталин громогласно захотел получить контроль над Босфором и Дарданеллами. Советские военные базы в проливах, помимо возможности выхода Красного флота в Средиземноморье, предоставляли СССР контроль над всеми турецко-германскими экономическими связями. А из Турции Германия получала хром. Министр вооружений Альберт Шпеер в самый разгар войны в аналитической записке Гитлеру отмечал жизненную важность этого сырья: «Если прекратятся поставки из стран Балканского полуострова и Турции, то наши потребности в хrome могут быть обеспечены только на протяжении чуть больше пяти с половиной месяцев. Это означает, что после расходования наших запасов заготовок для труб, которых должно хватить на два месяца, придется приостановить производство самолетов, танков, грузовиков, бронебойных снарядов, подводных лодок и артиллерийских орудий»².

А еще Кремль хотел от Берлина признания своих интересов в Иране и некоторых других уступок...

Здесь необходимо вспомнить, что же происходило в СССР в указанное время.

На момент переговоров уже больше года был запущен мобилизационный процесс. ВПК производил горы снарядов и патронов, штамповал десятками подводные лодки, тысячами — танки и самолеты. На производство военной продукции в массовом порядке переходили обычные заводы. С нуля разворачивались сотни новых дивизий. Военные училища готовили десятки и сотни тысяч командиров армии, флота и НКВД. Проводилась пропагандно-идеологическая подготовка населения к великой войне. Многие мобилизационные приготовления приняли необратимый характер.

Об этом немецкая разведка кое-что знала. Незвестной для нее оставалась работа Генштаба, где еще с октября 1939 г. разрабатывался план войны с Германией. 14 октября 1940 г. советское руководство *утвердило* этот документ³. То есть судьба рейха была решена еще до переговоров и вне зависимости от их исхода.

Поэтому переговоры в Берлине были попыткой Сталина выторговать у Гитлера превосходные условия для «освободительного похода» Красной Армии.

Это и стало главной ошибкой красного диктатора.

Ведь в результате получения СССР ряда плацдармов в 1939—1940 гг., а также увязания Германии в войне возможности стремительного захвата Европы (а позже — и мира) и так к концу 1940 г. стали просто великолепными. В этот момент Сталин забыл собственный афоризм: «Лучшее — враг хорошего». Изготовившись к уничтожающему удару, хладнокровный тактик имел возможность убаюкивать самовлюбленного психопата долгими переговорами и ограниченными уступками. Подвело его головокружение от успехов. «Кремлевский горец», загнав своего партнера в стратегический тупик, уверовал в его дальнейшую покладистость и продолжил выкручивать руки обреченному и весьма издерганному фюреру.

Начальник Генштаба вооруженных сил Германии Вильгельм Кейтель на допросе 17 июня 1945 г. вспоминал о беседах Молотова с Гитлером как о переломном событии: «После этих переговоров я был информирован, что Советский Союз якобы поставил ряд абсолютно невыполнимых условий по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике. С этого времени можно считать, что вопрос о войне с СССР был решен. Под этим следует понимать, что для Германии стала ясной угроза нападения Красной Армии»⁴.

В Берлин пришло осознание того, что если Сталин выдвигает такие требования уже сейчас, то долгого добрососедского мира с ним не будет. А раз так, то лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

До конца 1940 года постепенное нарастание недружественного советского давления для Гитлера и его окружения было крайне болезненным. В ходе же ноябрьских переговоров оно стало просто невыносимым.

Примечания

1. См., например: Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 года: Документы из архива Президента РФ / Предисловие академика Г. Н. Севастьянова // Новая и новейшая история. — 1993. № 5.

2. *Шнеер А.* Воспоминания: Пер. с нем. / Вступ. статья Н.Н. Яковлева; худож. Шуплецов А. А. Смоленск, 1997, с. 433.

3. См.: *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 (Документы, факты, суждения). М., 2000, с. 370—372.

4. Военно-исторический журнал. 1993. № 9.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ? НЕТ, СОВЕТСКО-НАЦИСТСКАЯ

Нигде не врут так, как на охоте и на войне.

О. фон Бисмарк

Война всегда делает мужчину подонком.

Французская поговорка XVII века

Деловое предложение

20 мая 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев подписал Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». О задачах комиссии сказал в интервью «Российской газете» директор Института всеобщей истории Российской академии наук Александр Оганович Чубарьян: «В ее задачах разработка путей донесения правды, реальных исторических фактов, а также противодействие интерпретации этих фактов в политизированном духе»¹.

Полагаю, что грандиозный историко-политический сталинский миф о советско-нацистской войне должен быть рассмотрен комиссией в числе самых первых.

Противники моего предложения наверняка возразят, что речь идет о фальсификациях «в ущерб интересам России», а сталинская фальсификация — она не в ущерб, она на благо. В действительности сохранять сталинский миф — невероятно опасно для современной России. Труд-

но найти миф, который больше мешает нашему народу осмысливать самого себя и свою историю, делать выводы и двигаться вперед.

Базовый советский миф о Великой Отечественной войне

Как только грянули первые залпы 22 июня, сталинская пропагандистская машина выдала сравнительно стройный миф. Это был миф о внезапном нападении на ничего не ожидавшую мирную страну. Миф объяснял поражение в июне-июле 1941 г. именно тем, что СССР к войне не готовился и нападения совсем не ожидал.

Поскольку с 1941 г. сложившиеся воюющие блоки были стабильны, довоевали до 1945-го в прежнем составе, все последующие мифы, в конечном счете, создавались на его базе.

Основные положения мифа созданы практически мгновенно, они прозвучали по радио 22 июня в 11 часов 36 минут по московскому времени, в знаменитой речи Молотова. Собственно, из нее-то население СССР и узнало о начале войны уже не с Польшей и Финляндией, а с Третьим Рейхом.

Приведу выдержки. Итак: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну».

Далее Молотов вещал: вследствие бомбежек нацистами «убито и ранено более двухсот человек».

Двухсот?! Несколько тысяч². «Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории», «...сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией».

К тому времени в Румынии и Финляндии уже полыхала война, начатая СССР³.

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора [пакта Молотова—Риббентропа. — А. Б.] германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

«Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне..., заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы»⁴.

В речи Сталина по радио 3 июля 1941 г. — те же стереотипы. Даже круче. «Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы».

Красная Армия разбегалась. «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации» чувствовали себя превосходно.

«Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам».

«Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства».

Но Третий Рейх напал на СССР вовсе не «вероломно» и не «без объявления войны».

Примерно в половине четвертого ночи 22 июня 1941 г. немецкий посол в Москве фон Шуленбург, стоя перед наркомом иностранных дел Советского Союза Вячеславом Молотовым, зачитывал текст германской декларации о «военных контрмерах против СССР». По указанию Гитлера в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

Сам Молотов в своих мемуарах писал, что, когда Шуленбург читал текст декларации, его голос дрожал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, нарком долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, немецкий посол добавил от себя, что не одобряет решение своего правительства.

В эти же минуты в Берлине советского посла Деканозова принял министр иностранных дел Третьего Рейха Риббентроп. Риббентроп вручил Деканозову декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалеете о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!» Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Риббентропу, направился к двери. Провожая посла, министр шептал: «Я был против этого нападения»⁵.

А Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» пишет о том, что около 4 часов утра 22 июня в кабинет Сталина быстрыми шагами вошел Молотов и заявил о том, что германское правительство объявило нам войну⁶.

Байка о «вероломном нападении» пущена еще Сталиным во время его знаменитой речи 3 июля 1941 года. Потом эта ложь повторялась много раз, твердят ее и до сих пор. Вовсе не только в России, но по всему миру.

Очень понятно, почему она нужна. В ноте, которую передал Шуленбург в НКВД СССР, содержится почти

дословный пересказ секретного протокола к пакту о ненападении между Третьим Рейхом и СССР от 23 августа 1939 года.

А нота, переданная Риббентропом Деканозову, завершалась такими словами:

[советское правительство] «1) не только продолжило, но со времени начала войны даже усилило попытки своей подрывной деятельности, направленной против Германии и Европы; оно

2) во все большей мере придавало своей внешней политике враждебный Германии характер и оно

3) сосредоточило на германской границе все свои вооруженные силы, готовые к броску.

Тем самым советское правительство предало и нарушило договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм — смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва намеревается нанести удар в спину национал-социалистической Германии, которая ведет борьбу за свое существование. Германия не намерена смотреть на эту серьезную угрозу своим восточным границам и ничего не делать. Поэтому Фюрер отдал германскому Вермахту приказ отразить эту угрозу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Немецкий народ понимает, что в грядущей борьбе он не только защищает свою Родину, но что он призван спасти весь культурный мир от смертельной опасности большевизма и открыть путь к истинному социальному подъему в Европе»⁷.

Одним словом: правительство Третьего Рейха обвинило СССР в сосредоточении войск на границе и в подготовке к внезапному сокрушительному нападению.

Разве советскому народу полагалось знать такие вещи? Ни к коем случае! Так что факт объявления войны и получения нот «пришлось» скрыть. И во время Нюрнбергского процесса СССР категорически отрицал сам факт получения нот и объявления войны. Каковой факт и

все высказывания Сталина по этому поводу следует рассматривать адекватно: как случай так называемого вранья. Сталин достаточно редко говорил правду, и это как раз типичный вариант.

И все советские историки, которые рассказывали про «вероломное нападение Германии на Россию», лгали сразу в нескольких пунктах: нападение совершено было

- не вероломно и не внезапно,
- не Германией,
- не на Россию.

При необходимости каждый пункт текста речей Сталина и Молотова может быть опровергнут буквально десятками ссылок на источники и литературу, десятками свидетельств.

Важной частью мифа о Великой Отечественной войне стала демонизация врага. Его цели уже в речи Сталина представляли почти карикатурными — но очень страшными.

«Враг.... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза».

О государственности по крайней мере литовцев, латышей, эстонцев в 1930—1940 гг. кое-что известно: в 1939 г. они лишились национальной государственности в ходе советской агрессии. Вот при гитлеровской оккупации их независимость восстанавливалась⁸.

«Восстановление власти помещиков, восстановление царизма»? Полный абсурд. Физически невозможно сочетать в одном флаконе «восстановление царизма» и «разрушение национальной государственности». Сама фраза совершенно сюрреалистична.

Конечно же, «мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов.... Нужно

иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица».

Без призыва к истреблению внутреннего врага Сталин не был бы Сталиным.

В этой же речи Сталин ставит и некоторые политические цели... Если вдуматься, довольно зловещие.

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработленного гитлеровскими законами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»⁹. Речь Сталина много раз приводилась и цитировалась в самой различной литературе¹⁰.

В речах Молотова и Сталина заложены основные составляющие мифа, который в своих основных чертах дожил до нашего времени. Его главные составляющие:

1. Национал-социалистический Третий Рейх отождествляется с национальной Германией.
2. Социалистическое государство, Третий Рейх, объявляется «фашистским».

Третий Рейх был социалистическим государством, в котором единственной легальной и при том правящей партией была **Национал-социалистская рабочая партия Германии**, *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*; сокращенно **НСДАП (NSDAP)**. Программа имела много общего с программами коммунистов и эсеров¹¹.

«Я», пишущееся с большой буквы, должно быть заменено на «Ты» или «Мы», если человечество и прежде всего Германия хотят жить. Одновременно необходимо засыпать ров, который был вырыт ненавистью классовой борьбы и ложной верой в солидарность пролетарского интернационализма, с одной стороны, и кастовым духом, тщеславием происхождения, условий жизни, богатства и образования — с другой». Так писал глава штурмовиков Эрнст Рем в своей книге «Национал-социалистическая революция и штурмовые отряды»¹².

Сам Гитлер полагал, что «социализм — это учение о том, как следует заботиться об общем благе. Коммунизм — это не социализм. Марксизм — это не социализм. Марксисты украли это понятие и исказили его смысл. Я вырву социализм из рук «социалистов». Социализм — древняя арийская, германская традиция»¹³.

Нацистов порой называют «коричневыми», но это имеет тот же смысл, который в России имеет черный цвет. «Черный народ», «черная сотня»... В Германии это звучало как «коричневый народ». Простонародье, народная толща. И шли в бой коричневые не под каким-нибудь, а красным знаменем. Шли для того, чтобы освободить немецких рабочих от власти еврейской, французской и англо-американской буржуазии.

В рядах нацистов было полно перебежчиков и от коммунистов и от социал-демократов.

Ведущий нацистский юрист при Гитлере, министр без портфеля и генерал-губернатор Варшавы, Ганс Франк, повешенный по приговору Нюрнбергского трибунала, был социал-демократом и сторонником свержения Баварской монархии. Человек из окружения Курта Эйснера.

Социал-демократом был и Юлиус фон Штрайхер, в будущем «главный антисемит» Третьего Рейха и издатель газеты «Дер Штюмер».

Роланд Фрейснер, будущий президент Народного суда гитлеровской Германии, в юные годы попал в плен, в России сделался красноармейцем, политкомиссаром и чекистом. Его и заслали-то в Германию как доверенного агента Коминтерна... А он и перекинулся к нацистам.

НСДАП создала в Германии централизованную государственную экономику. 15 июля 1933 г. был образован Генеральный совет германского хозяйства с участием крупнейших предпринимателей. Позднее было проведено также укрупнение хозяйственных структур. Нацистское государство предпочитало иметь дело с небольшим числом крупнейших фирм. И контролировать эти фирмы¹⁴.

В 1936 г. управление хозяйством перешло в руки «администрации четырехлетнего плана» во главе с Германом Герингом. Новая администрация взяла курс на «экономическое самообеспечение» («автаркию») страны и расширение бюджетного финансирования. Государство стало играть в экономике все большую и большую роль.

Термин «управляемый рынок» придумал вовсе не Горбачев, а руководитель имперской промышленной группы В. Цанген.

Централизация экономики помогла нацистам очень быстро справиться с безработицей и развалом экономики. Государство строило дороги. Германия до сих пор опоясана множеством автострад, проходящих не через города, а мимо городов. Не снижая скорости, можно пожирать громадные расстояния. Строились и вводились в эксплуатацию крупные производства — в основном военного профиля. К 1935 г. совершенно исчезла безработица.

Исчез слой спекулянтов и темных дельцов, ведущих веселую жизнь в ночных клубах. Не имеющий работы, не способный объяснить, откуда у него доход, рисковал лагерем.

Но не стало и разрыва в доходах, когда спекулянт обогащался, а семья рабочего нищенствовала.

Коммунисты кричат, что нацисты милитаризовали экономику, сделали ее работающей на войну. Но разве в СССР было иначе?

Смешивать нацистов с фашистами коммунисты начали с VII конгресса Коминтерна в 1935 г. Позже коммунисты произвольно объявляли фашистами членов самых обычных «буржуазных» правительств. У них получалось, что фашисты — это все, кто против коммунистов. А поскольку изображали фашистов всегда карикатурно, то получалось: против коммунистов идет исключительно какое-то тупое, злобное и малокультурное мужичье.

Социалисты хотели воплотить в жизнь утопию, построить идеальное общество на выдуманных теоретиками началах. А фашисты хотели любой ценой не позволить им этого. Поэтому когда пленных немецких солдат в России называли «фашистами», они, мягко говоря, удивлялись.

— Мы не фашисты, мы нацисты! — отвечали они вполне мотивированно, а у советских людей окончательно заходил ум за разум.

3. Многонациональный «строящий коммунизм» СССР отождествляется с национальной Россией.

СССР был государством, в названии которого не было никаких привязок к территории или к истории. Гербом СССР был земной шар, перевитый пучками колосьев с изображением серпа и молота: символов крестьянства и рабочего класса. Это государство состояло из национальных республик, число которых могло увеличиваться до бесконечности.

Ленин не устал повторять: «Наше дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики!»¹⁵

Правящая в СССР партия ВКП (б) с 1919 г. рассматривалась как секция III Коммунистического интернационала, о целях которого Троцкий предельно ясно сказал: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть»¹⁶.

Официально целью Интернационала провозглашалось «...насильственное свержение буржуазии, конфиска-

ция ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального <...> [которые] могут обеспечить торжество пролетарской революции»¹⁷.

4. Нападение Третьего Рейха на СССР объявляется «вероломным», игнорируется факт объявления войны.

5. СССР рассматривается как невинная жертва агрессии, не готовая к войне и именно поэтому на первых порах терпящая поражение.

6. Начавшаяся война рассматривается как Великая Отечественная война (ВОВ) всего русского=советского народа.

И по сей день в Интернете часты определения типа: «Великая Отечественная война была справедливой освободительной войной Советского Союза против фашистской Германии и являлась важнейшей, решающей частью Второй мировой войны (1939—1945 гг.). Война началась 22 июня 1941 г. вторжением без объявления войны на территорию СССР вооруженных сил Германии»¹⁸.

«Только Советский Союз неуклонно проводил политику мира, политику организации коллективного отпора агрессорам и поддержки народов, ставших жертвами агрессоров»¹⁹.

Получается примерно так: советские люди в 1930-е гг. мирно трудились. Создавалась индустриальная база новой, счастливой жизни в СССР. Советские люди не хотели никого завоевывать и ни с кем не собирались воевать. Они были счастливы своим трудом под руководством своих мудрых руководителей. Крестьяне счастливо собирались в колхозы. Рабочие радостно трудились в три смены, выполняя пятилетку в четыре года, вдвоем на одну зарплату. Солдаты и офицеры бодро умирали на Халхин-Голе.

Интересно, что и в довоенных документах много ритуальных фраз о принципиальном превосходстве советской тактики и стратегии²⁰.

Фашистская Германия предложила СССР заключить пакт о ненападении. Советский Союз вынужден был за-

ключить этот пакт с целью самообороны и для того, чтобы не дать сложиться общему фронту империалистических держав против СССР.

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу, тем самым начав Вторую мировую войну. Западные державы предали Польшу, и только Советский Союз совершил освободительный поход, освободил и присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию, и заключил пакты о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз.

Она имела колоссальное превосходство в вооружениях и в технике, потому что Гитлер располагал ресурсами всей Европы²¹.

Этим событием в 1941 г. началась Великая Отечественная война. Это была война за спасение своей Родины. Участие в Великой Отечественной войне есть великий подвиг и колоссальная заслуга. Если кто-то из советских людей воевал на стороне Гитлера — то он отвратительный предатель, а его поведение совершенно «нетипично»²².

Благодаря своему военно-техническому превосходству Гитлер смог нанести временное поражение Советскому Союзу. Но советские люди — патриоты своей социалистической Родины. Они еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии и под руководством своего гениального вождя и учителя, величайшего полководца И.

В. Сталина поднялись на священную освободительную войну и дали врагу сокрушительный отпор. Гениальный план великого Сталина, «десять сталинских ударов», привел фашистскую Германию и всех ее союзников к полнейшему поражению²³.

«Фашисты» руководствовались антинаучным, реакционным учением о неравенстве человеческих рас. Они хотели истребить миллионы ни в чем не повинных людей по национальному признаку, а других превратить в своих рабов²⁴. Чудовищные, не имеющие аналогий в истории

преступления фашистов осудил глубоко законный и невероятно прогрессивный международный Нюрнбергский процесс²⁵.

Победа «немецко-фашистских агрессоров» была бы величайшим несчастьем для человечества. Она привела бы к уничтожению современной цивилизации, порабощению и физическому истреблению десятков миллионов людей²⁶.

Эти утверждения тиражировались десятки миллионов раз в советских учебниках для школ²⁷ и для вузов²⁸.

Принципиально те же идеи содержатся и в современных учебниках²⁹.

В лице СССР прогрессивное человечество победило «фашистов» — мракобесов и негодяев, душителей самого лучшего. Ценность этой победы абсолютно очевидна и никогда никем не сможет быть поставлена под сомнение. «Советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»³⁰.

Победители во Второй мировой заставили народы принять свою мифологию. В конечном счете она была достаточно выгодна и всем остальным победителям, в том числе и полякам, и англосаксам: демонизировала проигравших и хоть как-то объясняла удобным им способом ход и результаты Второй мировой.

Для понимания того, что именно навязывалось и почему, необходимо принять во внимание два важнейших пункта: этот миф возник не изначально, ему предшествовали другие мифы — потому что долгое время было непонятно, с кем и в каких коалициях будет воевать СССР.

Мифы-предшественники

Официальный миф СССР исходил из того, что в СССР у власти находилась самая передовая общественная теория Карла Маркса и В. И. Ленина, марксизм-ле-

низм. Она не имеет ничего общего с расовой теорией и человеконенавистническим учением «фашистов». СССР рано или поздно должен был стать «Земшарным». Но с кем именно начнется Вторая мировая война, было совершенно не очевидно.

Мифологично уже представление о реализации в 1941 г. единственно возможного «расклада сил» воюющих сторон. Коалиции складывались в какой-то мере и случайно. Реальность союзнических отношений Британии и СССР была неожиданностью для обеих сторон.

3 сентября 1941 г. Сталин писал Черчиллю, что без высадки англичан во Франции и без ежемесячных поставок в СССР 400 самолетов и 500 танков «Советский Союз либо потерпит поражение... либо потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом»³¹.

13 сентября 1941 г. Сталин даже просил Черчилля «высадить 25—30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР»³².

Черчилль писал Рузвельту по этому поводу: «Мы не могли отделаться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире»³³.

Советскому же послу Майскому Черчилль ответил весьма конкретно: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы на нашем острове не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас»³⁴.

Если военно-стратегические концепции менялись уже на протяжении Второй мировой войны, то тем более они не раз менялись в ходе ее подготовки. Неизменной в этой доктрине оставалась разве что идея войны «малой кровью и на чужой территории». Полностью мы эту доктрину не знаем и, возможно, никогда не узнаем: документы о пла-

нах советского руководства на 22 июня 1941 г., приказы Наркомата обороны и Киевского военного округа в первые часы и дни войны не рассекречены и по сей день. Есть отдельные документы... Но они очень красноречивы.

Согласно всем этим документам неприятельские войска не должны были находиться на территории СССР больше суток. Это если враг вообще будет атаковать первым.

«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» — 18 сентября 1940.

«Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» — 11 марта 1941.

«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»³⁵ — май 1941.

И наконец, «записка начальника штаба Киевского ПВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»³⁶.

В сущности, это один и тот же документ, много раз уточнявшийся и дорабатывавшийся.

Самым лучшим вариантом считалось «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания».

И вообще «наша оперативная подготовка, подготовка войск должна быть направлена на то, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы»³⁷.

Вот так. Нападать первыми, не ждать полного развертывания вражеских войск. И — на чужую территорию. К 30-му дню войны Красная Армия должна была выйти «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц». То есть находиться в 300—350 км от новой границы СССР, на территории Польши и Чехии.

Реальность показала, что составлять такие планы могут только люди, психологически живущие вне реальности.

Само стремление к новой Мировой войне диктовалось в СССР ожиданием Мировой революции и готовностью всячески создавать условия для ее начала.

В Гуверовском институте Стэнфордского университета в Калифорнии (США) хранится пакет из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934—1936 гг. «Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7—8 дней после их создания»³⁸.

Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела и высшим государственным чиновникам.

11 февраля 1934 г. Политбюро решило, что крупная европейская война поможет пролетариату захватить власть в крупнейших европейских центрах.

В постановлении от 1 мая 1935 г. Политбюро полагало, что СССР примет участие в новых конфликтах в Европе и в Азии ровно в той мере, «которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»³⁹.

В 1938 г. ЦК ВКП(б) уже говорит о «начавшейся мировой войне». О «Второй мировой войне», которая приведет к восстаниям и революциям в Европе.

А чешским коммунистам в Москве разъяснили: «Если бы мы заключили договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились. Ленину удалось построить коммунизм, а Сталин, благодаря его предвидению и мудрости, приведет Европу в мировую революцию».

«Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революциям в Германии и Франции».

«...война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны».

«Настоящая война будет длиться столько, сколько мы захотим... Мы тратим огромные деньги, чтобы война [между Японией и Китаем. — *А. Б.*] продолжалась»⁴⁰.

Подобные планы принято считать проявлением сталинского «прагматизма». Но это странный «прагматизм», в котором все реальные планы подчинены идеологической мифологии Мировой революции, восстаниям пролетариата и так далее.

Одновременно создавались литературные и кинематографические мифы о будущей победоносной наступательной войне СССР против «фашистского агрессора».

Фильм Абрама Роома «Эскадрилья № 5» начинается с того, что советская разведка перехватывает приказ командования Третьего Рейха о переходе советской границы. На бомбежку немецких аэродромов вылетают тысячи советских самолетов, в числе которых — эскадрилья № 5. «Наши» со страшной силой громят «ихних», но «фашисты» подбивают два наших самолета. Летчики эскадрильи № 5 — майор Гришин и капитан Нестеров — на парашютах спускаются на территорию врага. С помощью немецкого антифашиста, «своего парня» и «пролетарской рабочей косточки» герои фильма захватывают «ихний» самолет и улетают к своим.

И в литературе делается то же самое! Ни одна книга перед войной не имела таких тиражей, как «Первый удар»⁴¹. После подписания Пакта 1939 г. книгу изъяли из продажи... Но к тому времени ее только ленивый не прочитал. И вообще каждый красный командир обязан был прочитать эту книгу, потому что военное издательство выпустило ее в учебной серии «Библиотека командира».

«Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух».

«Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам,

невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

До какой же все-таки степени материализуется то, чего мы ждем... Конечно, в книгах и фильмах «мы» стреляли, а «они» взрывались. В реальной истории было не совсем так... Но советское общество с 1938 г. ждало войну с Германией. Можно сказать, накликало ее по всем правилам первобытной магии. Естественно, что и накликало.

Те, кто начинали войну 1941 г., хорошо помнили попытки перевоспитывать первых военнопленных на основе пролетарского интернационализма. Как вот у Гранина: «А следующим был пленный унтер. Шофер. Мы взяли его в конце июля сорок первого года. Меня позвали, чтобы я помог переводить....

Он был шофер, то есть рабочий класс, пролетарий. Я немедленно сказал ему хорошо выученную по-немецки фразу — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Со всех сторон мне подсказывали про социализм, классовую солидарность, ребята по слогам втолковывали немцу — Маркс, Энгельс, Тельман, Клара Цеткин, Либкнехт, даже Бетховена называли. От этих имен мы смягчились и были готовы к прощению, к братанию. Мы недавно видели

сцены братания в звуковом фильме «Снайпер». Согласно фильму и учебникам обществоведения, и нынешний немец, наверное, должен бы покраснеть, опустить свои светлые ресницы и сказать с чувством примерно следующее:

— Буржуазия, то есть гитлеровская клика, направила меня на моих братьев по классу. Надо повернуть штык, то есть автомат, против собственных эксплуататоров, — что-то в этом роде.

Нас этому учили. Мы верили, что пролетариат Германии не станет воевать со Страной Советов. Мы честно пытались пробудить классовое сознание этого первого нашего немца»⁴².

Сцена, описанная Граниным, доказывает только одно: верхи и низы советского общества мыслили не настолько различно, как иногда кажется. И те и другие, как мы видим, ждали в случае войны «взрывов классовой солидарности» трудящихся.

Но при этом реальная политика заставляла коммунистическую верхушку не раз изменять векторы своей политики, а вместе с тем и конкретный образ врага. Вместе с этим изменялись и конкретные параметры главного политического мифа.

Доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. был всецело посвящен международным отношениям и тем изменениям, которые произошли в последнее время. В связи с этими изменениями, как подчеркнул Молотов, «некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно, — и к которым многие так привыкли — явно устарели и теперь неприменимы». А конкретнее: «Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»⁴³.

30 ноября 1939 г. Сталин заявил еще «круче»: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Анг-

лия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»⁴⁴.

Таким образом мифология, начавшая складываться уже 22 июня 1941 г., — лишь последняя версия мифа, который сталинская пропаганда готовила по крайней мере с 1934 г.: мифа о вынужденном вступлении СССР в войну для блага пролетариата всего мира.

При этом готовилась не национальная война и не империалистическая. Готовилась идеологическая война коммунистов за право и возможность советизации всего мира.

Почему это миф?

Мифологично уже само название события: Великая Отечественная война.

Второй Отечественной называли иногда войну 1914—1918 гг. Теперь это слово реанимировали, создавая новый, уже советский миф. Сталин употребил применительно к этой войне слова «великая» и «отечественная», но раздельно. «Великая Отечественная война» долгое время звучало примерно так же, как «священная народная война», «священная отечественная народная война», «победоносная отечественная война». То есть не как официальное название войны и не как название этапа Второй мировой — а как пропагандистское клише.

Термин Великая Отечественная вводился и входил в жизнь постепенно. При Сталине он был закреплён только введением ордена Отечественной войны согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г. Это название было официально для СССР до 1991 г. и сохранилось в ряде независимых государств, бывших раньше республиками СССР. В форме, например, *Вялікая Айчынная вайна* в Белоруссии⁴⁵.

В Германии помимо терминов «Русский поход» (der Russlandfeldzug), Восточный поход (der Ostfeldzug), гово-

рят о «Германо-советской войне» (Deutsch-Sowjetischer Krieg)⁴⁶. В англоязычных странах применяют протоколно-сухой термин «Восточный фронт Второй мировой войны» (*Eastern Front World War II*)⁴⁷.

От названий зависит больше, чем кажется. Созданное Сталиным название позволяет из грандиозного события мирового масштаба, Второй мировой войны 1939—1945 гг., произвольно вырезать кусок, которому придается свое самостоятельное значение.

Во всех исторических книгах, монографиях, учебниках утверждалось, что Великая Отечественная — самая важная часть Второй мировой. Что именно в Сталинграде «русские» «сломали хребет фашистскому зверю», и именно с этого начался перелом в ходе всей Второй мировой⁴⁸.

В этом нет русской специфики. Похожим образом действуют американцы, провозглашая самыми важными событиями Второй мировой войны военные действия на Тихом океане между американской и японской армиями и флотами. Они считали важнейшим поворотным событием всей Второй мировой войны битву за атолл Мидуэй в 1942-м⁴⁹.

Так же точно английские историки провозглашают главным, решающим сражением Второй мировой войны Эль-Аламейн в Северной Африке⁵⁰. Советские историки считали главным событием Второй мировой войны сражение под Сталинградом в 1942—1943 гг. («самую выдающуюся победу в истории великих войн»)⁵¹.

В японской 100-томной истории Второй мировой войны аж в 3 томах упоминаются другие воюющие стороны, кроме Японии и США.

Само по себе «перетягивание одеяла» на себя довольно обычно: историкам многих стран хочется, чтобы основные события Второй мировой совершались бы с участием «их» армий.

Но в этом названии — «Великая Отечественная» присутствует эмоциональный, пропагандистский заряд.

Американцам ведь хватило совести не называть битву на Тихом океане Великой Отечественной войной американского народа.

А советским пропагандистам нужно было оторвать события 1939—1941 гг. от того, что происходило после нападения Гитлера. Название это и делает.

До сих пор только одна группа историков дала этой войне название, которое вообще можно принимать всерьез: «советско-нацистская»⁵².

Во Второй мировой войне воевали вовсе не Россия и Германия. Тем более вовсе не русские воевали с немцами.

В составе вермахта к началу Второй мировой войны служили 3 214 000 человек. На 22.06.1941—7 234 000. В 1943 г. численность вермахта достигла 11 миллионов человек. Всего в 1939—1945 гг. в вооруженные силы Третьего Рейха было призвано 21 107 000 человек. Из них этническими немцами были порядка 10 500 тысяч человек. Остальные были подданными Рейха — но не этническими немцами⁵³.

В вермахт призывали не по расовому или не по национальному принципу. А по принципу гражданства. В частности, этнический еврей признавался таковым только в двух случаях: если он исповедовал иудаизм и если он был записан в еврейскую общину. Во всех остальных случаях его призывали в армию на общих основаниях, и «еврейских солдат Гитлера» было больше 150 тысяч⁵⁴.

В числе союзников Германии, участвовавших во Второй мировой войне, — Румыния, Венгрия, Словакия, Италия и Финляндия. Румынские и словацкие войска не входили в вермахт, но на Восточном фронте воевали⁵⁵.

В числе прочих в составе вермахта воевали не менее миллиона этнических русских, которые были до этого гражданами СССР⁵⁶.

В составе элитнейших частей СС, своего рода гвардии Третьего Рейха, «интернационал» еще больший: в СС было много добровольцев. Из 38 дивизий Waffen-SS, участвовавших во Второй мировой войне, только 12 были

немецкими. Этнический же состав эсэсовцев отличался предельным разнообразием.

Сначала в национальные формирования SS входили представители «родственных» германских народов — датчане, голландцы, норвежцы, фламандцы. Потом к ним присоединились валлоны, финны, шведы, хорваты, французы. Были добровольческие легионы «Нидерланды», «Фландрия», «Norge»; добровольческий корпус «Дания», Британский добровольческий корпус, итальянская, французская, венгерская, хорватская, балканская (мусульманская), валлонская, украинская, белорусская, латвийская, литовская, эстонская, испанская, русская дивизии, финский добровольческий батальон, сербский добровольческий корпус, румынский и болгарский полки. Были даже такие экзотические соединения, как Индийский добровольческий легион, Кавказский и Среднеазиатский легионы, мусульманская дивизия «Новый Туркестан», Восточно-тюркское соединение для башкир и караимов, грузинские, азербайджанские, армянские соединения, волжско-татарский легион⁵⁷.

Была также дивизия СС «Богемия-Моравия» из жителей протектората — чехов и фольксдойче, многочисленные литовские полицейские батальоны и даже литовская Армия освобождения «Меха Кати» — «Дикая кошка» генерала Импулявичуса, греческие отдельные формирования.

22 июня 1941 г. 20% состава нацистских войск составляли не-немцы. Позже их было до 30%⁵⁸. Даже в элитных эсэсовских частях типа «Лейбштандарт Адольф Гитлер» этнических русских было до 7—8%. Стоит сравнить: даже в апреле 1945-го все союзные Красной Армии войска составляли всего 12% ее численности.

На стороне СССР воевали представители всех 120 народов Советского Союза, а кроме того французы, британцы, американцы, китайцы, немцы и японцы⁵⁹.

СССР изначально был уникальным государством, в названии которого не был никаких географических при-

взяток. Третий Рейх, к 1941 г. захвативший Нидерланды, Лихтенштейн, Бельгию, Норвегию, Данию, Чехию, Польшу, большую часть Франции, Грецию, Югославию, был громадным многонациональным государством.

И Третий Рейх и СССР были глубоко идеологическими, многонациональными государствами. Их жителей объединяло не происхождение, а идеология и подданство. Они имеют очень косвенное отношение к исторической Германии и к исторической России.

Попытки представить Вторую мировую войну как войну «русских и немцев» уже поэтому совершенно абсурдны.

СССР и Третий Рейх не были также исторически сложившимися империями, территориальное расширение которых отражало бы тенденции развития этих территориально-политических организмов. Это были империи особые — ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ. На примере Советского Союза особенно хорошо видно, что само понятие «Отечества» идеологической системе чуждо. Если слово «отечество» и применяли в СССР 1922—1941 гг., то только в значении «отечество пролетариата».

Если цель идеологической империи — завоевание всего земного шара и установление мирового господства, то вообще о каком «Отечестве» может идти речь? До 1941 г. речь об «отечественной войне» и не шла.

Взывая к «крови и почве», национал-социалисты были ближе к идее «отечества», но и они к тому времени завоевали и подчинили почти всю Европу, объединили государства с разным политическим строем. Единственной реальной целью этой «сборной Европы» под руководством национал-социалистической Германии было все то же мировое господство. «Сегодня нам принадлежит Германия \\ А завтра — весь мир!»⁶⁰

В советско-нацистской войне 1941 г. ни СССР и коммунистические власти, ни Третий Рейх и нацистская верхушка не могли иметь никаких других целей, кроме мирового господства и торжества своей идеологии. Это была

война не «Отечеств», а война «Европейского Антикоммунистического Интернационала» против «Коммунистического Интернационала». Обоим интернационалам были глубоко чужды и даже враждебны такие понятия, как «Отечество» в смысле «национального очага».

Великая Отечественная? Для кого?

Наверное, миф о «политическом единстве советского народа» — самый подлый и самый лживый из тезисов официальной советской пропаганды.

К 1939 г. в СССР было множество людей, вовсе не разделявших воззрения коммунистов, а то и враждебных этим идеям. Не будем даже говорить, что в зарубежье жило до миллиона активных врагов советской власти и что они охотно работали на финскую, германскую, американскую, китайскую, японскую разведки и армии⁶¹.

В самом СССР число только «сосланных кулаков» достигало почти 2 млн человек. С 1929 по 1941 г. число советских перебежчиков в Финляндию, Китай и Персию, Румынию и Польшу исчисляется, по крайней мере, десятками тысяч человек. Во время Великого Голода 1931—1932 гг. в Казахстане из СССР откочевало порядка 1 млн казахов.

В 1941 г. Красная Армия частично разбежалась, частью сдавалась в плен батальонами, полками и чуть ли не дивизиями. Число сдавшихся называют разное: от 4,5⁶² млн до 5,4 млн⁶³.

Приблизительность цифр доказывает одно: толком никто не считал.

Многие из них шли в добровольные помощники, «хильфсвиллиге», и ведь хотя бы часть этих людей шла в вермахт, не только подчиняясь насилию, но и идейно.

Известно, что в вермахте служило много жителей Советского Союза: 310 тысяч русских, 53 тысячи казаков, 250 тысяч украинцев, 110 тысяч человек из народов Северного Кавказа, волжских татар — 40 тысяч, крымских татар — 20 тысяч, других тюркских народностей —

180 тысяч человек. Это на начало 1945 г., и к тому же в это число не входят эстонский, латышский легионы СС, несколько литовских батальонов СС⁶⁴.

Если граждане одной страны воюют во враждующих армиях — то что это, если не гражданская война?!

Казаки в 1941 г. раскололись на прокоммунистические и пронацистские силы. В Красную Армию призвано было до 70 тысяч казаков⁶⁵. А в вермахте служило до 50 тысяч казаков⁶⁶.

Крымские татары, народы Северного Кавказа (чечены, карачаевцы), Поволжья (калмыки) дали примерно одинаковое количество добровольцев в вермахт и в Красную Армию⁶⁷.

Если это не раскол народа и не гражданская война, то что же это?

Как видно, во время событий 1941—1945 гг. между собой воевали не только и даже не столько национальные силы, сколько политические. Сидели в окопах друг напротив друга, стреляли друг в друга из пушек и ружей, сходились в рукопашных люди одних народов. И в огромном большинстве случаев речь шла не об «отдельных отщепенцах» — это позднейшая пропагандистская утка, речь идет о расколе народов по политическому принципу.

Число «перемещенных лиц» в Германии на 1945 г. неизвестно. Согласно официальной советской статистике в 1945 г. «вернулись на родину» 5 236 130 человек, трудившиеся в спецлагерях, носившие на одежде специальный знак «Ост»⁶⁸. Статистика наверняка не полна: слишком многие пытались спрятаться, сбежать, укрыться от возвращения в СССР.

В «Декларации об освобожденной Европе» державы дружно заявляли, что они будут согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем Европы после войны. На Крымской конференции декларировалось, что все народы Европы смогут «создать демократические учреждения по собственному выбору»⁶⁹.

Возникает, правда, вопрос: а что, если выбор народа — фашизм? А если — национал-социализм? В конце концов, Гитлер пришел к власти в Германии путем честнейшей победы на демократических выборах.

Ах! О таких ужасах у нас до сих пор не принято говорить!!!

Туда же еще один вопрос: а что, если народ или какая-то часть народа категорически не хочет именно коммунистического режима? Или коммунизма вообще, ни в какой форме, или в форме сталинизма?

Фактически это и происходило. Для части подданных СССР война и правда была Отечественной. В этом отношении характерна оборона Брестской крепости.

По планам нацистов, они должны были овладеть пограничной Брестской крепостью к 12 часам дня 22 июня. В 3 часа 15 минут по крепости открыли ураганный огонь. В 3.45 начался штурм. К 9 часам утра больше половины гарнизона бежало. Остальные 3—4 тысячи человек перешли в контратаку. С этого времени началась крайне ожесточенная борьба буквально за каждый метр и за каждое помещение.

Возглавили оборону майор П. Гаврилов, комиссар Фомин и капитан Зубачев. Старшие офицеры давно сбежали.

Ежедневно защитникам крепости приходилось отбивать 7—8 атак. Нацисты применяли легкие танки и огнеметы. 29—30 июня нацисты предприняли непрерывный двухдневный штурм крепости, овладели штабом Цитадели, взяли в плен до 400 человек, в том числе И. Н. Зубачева и Е. М. Фомина. Один из пленных тут же выдал Фомина как комиссара. Его тут же расстреляли. Зубачев впоследствии умер в лагере для военнопленных.

Организованная оборона крепости на этом закончилась. Оставались изолированные очаги сопротивления, их подавили в течение следующей недели. Остались одиночные бойцы, собиравшиеся в группы и вновь рассеивавшиеся в подземельях крепости. Некоторые смогли про-

рваться из крепости и уйти к партизанам в Беловежскую Пущу. Большинство погибли или сдавались поодиночке. Подробности мало известны. Надписи на стенах крепости сохранились до сих пор. «Нас было пятеро Седов, Грутов, Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941. Умрем, но не уйдем отсюда. 26 июня 1941». «Умираем, не срамя». «Умрем, но из крепости не уйдем». Одна из надписей на стене в подвале крепости гласит: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20. VII. 41 г.». Подписи нет⁷⁰.

А для другой части подданных СССР, людей разных народов, эта война Отечественной не была. Потому что они духовно не принадлежали к советской цивилизации и «советскому народу» как особой общности людей. Они могли придерживаться разной тактики: стараться не участвовать в войне ни на какой стороне; честно служить в вермахте; стараться создавать русские национальные части и даже целые автономные районы⁷¹.

В любом случае советско-нацистская война 1941—1945 гг. не была для них Отечественной уже потому, что они не были ни нацистами, ни коммунистами.

Во Второй мировой войне победил не русский народ, не созданная им Российская империя и не мифическая «Евразия». Победил Советский Союз — государство «новой общности людей», советского народа. В Берлин вошла армия без нательных крестов и полковых священников, но с масонскими звездами на фуражках, пуговицах, танковой броне и фюзеляжах самолетов, с обращением «товарищ» и красным знаменем.

А проиграл Вторую мировую войну Третий Рейх — государство со свастиками на пуговицах, пряжках, танках и самолетах, под красным знаменем и символикой «национал-социалистической рабочей партии».

Сказанное нисколько не умаляет героизма и нацистов, и коммунистов, закрывавших своими телами амбразуры и направлявших самолеты на вражеские колонны. Но оценку войны меняет полностью. Оценку советско-наци-

стской войны как Отечественной навязали политически: силой политического террора.

Но стоило ослабить давление — и миф «посыпался». Без террора же эта война не стала и никогда не сможет стать подлинно Отечественной и Народной.

Параллельные мифы

Не надо думать, что мифы о Второй мировой войне и ее локальных фронтах рассказывались только в СССР, а теперь рассказываются только в «странах бывшего СССР». О некоторых британских и американских мифах я уже говорил.

Французы тоже много чего придумали, — например, будто правительство Виши было нелегитимно, а бунтовщик Шарль де Голль это и есть законный представитель народа. Период, когда Франция была союзником Гитлера, и францужско-британскую войну 1940 г. подвергли торжественному забвению, как страшный сон.

И эти, и все остальные исторические мифы созданы очень просто: победители придумали подходящие сказки о войне уже после окончания боевых действий. Все придумали такую войну, какую им удобно иметь в прошлом.

Но в СССР сама по себе попытка «засекретить» подлинную историю Второй мировой сыграла со Сталиным злую шутку. Он запретил своим военачальникам писать мемуары о ВМВ? Ну а гитлеровским генералам никто этого не запрещал... И в результате весь мир изучает «Восточный поход» по мемуарам Гальдера и фон Браухича. Фантастика, но важнейшим источником стали мемуары генералов проигравшей войну армии. А победители были лишены права слова! Причем лишены своим же собственным руководством... Вряд ли Иосиф Виссарионович хотел добиться такого эффекта: чтобы о «Великой Отечественной» рассказывали бы генералы Адольфа Алоизьевича. Но его попытка утвердить свои мифы в международном масштабе привела только к тому, что утвердились мифы

этой проигравшей стороны, с «их» набором мифологических существ: «генералом Морозом», «госпожой Распутицей», загадочной русской душой и злобным Сталиным.

Неумелому танцору очень мешают штаны. Генералам, проигравшим мировую войну, очень мешают морозы, распутица, грязь, плохие дороги и неправильное устройство Вселенной.

Еще мешает политическое руководство, которое не позволяет в полной мере проявиться военному гению генералов и одолеть ненавистного врага.

Особенно же сильно им мешает противник, который ведет себя неправильно и применяет некультурные способы ведения войны.

Именно о том и повествуют все мемуары гитлеровских генералов: как им мешали выиграть войну. Только вот на один вопрос эти мемуары не отвечают... На вопрос о том, как же это генералы не приготовились к тесному общению с генералом Морозом, не предусмотрели распутицы, скверных дорог и тем более — сопротивления неприятеля?

Что до помех собственного руководства... Оно было, тут не о чем и говорить... Но каким же идиотом надо быть, чтобы допустить в стране такое правительство, как Адольфа Алоизьевича Шикльгруберова?

И каким же надо быть поганцем, чтобы воевать за такое правительство, пытаться навязать его всему миру, осуществлять его бредовые решения?

Мифы советских «демократов»

В раже разрушения традиционных советских мифов многие додумываются до совершенно фантастических утверждений. Вплоть до того, что нашествие Гитлера было «крестовым походом против коммунизма»⁷². Неоязычник Гитлер в роли современного Симона де Монфора? «Черные СС», практиковавшие языческие культы, в роли крестоносцев Ричарда Львиное Сердце? Сильно сказано!

Демонтаж сталинского мифа после Сталина

После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС многие детали мифа были пересмотрены. Во время «перестройки» изменилось еще больше.

Стали еще откровеннее писать о потерях, в том числе о потерях мирного населения. Например, стали писать о голоде в СССР времен войны. Раньше тема была абсолютно запретной.

Стали писать о заградительных отрядах — тоже абсолютно запретная тема.

Стали писать о том, что не «фашисты» убили польских офицеров в Катыни, а НКВД⁷³.

Но оставались неизменными главные тезисы:

- 1) О вероломном нападении без объявления войны
- 2) Участие СССР во Второй мировой войне начиналось с 1941 г.
- 3) О военно-технической слабости СССР
- 4) О военно-техническом преимуществе вермахта
- 5) О моральной правоте СССР в этой войне.

Какие бы части мифа и как ни изменялись, на месте оставалось главное: «они» планировали войну, мы не хотели войны. Все «наши» действия до 1941 года объясняются вынужденной самообороной. Тут основные положения самого Сталина⁷⁴ почти не отличаются от мнений, высказанных в самое последнее время. Равным образом в обобщающих концептуальных работах⁷⁵, равным образом в посвященных частностях⁷⁶.

Мы воевали с Финляндией, захватывали Прибалтику, Буковину и часть Речи Посполитой потому, что обстановка нас к этому вынуждала.

22 июня 1941 г. «они» без предупреждения напали на «нас». Они были очень сильные, «мы» были слабее «них». Ценой колоссальных потерь «мы» сумели остановить вражеское наступление. Ценой подвига тыла «мы» сумели создать нужное количество вооружений и разгромить ненавистного врага.

Какие бы преступления ни совершались советской стороной и какие бы безобразия ни творились, но «мы» были правы, а «они» были не правы. «Мы» добились Великой Победы, и наша слава будет сиять в веках.... И тут пришел Виктор Суворов.

Часть концепции Суворова бесспорна просто потому, что подтверждается документами. Это только в СССР «ничего не знали» про секретные пункты Пакта Молотова—Риббентропа и про подготовку наступательной войны в СССР. На Западе и документы печатались, и вспоминать не запрещалось. И мемуары Черчилля печатались не для верхушки чиновников.

Открытия архивов не будет

Надо четко и навсегда понять: нет смысла ждать какого-то «открытия архивов». Никакого «открытия архивов» не будет. Никогда. Сам факт того, что архивы закрыты, свидетельствует: в этих архивах лежат документы, опровергающие официальную точку зрения. Иначе зачем их скрывать?

В 1940 г. Рудольф Гесс перелетел в Англию с миссией, о которой мы почти ничего не знаем. Британцы объявили Гесса преступником, а в 1987 г. убили 93-летнего Гесса. Неужели они позволят узнать, для чего он прилетел и какие переговоры с ним велись?

Черчилль приложил колоссальные усилия, чтобы убить Муссолини и похитить восторженные письма, которые он ему писал. Неужели британцы откроют архивы? Если и откроют, то сначала уничтожат все, что их не устраивает.

Точно так же и в СССР наворотили сказку на сказку и миф на миф...

Неужто теперь позволят с фактами в руках опровергать эти сказки и мифы?

Нам же следует четко и навсегда уразуметь: не будет никакого «открытия архивов». Не для того создавались и

пропагандировались всеми силами сталинские мифы, наворащивали сказку на сказку и миф на миф, чтобы теперь позволить их взять и разрушить.

Но одновременно и тоже очень четко следует проговорить: у нас вполне достаточно знаний, чтобы восстановить картину происшедшего. Это и делает Суворов. Его концепция проста и стройна:

1) Сталин приготовил громадную, прекрасно вооруженную армию, сильнее любой из армий Европы.

О мотивах Сталина часто можно только догадываться, но факт остается фактом: громадная армия — была! Это делает понятным характер вооружений и подготовки Красной Армии, даже ее официальную идеологию: «воевать малой кровью и на чужой территории»⁷⁷.

2) Сталин планировал вырастить «ледокол революции», который начнет большую европейскую войну, разнесет как можно больше, учинит максимальную смуту. А громадная армия вторжения, Красная Армия придет последней на эти развалины Европы⁷⁸.

3) Удар по Европе должен был начаться в июле 1941. Отсюда и «странности»: разминированные мосты в приграничной зоне, отпуска офицерского состава накануне нападения Гитлера, карты зарубежья при отсутствии карт своей территории. Понятно, почему не придавалось значения всем показаниям и перебежчиков, и собственной разведки. Сталин считал, что подготовка к войне Гитлера уже не имеет значения: он все равно успеет первым. Гитлер совершил самоубийство⁷⁹.

4) Но Сталин просчитался: Гитлер его опередил! И как опередил: громадная Красная Армия оказалась не эффективной в обороне и покатилась назад. Она «готовилась к совершенно другой войне»⁸⁰.

Эта часть концепции Суворова вряд ли может быть опровергнута. Она не подтверждена документами? Но ТАКИХ документов никто никогда не оставляет. Если документы и были — они давным-давно уничтожены.

Но Суворов собирает массу прямых и косвенных свидетельств, данных, сведений, показаний. Разные сведения,

полученные разными способами, ложатся в стройную, как собранные пазлы, картину

Причем вся официальная наука до сих пор никакой концепции Великой Отечественной войны создать оказалась не в состоянии. Шеститомник 1960-х сводится к формуле «Войну выиграл Хрущев». 12-томник 1970-х — к формуле «Войну выиграл Брежнев». А концепции нет. Содержание и даже структура официальных многотомников затруднены и усложнены...

А одновременно «истории, которые нам рассказывали — это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных». А параллельно с ней «за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, за звериным оскалом караульных собак, за бдительным взглядом «Особого отдела», защищенная допусками, печатями, учетными тетрадами, инструкциями по секретному делопроизводству хранится совсем другая история той же войны»⁸¹.

Суворов прав: разрушить его концепцию крайне просто. Надо только создать стройную официальную концепцию, которая не оставляла бы недоуменных вопросов. Дать на все острые вопросы другие ответы, чем Суворов — но ответы такие же или еще более убедительные. Пока что получается кисло: его концепция вызывает чисто эмоциональную реакцию, почти детские «обзывалки», но вот серьезной аргументации как-то не слышно. Наверное, оппонентам Суворова кажется сильным ходом обозвать несогласных «резуноидами» или «предателями». Но только официальная версия Второй мировой от этого не появляется. И правда: где же официальная версия?!⁸²

На мой взгляд, Виктор Суворов не просто вскрыл некую неприглядную правду. На мой, быть может, слишком циничный взгляд, все стороны были одинаково «хороши». Сталин часто оказывался хитрее и дальновиднее других, но в моральном отношении и Гитлер, и деятели «демократии», в том числе У. Черчилль, его совершенно не лучше⁸³.

Обманутые советские люди

Впрочем, тут может быть различие взглядов людей двух цивилизаций. Глубоко советский человек, Виктор Резун-Суворов искренне разочаровался. В духе: «представьте, живете вы с прекрасной женщиной год, два, десять... И вдруг узнаете, что у вашей любимой, обожаемой женщины темное грязное прошлое. Настолько темное, что попытка проникнуть в него грозит смертью. Вам попросту отрежут голову, если только рыпнетесь что-то выяснять»⁸⁴.

Я не понял только, имеется ли в виду под «прекрасной женщиной» Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Советская армия или, святая сила с нами, революция.

Не будучи советским человеком, автор этих строк и не испытал такого разочарования.

Но самое главное — не в каких-то зловонных тайнах тут дело. В. Суворов, независимо от своего желания, совершил деконструкцию двух мифов, очень значимых для национального самоопределения и немцев, и народов СССР, особенно русских.

Немцам Суворов сказал, что это не они начали войну. Войну подготовил Сталин, а Гитлер был только «ледоколом революции», который Сталин пытался использовать.

Советским людям он сказал, что у СССР не было технического отставания. Наоборот! У них было как раз техническое превосходство!

Тема этого превосходства, количества и качества советских вооружений для Суворова настолько важна, что трудно даже сослаться на какое-то определенное место.

В целом эта сторона его исследования довольно убедительна, хотя не обходится без создания новых мифов. Авторских мифов Суворова. Суворов невероятно много пишет про вооружения, технику, военные приказы, горючку, рода войск, время извлечения приказов из конверта, разминированные мосты и так далее.

Но он совершенно не пишет об общественной психо-

логии тех, кто выполнял приказы и приводил в действие вооружения.

И объяснения побед и поражений у него тоже сводятся к материально-техническим моментам.

Куда девалось громадное количество вооружений, подготовленных в СССР после начала войны? Суворов-Резун отвечает, ничтоже сумняшеся: всю подготовленную технику и вооружения нацисты уничтожили в первые дни, чуть ли не первые часы войны.

Было это все, было! Готовился Сталин к захвату Европы! Но уже загнанный в угол «ледокол революции», Гитлер в последний момент нанес упреждающий удар и уничтожил, разбомбил и пожег фантастическое количество оружия, снаряжения и техники.

Выглядит не особо убедительно. Даже непривычно после всегда убеждающих умозаключений Резуна.

Продолжение деструкции мифа

Для того, чтобы дать более внятное объяснение, потребовался другой человек: М. Солонин.

Марк Солонин заговорил о «человеческом факторе». О той элементарной истине, что всякая военная техника приводится в действие людьми. Что мало проку даже от огромного количества самых хороших самолетов, если летчики на них — с низкой квалификацией. Стоит сравнить часы налета у нацистских и советских летчиков, и различия в их квалификации становятся предельно ясны⁸⁵.

Всякое оружие, как и абсолютно любая техника, требует квалификации для применения. Чем сложнее техника — тем и квалификация выше. Проще всего — бежать в атаку с дегенеративным воплем «Уря-я-яН!!!!!!» и палить от бедра в белый свет как в копеечку из любимого сталинского пистолета-пулемета, символа современных вооружений. Уже винтовка требует более серьезного обращения и осмысленного применения. Еще сложнее при-

водить в движение танк, пулеметный ствол, артиллерийское орудие.

Солонин показывает на множестве примеров, что солдаты и офицеры Красной Армии попросту не обладали нужной квалификацией. По существу, они губили доверенную им технику или в лучшем случае использовали ее на незначительную часть возможного⁸⁶.

Очень интересная тема: при всем своем декларативном «демократизме» советская система ни в какие времена не была способна работать на человека и использовать его потенциал. Сталин и его сарычи, прозванные «соколами», искренне полагали, что колоссальные армии и громадное количество оружия и техники само по себе сделают их непобедимыми. И, как обычно, проиграли — именно потому, что не учитывали «человеческого фактора».

Пока не будем развивать эту тему, вернемся к Солонину.

Марк Солонин нимало не отрицал всего сказанного Суворовым... Он на Суворова опирался. В этом смысле Солонин, конечно, не ученик Суворова, но его последователь. «Если я вижу далеко, то это потому, что я стою на плечах гигантов», — сказал в свое время Чарльз Дарвин. С плеч Суворова его последователь сумел увидеть дальше того, кто первым вошел в эту дверь.

Он просто делает следующий шаг.

Марк Солонин показал, что нацисты не уничтожили накопленное для захвата Европы. И не истребили Красную Армию. Все проще: в 1941 г. Красная Армия попросту разбежалась. Приграничные части состояли из жителей западных областей СССР, «присоединенных» к СССР в 1939 г. При первых же ударах они побежали... А потом разбрелись по домам. В 1944—1945 гг. в Красной Армии насчитывалось 3 млн «повторно призванных»: тех, кого вновь пошедшая на запад Красная Армия призвала второй раз⁸⁷.

Вот теперь, после Солонина, все становится окончательно ясно!

Миф оказывается окончательно демонтированным.

Как «воюют» с Суворовым

Порой власти совершают просто анекдотические шаги. Вот сейчас у меня в руках книга без выходных данных. Нет сведений, кто ее издал, каким тиражом и какая типография ее печатала. Но эта книга на прекрасной бумаге и с очень хорошими фотографиями издана Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским советом мира и согласия. Называется она «Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции». СПб., 2010. Это материалы одноименной конференции, состоявшейся в правительственном Смольном 25 ноября 2009 г. Опубликовано 14 докладов — и все статусных людей, в основном с учеными степенями.

Какая-то новая информация — в 2—3 статьях, не более. Все остальные посвящены «критике» идей Суворова и в меньшей степени — Солонина. Уровень полемики таков: «В своей книге Резун безосновательно пытается внедрить свои идеи о том, что война велась между двумя тоталитарными режимами, и СССР будто бы первым готовился напасть на Германию, но Гитлер просто опередил Сталина»⁸⁸.

В этой же статье досталось и Подрабинеку, который «посмел» назвать свою шашлычную «Антисоветская»... Видимо, автор борется за советский строй? Она — соратник И. В. Сталина? Продлись мутные дни ГКЧП и «раннего ельцинизма», такой вопрос был бы ударом в солнечное сплетение.

Досталось и протоиерею Г. Митрофанову, который в своей книге осмелился «провозгласить главным героем предателя Власова», «а не настоящих героев-воинов, победивших фашизм и спасших Россию, и всех нынешних русофобов в том числе, ценой своей жизни»⁸⁹.

Анализировать не хочется, да и ни к чему. Главное — книга-то без адреса. До массового читателя она не дойдет, да и явно не для него выпущена. Власть зачаровывает, как сирена, сама себя, повторением древних стереотипов. Какой-то историко-литературный онанизм.

Контрреволюционный кот Михаил, или Мифы о самом Суворове

Мифология личности Виктора Резуна — сама по себе тема увлекательная. Причем те, кто относится к Виктору Суворову нормально, мифов не сочиняют. Как-то мы исходим из того, что это человек как человек и сделал совсем не плохое дело, заслужил свое место и в истории, и на книжной полке.

А вот злобствующие «антирезунисты» и «суворовофобы» накатали уже целые библиотеки. Интересно было бы подсчитать, о ком пишут больше — о Перуне, князе Рюрике или о Резуне?

В одной из своих статей Виктор Суворов выражает даже некоторое сожаление: всех его родных и близких обмазали дерьмом с головы до ног, а вот кота Михаила почему-то не тронули. Даже как-то обидно за котика.

На самом деле о близких и родных Суворова тоже еще не все сказано. Например, я нигде пока не встречал сообщений о том, что Татьяна Резун летала на помеле и приохотила свою дочку к участию в «черных мессах». Или о некрофильско-зоофильских наклонностях сына или отца Виктора Резуна. Наверное, это вопрос или времени, или богатства фантазии его «критиков».

Но кота и правда жаль: о нем почти не сообщается никаких гадостей. Я готов восполнить этот пробел: надо же разоблачить контрреволюционного котяру! А то ходят тут всякие хвостатые, а потом из сейфов сверхсекретные документы пропадают.

Так вот, этот кот — явный кошачий педераст, алкоголик и аморальный тип. Он тоже сбежал в Британию, потому что английские агенты налили ему полное блюдо валерьянки. Он так до сих пор без перерыва лакает валерьянку, трахает окрестных котов и порой приносит в зубах секретные документы из разведок разных стран мира. Втирается в доверие, садится возле штаб-квартиры, мокрый и голодный, делает вид, что он свой... Его жалеют,

начинают прикармливать и постепенно запускают внутрь. А подлый котище улучшает момент, когда все шпионы мирно дремлют, а сейф открыт настежь... Он прыг! Хватает самый секретный документ — и бежать. А все за валерьянку и анусы окрестных котов старается, сволочь!

Узнав о преступлениях кота Михаила, его дед, простой деревенский кот Василий, упал в обморок, а потом заливался слезами и жалостно выл, проклиная гадкого Михаила. Сам залез в мешок, сунул туда камень, завязал мешок и утопился.

Я охотно дополню все бредни о Суворове взволнованным рассказом про его контрреволюционного кота-предателя. Развлекаться можно бесконечно.

...Потому что любые истории про Суворова вообще совершенно не важны.

Не имеет значения, хороший он человек или плохой, предатель он или «честный» военный разведчик, в данный момент выполняющий задание ГРУ. Не имеет значения, врал он про «Аквариум» или рассказывал святую правду. Все это не важно в той же степени, что и происки кота Михаила — агента британской разведки.

Потому что самое главное Суворов уже сделал. Человек моноидеи, он уже сдвинул сознание миллионов людей. Мое в частности. Ученики пойдут... уже пошли дальше учителя; они будут давать объяснения страшной военной эпохе, ссылаясь на «Ледокол».

Впереди еще момент, когда Суворову настанет пора поставить памятник или уж хотя бы повесить мемориальную доску. Мы не обязаны быть зверски серьезными в любой момент времени... Лично я бы изобразил Суворова с котом Михаилом под мышкой.

Почему это опасно?

На первый взгляд, довольно забавны потуги бороться с «ревизионизмом», то есть с переосмыслением хода и содержания Второй мировой войны путем шельмования

«ревизионистов» или «противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Смешно и глупо — не более.

В действительности такие попытки не только отвратительны с точки зрения морали и нравов цивилизованного общества, но и очень опасны.

Во-первых, никакие исторические вопросы тем самым не снимаются, проблемы не разрешаются, знания не появляются. «Знание» и «изучение» истории сводятся к произнесению ритуализованных формул, выполняющих принципиально такую же роль, как молитвенные формулы-заклинания язычника.

А все, что породило истеричную реакцию властей, осталось на месте неразрешимым проблемным комком.

Во-вторых, даже «запреты на профессии» — намного меньший откат к правовым и культурным нормам Средневековья, чем «запреты на мнения». Они идут вразрез с тем уровнем интеллектуальной и гражданской свободы, которые уже достигнуты во всем мире и составляют часть цивилизованной жизни. Это право и на получение любой, в том числе нелицеприятной, информации, и на высказывание своего отношения к событиям, и на то, чтобы находиться в меньшинстве, не подвергаясь шельмованию или репрессиям.

В-третьих, сознание россиянина шизофренически раскалывается: в точности как в недоброе советское время. Тогда надо было верить, что за нерушимый блок коммунистов и беспартийных проголосовали 99, 98% избирателей. Теперь надо верить, что Красная Армия летом 1941 г. шла в бой с плохими старыми ружьями и потому проиграла. При коммунистах нельзя было знать, что Красную Армию создал Троцкий, и не надо было думать о роли ЧК. Теперь нельзя знать о массовом коллаборационизме и не стоит задумываться, как попали в плен к нацистам несколько миллионов солдат и офицеров Красной Армии. Такое же расщепление сознания.

В-четвертых, россиян заставляют отождествлять себя с солдатами Красной Армии 1941—1945 гг. Мир изменя-

ется — а население страны должно жить по мифу времен если не Сталина, то Брежнева. Опять раскол сознания, человек застревает между эпох.

В-пятых, из россиян выращивают носителей агрессивной групповой идеи — что-то вроде членов тоталитарной секты. Опять же раскол — только теперь между Россией и остальным миром.

Впрочем, выращивать свои локальные модели исторических событий стараются и другие государства. Если вырастят — получится крайне плохо. Уже потому, что различия в понимании исторических событий разведут людей так далеко, что договариваться им станет непросто. И останется только воевать.

Какую историю Второй мировой
нам предстоит написать?

Сам Суворов высоко оценил работы Марка Солонина. Как часть той истории ВОВ, которую нам еще предстоит написать. Какой же должна быть эта история?

Несомненно, Вторая мировая война была войной могучих государств. В ней приняло участие 61 государство, из которых 37 приняли непосредственное участие в боевых действиях. На территории этих стран проживало свыше 80% населения земного шара. Военные действия охватили территории 40 государств.

История ВОВ — это история целей каждого из этих государств и их блоков. Это история их действий — экономических, дипломатических и военных.

Для всех государств-участников цели этой войны больше походили на задачи гражданской войны, чем на задачи национальной.

Во Второй мировой войне участвовали государства с разным политическим строем. Каждое из них стремилось навязать свой политический строй побежденным.

Национальные войны не велись за изменение политического строя. Первая мировая война 1914—1918 гг.

велась за престиж и богатства своих народов. Немцы и австрийцы хотели стать главными в Европе, а тем самым и в мире. Они хотели отбить у англичан и французов как можно больше колоний, чтобы самим грабить Африку и Южную Азию. Англичане и французы воевали за то, чтобы остаться главными в Европе, а тем самым и в мире. Они сами хотели продолжать основывать рудники и плантации в Индонезии и в Африке.

Во время Второй мировой войны и СССР и Третий Рейх не были национальными государствами. Это были идеологические империи, объединявшие людей разных народов и разных цветов кожи. Эта война велась не только и не столько за международный статус и богатство, сколько за право нести и навязывать свою идеологию всему человечеству.

Ни одно государство, участвовавшее во Второй мировой войне, не сохранило прежний политический строй.

После Второй мировой войны изменились не только международная политическая система, границы и сферы зон влияния. Изменилась политическая карта внутри всех государств-участников. Говорить об этом до сих пор считается очень неприличным, но это так.

Война народов

Воевали государства. Но в ходе Второй мировой войны АБСОЛЮТНО ВСЕ народы Европы вели и гражданские войны. Это были войны между гражданами одной страны, с разными политическими убеждениями и разными представлениями о желательном будущем. Во многих странах (Франция, Польша, Советский Союз, Венгрия, Болгария, Испания, Австрия) гражданская война была не менее жестокой, чем война национальная.

Во время национальных войн на полях сражений встречаются подданные разных государств, давшие присягу своей национальной армии. Германская империя воевала в 1914—1918 гг. с Французской вовсе не из идей-

ных соображений. Государства утверждали свою власть, доказывали, какое из них сильнее. Верноподданный гражданин честно помогал своему государству.

Во время национальных войн перебежчиков и предателей всегда единицы. Они предают или из страха смерти, или из самых подлых, шкурных побуждений, прельстившись на деньги. Все армии используют предателей, но их никто никогда не уважает. А если «свои» ловят предателя, его жизненный путь быстро заканчивается на виселице.

Во время Второй мировой войны не было народа, представители которого не воевали бы друг с другом в составе разных армий. Даже маленькие народы ирландцев, сербов, чеченцев, крымских татар и болгар воевали друг с другом, надевая форму вермахта или Красной Армии. Эти люди расходились по разным враждующим армиям не потому, что им платили деньги, а потому, что таковы были их убеждения.

Если в стране были свои вооруженные силы, то разные армии одного народа воевали на разных сторонах фронта. И тоже совсем не потому, что прельщались на денежки.

Друг с другом такие армии одного народа воевали еще более яростно, чем с вермахтом и Красной Армией. В Польше Армия Крайова и Армия Людова вели кровопролитные сражения. Во Франции коммунисты, сторонники де Голля и сторонники согласия с Гитлером воевали с применением танков и артиллерии. Такие же бои вели коммунисты и фашисты, коммунисты и национальные армии в Греции, Италии, Венгрии, Украине, Индии, Китае, странах Юго-Восточной Азии.

Каждая победившая сила объявляла «предателями» своих врагов. Но речь идет явно не о «предателях» национальных интересов. А о разном понимании этих национальных интересов. Армия Крайова не предавала Армию Людову. Французские коммунисты не предавали голлистов.

Изменять политический строй в разных странах Европы начали не в 1941 и не в 1939 г. Это начали делать разные политические силы во время Первой мировой войны, в 1916—1918 гг. Толчком для этого стала Первая мировая война. С 1914 г. мир вступил в полосу сплошных войн за передел мира и революций за изменение политического строя. Мир вынырнул из этой полосы только после 1945 года. А за 21 год между 1914 и 1945 годами мир неузнаваемо изменился.

Как герой сказки, ныряющий в кипящее молоко или в кровь, мир вынырнул из этой кровавой «полосы» совершенно другим! Нет ни одной страны, в которой за эти 21 год не изменился бы политический строй. Он изменялся в разной степени, но ни одна страна и ни один народ мира не остались такими же, какими были до 1914 г.

Вторая мировая война доделала то, что не доделали после Первой мировой. После нее возник мир сравнительно стабильный и спокойный. Мировая послевоенная система просуществовала с 1945 по 1989 год — вдвое больше, чем длилась вся кровавая полоса.

На фоне этого двадцатилетия Вторая мировая война — только завершающая фаза Мировой гражданской войны.

Мировая гражданская война

Историки иногда спорят: прогремели на свете две Мировые войны, 1914—1918 и 1939—1945 гг.? Или это была только одна Мировая война, но с большим, сравнительно мирным, перерывом между активными фазами?

Но можно спросить и иначе... Можно спросить и о числе Гражданских войн. С 1917, даже с 1916 г.

Было их много в разных странах, с разными датами, или все это одна, растянувшаяся во времени, грандиозная Мировая Гражданская война 1914—1945 гг.? В этой Мировой Гражданской войне Гражданская война в России

1917—1922 г. — только один из эпизодов. Вторая мировая война — тоже один из эпизодов.

На мой взгляд, вопрос только в одном: считать ли Мировой Гражданской войной весь период 1914—1945 гг. или только 1939—1945?

Примечания

¹ Новоселова Е. Правда о войне и мире. Как государство собирается бороться с фальсификацией истории // Российская газета. Федеральный выпуск № 4913 (89) от 20 мая 2009 г.

² Россия — XX век. Документы. 1941 год. Книга 1. М., 1998.

³ Хазанов Д. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М.: Эксмо, 2007.

⁴ <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=molotov1>

⁵ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Послесловие С. Кулешова. М., 1991.

⁶ Жуков Г. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 119.

⁷ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 2004.

⁸ Крысин М. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939-1945. М, Вече, 2004.

⁹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: 1947. С. 9-17.

¹⁰ Кульков Е., Мялков М., Ржешевский О. Война 1941—1945 / Под ред. О. А. Ржешевского. — М., 2005.

¹¹ Норден А. Уроки германской истории. М., 1948.

¹² Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. М., 2000.

¹³ Гитлер А. Моя борьба. М., 2002.

¹⁴ Bracher K. D. Die deutsche Diktatur: Entstehung Struktur Folgen des Nationalsozialismus. Koeln, 1972.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. М., Политиздат, 1955. С. 177.

¹⁶ Второй конгресс Коминтерна. М., Партиздат, 1934. С. 556.

¹⁷ 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М.-Л., Госиздат. 1929. С. 16.

¹⁸ <http://history.sgu.ru/events/?eid=47>

¹⁹ БСЭ. Издание второе. Т. 9. М., 1951. С. 358.

²⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

²¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (в 6 томах). — М.: Воениздат, 1960—1965.

- ²² Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. Глав. ред. М.М. Козлов. М., 1985.
- ²³ *Емельянов Ю.* Десять сталинских ударов. Триумф генералиссимуса. М.: Эксмо, 2006.
- ²⁴ 50 лет Вооружённых Сил СССР. М., 1968.
- ²⁵ Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Bd. 4. Nurnberg, 1947. S. 536.
- ²⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (в 6 томах). Том 1. М.: Воениздат, 1960.
- ²⁷ *Нечкина М.В., Лейбенгруб П.В.* История СССР. Учеб. пособие для 7-го кл. 259 с. ил.: 8 л. ил., карт. 22 см. М., 1966—1979 (13 изданий).
- ²⁸ История СССР. 1917—1978: учеб. пособие / И. Б. Берхин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Высш. шк., 1979. - 664. - 80 000 экз.
- ²⁹ *Ратьковский И.С., Ходяков М.В.* История Советской России. — СПб.: Издательство «Лань», 2001.
- Отечественная история (1917—2001): учебник / [А. В. Венков и др.]; отв. ред. И. М. Узнаровдов. — М.: Гардарики, 2002.
- ³⁰ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1950.
- ³¹ *Ибатуллин Т. Г.* Война и плен. СПб., 1999. С. 233.
- ³² *Ибатуллин Т. Г.* Война и плен. СПб., 1999. С. 239.
- ³³ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 2004.
- ³⁴ *Руге Ф.* Война на море 1939—1945. Перевод с немецкого. М., 1957. С. 209.
- ³⁵ Военно-исторический журнал 1992. № 1 и 2.
- ³⁶ Россия — XX век. Документы. 1941 год. Книга 1. М., 1998.
- ³⁷ *Мельтюхов М. А.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000.
- ³⁸ *МакДауэлл Дж., Ловенталь М.* Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина—Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 235.
- ³⁹ *МакДауэлл Дж., Ловенталь М.* Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина—Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 243.
- ⁴⁰ *Шаули М.* Война Гитлера изнурит Европу, которая потом станет нашей легкой добычей // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 368—370.

⁴¹ *Шпанов Н. Н.* Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

⁴² *Гранин Д.* Прекрасная Ута \\\ Наш комбат. М., 1989.

⁴³ Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года // Коммунистический Интернационал. № 7—8, с. 10.

⁴⁴ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9-17.

⁴⁵ Гысторыя Бялоруси. Минск, 1999.

⁴⁶ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Т. 2. М., 1973.

⁴⁷ *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976.

⁴⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (в 6 томах). Том 1. М.: Воениздат, 1960.

⁴⁹ *Лорд У. Л.* День позора. Невероятная победа. М., 1996.

⁵⁰ *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1999.

⁵¹ БСЭ. Т. 9. С. 359.

⁵² История СССР. 1939-1997. М., 2009.

⁵³ Der Nummerger Hauptkriegsverbrecherprozess 18. Oktober 1945 № 1. Oktober 1946. 2 Auflage-Herausgeber: Stiftung Topographie des Terrors. Druck DMP Digital — & Offsetdruck GmbH. 2006.

⁵⁴ *Bryan Mark Rigg.* Hitlers Juedische Soldaten. Paderborn—Muenchen—Wien—Zuerich, 2003).

⁵⁵ Крестовый поход на Россию: Сборник статей. М.: Яуза, 2005.

⁵⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг. М.: Изографус, 2002.

⁵⁷ *Хёне Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., Олма, 2003.

⁵⁸ <http://www.rusidea.ru/?part=153&id=2913>

⁵⁹ Перечень объединений и соединений Советских Вооруженных Сил, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., М.: Воениздат, 1993.

Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978.

⁶⁰ *Зильбербрандт М. И.* Песня на эстраде // Русская советская эстрада. М., 1976.

⁶¹ *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 97.

⁶² Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. — М., 1996. — С. 45.

⁶³ *Ueberschar Gerd R., Wette Wolfram.* Unternehmen Barbarossa: Der Deutsche Überfall Auf Die Sowjetunion, 1941 Berichte, Analysen, Dokumente. — Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984. - P. 364-366.

⁶⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг. М., Изографус, 2002.

⁶⁵ Д'Анкос Эллен Каррер. Расколотая империя. Национальный бунт в СССР. Лондон: Oversear publications interchange Ltd, 1982.

⁶⁶ Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., Интрада, 2001.

⁶⁷ Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, «Хроника», 1978.

⁶⁸ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. — М., 1996. — С. 45.

⁶⁹ БСЭ, т. 13. М., 1973. С. 514.

⁷⁰ Смирнов С. С. Брестская крепость. М., 1964.

⁷¹ Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину. М., 2009.

⁷² Веревкин С. Н. Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 11.

⁷³ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 2001.

⁷⁴ *Stalin J.* Fragen des Leninismus, Berlin 1951, S. 692.

⁷⁵ Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1994.

⁷⁶ Гордиенко А. Н. Командиры Второй мировой войны. Т. 1-2. Минск, 1997-1998.

⁷⁷ Суворов В. День «М». М., 2005.

⁷⁸ Суворов В. Ледокол. М., 2005.

⁷⁹ Суворов В. Самоубийство. М., 2005.

⁸⁰ Суворов В. СССР готовился не к той войне. Беседа с Дмитрием Хмельницким // Великая отечественная катастрофа. М., 2009. С. 109.

⁸¹ Суворов В. Самоубийство. М., 2005. С. 7—8.

⁸² Суворов В. Где же официальная история?! // Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2010. С. 9—21.

⁸³ Буровский А. М. Великая гражданская война. 1939—1945. М., 2009.

⁸⁴ Суворов В. Самоубийство. М., 2005. С. 9.

⁸⁵ Солонин М. На мирно спящих аэродромах... М., 2007.

⁸⁶ Солонин М. 23 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2008.

⁸⁷ Солонин М. 23 июня: «День М». М.: Яуза, Эксмо, 2007.

⁸⁸ Бровкина В. Я. «Через правду о Второй мировой войне — к миру» // Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции. СПб., 2010. С. 5.

⁸⁹ Там же, с. 6.

МИФ О НЕГОТОВНОСТИ

Во времена моей юности не было в истории ничего более скучного, чем история Великой Отечественной войны Советского Союза. В любом ее варианте на авансцене стояло бесконечно мудрое партийное коллективное руководство, которое отчего-то ассоциировалось с погребенным под килограммами орденов брежневско-сусловским Политбюро ЦК КПСС. На втором плане блистала маршалскими и геройскими звездами когорты воспитанных партией, непогрешимых советских полководцев, опирающихся «на единственно научную теорию познания — марксистско-ленинскую методологию» и благодаря этому освоивших в совершенстве вершины оперативного искусства, в принципе недоступные «реакционным» буржуазным полководцам, вышеозначенным методом не владевшим. Далее сплоченно выступали массово героические труженики фронта и тыла, десятками и сотнями ложившиеся на амбразуры, бросавшиеся под гусеницы танков, все время что-то таранившие, проводившие «дни и ночи у мартеновских печей», и все как один беззаветно преданные делу защиты завоеваний социализма. Где-то на задах выламывался из декорации выпукло зримый, как ни старались его зашпаковать, Верховный Главнокомандующий со своим «культом».

Захлопывая очередной том бесконечно однообразных «воспоминаний», а также «размышлений», я с увлечением окунался в античную историю: деяния Кира Великого, Мильтиада, Кимона или кого-нибудь из двенадцати Цеза-

рей — вот где кипели страсти и настоящая человеческая жизнь.

Пока пятнадцать лет назад Виктор Суворов не бросил в хрустальную витрину булыжник своего «Ледокола».

Суворов до самого дна взбаламутил застоявшееся болото истории Великой Отечественной войны, одновременно поставив тем самым в нелепую позицию целые поколения советских историков. Он замахнулся на «святое», объявив, что разоблаченный съездами и пленумами, но оттого ничуть не менее любимый товарищ И.В. Сталин со свойственной ему тщательностью сам готовил вероломное нападение на Германию, однако Гитлер, как истинный революционер, первым успел ударить противника по черепу. Всего-то.

Казалось бы, что в этом допущении такого уж еретического? Чему оно противоречит?

Идеологии классиков большевизма, провозгласивших любую войну против «отсталых государств», любого, не понравившегося им соседа оправданной и справедливой?

Моральным принципам товарища Сталина, не признававшего никакой морали, кроме той, которая «способствует делу революции»?

Миролюбивой политике СССР? То-то всю «дружбу» с Гитлером порушили, требуя от него права на оккупацию/освобождение территорий Финляндии, Румынии, Болгарии и Черноморских проливов.

Публикации Суворова развернули в нашем обществе невиданную ранее дискуссию. Сколько авторов благодаря ему сделало себе имя, сочиняя «Антиледоколы» и «Антисуворовы», сколько защищено диссертаций, даже романы написаны, сколько копий сломано!

Как у всякого увлеченного своей идеей автора, в аргументации Суворова есть факты, которые могут показаться притянутыми за уши, другая часть доводов может толковаться двояко. Но если он прав, все аргументы ложатся «в цвет», как укладывались в таблицу Д.И. Менделеева предсказанные им элементы. Притом нельзя забывать,

что «Ледокол» написан в тот период, когда большинство наших граждан все германские самоходки считало «фердинандами», а истребители — непременно «мессершмиттами», совершенно нереальным делом было найти справочник по немецкой или советской военной технике. Зато теперь, спасибо Суворову, мы так много узнали о колесно-гусеничных и прочих танках. Для ради нас, чтобы хоть как-то уконтрапунить «перебежчика Резуна», рассекретили сугубо тайную индексацию, присваиваемую мирным советским «паровозам» и «сеялкам» с вертикальным взлетом. Теперь любой желающий может убедиться, что не было никакого автострадного танка, а все рассуждения о нем — это «большая ложь маленького человечка». Где же прятались эти просветители раньше? Ждали очередного постановления партии об исторической науке?

Когда генерал армии И.А. Плиев врал советским читателям о том, на какой ерундовой ленд-лизовской технике приходилось ему воевать — крайне ненадежных «английских танках «Шерман», представлявших собой «братскую могилу на четверых», никто не бросался объяснять, что американский «Шерман» с экипажем из пяти человек был одним из лучших и надежнейших танков Второй мировой войны, никто не обвинил усмирителя Новочеркасска в военной безграмотности. Понятное дело — «большой человек», сам своих мемуаров не писал и не читал, танки терял бессчетно, разве все типы запомнишь, займут, чего доброго, всю генеральскую память.

Суворов внятно ответил на вопросы, которые было бессмысленно задавать нашим «корифеям»: все равно ответ получишь дурацкий. Например, почему немцы оказались под Москвой? А это Иосиф Виссарионович, «величайший вождь и полководец», специально их туда заманил, — объяснял генерал П.А. Жилин, заслуженно возглавивший Институт военной истории, — в рамках сталинского учения о контрнаступлении, чтобы тем вернее «загубить» лучшие силы германской армии. И под Сталинград тоже «гениально заманил», — вторил А.М. Самсонов и не прогадал,

вышел в академики. Опять же, никто не сказал, что от сих теорий за версту несет продажностью и холопством — как не понять, «время было такое». Впрочем, для придворных лизоблюдов, считающих своим священным долгом учить нас «патриотизму», оно всегда было подходящим.

Чтобы опровергнуть Суворова и положить «конец глобальной лжи», было опубликовано столько архивных документов, что, как говорится, вам и не снилось все предыдущие сорок лет. Только за это я готов снять перед Владимиром Богдановичем шляпу, если бы когда-нибудь ее носил.

И, главное, все «Антиледоколы», повествующие о паническом страхе Сталина перед германской агрессией или разбирающие до винтиков устройство различных танков и самолетов, ничего, по сути, не опровергли. Допустим, не было «автострадных танков». В них ли дело?

Развитие РККА в 1939—1941 гг. было фактически скрытым мобилизационным развертыванием, которое должно было привести к созданию армии военного времени численностью в 8,9 миллиона человек.

Большая часть запланированных сил уже была сформирована или заканчивала формирование к лету 1941 г.

Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, ук-репрайоны на новой границе, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 арtpолка РКГ, должен был завершить отмобилизование в течение 2—6 часов с момента объявления мобилизации. Основная часть войск развертывалась на 10—15-е сутки, полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15—30-е сутки. Главной задачей советских дивизий у границы было прикрытие сосредоточения и развертывания своих войск и подготовки их к переходу в наступление.

8 марта было принято постановление Совнаркома, согласно которому предусматривалось провести скрытное отмобилизование 903,8 тысячи военнослужащих запаса под видом учебных сборов. Эта мера позволила к началу июня призвать 805,2 тысячи человек.

Весной 1941 г. вермахт повернул на юг, на Балканы и Средиземноморье, осуществил десантную операцию на Крит — репетицию высадки на Британские острова, демонстрировал подготовку в операции «Морской лев».

В апреле началось скрытое стратегическое развертывание Красной Армии, которое должно было составить завершающий этап подготовки к войне.

Именно с апреля, когда вермахт занимался завоеванием Югославии и Греции и ничем не угрожал стране победившего пролетариата, Сталин стал панически опасаться «провокаций». До этого наши военные на них вполне «поддавались», не страшась никаких «осложнений». Например, адмирал Н.Г. Кузнецов рассказывает: «В конце февраля и начале марта немецкие самолеты снова несколько раз нарушили советское воздушное пространство. Они летали с поразительной дерзостью, уже не скрывая, что фотографируют наши военные объекты... Я предложил Главному морскому штабу дать указание флотам открывать по нарушителям огонь без всякого предупреждения. Такая директива была передана 3 марта 1941 г. 17 и 18 марта немецкие самолеты были несколько раз обстреляны над Либавой...

...перечитывая сейчас донесения с флотов, нахожу среди них доклады, и в частности от командующего Северным флотом А. Г. Головкин, что зенитные батареи открывают огонь по немецким самолетам, летающим над нашими базами. Кстати говоря, **Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил**, так что фактически в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших «чайках»... Глупо заниматься уговорами бандита, когда он лезет в твой дом.

После одного из таких случаев меня вызвали к Сталину. В кабинете, кроме него, сидел Берия, и я сразу понял, откуда дует ветер. Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям. Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня.

Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение.

Главный морской штаб дал **1 апреля новую директиву**: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы».

С апреля 1941 г. начался полномасштабный процесс сосредоточения в западных округах выделенных для войны с Германией 247 дивизий (81,5% наличных сил РККА). После мобилизации резервистов и доведения численности до полных штатов они насчитывали бы свыше 6 миллионов человек, около 70 тысяч орудий и минометов, свыше 15 тысяч танков и 12 тысяч самолетов. С 12 апреля началось выдвижение к западной границе четырех армий, созданных из войск из внутренних округов, готовилось выдвижение еще трех армий, которые должны были завершить сосредоточение к 10 июля. Эти армии, объединявшие 77 дивизий, составляли второй стратегический эшелон. 12—16 июня Генштаб приказал штабам западных округов начать под видом учений скрытное выдвижение вторых эшелонов армий прикрытия и резервов округов, которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20—80 км от границы.

Понятно, что эти приготовления были окружены завесой строжайшей секретности и обеспечивались мощной дезинформационной кампанией. К примеру, из дневников Ф. Гальдера следует, что немцы так и не вскрыли наличие в Белостокском выступе ударной советской группировки (10-я армия) в составе двух стрелковых, одного кавалерийского и двух механизированных корпусов — почти 1500 танков. Да что говорить, если наличие у русских танков Т-34 и КВ, принятых на вооружение в 1939 году, участвовавших в войне с Финляндией, оказалось для немцев сюрпризом.

Режим маскировки распространялся даже на Коминтерн, которому было отказано в публикации воззвания к 1 мая 1941 г. с обстоятельным анализом международного положения на том основании, что это «могло раскрыть

наши карты врагу». Вообще в апреле — июне советское руководство вело столь осторожную внешнюю политику, что это дало ряду авторов повод говорить о политике «умиротворения Германии». Дескать, Сталин боялся Гитлера. Еще круче: «Сталин знал, что весной и летом 1941 г. армия не была готова к войне... Неготовность армии к войне явилась причиной стремления Сталина оттянуть сроки начала войны. В конце концов он убедил себя в том, что войны в 1941 году не будет».

Вот странность: Сталин боялся «спровоцировать» германское нападение и одновременно выдвигал на запад 77 дивизий второго стратегического эшелона, в прямое нарушение секретных договоренностей приказал сформировать 238-ю стрелковую дивизию, «укомплектованную личным составом польской национальности и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе Красной Армии». С какой целью? Для парада в «освобожденной» Варшаве? Это ли не «провокация»?

С чего бы Сталину бояться? Он обладал всей полнотой информации о силах вермахта и возможностях германской промышленности. Он имел перед собой цифры. Он знал, что советская боевая техника значительно превосходит германскую количественно и не уступает ей качественно. Он верил, что по боевой выучке красноармейцы и их командиры не уступят германским солдатам и офицерам. Он собирался напасть внезапно, в самый выгодный момент огромными силами. Он прекрасно понимал, что в случае выступления СССР против Германии неизбежно получит в союзники Англию и Соединенные Штаты. Он вполне логично рассуждал, что нападение на Советский Союз — самоубийственная затея, на которую Гитлер никогда не пойдет. Одно только не могло прийти в голову «вождю всех народов» — что Гитлер не считает его серьезным противником, так же как и «непобедимую и легендарную» Красную Армию, и собирается разгромить СССР за четыре недели. Привыкнув играть в свои игры со скулящими «старыми большевиками», ломать волей

все преграды, иметь дело с подобоострастными ничтожествами, Иосиф Виссарионович дал маху в психоанализе германского фюрера. У Адольфа была своя логика, имелись свои планы, «дух Ильича» на челе Сталина не повергал его в трепет, как Н.И. Бухарина.

Откуда Сталин мог знать о «неготовности армии»? Совсем наоборот.

По свидетельству адмирала Н.Г. Кузнецова: «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на приграничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу».

На приеме в Кремле в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г. вождь уверенно заявил: «Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий... Война против Германии неизбежно перерастет в победоносную народно-освободительную войну».

Победы германской армии в Европе советское руководство объясняло слабостью противников, немецким нахальством и численным превосходством. С Красной Армией подобный номер не пройдет: «Все то новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армией, не так уж сложно и теперь воспринято и изучено ее противниками, так же как не является новостью и вооружение германской армии. На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к даль-

нейшему улучшению военной техники. Если в начале войны Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас... военно-техническое преимущество Германии постепенно уменьшается». То есть, с точки зрения товарища Сталина, ничего особенного вермахт из себя не представлял.

К середине мая был готов окончательный план будущей войны.

В этом документе прямо была сформулирована мысль о том, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Таким образом, основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых на границе войск западных округов завершит сосредоточение на театре военных действий сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление.

Поскольку никаких документов по плану «Барбаросса» советской разведке добыть не удалось, задуманная Сталиным война не являлась превентивной. «Величайший стратег всех времен» не верил в германское нападение на Советский Союз и считал, что «для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть, и они должны сначала завоевать ее, и, во-вторых, им необходимо ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англии или заключить с ней мир». Отсюда делался вывод, что Гитлер двинет вермахт либо на Ближний Восток, либо на Британские острова, но не пойдет на риск затяжной и безнадёжной для него войны с «великим и могучим», имея в тылу Англию.

В целом видно, что в советских планах отсутствовала всякая связь действий РККА с возможными действиями противника. Отсюда вырисовывается сценарий начала войны: под прикрытием войск западных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на За-

падном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции. Завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по Южной Польше.

Немецкие войска в советских планах обозначены термином «сосредоточивающиеся», а значит, инициатива начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая первой начинает и заканчивает развертывание войск на театре. Переход в наступление был привязан не к ситуации на границе, а к моменту сосредоточения назначенных сил — это 20-й день начала развертывания.

Войскам ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало «первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин, и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, река Нарев, Лович, Лодзь, Крецбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь: наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении с целью разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией Южной Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице...» Для обеспечения мощного первого удара основные силы планировалось развернуть в восемнадцати армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений. В тылу у них развертывались семь армий второго стратегического эшелона, а за ними — еще три армии третьего стратегического эшелона. Роль ударных подвижных группировок должны были сыграть 29 механизированных корпусов, по 1031 танку в каждом, формирование которых началось в июне 1940 г.

К лету 1941 г. Вооруженные Силы СССР были крупнейшей армией мира. К началу войны в них насчитыва-

лось 5774,2 тысячи человек, из них в сухопутных войсках — 4605,3 тысячи, в ВВС — 475,7, в ВМФ — 353,8, в погранвойсках — 167,6, во внутренних войсках НКВД — 171,9 тысячи человек. В сухопутных войсках имелось 303 дивизии, 16 воздушно-десантных и 3 стрелковые бригады. Войска располагали 117 581 орудием и минометом, 24 488 самолетами и 25 886 танками. В первой половине 1941 г. советская промышленность выпускала 100% танков и 87% боевых самолетов новейших типов, завершив переход только на выпуск этих образцов. Ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 гг. составил 39%, втрое превосходя прирост всей промышленной продукции в стране.

Одним словом, Сталин решил первую из важнейших задач: превратил-таки СССР в «базу для дальнейшего развития мировой революции».

20 мая «всесоюзный староста» Калинин заявил: «Капиталистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только каленым железом священной войны». В стране раздувался военный психоз, прикормленные трубадуры изнывали от нетерпения: «Когда ж нас в бой пошлет товарищ Сталин?» В общественном сознании формировалось представление о войне как об относительно безопасном и безусловно героическом занятии, закладывалась уверенность, что война начнется, когда мы пожелаем, и закончится, когда мы этого захотим.

27 мая издан приказ о создании полевых фронтовых командных пунктов.

При этом советское руководство знало о сосредоточении у границ Советского Союза германских войск, но, судя по всему, его это не слишком беспокоило. Сталин, а вместе с ним и посвященные в Большой план Тимошенко с Жуковым почти до самого 22 июня верили в оборонительный характер германских мероприятий и продолжали подготовку наступательной операции.

Например, в сводке разведывательного отдела штаба Западного Особого округа от 5 июня 1941 г. отмечали наращивание германских войск у границы. Но в выводах подчеркивалось, что усиление группировки происходит «преимущественно артиллерийскими и авиационными частями», причем одновременно немцы «форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО». Говорилось также, будто «антивоенные настроения в германской армии принимают все более широкие размеры». Подобные донесения, поступавшие в Генштаб, скорее должны были создать убеждение, что вермахт готовится к обороне против возможного советского вторжения, но сам на СССР в ближайшее время нападать не собирается.

18 июня Сталину передали донесение агентов из Германии о дислокации немецких истребителей и назначении будущих глав оккупированных русских земель. Ослепленный захватывающими дух перспективами, Освободитель Европы поставил резолюцию: «Можете послать ваш источник на...»

«Кремлевский горец» не сомневался, что Красная Армия сильнее вермахта и что бояться должен Гитлер. Бояться и, вполне естественно, принимать оборонительные меры против советского вторжения. Маршал Жуков в одном из вариантов бессмертных своих мемуаров так и пишет: «Помню, как однажды в ответ на мой доклад, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и военную разведку, И.В. Сталин сказал: «Они боятся нас». Сам Сталин опасался одного — спугнуть «зверя», и был озабочен лишь одним — до последнего момента сохранить тайну, не раскрыть раньше времени свои планы.

Германское командование в это время было обеспокоено аналогичными проблемами. Так, Геббельс 18 июня

(по случайному совпадению, в тот же день, когда была наложена историческая матерная резолюция) записал в дневнике: «Мы соблюдаем во всех вопросах, касающихся России, абсолютную сдержанность... Мы не должны позволить сейчас спровоцировать нас». И никто не делает вывода, что Гитлер боялся. Все понимают, что это — маскировка агрессором своих гнусных намерений.

С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание вывести фронтовые и армейские управления на полевые командные пункты. Советская подготовка выходила на финишный этап.

К 22 июня 1941 г. группировка советских войск первого эшелона на западе насчитывала 3088,2 тысячи человек, 57 041 орудие и миномет, 13 924 танка, 8974 самолета. Кроме того, в авиации флотов и флотилий имелось 1769 самолетов. Из состава второго эшелона к этому времени уже прибыли 16 дивизий — 10 стрелковых, 4 танковые и 2 механизированные, в которых насчитывалось 201,7 тысячи человек, 2746 орудий и минометов и 1763 танка.

В западных военных округах было сосредоточено 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7133 самолета. Кроме того, имелось 4 дальнебомбардировочных корпуса и 1 дальнебомбардировочная дивизия — всего 1339 самолетов. С 10 апреля начался переход на новую систему организации авиационного тыла. В апреле в западных округах были сформированы пять воздушно-десантных корпусов. 12 июня создано Управление воздушно-десантных войск. Одновременно шло развертывание тыловых и госпитальных частей. На стационарных складах и базах непрерывно шло накопление запасов.

До дня «М» оставались полторы-две недели.

. Можно бесконечно дискутировать на тему, собирался ли Сталин напасть первым. И сторонники, и противники этой версии приводят множество аргументов, которые на

самом деле почти ничего не доказывают и ничего не опровергают. Спор зашел в тупик по причине отсутствия документов. Российские архивы продолжают хранить секреты погибшей империи, тайны товарища Сталина. Хотя сам факт того, что оперативные планы Красной Армии на 1941 год до сих пор «не нашлись», наводит на размышления.

Во всяком случае, наши оборонительные мероприятия впечатления не производят. К примеру, из работ бывшего начальника штаба 4-й армии Западного ОВО генерала Л.М. Сандалова следует, что никакой обороны в приграничных районах не строили и обороняться не собирались: «кто решался задавать вопросы об обороне на брестском направлении, считался паникером». Не только на брестском. Ни окружные, ни армейские планы прикрытия создания тыловых фронтовых и армейских линий обороны не предусматривали. Конкретно войска 4-й армии готовились к форсированию Буга и наступлению к Висле. В марте — апреле штаб армии участвовал в окружной оперативной игре на картах. В ходе ее отрабатывалась фронтовая наступательная операция на Бяла Подляску. Подготовка шла поэтапно во всех командных звеньях. 21 июня прошло штабное учение 28-го стрелкового корпуса на тему: «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды», а на 22 июня было запланировано новое учение: «Преодоление второй полосы укрепленного района». Это — «армия прикрытия», так она собиралась «прикрывать».

Советские планы прикрытия изначально не предусматривали противодействия сосредоточению войск со стороны противника. Так, полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало по планам до 15 дней. Причем при нападении противника войска первого эшелона заведомо не успевали бы занять свои полосы обороны на границе. Снова Сандалов: «Взаимное расположение укрепленных районов и районов дислокации войск не обеспечивало в случае внезапного нападения противника своевременного занятия укрепле-

ний не только полевыми войсками, но и специальными уровскими частями. Так, например, в полосе 4-й армии срок занятия Брестского укрепленного района был определен округом для одной стрелковой дивизии 30 часов, для другой — 9 часов, для уровских частей — 0,5—1,5 часа. На учебных тревогах выявилось, что эти сроки являлись заниженными».

Таким образом, советский Генштаб исходил из такого варианта начала войны и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести отмотилизование: «Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного наступления превосходящих вражеских сил. Сущность тактического маневра сводилась к тому, что надо было быстро собраться и совершить марш к границе. Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою».

Лишь под влиянием ряда тревожных сигналов за несколько часов до германского нападения Сталин решил дать войскам знаменитую Директиву № 1 — «на провокации не поддаваться». С точки зрения повышения боеготовности в предвидении вражеской агрессии документ совершенно дурацкий. Но сталинские колебания можно понять: буквально две-три недели оставалось до начала «Грозы», может быть, действительно немецкие генералы некоей «разведкой боем» пытаются вскрыть группировку советских войск. Очень не хотелось раскрывать свои карты.

Поэтому вместо директивы о приведении войск западных округов в полную боевую готовность на случай войны Сталин велел дать короткую директиву с указаниями, что нападение может начаться с провокационных действий. Он еще надеялся, что удастся начать дипломатические переговоры и под их прикрытием завершить сосредото-

чение сил для наступления. Но здесь действительно «история отвела мало времени». Проведение мобилизации директивой не предусматривалось.

Маршал Баграмян, сообщая, что прием первой директивы в штабе КОВО продолжался около двух часов, разъясняет:

«Читатель может спросить, а не проще было бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий обусловленный сигнал, приняв который командование округа могло бы приказать войскам столь же коротко: ввести в действие «КОВО-41» (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15—20 минут. По-видимому, в Москве на это не решились».

В том-то и дело, за сигналом «КОВО-41» должны были последовать совершенно определенные действия, не имевшие отношения к отражению агрессии. Пока имелась надежда — а вдруг Гитлер блефует, войскам слались предупреждения вроде «ничего не предпринимать» и «границу не переходить».

Причина в том, что, вложив весь талант организатора и все силы в план «Гроза», других планов Сталин не имел. Никаких оборонительных операций советский Генштаб не планировал. Никаких планов на оборону, «красных пакетов», специальных «коротких» сигналов на этот случай в войсках не было. Внезапный удар противника большими силами не рассматривался даже теоретически, а значит, не имелось на этот счет никаких продуманных решений.

Вот флоту на первом этапе Большой войны наступательных задач не ставилось, и нарком ВМФ вместо дезориентирующих директив просто объявил флотам «Готовность № 1». Этого оказалось достаточно, чтобы моряки войну встретили подготовленными: они знали, что нужно было делать в этом случае, и сделали. Не могли Кузнецову помешать выполнить свои прямые функциональные обязанности ни Сталин, ни Жданов, курировавший флот, ни Тимошенко с Жуковым.

И еще один вопрос. А если бы Гитлер не напал на Советский Союз в 1941 г., что предпринял бы товарищ Сталин? Приказал бы дивизиям Уральского, Северо-Кавказского, Московского и прочих округов грузиться в эшелоны и отправляться обратно на зимние квартиры? Можно еще более упростить. Если бы вермахт совершил прыжок через Ла-Манш и вторгся в Англию, соблюдал бы в такой ситуации Советский Союз договор о дружбе с Германией? Положительный ответ рисует Сталина в роли наивного и доверчивого простака, чего просто невозможно представить.

Никто из критиков Суворова так и не сумел непротиворечиво объяснить логику действий советского руководства весной 1941 г., сути грозного движения гигантской советской военной машины на запад, красоту сталинского замысла, воплощавшегося в жизнь в полном соответствии с марксистско-ленинской «методологией».

И потому плавание «Ледокола» продолжается.

Содержание

<i>Виктор Суворов.</i> ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ	5
<i>Марк Солонин.</i> ТРИ ПЛАНА ТОВАРИЩА СТАЛИНА.....	71
<i>Хайнц Магенхаймер.</i> СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: НАСТУПАТЕЛЬНАЯ, ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ, ПРЕВЕНТИВНАЯ?.....	132
<i>Богдан Мусиаль.</i> «МЫ СХВАТИМ КАПИТАЛИЗМ ЗА ШИВОРОТ»	152
<i>Штефан Шайль.</i> «ЛЕТНИЕ МАНЕВРЫ» КРАСНОЙ АРМИИ 1941 ГОДА, ПЛАН ЖУКОВА И ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА»	180
<i>Миша Шаули.</i> «ВОЙНА ГИТЛЕРА ИЗНУРИТ ЕВРОПУ, КОТОРАЯ ПОТОМ СТАНЕТ НАШЕЙ ЛЕГКОЙ ДОБЫЧЕЙ».....	192
<i>Александр Гогун.</i> СЪЕЗД ВОИНСТВУЮЩИХ.....	204
<i>В.Л. Дорошенко, И.В. Павлова, Р. Ч. Раак.</i> НЕ МИФ: РЕЧЬ СТАЛИНА 19 АВГУСТА 1939 ГОДА.....	214
<i>Ричард Раак.</i> НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РЕЧИ СТАЛИНА 19 АВГУСТА 1939 г.....	243
<i>Ричард Ч. Раак.</i> «ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА»: СТАЛИНСКИЙ СЦЕНАРИЙ ВТОРОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ	263
<i>Мария Шарова.</i> «КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ» В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х ГОДОВ ...	293
<i>Борис Поварницын.</i> ПЕСНИ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ.....	325

<i>Кейстут Закорецкий. «СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ»</i> ДЛЯ ВСЕХ	338
<i>Александр Гогун. ГЛАВНАЯ ОШИБКА</i> СТАЛИНА.....	403
<i>Андрей Буровский. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ?</i> НЕТ, СОВЕТСКО-НАЦИСТСКАЯ.....	409
<i>Владимир Бешанов. МИФ О НЕГОТОВНОСТИ.....</i>	459

Научно-популярное издание

САМЫЕ ЗАПРЕТНЫЕ КНИГИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**Виктор Суворов
Марк Солонин
Владимир Бешанов**

УПРЕДИТЬ ГИТЛЕРА!

Сталин, бей первым!

Издается в авторской редакции

Ответственный редактор *Л. Галкина*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректоры *Н. Мочалина, О. Супрун*

ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: (495) 745-58-23, факс 411 -68-86-2253.

Подписано в печать 26.01.2012.

Формат 84x108^{1/32}- Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 4100 экз. Заказ 7827.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-9955-0384-2

9 785995 503842 >

Как сторонники, так и враги всегда считали Виктора Суворова «знаменем» антисталинизма, а его сенсационное открытие, что летом 1941 года Сталин готовился первым нанести удар по Германии, – главным обвинением против кремлевского диктатора и его агрессивной политики. Однако сам Суворов никогда не утверждал, что намерение напасть на Гитлера как-то компрометирует СССР и что этого следует стыдиться. Вот заключить союз с нацистами и вместе с ними делить Европу – да, постыдно. А открыто выступить против них – что в этом плохого? **«Точка зрения моих так называемых «оппонентов» оскорбительна и для всего нашего народа, и для нашей истории, – говорит Виктор Суворов в этой книге. – Их точка зрения аморальна. Получается, что Советский Союз вел войну с фашизмом вынужденно, что мы освободители Европы поневоле, антифашисты поневоле. Если бы Гитлер не напал, то мы бы так и оставались друзьями Гитлера, так бы и пили шампанское с ним, так бы и крушили вместе Европу... Моя концепция даже формально гораздо патриотичнее. Ведь очевидно благороднее намереваться порвать с Гитлером, чем в союзе с ним завоевывать остальной мир. Последний вариант гораздо более компрометирующий...»**

Подтверждая правоту Виктора Суворова, эта книга предоставляет неопровержимые доказательства подготовки Сталина к нападению на Германию, которые уже невозможно ни подвергнуть сомнению, ни опротестовать, ни замолчать!

ISBN 978-5-9955-0384-2

9 785995 503842 >